947.07
Д797

БИБЛІОТЕКА
СТАРШАГО ВОЗРАСТА.

1413.

1512

РЯЗАНСКАЯ МАРІИНСКАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗІЯ
№ 2522
IV 99

РЯЗАНСКАЯ МАРІИНСКАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗІЯ
№
IV 182

п 34 г.

ТРЕХСОТЪ-СОРОКА-ДЕВЯТИ-ДНЕВНАЯ

ЗАЩИТА

СЕВАСТОПОЛЯ.

ОБЩЕДОСТУПНО ИЗЛОЖИЛЪ

49 г.

Н. ДУБРОВИНЪ.

Изданіе Севастопольскаго отдѣла на политехнической выставкѣ, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1872.

L67
L76

Не веселую, братцы, вамъ пѣсню спою,
Не могучую пѣсню побѣды,
Что пѣвали отцы въ Бородинскомъ бою,
Что пѣвали въ Очаковѣ дѣды.

Я спою вамъ о томъ, какъ отъ южныхъ полей
Поднималося облако пыли,
Какъ сходили враги безъ числа съ кораблей,
И пришли къ намъ и насъ *побѣдили*,
А и такъ побѣдили, что долго потомъ
Не совались къ намъ съ дерзкимъ вопросомъ,
А и такъ побѣдили, что съ кислымъ лицомъ
И съ разбитымъ отчалили носомъ....

. . . . . .

Какъ за каждый клочекъ нашей русской земли
Намъ платили враги своей кровью;
Какъ подъ грохотъ гранатъ, какъ сквозь пламя и дымъ
Подъ немолчные, дикіе стоны —
Выходили редуты одинъ за другимъ
Грозной тѣнью росли бастіоны....
И одиннадцать мѣсяцевъ длилась рѣзня,
И одиннадцать мѣсяцевъ цѣлыхъ
Чудотворная крѣпость, Россію храня,
Хоронила сыновъ ея смѣлыхъ....

Пусть не радостна пѣсня, что я вамъ пою,
Да не хуже той пѣсни побѣды
Что пѣвали отцы въ Бородинскомъ бою,
Что пѣвали въ Очаковѣ дѣды!

Алексѣй Апухтинъ.

Получивъ приглашеніе написать общедоступную исторію трехсотъ-сорока-девяти-дневной защиты Севастополя и сознавая всю трудность такого исполненія, я изъявилъ согласіе принять на себя этотъ трудъ только при томъ условіи, чтобы мнѣ дозволено было читать рукопись, по мѣрѣ ея составленія, лицамъ принимавшимъ участіе въ защитѣ славнаго города.

Изъявивъ согласіе на выраженное мною желаніе, предсѣдатель севастопольскаго отдѣла на политехнической выставкѣ, генералъ-адъютантъ Александръ Алексѣевичъ *Зеленый*, подъ непосредственнымъ своимъ предсѣдательствомъ, пригласилъ къ слушанію слѣдующихъ лицъ: адмирала *Панфилова*, генералъ-лейтенантовъ: *Баумгартена*, *Менькова* и *Гарднера;* вице-адмирала *Керна;* контръ адмираловъ *Перелешина* и *Воеводскаго;* генералъ-маіоровъ *Леера*, *Шварца* и *Фролова;* полковниковъ *Крыжановскаго* и *Дельсаля* и капитана 1-го ранга *Асланбекова*.

Считаю долгомъ, настоящимъ заявленіемъ принести хотя слабую, но искренною мою благодарность всѣмъ этимъ лицамъ за тѣ замѣчанія, которыя были мнѣ сдѣланы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нахожу необходимымъ сказать, что при составленіи этого труда я пользовался слѣдующими источниками: «Описаніемъ обороны Севастополя», составленнымъ подъ руководствомъ генералъ-адъютанта *Тотлебена*; «Походными записками» *П. Алабина*; «Записками объ осадѣ Севастополя» *Берга*; «Севастопольскими воспоминаніями артиллерійскаго офицера»; «Матеріалами для исторіи обороны Севастополя», собранными *А. Жандромъ* и многими другими статьями, разбросанными по разнымъ книгамъ, журналамъ и газетамъ. Если при цитированіи я не указывалъ источника и имени автора, у котораго мною заимствованъ раз-

сказъ, то это потому только, что въ подобномъ сочиненіи всякія ссылки признаны неудобными.

Къ книгѣ приложено два плана: одинъ съ обозначеніемъ самаго города и окружающихъ его укрѣпленій, другой—окрестностей Севастополя. Оба они необходимы для лучшаго ознакомленія какъ съ славною защитою Севастополя, такъ и съ происходившими въ окрестностяхъ его полевыми сраженіями.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

ГЛАВА I. Причины войны Россіи съ Англіею, Франціею и Турціею. — Дѣятельность Черноморскаго флота. — Адмиралы Нахимовъ и Корниловъ. — Синопское сраженіе. 1

ГЛАВА II. Положеніе Севастополя. — Его значеніе въ исторіи русскаго народа.—Черноморскій флотъ. — Высадка союзниковъ на берега Крыма.—Сраженіе на рѣкѣ Альмѣ. — Первая помощь раненымъ. — Дарья Севастопольская. 22

ГЛАВА III. Положеніе Севастополя послѣ сраженія на рѣкѣ Альмѣ.—Укрѣпленіе города и горячее участіе въ томъ всѣхъ жителей. — Военный совѣтъ, созванный Корниловымъ. — Затопленіе кораблей на фарватерѣ севастопольскаго рейда. — Появленіе союзниковъ на сѣверной сторонѣ города. — Мѣры къ отраженію ихъ покушеній овладѣть укрѣпленіями сѣверной стороны. — Непріятель переходитъ на южную сторону города.—Укрѣпленія города съ южной стороны.—Освященіе укрѣпленій.—Дѣйствія союзниковъ. — Первое бомбардированіе Севастополя. — Смерть Корнилова 54

ГЛАВА IV. Послѣдствія бомбардированія 5-го октября. — Исправленіе укрѣпленій. — Дѣятельность севастопольскаго гарнизона. — Балаклавское и Инкерманское сраженія 79

ГЛАВА V. Дѣятельность севастопольскаго гарнизона, послѣ инкерманскаго сраженія. — Рескриптъ Императора. — Икона Спасителя присланная Императрицею. — Буря 2-го ноября. — Сидѣнье въ ямахъ и завалахъ. — Назначеніе генерала барона Остенъ-Сакена начальникомъ гарнизона, Нахимова его помощникомъ и кн. Васильчикова начальникомъ штаба. 107

ГЛАВА VI. Севастополь послѣ трехъ мѣсяцевъ осады. — Жизнь въ городѣ и на бастіонахъ. — Ночныя вылазки и ложныя тревоги 120

ГЛАВА VII. Новый годъ въ Севастополѣ. — Ночная вылазка съ 19-го на 20 е января. — Подвигъ матроса Шевченко. — Атака противъ Малахова кургана. — Заложеніе Селенгинскаго редута. — Генералъ Хрущевъ.—Отбитіе французовъ отъ Селенгинскаго редута. — Заложеніе Волынскаго редута и Камчатскаго люнета. — Кончина Императора Николая I.—Назначеніе князя М. Д. Горчакова 2-го главнокомандующимъ въ Крыму 135

ГЛАВА VIII. Отъѣздъ князя Меншикова и его приказъ по войскамъ.—Приказъ адмирала Нахимова по севастопольскому гарнизону. — Бой въ ложементахъ 5-го марта. — Смерть контръ-адмирала Истомина. — Бой въ апрошахъ въ ночь съ 10-го на 11-е марта. — Генералъ Хрулевъ. — Монахъ Іоаникій Савиновъ 150

ГЛАВА IX. Праздникъ св. Пасхи въ Севастополѣ. — Второе бомбардированіе 28-го марта. — Состояніе гарнизона и города послѣ бомбардированія. — Генералъ Семякинъ. — Приказъ Нахимова по флоту. 166

ГЛАВА X. Бой въ ложементахъ 19-го апрѣля. — Праздникъ Охотскаго полка. — Усиленіе гарнизона новыми полками.—Прибытіе въ Крымъ французскихъ резервовъ и корпуса сардинцевъ. — Назначеніе генерала Пелисье французскимъ главнокомандующимъ 188

ГЛАВА XI. Дѣло съ 10-го на 11-е мая. — Осада и защита по 26-е мая 194

ГЛАВА XII. Третье бомбардированіе Севастополя. —Штурмъ передовыхъ укрѣпленій 26-го мая.—Дѣятельность медиковъ и сестеръ милосердія 204

ГЛАВА XIII. Осада и защита съ 26-го мая по 5-е іюня. — Четвертое бомбардированіе Севастополя 5-го іюня. — Штурмъ 6-го іюня 223

ГЛАВА XIV. Положеніе Севастополя послѣ штурма. — Заслуги и дѣятельность гарнизона.—Жизнь на батареяхъ и бастіонахъ. — Русская удаль и молодечество. — Матросскій сынъ Пищенко. — Посѣщеніе Севастополя преосвященнымъ Иннокентіемъ.—Праздникъ Брянскаго полка. Осада и защита по 28-е Іюня. — Смерть адмирала Нахимова. — Его дѣятельность и заслуги. — Смерть лорда Раглана 246

ГЛАВА XV. Осада и защита по 4-е августа. — Сраженіе на р. Черной. — Подвигъ Шелкунова 269

ГЛАВА XVI. Пятое бомбардированіе Севастополя. — Геройская стойкость гарнизона. — Положеніе города. — Николаевская батарея. — Шестое бомбардированіе Севастополя. — Штурмъ укрѣпленій 27-го августа 290

ГЛАВА XVII. Отступленіе войскъ съ южной стороны города на сѣверную —Пожаръ города и взрывы батарей.— Приказъ главнокомандующаго.—Посѣщеніе Крыма Государемъ Императоромъ.—Высочайшій приказъ по крымской арміи. — Окончаніе военныхъ дѣйствій. — Заключеніе мира 333

I.

Причины войны Россіи съ Англіею, Франціею и Турціею. — Дѣятельность черноморскаго флота. — Адмиралы Нахимовъ и Корниловъ. — Синопское сраженіе.

Часть Палестины, въ которой находится Виѳлеемъ и Іерусалимъ съ ихъ окрестностями, извѣстна подъ именемъ Святыхъ Мѣстъ.

Находясь въ срединѣ турецкихъ владѣній, Святыя Мѣста всегда были и останутся священными для каждаго христіанина. Тамъ родился Господь нашъ Іисусъ Христосъ; тамъ проповѣдывалъ онъ свое ученіе, тамъ онъ страдалъ и умеръ за грѣхи рода человѣческаго, и наконецъ тамъ впервые появились послѣдователи Христа, его ученики-апостолы, распространившіе христіанство во всѣхъ концахъ вселенной. Понятно, что каждый истинный христіанинъ высоко чтитъ тѣ мѣста, гдѣ протекла земная жизнь нашего Искупителя.

Православный русскій народъ издавна отличался болѣе другихъ своею набожностію и благоговѣніемъ къ Святымъ Мѣстамъ. Отцы и дѣды наши считали за великое счастіе побывать въ Іерусалимѣ и поклониться Гробу Господню. Многіе изъ нихъ, въ виду такого высокаго блаженства, предпринимали трудныя и продолжительныя путешествія: шли пѣшкомъ нѣсколько тысячъ верстъ, плыли по морю, претерпѣвали голодъ и холодъ на чужой сторонѣ, подвергались насмѣшкамъ, но все таки достигали этого высокаго счастія. Такихъ вѣрующихъ-русскихъ всегда было много въ Іерусалимѣ. Отовсюду стекались они: съ сѣвера и юга, съ востока и запада, чтобы хоть разъ въ жизни взглянуть на колыбель христіанства, чтобы у подножія Гроба Христова принести теплую молитву и посильное пожертвованіе отъ трудовъ своихъ, на украшеніе святаго мѣста. По-

жертвованія эти шли на содержаніе основаннаго здѣсь монастыря и устроеннаго возлѣ него страннопріимнаго дома, гдѣ богомольцы находили пріютъ и отдохновеніе.

Почитаніе Святыхъ Мѣстъ сохранилось и у католиковъ, которые также приходили поклониться Гробу Господню и имѣли тамъ свои монастыри и заведенія для богомольцевъ.

Исповѣдуя христіанскую религію греческаго закона, которую исповѣдуютъ большая часть христіанскихъ подданныхъ Турціи (греки, сербы, молдаване и проч.), Россія всегда пользовалась бо́льшими преимуществами относительно Святыхъ Мѣстъ, чѣмъ всѣ прочія государства Европы.

Ей издавна принадлежало право покровительствовать и защищать отъ притѣсненій турокъ болѣе 14 милліоновъ христіанскаго населенія Турціи.

Россія не искала этого права,—оно пришло само собою.

Подчинивъ своей власти христіанское населеніе, турки, исповѣдуя магометанскую религію, стали преслѣдовать христіанъ до такой степени, что имъ было запрещено строить свои церкви, а въ тѣхъ, которыя были построены, разрѣшалось отправлять богослуженіе съ большими ограниченіями: не звонить въ колокола, не совершать крестныхъ ходовъ и проч. Съ теченіемъ времени притѣсненія эти еще болѣе увеличились. Христіанамъ не дозволялось собираться большими толпами для молитвы; во время службы въ церквахъ присутствовали турки, которые смотрѣли на церковь съ пренебреженіемъ: входя во храмъ, не снимали шапокъ, усаживались гдѣ хотѣли, смѣялись надъ образами и проч.

Христіане не смѣли противиться такимъ поступкамъ, потому что турки считали себя господами, а христіанъ рабами. Каждый христіанинъ при встрѣчѣ съ туркомъ обязанъ былъ первый поклониться, дать ему дорогу, если христіанинъ ѣхалъ, то долженъ былъ сойти съ телѣги или лошади для того, чтобы сдѣлать обычный поклонъ. Турокъ имѣлъ право отнять у каждаго христіанина понравившуюся ему жену или дочь и отправить ихъ въ свой гаремъ или помѣщеніе, гдѣ живутъ многочисленныя его жены. Словомъ

сказать, каждый турокъ, не считая христіанина человѣкомъ такимъ же каковъ самъ онъ, смотрѣлъ на него съ презрѣніемъ, и называлъ словомъ *гяуръ*—«собака».

Испытывая такія притѣсненія, христіане неоднократно обращались къ единовѣрной имъ Россіи съ просьбою о защитѣ.

Внимая просьбѣ несчастныхъ, Россія принимала горячее участіе въ облегченіи ихъ страданій. Послѣ каждой войны и побѣдъ надъ турками, русское правительство всегда выговаривало въ пользу христіанъ такія условія, которыя служили къ облегченію ихъ участи, и чрезъ то стала мало по малу покровительницею христіанъ въ Турціи.

Такое преобладаніе Россіи не нравилось другимъ государствамъ Европы, и въ особенности Франціи, какъ главной католической державѣ. Франція завидовала, что православное населеніе Турціи, а вмѣстѣ съ ними и Россія, господствовали въ Святыхъ Мѣстахъ передъ всѣми другими державами; завидовали тому, что въ распоряженіи однихъ только православныхъ были такія мѣста, куда не допускались католики.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, по подговорамъ Франціи, произошла ссора между православными и католиками за обладаніе и пользованіе Святыми Мѣстами. Причиною тому было искательство о допущеніи католиковъ въ Геѳсиманскую пещеру и требованіе выдачи имъ ключа отъ главныхъ дверей Виѳлеемскаго Храма. Въ распоряженіи католиковъ былъ ключъ отъ малыхъ дверей этого храма, но они не довольствовались этимъ и требовали отъ большихъ. Турецкое правительство уступило этимъ требованіямъ и, приказавъ передать ключъ католикамъ, лишило тѣмъ Россію и все православное населеніе Турціи тѣхъ правъ, которыми они издавна пользовались. Іерусалимскій патріархъ немедленно написалъ письмо къ Всероссійскому Правительствующему Синоду съ просьбою о защитѣ церкви и правъ православныхъ. Императоръ Николай I, какъ покровитель христіанскаго населенія Турціи, не могъ отказать въ этой просьбѣ. По требованію его, султанъ издалъ объявленіе, по которому всѣ права и преимущества право-

славныхъ оставались на прежнемъ основаніи, но опасаясь неудовольствія со стороны Франціи, приказалъ своему губернатору въ Іерусалимѣ. не приводить этого объявленія въ исполненіе.

Въ силу такого приказанія ключъ отъ большихъ дверей Храма Виѳлеемскаго оставался по прежнему въ рукахъ католиковъ, завладѣвшихъ храмомъ и удалившихъ изъ него православнаго священника, болѣе ста лѣтъ стоявшаго стражемъ у дверей этой святыни. Узнавъ о такомъ двуличіи турецкаго правительства, Императоръ Николай, для разрѣшенія вопроса о Святыхъ Мѣстахъ, отправилъ князя *Меншикова* чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь.

Христіанское населеніе Турціи съ нетерпѣніемъ ожидало пріѣзда русскаго посла, въ которомъ оно видѣло защитника ихъ вѣры отъ притѣсненій иноязычниковъ. Толпы любопытныхъ ежедневно собирались передъ домомъ русскаго посольства въ ожиданіи прибытія князя *Меншикова*.

Утромъ 16-го февраля 1853 года, въ день желаннаго пріѣзда, толпа еще болѣе увеличилась. Все пространство отъ пристани до дома русскаго посольства было занято любопытными. Толкамъ и пересудамъ о цѣли пріѣзда князя *Меншикова* не было конца.

Но вотъ вдали показался пароходъ, за нимъ другой, и громъ почетныхъ выстрѣловъ послу смѣшался съ восклицаніями собравшихся зрителей. Всегда сонные, лѣнивые и равнодушные жители Востока теперь встрепенулись и привѣтствовали князя *Меншикова* громкимъ кри комъ радости. Сойдя на берегъ, князь сѣлъ въ коляску и поѣхалъ въ домъ посольства въ сопровожденіи толпы, бѣжавшей за поѣздомъ и окружавшей его со всѣхъ сторонъ. По мѣрѣ того какъ онъ подвигался вдоль улицы, его всюду встрѣчали тѣ же радостные крики. Большинство зрителей снимало шапки и осѣняло себя крестнымъ знаменемъ, какъ бы прося у Бога успѣха въ исполненіи его порученія.

Князь *Меншиковъ* въѣхалъ во дворъ дома. Толпа окружила домъ со всѣхъ сторонъ и долго стояла она въ та-

комъ положеніи, будто прикованная, какъ будто угадывая будущее....

Встревоженное пріѣздомъ русскаго посла, турецкое правительство съ нетерпѣніемъ ожидало, какого рода требованія будутъ заявлены княземъ *Меншиковымъ*.

Русскій посланникъ, указавъ на двуличіе турецкаго правительства и на неисполненіе обѣщаній султана, требовалъ обезпеченія правъ православнаго населенія Турціи, подъ покровительствомъ Россіи. Онъ требовалъ, чтобы турецкое правительство разрѣшало строить православныя церкви вездѣ, въ Турціи, гдѣ бы ни пожелали наши единовѣрцы; чтобы въ окрестностяхъ Іерусалима было отведено приличное мѣсто для построенія русской церкви и подъ устройство госпиталя для бѣдныхъ больныхъ и богомольцевъ.

Турецкое правительство долго затруднялось, какъ отвѣчать на это требованіе. Боясь отказомъ оскорбить Россію, а согласіемъ Францію и другія католическія державы, оно не знало на что рѣшиться. Затруднительное положеніе Турціи прекратилось только тогда, когда Франція и Англія, желая унизить Россію, обѣщали защищать Турцію своими войсками. Получивъ такое обѣщаніе, правительство Порты приняло болѣе рѣшительное поведеніе. Князю *Меншикову* объявлено, что султанъ издастъ такое постановленіе, которымъ бы обезпечивались за христіанами въ Турціи всѣ ихъ привиллегіи духовныя и свѣтскія. Этимъ постановленіемъ утверждались такія преимущества католиковъ, которыхъ они прежде не имѣли, и уменьшались вѣковыя права православныхъ—словомъ сказать ублажалась Франція и оскорблялась Россія.

Очевидно, *Меншиковъ* не могъ согласиться на это и настаивалъ на своемъ. Турецкое правительство отказалось исполнить его требованіе, и русскій посолъ уѣхалъ изъ Константинополя, не получивъ удовлетворенія. Султанъ, опасаясь разрыва съ Россіею, искалъ помощи у Франціи и Англіи, которыя и двинули свои флоты къ предѣламъ Турціи, для ея защиты.

Въ свою очередь, Императоръ Николай I получивши от-

казъ въ своихъ требованіяхъ и, узнавъ о движеніи англо-французскаго флота, приказалъ русскимъ войскамъ занять Придунайскія Княжества, прилегавшія къ русскимъ границамъ и находившіяся во власти Турціи.

«Извѣстно любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ, писалъ Императоръ въ изданномъ манифестѣ, что защита Православія была искони обѣтомъ блаженныхъ предковъ нашихъ.

«Съ того самаго времени, когда Всевышнему Промыслу угодно было вручить намъ наслѣдственный престолъ, охраненіе сихъ святыхъ обязанностей, съ нимъ неразлучныхъ, было постоянно предметомъ заботливости и попеченій нашихъ; и они, имѣя основаніемъ кайнарджійскій договоръ, подтвержденный послѣдующими торжественными трактатами съ Оттоманскою Портою, всегда направлены были къ обезпеченію правъ церкви православной.

«Но, къ крайнему прискорбію, въ послѣднее время, вопреки всѣхъ усилій нашихъ защищать неприкосновенность правъ и преимуществъ нашей православной церкви, многія самопроизвольныя дѣйствія Порты нарушили сіи права и грозили, наконецъ, совершеннымъ ниспроверженіемъ всего увѣковѣченнаго порядка, столь православію драгоцѣннаго.

«Старанія наши удержать Порту отъ подобныхъ дѣйствій остались тщетными, и даже торжественно данное намъ самимъ султаномъ слово было вскорѣ вѣроломно нарушено.

«Истощивъ всѣ убѣжденія и съ ними всѣ мѣры миролюбиваго удовлетворенія справедливыхъ нашихъ требованій, признали мы необходимымъ двинуть войска наши въ Придунайскія Княжества, дабы доказать Портѣ, къ чему можетъ вести ея упорство. Но и теперь не намѣрены мы начинать войны; занятіемъ княжествъ мы хотимъ имѣть въ рукахъ нашихъ такой залогъ, который бы во всякомъ случаѣ ручался намъ въ возстановленіи нашихъ правъ.

«Не завоеваній ищемъ мы: въ нихъ Россія не нуждается. Мы ищемъ удовлетворенія справедливаго права, столь явно нарушеннаго. Мы и теперь готовы остановить

движеніе нашихъ войскъ, если Оттоманская Порта обяжется свято наблюдать неприкосновенность православной церкви. Но если упорство и ослѣпленіе хотятъ противнаго, тогда, призвавъ Бога на помощь, Ему предоставимъ рѣшить споръ нашъ, и, съ полной надеждой на Всемогущую Десницу, пойдемъ впередъ за вѣру православную».

Какъ только русскія войска вступили въ княжества, Турція тотчасъ же первая объявила войну Россіи и открыла непріязненныя дѣйствія на Дунаѣ. Россія отвѣчала ей тѣмъ же.

И такъ, говоря словами Высочайшаго манифеста (20-го октября 1853 года), Россія вызвана была на брань: ей оставалось, возложивъ «упованіе на Бога, прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы понудить Порту къ соблюденію трактатовъ и къ удовлетворенію за тѣ оскорбленія, коими отвѣчала она на самыя умѣренныя наши требованія и на законную заботливость нашу о защитѣ на Востокѣ православной вѣры, исповѣдуемой и народомъ русскимъ».

Война съ Турціею была объявлена—и заколыхалась Русь на призывъ царскій.

От Перми и до Тавриды
Отъ хладныхъ Финскихъ скалъ, до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Возстала русская земля!

Вскорѣ послѣ объявленія войны, турки, переправившись черезъ рѣку Дунай, заняли Калафатъ и флотъ ихъ появился въ Черномъ морѣ. Для наблюденія за его движеніемъ выслано было изъ Севастополя нѣсколько нашихъ военныхъ судовъ—и разсыпались черноморцы по своему родимому морю. Повсюду шныряли они, отыскивая непріятеля, съ которымъ сражались неоднократно, и всегда выходили побѣдителями.

Да и какъ было не быть имъ побѣдителями, когда во главѣ ихъ стояли такіе адмиралы, какъ Михаилъ Петровичъ *Лазаревъ*, *Нахимовъ и Корниловъ*.

Вице-адмиралъ Владиміръ Алексѣевичъ *Корниловъ*

былъ начальникомъ штаба черноморскаго флота, и потому въ рукахъ его находилось почти все высшее управленіе этимъ флотомъ. Отличаясь самъ неутомимою дѣятельностію, В. А. *Корниловъ* умѣлъ внушить своимъ подчиненнымъ любовь къ дѣлу, усердіе къ службѣ и довѣріе другъ къ другу. Проникнутый чувствомъ высокой любви къ отечеству, онъ вселялъ то же чувство и въ своихъ подчиненныхъ. Человѣкъ храбрый, самоувѣренный и рѣшительный, *Корниловъ* въ минуты опасности становился еще дѣятельнѣе и казался спокойнѣе обыкновеннаго. Въ его присутствіи унынію не было мѣста; онъ всегда умѣлъ ободрить подчиненныхъ и внушить имъ увѣренность въ самихъ себя, въ свою силу и могущество. Хорошо зная все, что касалось до морской части и до управленія флотомъ, *Корниловъ* пріобрѣлъ въ морякахъ такую къ себѣ довѣренность, что, какъ увидимъ ниже, въ минуту опасности, они, руководимые своимъ адмираломъ, заслужили безсмертную славу въ исторіи русскаго народа.

Другимъ предводителемъ черноморскаго флота и представителемъ его славы былъ вице-адмиралъ *Нахимовъ*.

Павелъ Степановичъ *Нахимовъ* былъ вполнѣ лихой морякъ. Это былъ человѣкъ на удивленіе храбрый, необыкновенно дѣятельный, неограниченно преданный своему дѣлу, любившій своихъ подчиненныхъ какъ родныхъ братьевъ и дѣтей и, въ свою очередь, обожаемый ими.

Совершивъ въ молодости кругосвѣтное путешествіе подъ начальствомъ М. П. *Лазарева*, Павелъ Степановичъ пріобрѣлъ опытъ въ морскомъ дѣлѣ, и едва только возвратился въ Россію, какъ принялъ участіе въ наваринскомъ сраженіи, за которое получилъ чинъ и орденъ Св. Георгія. Скоро опытность въ управленіи кораблемъ, храбрость въ сраженіи и преданность морской службѣ обратили на себя вниманіе, и Павелъ Степановичъ, имѣя отъ роду только 24 года, былъ уже штабъ-офицеромъ. Человѣкъ высокихъ душевныхъ качествъ, прямой, откровенный и любящій, онъ, съ первыхъ же дней командованія отдѣльными судами, пріобрѣлъ себѣ любовь и уваженіе своихъ подчиненныхъ,

Одною изъ самыхъ достойныхъ чертъ Павла Степано-

вича была простота, доступность и терпѣніе, съ которымъ онъ выслушивалъ нужды своихъ подчиненныхъ. Каждый матросъ шелъ къ нему смѣло, говорилъ откровенно, случалось просилъ и помощи. Павелъ Степановичъ никогда не отказывалъ. Получая довольно значительное содержаніе, но не имѣя семейства и живя очень скромно, *Нахимовъ* почти никогда не имѣлъ денегъ, потому что раздавалъ ихъ бѣднымъ, и въ особенности на пособіе матросамъ и ихъ семействамъ. Эта заботливость о матросѣ не укрылась отъ вниманія тѣхъ, о которыхъ всю свою жизнь хлопоталъ *Нахимовъ*.

— Ребята! вотъ отецъ матросовъ идетъ, говорили солдаты, завидя издали *Нахимова*.

Высокое уваженіе къ личности каждаго и строгое исполненіе служебныхъ обязанностей ставили Павла Степановича образцомъ для всѣхъ его подчиненныхъ.

Самъ служа примѣромъ неутомимой дѣятельности, онъ, какъ знатокъ дѣла, требовалъ того же и отъ ввѣренной ему команды. Подчиненные, видя, что Павелъ Степановичъ трудится болѣе ихъ, исполняли тяжелую работу безъ ропота, вполнѣ увѣренные, что если можно въ чемъ сдѣлать облегченіе, командиромъ не будетъ забыто. Эта любовь къ дѣлу и умѣнье внушить его своей командѣ сдѣлали *Нахимова* однимъ изъ лучшихъ командировъ черноморскаго флота.

Суда, которыми командовалъ *Нахимовъ*, считались образцовыми; многіе офицеры пріѣзжали посмотрѣть на нихъ и поучиться чистотѣ, порядку и вооруженію. Какъ примѣрный командиръ и знатокъ дѣла, Нахимовъ пріобрѣлъ такое уваженіе со стороны своихъ сослуживцевъ, что каждый старался заслужить его похвалу или одобреніе — такъ велико было нравственное вліяніе этого человѣка.

Плавая по всѣмъ морямъ двадцать два года, Павелъ Степановичъ изучилъ морское дѣло въ совершенствѣ; онъ перенесъ на морѣ всѣ роды службы отъ простаго плаванія до громадныхъ битвъ, рѣшавшихъ судьбу народовъ. Понятно, что при подобной дѣятельности *Нахимовъ* былъ

опытнымъ наставникомъ и отличнымъ вожатымъ черноморскаго флота. Каждый морякъ, будь то офицеръ или матросъ, плавая подъ флагомъ *Нахимова*, зналъ, что начальникъ самъ зорко слѣдитъ за всѣмъ, что онъ взвѣшиваетъ каждое обстоятельство, и если рѣшится на что-либо, то съ несомнѣнною надеждою на успѣхъ. Вотъ причины, почему подчиненные Павла Степановича готовы были идти съ нимъ въ огонь и воду. *Нахимовъ* сознавалъ свое сильное вліяніе и слѣпую преданность къ нему сослуживцевъ отъ капитана до матроса, и когда встрѣтилась нужда, онъ, какъ сейчасъ увидимъ, воспользовался ею самымъ блестящимъ образомъ.

Въ октябрѣ 1853 года вице-адмиралъ *Нахимовъ* получилъ приказаніе съ своею эскадрою выйдти въ море для наблюденія за непріятелемъ на всемъ пространствѣ между Крымомъ и Анатоліею. Передъ выступленіемъ въ походъ, *Нахимовъ* отдалъ приказъ, въ которомъ писалъ, что, при встрѣчѣ съ турецкими судами, первый непріязненный выстрѣлъ долженъ быть сдѣланъ непріятелемъ, но за то если турки на это рѣшатся, то *должны быть уничтожены*.

Чуть свѣтъ 11-го октября, эскадра наша тихо и торжественно снялась съ севастопольскаго рейда. Какъ рано ни было, но жители Севастополя толпились на возвышеніяхъ, напутствуя уходящихъ желаніемъ славы и побѣды.

Стояла бурная осень, когда *Нахимовъ* оставилъ Севастополь и вышелъ въ море. Непрестанные порывистые вѣтры, туманы, штормы и шквалы составляютъ особенность Чернаго моря въ это время года. Нахимовъ, не смотря на бури, постоянно держался въ морѣ, испытывалъ со своею эскадрою всѣ невзгоды отъ сильной качки, дождя и холода и неутомимо сторожилъ турецкій флотъ, который, по свѣдѣніямъ, долженъ былъ выйдти съ дессантомъ (1) изъ Босфора, для того, чтобы овладѣть нашимъ городкомъ Сухумомъ, высадить тамъ свои войска, при-

---

(1) Дессантомъ называются сухопутныя войска, посаженныя на суда, для перевозки моремъ.

везти боевые припасы на кавказскій берегъ къ непокорнымъ горцамъ и возмутить ихъ противъ Россіи.

Не получая манифеста съ объявленіемъ войны, *Нахимовъ* находился въ лихорадочномъ состояніи, не зная что дѣлать въ случаѣ встрѣчи съ непріятельскимъ флотомъ. Наконецъ 1-го ноября онъ поднялъ эскадрѣ радостный и короткій сигналъ: война объявлена! Турецкій флотъ вышелъ въ море; отслужить молебствіе и поздравить команду! На слѣдующій день, 2-го ноября вечеромъ, *Нахимовъ* отдалъ замѣчательный приказъ.

«Не имѣя возможности, писалъ онъ, за крѣпкимъ вѣтромъ и большимъ волненіемъ, два дня передать на суда ввѣреннаго мнѣ отряда копію съ манифеста объявленія войны съ Турціею, я передаю ихъ теперь и предлагаю гг. командирамъ приказать священникамъ прочесть ихъ при собраніи всей команды. Имѣю извѣстіе, что турецкій флотъ вышелъ въ море, съ намѣреніемъ занять принадлежащій намъ портъ Сухумъ-Кале, и что для отысканія непріятельскаго флота отправленъ изъ Севастополя съ шестью кораблями генералъ-адъютантъ *Корниловъ*. Непріятель не иначе можетъ исполнить свое намѣреніе, какъ пройти мимо насъ, или давъ намъ сраженіе. Въ первомъ случаѣ, я надѣюсь на бдительный надзоръ гг. командировъ и офицеровъ; во второмъ, съ Божіею помощію и увѣренностію въ своихъ офицерахъ и командахъ, я надѣюсь съ честью принять сраженіе. Увѣдомляю, что, въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, превышающихъ насъ въ силахъ, я атакую его, будучи совершенно увѣренъ, что каждый изъ насъ сдѣлаетъ свое дѣло».

Прошло три дня. Часовъ въ 11 утра 5-го ноября издали были слышны выстрѣлы съ нѣкоторыми промежутками. Предполагая, что адмиралъ *Корниловъ*, встрѣтивъ турецкій флотъ, имѣетъ съ нимъ дѣло, *Нахимовъ*, съ своею эскадрою, двинулся по направленію слышанныхъ выстрѣловъ. Въ десятомъ часу вечера вдали показались сначала огни, а за ними ясно обозначилась эскадра вице-адмирала *Корнилова*, который, обойдя весь турецкій берегъ и не встрѣтивъ непріятеля, пересѣлъ на пароходъ «Владиміръ», чтобы

навѣстить эскадру *Нахимова*. На пути «Владиміръ» встрѣтилъ турецко-египетскій пароходъ «Первазъ - Бахри» и пустился его преслѣдовать. Послѣ трехъ-часоваго упорнаго боя, противникъ, потерявъ начальника, спустилъ свой флагъ и сдался военно-плѣннымъ.

Взявъ свой побѣдный трофей, *Корниловъ* отправился съ нимъ въ Севастополь, а *Нахимовъ* по прежнему оставался въ морѣ для наблюденія за непріятелемъ.

Выдержавъ сильнѣйшій штормъ 8-го ноября, *Нахимовъ* принужденъ былъ отправить два корабля въ Севастополь для исправленія поврежденій. Въ его распоряженіи осталось только три корабля, когда получено было свѣдѣніе, что на синопскомъ рейдѣ, подъ защитою шести береговыхъ батарей, стоитъ отрядъ турецкихъ судовъ: изъ семи фрегатовъ, двухъ корветовъ, одного шлюпа и двухъ транспортовъ.

Въ ожиданіи подкрѣпленій, *Нахимовъ* подошелъ весьма близко къ берегу съ тою цѣлію, чтобы, постоянно наблюдая за непріятелемъ, не пропустить его выйти изъ порта и бѣжать обратно въ Константинополь. Не смотря на весьма дурную погоду, на безпрестанный дождь съ сильнымъ вѣтромъ, эскадра держалась въ морѣ до тѣхъ поръ, пока не присоединились къ *Нахимову* еще три корабля и два фрегата подъ начальствомъ контръ-адмирала *Новосильскаго*. Сознавая, что съ такими силами можно съ успѣхомъ атаковать непріятеля, Павелъ Степановичъ, 16-го ноября, пригласилъ къ себѣ всѣхъ командировъ судовъ, сообщилъ имъ планъ дѣйствій и отдалъ по эскадрѣ приказъ, въ которомъ заранѣе было все предусмотрѣно и соображено. Въ десяти небольшихъ пунктахъ, адмиралъ сказалъ все, что слѣдовало дѣлать при различныхъ обстоятельствахъ боя. Онъ предписалъ не стрѣлять даромъ по судамъ, которыя признаютъ себя побѣжденными, и не вредить консульскимъ домамъ, на которыхъ будутъ подняты національные флаги. Не желая, однако же, стѣснять своими правилами командировъ судовъ, особенно при перемѣнѣ обстоятельствъ боя, которыя предвидѣть заранѣе нѣтъ возможности, Павелъ Степановичъ предоставилъ каждому дѣйствовать по своему усмотрѣнію, но непремѣнно испол-

нить долгъ свой. «Государь Императоръ и Россія, прибавилъ онъ въ заключеніи своего приказа, ожидаютъ славныхъ подвиговъ отъ Черноморскаго флота; отъ васъ зависитъ оправдать ожиданія».

Утромъ 18-го ноября дулъ сильный вѣтеръ и едва онъ сталъ стихать, какъ въ $9^1/_2$ часовъ русская эскадра приготовлялась къ бою такъ же спокойно, какъ бы приготовлялась къ обыкновенному ученью. Въ одиннадцать часовъ на всѣхъ судахъ былъ отслуженъ молебенъ и около полудня эскадра построилась въ двѣ колонны, спустила гребныя суда, чтобы сберечь ихъ отъ выстрѣловъ, и, по щегольскому обычаю, принятому во флотѣ, помчалась на синопскій рейдъ, подъ національными флагами на брамъ-стеньгахъ. Впереди всѣхъ шли адмиралы: *Нахимовъ* на кораблѣ «Императрица Марія», и *Новосильскій*—на кораблѣ «Парижъ».

Эскадра шла двумя колоннами для того, чтобы развернуться вѣеромъ противъ турокъ, стоявшихъ лунообразно подъ прикрытіемъ своихъ береговыхъ батарей. Бывшіе при эскадрѣ два фрегата, «Кагулъ» и «Кулевчи», получили приказаніе остаться подъ парусами, для наблюденія за непріятельскими пароходами въ случаѣ, если бы, пользуясь парами, они вздумали вредить кораблямъ или бы предприняли бѣжать изъ бухты. Увидавъ сигналъ на кораблѣ «Императрица Марія», команды ожидали приказанія своихъ командировъ приготовиться къ бою, но, вмѣсто того, на адмиральскомъ кораблѣ, какъ въ обыкновенное мирное время, показанъ былъ полдень.

Не смотря на дождь и пасмурную погоду, непріятель замѣтилъ приближеніе русской эскадры; надъ его пароходами клубился дымъ, остальныя суда готовились къ бою.

Въ половинѣ перваго, по первому выстрѣлу съ турецкаго фрегата, *Нахимовъ* бросился на синопскій рейдъ, и тогда закипѣлъ тотъ ожесточенный бой, который кончился совершеннымъ истребленіемъ турокъ, взятіемъ въ плѣнъ раненаго начальника турецкой эскадры и двухъ командировъ судовъ. Шедшіе впереди всѣхъ корабли «Императрица Марія» и «Парижъ» были засыпаны непріятельскими снарядами, но, не смотря на свои поврежденія, храбро по-

двигались впередъ, дѣйствуя батальнымъ огнемъ по непріятельскимъ судамъ, мимо которыхъ проходили. Приблизившись къ непріятелю, не далѣе ружейнаго выстрѣла, эскадра дѣйствовала, какъ на ученьѣ: срыла батареи, сожгла, взорвала на воздухъ суда — однимъ словомъ, истребила своего врага.

Во время боя, особенно отличились корабли: «Императрица Марія», подъ начальствомъ капитана 2-го ранга *Барановскаго* и подъ флагомъ *Нахимова*, «Константинъ», подъ командою капитана 2-го ранга *Ергомышева*, и «Парижъ», подъ командою капитана 1-го ранга *Истомина* и подъ флагомъ контръ-адмирала *Новосильскаго*. *Нахимовъ* хотѣлъ изъявить этому послѣднему кораблю свою благодарность во время самаго боя, но не на чемъ было поднять сигналъ — всѣ фалы были перебиты.

Почти въ самомъ началѣ боя, 20-ти пушечный непріятельскій пароходъ «Таифъ» вышелъ изъ-за линіи сражавшихся и помчался въ Константинополь. Наши фрегаты «Кагулъ» и «Кулевчи» бросились за нимъ въ погоню, но быстрый пароходъ скоро вышелъ изъ-подъ выстрѣловъ нашихъ фрегатовъ. Въ это время изъ-за мыса показался пароходъ «Одесса», на которомъ былъ вице-адмиралъ *Корниловъ*; за «Одессою» слѣдовали еще два парохода, «Херсонесъ» и «Крымъ», гдѣ находился начальникъ пароходнаго отряда, контръ-адмиралъ *Панфиловъ*. *Корниловъ* тотчасъ же поднялъ сигналъ: пароходамъ атаковать непріятеля, поставивъ его въ два огня. «Крымъ» бросился въ погоню и открылъ огонь по убѣгавшему пароходу. Его примѣру послѣдовали «Одесса» и «Херсонесъ», но «Таифъ» имѣлъ гораздо большій ходъ, такъ что выстрѣлы наши не достигали до него. Замѣтивъ это, В. А. *Корниловъ* остановилъ преслѣдованіе и поворотилъ съ своими пароходами къ Синопу.

Въ половинѣ третьяго часа пополудни, на синопскомъ рейдѣ все было кончено и уничтожено 30 непріятельскихъ судовъ, со всѣмъ ихъ экипажемъ. Командовавшій эскадрою Османъ-паша и два командира фрегатовъ были взяты въ плѣнъ и привезены въ Севастополь. Поразительно было

зрѣлище гибели турецкихъ судовъ: прибитыя волненіемъ къ берегу, суда горѣли и по мѣрѣ того, какъ расколялись бывшія на нихъ орудія, они стрѣляли ядрами по рейду, не нанося, впрочемъ, никакого вреда нашимъ судамъ. Наконецъ, когда огонь достигалъ до мѣста храненія пороха, суда взлетали на воздухъ и горящими обломками своими осыпали городъ. Синопъ горѣлъ; никто не приходилъ тушить пожара и вѣтеръ свободно перенося искры съ одного мѣста на другое, усиливалъ пожаръ города, всѣ жители котораго искали спасенія въ окрестныхъ горахъ.

Съ самаго начала боя, синопскій губернаторъ, начальникъ береговыхъ батарей и все начальство города бѣжало въ горы. Солдаты гарнизона и всѣ тѣ, которые могли спастись съ кораблей, бѣжали туда же. Около полуночи все пространство, обнесенное каменною стѣною, было охвачено пламенемъ пожара; часть же города, населенная греками и христіанами, осталась невредимою. Городъ былъ совершенно пустъ и долго послѣ боя въ прибрежныхъ волнахъ и на берегу валялись трупы убитыхъ и видны были уничтоженныя батареи. Въ уцѣлѣвшихъ домахъ, по свидѣтельству австрійскаго консула, найдены только раненые и умирающіе. Вмѣстѣ съ кораблями и пушками, непріятель потерялъ почти весь дессантъ и высадка турецкихъ войскъ на кавказскій берегъ сдѣлалась невозможною. По собраннымъ свѣдѣніямъ, въ синопскомъ сраженіи погибло до 4 т. чел. турокъ; наша же потеря состояла въ 37 чел. убитыхъ и 229—раненыхъ.

Всю послѣдовавшую за тѣмъ ночь пароходы отводили наши корабли отъ берега изъ опасенія, чтобы, съ перемѣной вѣтра, горящія турецкія суда не нанесло на нашу эскадру.

Побѣдители-черноморцы тотчасъ же послѣ сраженія начали исправлять поврежденія въ корпусахъ кораблей, потерпѣвшихъ не мало. Болѣе всѣхъ пострадалъ отъ выстрѣловъ корабль «Императрица Марія», у котораго почти всѣ мачты были перебиты. Только неутомимая дѣятельность, ревность къ службѣ и знаніе морскаго дѣла офицеровъ и нижнихъ чиновъ

дали возможность въ продолженіе 36-ти часовъ поставить эскадру въ такое состояніе, что она могла предпринять обратное плаваніе, въ глубокую осень и среди осеннихъ бурь чрезъ все Черное море. Утромъ 19 ноября былъ отслуженъ на эскадрѣ благодарственный молебенъ, послѣ котораго весь день работали надъ исправленіемъ. Въ 8 часовъ утра, 20 ноября, эскадра снялась съ якоря за исключеніемъ корабля «Императрица Марія», поврежденія котораго, по своей значительности, не могли быть такъ скоро исправлены. Пересѣвъ на корабль «Великій князь Константинъ», *Нахимовъ* поручилъ контръ-адмиралу *Панфилову* остаться съ пароходомъ «Крымъ» и фрегатами «Кагулъ» и «Кулевчи», исправить поврежденія въ кораблѣ «Императрица Марія» и привести его въ Севастополь. Снявшись съ якоря только въ три часа пополудни, контръ-адмиралъ *Панфиловъ* явился въ Севастополь ранѣе эскадры, за что и получилъ благодарность адмирала. Самъ Павелъ Степановичъ *Нахимовъ*, съ потерпѣвшею отъ боя эскадрою, совершилъ свой путь безъ всякаго затрудненія, и на удивленіе всей Европы, 22-го ноября былъ уже въ Севастополѣ.

«Часть русскаго флота, писали въ англійскихъ газетахъ, держалась въ морѣ нѣсколько дней, въ такую ужасную непогоду, въ которую ни турки, ни австрійскіе пароходы на противоположномъ берегу не смѣли показываться въ морѣ. Неужели эти русскіе матросы тѣ самые трусливые новобранцы, о которыхъ намъ натолковали? Боевой ихъ порядокъ въ дѣлѣ удивительный. Разстояніе, въ которомъ они дрались, конечно, было очень близкое, потому что одинъ спасшійся турокъ разсказываетъ, что онъ, взглянувъ на верхъ, увидѣлъ цѣлую стѣну пушекъ, и тотчасъ же послѣ того весь бокъ корабля былъ изстрѣленъ, какъ рѣшето. Такого совершеннаго истребленія и въ такое короткое время никогда еще не бывало. Русскіе показали, что имъ извѣстны всѣ улучшенія новѣйшаго артиллерійскаго искусства, осыпая непріятеля безпрестаннымъ дождемъ бомбъ. Турецкій вице-адмиралъ *Османъ-паша* взятъ былъ въ плѣнъ съ кораблемъ его, но послѣдній былъ такъ избитъ, что при-

нуждены были пустить его ко дну ([1]), какъ равно и прочія суда турецкой эскадры».

Среди всеобщаго ужаса, распространеннаго въ Турціи, русская эскадра пришла въ Севастополь, гдѣ была встрѣчена радостными привѣтствіями всего остальнаго флота и всѣхъ жителей города.

Ура! самое громкое, какое только гремѣло когда-либо на крымскихъ берегахъ, грянуло на встрѣчу побѣдителей громче синопскихъ пушекъ. Севастополь ликовалъ нѣсколько дней неподдѣльнымъ восторгомъ и привѣтствовалъ побѣдителей горячею любовью.

За синопскій бой, одинъ изъ блистательнѣйшихъ въ новѣйшее время, Павелъ Степановичъ *Нахимовъ* получилъ орденъ св. Георгія 2-й степени, при слѣдующей Высочайшей грамотѣ, отъ 28-го ноября 1853 года. «Истребленіемъ турецкой эскадры при Синопѣ вы украсили лѣтопись русскаго флота новою побѣдою, которая на всегда останется памятною въ морской исторіи.

«Статутъ военнаго ордена св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія указываетъ награду за вашъ подвигъ.

«Исполняя съ истинною радостью постановленіе статута, жалуемъ васъ кавалеромъ св. Георгія 2-й степени большаго креста, пребывая къ вамъ Императорскою милостію Нашею благосклонны».

Россія ликовала. Всѣ, кому только дорога слава отечества, заявляли свой восторгъ и удивленіе подвигу П. С. *Нахимова* и его сподвижниковъ, моряковъ черноморскаго флота. Истинно-русскіе люди, скрывая свое имя, посылали Павлу Степановичу лики святыхъ и въ числѣ ихъ образъ Николая Чудотворца, какъ бы благословляя тѣмъ доблестнаго адмирала на будущіе подвиги. Отовсюду, со всѣхъ концовъ Россіи, посыпались къ *Нахимову* поздравительныя письма и стихи, которыхъ, по своей врожденной скромности, Павелъ Степановичъ не хотѣлъ обнародовать. Признательность царя, восторгъ и уваженіе соотечественниковъ, слава

([1]) Это несправедливо — корабль, на которомъ находился *Османъ-паша* былъ сожженъ.

и извѣстность осѣнили доблестнаго адмирала, горячо любимаго всѣми сослуживцами.

Синопская побѣда, доказавшая отличное состояніе черноморскаго флота, возбудила у всѣхъ живѣйшую радость, и имя Павла Степановича *Нахимова* стало извѣстно каждому — оно сдѣлалось народнымъ.

Тысячами разошлась между русскими людьми изданная въ Москвѣ картина, изображающая синопское сраженіе и подвиги черноморскаго флота. Какъ радость, какъ подарокъ дѣтямъ, покупалъ эту картинку мужичекъ, везъ домой и, повѣсивъ ее на видномъ мѣстѣ избы, разсказывалъ семьѣ про подвигъ Павла Степановича такъ:

«Какъ въ Азіи было, не въ Европѣ, при городѣ было при Синопѣ, что стоитъ на Черномъ морѣ, отвѣдали турки лютова горя, и доселѣ не образумятся масульмане, все ходятъ словно въ туманѣ. Дѣло было этакъ далеко за ночь; какъ нашъ родной Павелъ Степанычъ вздумалъ по морю поплавать, паруса у корабликовъ поправить и посмотрѣть хозяину не мѣшаетъ: все ли на морѣ въ порядкѣ пребываетъ, не мутятъ ли его воды, вражьи корабли и пароходы. Вотъ, видитъ онъ вдали въ туманѣ, что по морю гуляютъ мусульмане, въ облакахъ играютъ ихъ вѣтрила, а ихъ несмѣтная сила! Иной бы отъ чужова флагу далъ поскорѣе тягу, али навострилъ бы лыжи, а онъ кричитъ подходи ближе! Добро пожаловать непрошеные гости, быть вамъ сегодня на погостѣ. Впередъ вы у меня безъ спросу не покажете въ море носу. Васъ сила велика, а у насъ вѣра крѣпка. У васъ кораблей супротивъ нашего втрое, а мы согнемъ васъ вчетверо; мы силѣ вашей дивуемся, а все на васъ вблизи полюбуемся, ужь назадъ не отступимъ и васъ на обѣ корки отлупимъ. Стой-ровняйся, на якорѣ укрѣпляйся! Турецкіе канониры палятъ въ пушки и мортиры: только изъ за дыма все палили мимо; море волнуется, турки бѣснуются. Наши все крѣпились, да молчали, да вдругъ разомъ отвѣчали, какъ грохнули съ корабля «Константина»: погибла турокъ половина, а какъ начали палить остальные, стали турки словно шальные: со страху взмолились Аллаху, звали Магомета съ того свѣта, а Ма-

гометъ ихъ самихъ зоветъ на тотъ свѣтъ. Важно гостей угощали, много кораблей у нихъ взорвали! Одни полетѣли на воздухъ за птицами, другіе на дно морское за рыбами, а люди разбѣжались въ дремучій лѣсъ звѣрье ловить; и отъ всего турецкаго флота остались сита да рѣшота; а самъ ихъ адмиралъ Османъ-паша сидитъ едва дыша: наши же его пріютили, да съ собой захватили. Турокъ отщелкали, отхлопали и пошли домой къ Севастополю. Кораблики потѣшились, начальники орденами обвѣшались, матросамъ милости-подарки, вина пѣннаго по чаркѣ, да еще денежное Царское жалованье! Чарка намъ не диво, пивали вино и пиво, а любо Царское угошеніе, и рубль не дорогъ, добудимъ ихъ цѣлый ворохъ,—намъ дорого Царское пожалованье».

Побѣда *Нахимова* при Синопѣ надѣлала много шуму въ европейскихъ государствахъ. Подвигъ Павла Степановича разнесся съ необыкновенною быстротою во всѣ концы вселенной и черезъ семь дней онъ достигъ до завистливой Англіи; еще раньше услышали о немъ во Франціи. Выстрѣлы Синопа очень непріятно отозвались въ сердцахъ французовъ и англичанъ. Имъ стыдно было за себя, стыдно потому, что, обѣщаясь защищать Турцію отъ нападеній Россіи, они дозволили *Нахимову* подъ носомъ своимъ уничтожить турецкій флотъ и нѣсколько тысячъ турецкихъ солдатъ. Сначала они не вѣрили въ возможность такого погрома и отправили въ Синопъ нѣсколько пароходовъ, чтобы убѣдиться собственными глазами въ справедливости столь печальнаго происшествія. Одинъ за другимъ бѣжали англо-французскіе пароходы въ Синопъ и обратно; одинъ за другимъ приносили они печальныя извѣстія, что въ водахъ Синопа плаваютъ только щепки отъ кораблей, и что гладко то мѣсто, гдѣ были укрѣпленія, пытавшіяся остановить русскую эскадру. Извѣстія эти все болѣе и болѣе раздражали англичанъ и французовъ. Чтобы заглушить стыдъ, они двинули свой флотъ въ Черное море и, потребовавши, чтобы русскіе заперлись въ своихъ портахъ и не показывались въ морѣ, объявили, что станутъ препят-

ствовать русскимъ военнымъ судамъ въ свободномъ плаваніи для обороны своихъ береговъ.

И такъ, Англія и Франція стали рядомъ съ врагами христіанства противъ Россіи, сражающейся за православіе. Сбросивъ съ себя всякую личину, наши противники объявили теперь, что несогласіе между Россіею и Турціею есть дѣло въ глазахъ ихъ второстепенное, что главная цѣль ихъ «обезсилить Россію, отнять отъ нея часть областей и низвести Отечество наше съ той степени могущества, на которую оно возведено Всевышнею десницею».

Православной ли Россіи было опасаться сихъ угрозъ? Готовая сокрушить дерзость враговъ, «она не уклонилась отъ священной цѣли, промысломъ всемогущимъ ей предназначенной? Нѣтъ!! Россія не забыла Бога! Она ополчилась не за мірскія выгоды, она сражается за вѣру христіанскую и защиту единовѣрныхъ своихъ братій, терзаемыхъ неистовыми врагами.

«Да познаетъ же все христіанство, что, какъ мыслитъ Царь Русскій, такъ мыслитъ, такъ дышетъ съ Нимъ вся Русская семья — вѣрный Богу и Единородному Сыну Его, искупителю нашему Іисусу Христу, православный русскій народъ.

За вѣру и христіанство подвизаемся! Съ нами Богъ, никто же на ны!»

Вѣрная святому своему призванію, всегда готовая встрѣтить врага съ твердостію завѣщанною намъ отцами и дѣдами, Россія приняла вызовъ, и 11-го апрѣля 1854 года была объявлена война тремъ державамъ: Франціи, Англіи и Турціи.

— Трое такъ трое — все одно, говорилъ русскій народъ, идя на защиту православія и своей родины.

Ура! на *трехъ* ударимъ, разомъ,
Не даромъ же трехграненъ штыкъ!
Ура! отгрянетъ надъ Кавказомъ
Въ Европу грянетъ тотъ же кликъ!
И двадцать шло на насъ народовъ,
Но Русь управилась съ гостьми:
Ихъ кровь замыла слѣдъ походовъ,
Поля бѣлѣлись ихъ костьми.

Тогда спасали мы родную
Страну и честь и Царскій тронъ;
Тогда о нашу грудь стальную,
Разшибся самъ Наполеонъ.
Теперь-же—вздрогни вся природа!
Во снѣ не снилось никому:
Два *христіанскіе* народа
На насъ грозятся за чалму!!!

Не удивила эта тропца русскаго человѣка.

— Бывали мы, говорилъ онъ, во всѣхъ земляхъ при всѣхъ короляхъ, видали туретчину-нѣметчину, мы же пировали и въ Парижѣ. Во время оно били Наполеона, а теперь приходится бить другова, его племянника роднова. Самъ вооружается, на бѣду называется, да еще съ англичаниномъ съединяется. Пришли времена тяжки, французъ съ англичаниномъ на пристяжкѣ, а турку въ корень впрягли,—только ихъ тройка не пойдетъ бойко. Французъ летитъ по птичьему, англичанинъ плыветъ по рыбьему, а турка идетъ по куриному. А вотъ турецкій султанъ Абдулъ-Меджидъ на боку лежитъ, трубку покуриваетъ, думу крѣпкую подумываетъ. Какъ ономнясь въ ночь ему мало спалось, много грезилось: ему слышалось будто на матушкѣ каменной Москвѣ гудѣлъ колоколъ, ему видѣлось море Черное, словно кровію очервленное... Онъ зоветъ къ себѣ хитрецовъ-мудрецовъ и велитъ себѣ сонъ разсказывать, правды праведной не утаивать. Ты, султанъ, силенъ, а твой сонъ мудренъ—не добро тебѣ предвѣщаетъ онъ. Какъ ты слышалъ звонъ въ Москвѣ звонитъ, православный людъ онъ во храмъ манитъ, тамъ поютъ въ храмахъ пѣсни хвалебныя, служатъ обѣдни съ молебнами, Бога прославляютъ, что побѣды посылаетъ.

«Нѣтъ на свѣтѣ сильнѣй, нѣтъ народу дружнѣй Царства Русскаго, сильна крѣпка вѣра православная, а и дружень народъ за Царя умретъ». Стоитъ бѣлому Царю кличъ кликнути, возстанетъ Русь, какъ единъ человѣкъ, отъ стараго до малаго, отъ убогаго до богатаго, и скажетъ она врагамъ:

....Знайте-жь, ваши всѣ мытарства,
Разсчетъ и вычетъ—все мечта!

Вамъ Русскаго не сдвинуть Царства —
Оно съ Христомъ и за Христа!

II.

Положеніе Севастополя. — Его значеніе въ исторіи русскаго народа. — Черноморскій флотъ.—Высадка союзниковъ на берега Крыма. — Сраженіе на рѣкѣ Альмѣ.—Первая помощь раненымъ.—Дарья Севастопольская.

Возвратившись въ Севастополь, побѣдители-черноморцы знали, что побѣда при Синопѣ не пройдетъ даромъ, что европейскія державы, союзницы Турціи, постараются такъ или иначе нанести ударъ одному изъ прибрежныхъ пунктовъ нашей обширной границы. Такимъ наиболѣе важнымъ пунктомъ былъ, конечно, Севастополь — средоточіе черноморскаго флота и главный военный портъ на Черномъ морѣ.

Съ другой стороны Франція и Англія, объявивъ войну Россіи, хорошо понимали, что, плавая по морю, ничего не сдѣлаешь; что можно сжечь два три прибрежныхъ города, но для Россіи это капля въ морѣ. Поэтому они рѣшили сначала отправить свои войска въ Турцію на помощь султану, а потомъ предприняли высадку на берега Крыма, гдѣ они могли болѣе всего нанести вреда уничтоженіемъ Севастополя и черноморскаго флота.

Крымскій полуостровъ, имѣя видъ четыреугольника, вдается въ Черное море тремя углами, а четвертымъ соединяется съ землою и образуетъ узкій проходъ, извѣстный подъ именемъ Перекопа. Въ самомъ дальнемъ углу этого четыреугольника расположенъ городъ Севастополь, обладающій обширною и удобною гаванью, справедливо считаемою одною изъ лучшихъ въ мірѣ. Имѣя около шести верстъ въ длину, почти вездѣ около версты въ ширину и отъ пяти до десяти саженъ въ глубину, гавань эта была извѣстна съ древнѣйшихъ временъ какъ отличное безвѣтренное и вполнѣ удобное мѣсто стоянки для многочисленнаго флота. Еще до Рождества Христова, на берегу этой бухты, процвѣталъ извѣстный въ нашихъ лѣтописяхъ подъ

именемъ Корсуна городъ Херсонесъ, имѣющій огромное значеніе въ жизни русскаго народа.

Изъ древняго Херсонеса таврическаго, находящагося и по нынѣ въ развалинахъ неподалеку отъ города Севастополя, возсіялъ свѣтъ вѣры православной на всю землю русскую. Здѣсь русскій великій князь Владиміръ принялъ святое крещеніе.

Желая наказать византійскихъ императоровъ за нарушеніе мирнаго договора, Владиміръ осадилъ Херсонесъ въ 988 году. Прибывъ къ городу, на судахъ, съ многочисленными войсками, Владиміръ расположилъ свои суда въ той самой бухтѣ, которая впослѣдствіи названа Севастопольскою, и приступилъ къ осадѣ.

Жители защищались упорно: сдѣлавъ подъ стѣною, окружавшею городъ, подкопъ, они уносили къ себѣ всю землю, которою русскіе хотѣли засыпать ровъ. Херсонесцы сдались только тогда, когда были разрушены трубы, снабжающія городъ прѣсною водою. Вступивъ побѣдителемъ въ осажденный городъ, Владиміръ принялъ тамъ христіанскую вѣру; на мѣстѣ своего крещенія построилъ храмъ и, возвративъ побѣжденный городъ византійскимъ императорамъ, отправился во-свояси.

Примѣру своего князя послѣдовала и вся Русь, привыкшая съ тѣхъ поръ считать Херсонесъ своею колыбелью, своею второю родиною.

Прошло съ той поры 800 лѣтъ. Херсонесъ, попавъ подъ власть татаръ и турокъ, лежитъ нынѣ въ развалинахъ, но дорогъ намъ по духовной жизни народа православнаго.

Съ Херсонесомъ таврическимъ русскій человѣкъ соединялъ воспоминанія о славномъ пребываніи въ этомъ городѣ св. апостола Андрея Первозваннаго. Онъ помнилъ, что въ Херсонесѣ была колыбель христіанства, за которое положили душу свою наши приснопамятные священномученики херсонесскіе; здѣсь, уже на нашихъ глазахъ, легла славная рать русская, подвизавшаяся на защиту вѣры православной и святости Креста Христова. На этихъ родныхъ намъ поляхъ возникъ и Севастополь, впослѣдствіи прозванный городомъ *многострадальнымъ*.

Какъ только въ 1783 году Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи, императрица Екатерина Великая приказала осмотрѣть херсонесскую бухту и, указомъ 10-го февраля 1784 г., основала здѣсь городъ, названный греческимъ словомъ *Севастополь*, что по-русски означаетъ *знаменитый городъ*. Въ томъ же году былъ устроенъ здѣсь военный портъ и положено основаніе черноморскому флоту, начальникомъ котораго былъ назначенъ контръ-адмиралъ *Мекензи*.

Когда *Мекензи* прибылъ въ херсонесскую бухту, тогда города не существовало, а виднѣлись только тамъ и сямъ развалины древнихъ башень и стѣнъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ. Владѣя Крымомъ, турки и татары не обращали вниманія на удобства гавани и не заботились о распространеніи торговли. Вытѣснивъ христіанство и разрушивъ все христіанское, магометане оставили берегъ моря въ запустѣніи. На мѣстѣ нѣкогда цвѣтущаго города, полнаго жизни, образовалась дикая необитаемая мѣстность, покрытая лѣсомъ и кустарниками. Русскіе люди усиленно трудились надъ устройствомъ города, надъ рубкою лѣса и очищеніемъ дорогаго имъ мѣста. Скоро появились здѣсь храмы Божіи, казармы, дома, адмиралтейство и магазины.

На одной изъ высотъ, близъ впаденія Черной рѣчки въ бухту, основатель Севастополя построилъ себѣ хуторъ и назвалъ его Мекензіевымъ. Хуторъ этотъ давно изчезъ, но гора, на которой онъ былъ построенъ, и до сихъ поръ называется Мекензіевою.

Черезъ три года послѣ основанія императрица Екатерина II лично посѣтила возникшій городъ, гдѣ былъ уже представленъ ей флотъ, состоявшій изъ трехъ кораблей, 12 фрегатовъ и 25 мелкихъ судовъ. Съ отъѣздомъ императрицы, Севастополь росъ не по днямъ, а по часамъ. Удаленный отъ большихъ дорогъ, расположенный на окраинѣ русскаго царства, на самомъ концѣ Крымскаго полуострова, Севастополь былъ передовымъ сторожемъ и оберегателемъ могущества Россіи на водахъ Чернаго моря.

Для обезпеченія Севастополя отъ покушенія непріятеля

съ моря, были устроены по обѣимъ сторонамъ рейда береговыя батареи.

Приближаясь къ Севастополю съ сухопутной стороны, вы прежде всего встрѣтите значительныхъ размѣровъ укрѣпленіе, извѣстное подъ именемъ Сѣвернаго. За Сѣвернымъ укрѣпленіемъ лежитъ севастопольскій рейдъ, а правѣе его безпредѣльное Черное море. На мысу, служащемъ какъ бы рубежемъ между моремъ и сѣвернымъ берегомъ рейда, была построена Константиновская батарея, лѣвѣе и на томъ же берегу въ глубинѣ рейда сооружены были батареи Михайловская и № 4-й.

На противоположной южной сторонѣ рейда виднѣются три бухты: правая и ближайшая къ морю *артиллерійская*, средняя и самая большая — *южная* съ вдавшеюся въ нее *корабельною бухтою*, а за тѣмъ лѣвѣе всѣхъ—*киленъ-бухта*. Для защиты рейда съ южной стороны были сооружены: далеко выдавшаяся въ море батарея № 10-й, лѣвѣе ея Александровская и № 8-й. По обоимъ берегамъ южной бухты были расположены двѣ сильныя батареи, Николаевская и Павловская.

За линіею этихъ укрѣпленій разстилался городъ, раскинутый по обѣимъ сторонамъ Южной бухты. Вся часть города, расположенная на лѣвой или восточной части Южной бухты, называлась *корабельною* слободою, а на правой или западной ея сторонѣ, на узкомъ и длинномъ холмѣ, идущемъ между Артиллерійскою и Южными бухтами, раскинутъ былъ амфитеатромъ самый городъ съ расположенною на правой окраинѣ его *артиллерійскою* слободкою.

Большая часть севастопольскихъ улицъ были не длинны, и хотя правильно расположены, но, имѣя крутые подъемы и спуски, представляли неудобство въ сообщеніи. Только двѣ улицы, Екатерининская и Морская, почти параллельныя между собою, были ровны, широки, тянулись вдоль всего города и сходились вмѣстѣ, въ самомъ концѣ его, у театральной площади.

Вся южная часть города была окружена хребтами горъ и отдѣльными возвышеніями, на которыхъ еще съ 1837 года находили необходимымъ построить рядъ укрѣпленій, опоя-

сывающихъ городъ со всѣхъ сторонъ и обезпечивающихъ его отъ нападенія съ сухаго пути. Съ этою цѣлію предполагалось построить полукругомъ семь бастіоновъ, начиная отъ Киленъ-бухты и до Артиллерійской бухты.

Возлѣ самой Киленъ-бухты было положено основаніе бастіону № 1-й, въ 260-ти саженяхъ правѣе и нѣсколько впереди перваго бастіона, обозначено мѣсто для бастіона № 2-й, еще правѣе, на высокомъ Малаховомъ курганѣ, была устроена средствами жителей города башня, получившая названіе Малаховой. Правѣе Малахова кургана близъ вершины Южной бухты, на лѣвомъ ея берегу, основанъ бастіонъ № 3-й, а на правомъ—бастіонъ № 4-й. За тѣмъ правѣе слѣдовали по порядку бастіоны № 5-й, № 6-й и наконецъ № 7-й, примыкавшій къ береговой батареѣ № 8-й. Такимъ образомъ четыре укрѣпленія предназначались для защиты Корабельной слободы и четыре для защиты города.

Вслѣдствіе усиленныхъ работъ по устройству береговыхъ батарей, обезпечивавшихъ портъ отъ атаки съ моря, постройка сухопутныхъ укрѣпленій была отложена и производилась въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Такъ, начаты были только нѣкоторыя работы по возведенію бастіоновъ № 1, 5 и 6-й; остальные же бастіоны были только намѣчены и мѣста ихъ обозначены лишь небольшими выемками.

Приморскія укрѣпленія и батареи были готовы еще до синопской битвы.

Теперь же, въ виду возможнаго появленія непріятеля, принимались всѣ мѣры къ оборонѣ какъ порта, такъ и города.

Въ городѣ и по берегу моря до мыса Лукула устроены телеграфы и разставлены пикеты для наблюденія за приближавшимися судами; установлены особые ночные и дневные сигналы. На крайнія къ морю батареи, Константиновскую, № 10-й и 8-й, назначены флотскіе офицеры, которые, дежуря тамъ, обязаны были слѣдить за судами идущими къ городу, останавливать ихъ и, въ случаѣ подозрѣнія, опрашивать.

Севастопольское адмиралтейство приняло самый ожив-

ленный видъ: оно превратилось въ огромный муравейникъ, въ которомъ дѣятельность не прекращалась ни днемъ, ни ночью; одни рабочіе смѣняли другихъ, чинили корабли и, исправленные, они выходили на рейдъ одинъ за другимъ.

Въ то время, когда портъ неусыпно трудился, вице-адмиралъ *Корниловъ* обдумывалъ мѣры къ огражденію его отъ нечаяннаго нападенія. Для этого нѣкоторые корабли приготовлены были къ снятію съ якоря и могли, по первому требованію, выйдти въ море. Всему флоту приказано быть постоянно готовымъ на случай тревоги; экипажамъ, бывшимъ по какому либо случаю на берегу, при общей тревогѣ указаны мѣста, на которыхъ они должны были собираться, имѣя нижнихъ чиновъ въ полной походной аммуниціи, съ ружьями и положеннымъ числомъ патроновъ въ сумахъ. Для усиленія сухопутной обороны, были розданы ружья даже музыкантамъ и писарямъ всѣхъ вѣдомствъ. Всѣ они, составляя отрядъ, подъ командою старшаго адъютанта лейтенанта *Обезьянинова*, должны были собираться на театральной площади. Впослѣдствіи, для образованія резерва, были сформированы изъ матросовъ эскадра гребныхъ судовъ и два дессантныхъ батальона.

Производя маневры примѣрной атаки и обороны съ моря, *Корниловъ* замѣтилъ, что нѣкоторыя мѣста остаются необстрѣленными съ нашихъ батарей; что непріятельскіе корабли, расположившись на этихъ мѣстахъ, могутъ громить городъ и укрѣпленія, не подвергаясь сами дѣйствію выстрѣловъ. Для устраненія этого недостатка приступлено было къ постройкѣ трехъ земляныхъ батарей: двухъ на сѣверной сторонѣ рейда и одной на южной. Экипажи съ кораблей «Двѣнадцать-Апостоловъ» и «Парижъ», строили двѣ первыя батареи, а экипажъ съ корабля «Святославъ»—третью, на южной сторонѣ рейда. По именамъ кораблей и самыя батареи названы *Двѣнадцати-Апостольскою*, *Парижскою и Святославскою*. Постройка этихъ батарей шла такъ успѣшно, что, 6-го января 1854 года, они были освящены и салютовали при обычномъ освященіи знаменъ на Екатерининской пристани.

Въ слѣдъ за тѣмъ для обезпеченія тыла Константинов-

ЛИТ. СТЕПАНОВА Б. МЫЩ. Д. № 14.

ской батареи, на высокой скалѣ, къ сѣверу отъ этой последней батареи, была построена Волохова башня ([1]), а въ промежуткѣ между башнею и Константиновскою батареею была сооружена батарея *Карташевскаго*. Всѣ эти батареи 26-го апрѣля были окончены и освящены.

По мѣрѣ того, какъ постройка укрѣпленій приходила къ концу, ихъ вооружали орудіями, назначали прислугу, обучали людей прицѣливанію орудій и два раза въ недѣлю дѣлали тревогу, при которой каждая команда собиралась на назначенное ей мѣсто.

Наступленіе весны дало возможность заняться оборонительными работами и съ сухаго пути. Болѣе тысячи человѣкъ матросовъ работали надъ сооруженіемъ 4, 5 и 6 бастіоновъ. Трудами тѣхъ же войскъ между 4 и 5 бастіономъ былъ построенъ редутъ Шварца.

Хотя большая часть укрѣпленій были далеко не окончены, но если бы въ концѣ мая мѣсяца непріятель предпринялъ атаку Севастополя однимъ флотомъ, то долженъ былъ встрѣтить значительное сопротивленіе. Онъ долженъ былъ преодолѣть: плаваніе длинною, узкою, окраенною каменными рифами бухтою; долженъ былъ встрѣтить сопротивленіе 40,000 народонаселенія, составленнаго изъ моряковъ и военныхъ командъ разныхъ войскъ, и при томъ людей русскихъ, непривычныхъ къ уступкамъ; онъ долженъ былъ встрѣтить огонь 700 орудій большаго калибра, разставленныхъ на приморскихъ батареяхъ, и 13 большихъ кораблей, занимающихъ позиціи недоступныя атакѣ, иначе какъ равными силами. «Я не упоминаю уже, писалъ *Корниловъ* въ своей инструкціи, о пяти большихъ фрегатахъ, пароходахъ и другихъ судахъ, которыя въ русскихъ рукахъ, конечно, не останутся праздными зрителями въ побоищѣ за ихъ родные домы».

Будучи главнымъ военнымъ портомъ на югѣ имперіи, Севастополь былъ въ изобиліи снабженъ всѣмъ необходимымъ для флота. Тамъ было прекрасное адмиралтейство,

---

([1]) Башня эта строилась на деньги, пожертвованныя отставнымъ подпоручикомъ Волоховымъ, оттого и названа его именемъ.

арсеналъ, дѣловые дворы, значительный складъ орудій, пороха и прочихъ боевыхъ припасовъ; тамъ былъ сухарный заводъ, казармы для морскихъ чиновъ и два госпиталя. Словомъ сказать, Севастополь могъ собственными средствами выпечь 86,000 пудовъ сухарей, помѣстить въ своихъ магазинахъ болѣе 92,000 четвертей хлѣба, имѣлъ помѣщеніе на 2,000 больныхъ и могъ въ своей обширной гавани помѣстить весь черноморскій флотъ. Самъ по себѣ городъ былъ очень красивъ. Въ Севастополѣ насчитывалось до 2,000 домовъ, почти все каменныхъ, и до 40,000 жителей, преимущественно служащихъ. Севастополь былъ городъ исключительно военный. Главное населеніе его составляло дружное общество лихихъ моряковъ, привыкшихъ къ необыкновенной дѣятельности. Тамъ жила огромная семья родныхъ братьевъ, крѣпкихъ своимъ духовнымъ родствомъ и сильныхъ своимъ единодушіемъ. Преданные одной цѣли, одному дѣлу, каждый членъ этой семьи старался перещеголять другъ друга, не изъ одного сомолюбія стать выше своего товарища-сослуживца, а изъ за того, чтобы принести наибольшую пользу службѣ и содѣйствовать улучшенію черноморскаго флота. Подъ рукой опытнаго начальника, адмирала *Лазарева*, въ Севастополѣ все такъ и кипѣло, вращалось, двигалось, и крѣпли удивительныя силы.

Тутъ люди цѣнились по заслугамъ, безспорно признанными всѣми сослуживцами. Тутъ престарѣлый ветеранъ небольшихъ чиновъ, смиренно доживающій свой вѣкъ, но принесшій пользу флоту, пользовался бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ иной чиновный любимецъ счастья, имѣющій сильныхъ покровителей. Поэтому черноморскій флотъ былъ силенъ не одними величественными кораблями и большими пушками: корабли гніютъ, пушки ржавѣютъ—а силенъ онъ былъ нравственною, живою силою, тѣмъ, что называлось *черноморскимъ духомъ*. Этотъ духъ не зависитъ ни отъ мѣста, ни отъ времени, а зависитъ онъ отъ дружбы и единства семьи, и проявился во всемъ блескѣ тогда, когда кораблей не было, когда на стѣнахъ севастопольскихъ храбрый матросъ сдѣлался еще болѣе храбрымъ солдатомъ.

Здѣсь все дышало отвагой и любовью къ родинѣ. Даже женщины Севастополя, рыночныя бабы, отличались смѣлостію и сознаніемъ собственнаго достоинства. Городокъ росъ, мужалъ и выработалъ себѣ тотъ непоколебимо-стойкій характеръ, который говорилъ: меня не тронь, а тронешь доволенъ останешься.

За границей давно трубили про Севастополь, что надоде взять его, и что возьмемъ мы его непремѣнно. Привыкнувъ господствовать на всѣхъ моряхъ, англичане съ завистью смотрѣли на успѣхи нашихъ черноморскихъ моряковъ, на ихъ порядокъ, знаніе дѣла и быстроту движеній; о храбрости мы не говоримъ — вся Европа хорошо помнила Чесму, Наваринъ и Синопъ.

Уничтожить этотъ флотъ со всѣми его запасами они могли только съ сухаго пути, потому что съ моря онъ защищался сильными фортами и, скрывшись въ гавань, былъ недоступенъ для выстрѣловъ непріятельскихъ кораблей. И вотъ, послѣ нѣсколькихъ совѣщаній, союзники рѣшились посадить свои войска на суда, переплыть черезъ Черное море, высадить ихъ въ Крыму и атаковать Севастополь съ сухаго пути.

Собравъ большую часть своихъ силъ въ турецкомъ городѣ Варнѣ, лежащемъ также на берегу Чернаго моря, англо-французы дѣятельно готовились къ отплытію къ берегамъ Крыма. Главнокомандующій французскими войсками, маршалъ *Сентъ-Арно*, отдалъ приказъ, въ которомъ объявлялъ войскамъ о предстоящемъ имъ путешествіи въ землю русскую. Онъ не скрывалъ, что ихъ ожидаютъ труды, лишенія, болѣзни и встрѣча съ врагомъ стойкимъ, крѣпкимъ и могучимъ, готовымъ на всѣ возможныя пожертвованія и жизнью и имуществомъ — словомъ встрѣча съ русскимъ народомъ и русскимъ солдатомъ, про котораго между чужестранцами сложилось убѣжденіе, что въ бою съ нимъ двойная работа: сначала надо убить, а потомъ толкнуть, чтобы онъ повалился.

Мирно жили и дѣятельно трудились севастопольцы въ ожиданіи вторженія непріятельскаго.

Праздникъ Пасхи проведенъ былъ всѣми, какъ гово-

рится, на чеку: получено было извѣстіе, что 9-го апрѣля сильный непріятельскій флотъ появился въ виду Одессы и бомбардировалъ городъ. Ожидая появленія его и у Севастополя, князь Меншиковъ выслалъ на крейсерство пароходъ «Владиміръ», который и оставался въ морѣ въ теченіе всей ночи. Въ часъ пополудни, 15-го апрѣля, «Владиміръ» донесъ, что видитъ непріятельскій флотъ изъ 18 кораблей и 7 пароходовъ. Полавировавъ въ виду Севастополя, непріятель скрылся, не предпринимая ничего рѣшительнаго и даже не подходя близко къ берегу. Появленіе этой эскадры не вызвало среди севастопольцевъ ни страха, ни удивленія. Своимъ появленіемъ непріятельскіе корабли возбудили только простое любопытство. Толпа зрителей стекалась на возвышенныхъ мѣстахъ, откуда было видно море, чтобы посмотрѣть на непріятельскія суда, стоявшія въ отдаленіи и не рѣшавшіяся приблизиться къ берегу. Съ уходомъ ихъ въ море и въ Севастополѣ все пришло въ обычный прежній порядокъ: никто не думалъ о предстоящей опасности, городская жизнь и увеселенія шли по прежнему. Ежедневно съ шести часовъ вечера на корабляхъ, на пристани и на бульварѣ играло нѣсколько хоровъ музыки. Толпы гуляющихъ любовались, какъ на рейдѣ стройно и величаво стояли наши суда черноморскаго флота, какъ между ними, на гладкой поверхности моря, извивались гребныя суда, перевозившія команды съ кораблей на берегъ и съ берега на корабли.

Среди такой жизни, севастопольцевъ не поразило новое появленіе, утромъ 3-го іюня, трехъ непріятельскихъ пароходовъ. Шесть пароходовъ, подъ начальствомъ контръ-адмирала *Панфилова*, были посланы на встрѣчу непріятелю. Послѣ небольшой перестрѣлки, наши пароходы вернулись обратно. На разсвѣтѣ 14-го іюля, непріятельскій флотъ опять показался близъ Севастополя. Не обращая на него вниманія, жители въ виду его праздновали торжество закладки соборнаго храма во имя Св. Равноапостольнаго и Великаго Князя Владиміра. Построеніе храма въ томъ мѣстѣ, гдѣ принялъ крещеніе Св. Владиміръ, а въ лицѣ

его и вся Россія, въ виду непріятеля, имѣло огромное значеніе.

— Кто не знаетъ, говорилъ при заложеніи храма преосвященный Иннокентій въ своей проповѣди, — кто не знаетъ, что у враговъ нашихъ одно изъ самыхъ задушевныхъ желаній теперь состоитъ въ томъ, чтобы какимъ бы то ни было образомъ отторгнуть здѣшнюю страну отъ состава Россіи? Это было бы, по собственному признанію ихъ, верхомъ ихъ успѣха противу насъ. А мы въ это самое время, какъ бы въ отвѣтъ на ихъ безумную дерзость, полагаемъ нынѣ здѣсь основаніе храму во имя Св. Владиміра!... Симъ самымъ сильнѣе и внятнѣе всякихъ словъ, мы говоримъ врагамъ нашимъ какъ бы такъ: непростительно, грубо ошибаетесь вы, воображая, что полуостровъ Таврическій составляетъ для Россіи только недавнюю добычу меча и плодъ побѣдъ: нѣтъ, это древнее и родовое достояніе наше; это наслѣдіе еще Св. Владиміра!... Здѣсь купель нашего крещенія, здѣсь начало нашей священной исторіи и народныхъ преданій. Уступить послѣ сего эту страну кому бы то ни было, значило бы для Россіи отказаться отъ купели своего крещенія, измѣнить памяти Св. Владиміра.... Возможно ли это? Скорѣе не останется во всѣхъ горахъ здѣшнихъ камня на камнѣ, нежели луна заступитъ здѣсь мѣсто Креста Христова?... Такова, говорю, сила и таковъ смыслъ нынѣшняго нашего священнодѣйствія по отношенію къ врагамъ нашимъ! И надобно же бы было имъ вчера явиться въ такомъ множествѣ предъ лицемъ сего града, какъ бы нарочно для присутствія при заложеніи сего храма и для выслушанія урока, въ немъ заключающагося!....

Между тѣмъ англійскіе и французскіе пароходы стали показываться въ виду Севастополя все чаще и чаще; они осматривали берега и дѣлали промѣры, опредѣляя глубину воды. По всему видно было, что союзники приготовлялись къ высадкѣ. Многіе говорили о томъ, что непріятель собирается высадиться на берега Крыма, что онъ непремѣнно высадится близъ Севастополя, но всѣ эти разговоры были не болѣе какъ предположенія; достовѣрно никто не зналъ

о намѣреніяхъ непріятеля. Гроза войны, висѣвшая надъ Севастополемъ, разразилась только 1-го сентября и призвала жителей къ усиленной и торопливой дѣятельности.

Часу въ десятомъ утра, 1-го сентября 1854 года, въ Севастополѣ замѣтили приближавшіеся со стороны моря два корабля, а за ними густое облако дыма, отъ большаго числа пароходовъ. Находившійся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города телеграфъ, въ шесть часовъ вечера, насчитывалъ до 100 непріятельскихъ судовъ, а вслѣдъ за тѣмъ прискакавшій въ городъ казакъ объявилъ, что судовъ *«видимо невидимо, такая сила, что и пересчитать нельзя»*. Въ самомъ дѣлѣ, издали казалось, что къ берегу подходитъ большой движущійся городъ, со множествомъ дымныхъ трубъ, фабрикъ и заводовъ. Это былъ союзный флотъ съ посаженными на суда пѣхотою, кавалеріею и артиллеріею. На немъ перевозились войска трехъ державъ: Франціи, Англіи и Турціи, числомъ болѣе 63,000 человѣкъ; всѣ они были размѣщены на 389 судахъ большихъ и малыхъ.

Часовъ въ восемь съ половиною вечера, жители города узнали, что флотъ становится на якорь. Въ это время русскія войска, только въ числѣ $38^1/_2$ тысячъ человѣкъ, были разбросаны по всему Крымскому полуострову, такъ что командующій войсками въ Крыму князь *Меншиковъ* могъ собрать вокругъ Севастополя не болѣе 35,000 человѣкъ.

О намѣреніи союзниковъ высадиться въ Крыму давно говорили и даже писали въ иностранныхъ газетахъ, но всѣмъ этимъ слухамъ не придавали особеннаго значенія. Приближавшееся осеннее время и неразлучныя съ нимъ бури на Черномъ морѣ убѣждали многихъ, что высадка въ такое время невозможна. Раздѣляя это убѣжденіе и не принимая никакихъ мѣръ къ сосредоточенію войскъ, князь *Меншиковъ* совершенно неожиданно получилъ извѣстіе, что непріятель появился въ виду Эвпаторіи и производитъ высадку. Это извѣстіе пробудило лихорадочную дѣятельность по всему Крымскому полуострову. Князь *Меншиковъ* тотчасъ же телеграфировалъ главнокомандующему Дунай-

скою арміею князю *М. Д. Горчакову*, что непріятель высаживается на берегахъ Крыма, и просилъ помощи. Послѣдній, не ожидая никакихъ приказаній свыше, тотчасъ отправилъ въ Крымъ 12-ю пѣхотную дивизію. Меншиковъ, между тѣмъ, предоставивъ непріятелю безпрепятственно высаживаться на берегъ, сталъ стягивать войска на рѣку Альму съ тою цѣлію, чтобы заградить дорогу къ Севастополю, уничтоженіе котораго составляло главную цѣль непріятельскихъ дѣйствій.

На разсвѣтѣ 2-го сентября непріятельскій флотъ подошелъ къ берегу и остановился противъ стараго укрѣпленія, верстахъ въ 15-ти отъ города Эвпаторіи.

Растянувшись слишкомъ на четырнадцать верстъ въ длину и расположившись въ четыре линіи, онъ сталъ приготовлять войска къ высадкѣ. Спустивъ съ судовъ боты, лодки и другія гребныя суда, союзники начали садиться въ нихъ въ 7-мъ часовъ утра и къ вечеру было высажено на берегъ 45,000 человѣкъ съ 83 орудіями. Они тотчасъ же заняли Эвпаторію, гдѣ въ замѣнъ гарнизона было 200 человѣкъ слабосильныхъ Тарутинскаго егерскаго полка. Съ приближеніемъ непріятеля, тарутинцы оставили городъ и отступили по дорогѣ въ Симферополь. Многіе изъ жителей послѣдовали за ними, и въ городѣ не оставалось ни одного человѣка, способнаго къ защитѣ. Союзники успѣли захватить тамъ въ плѣнъ только нѣсколькихъ чиновниковъ и доктора. Выгрузка остальныхъ войскъ, тяжестей и снарядовъ продолжалась до 7-го сентября.

Нигдѣ на берегу русскихъ войскъ не было видно. Французы и англичане высаживались безпрепятственно и лишь только впереди ихъ, да по бокамъ горѣли стоги сѣна и хлѣба, зажженные нашими казаками.

Тяжело было первое вступленіе непріятеля на русскую землю. Въ первомъ часу дня пошелъ дождь, продолжавшійся всю ночь безъ перерыва. Не успѣвъ свезти на берегъ свои палатки, генералы, офицеры и солдаты, поливаемые дождемъ, сопровождаемымъ довольно сильною бурею, оставались всю ночь подъ открытымъ небомъ и не имѣли другой постели кромѣ грязи. Они принуждены были спать въ болотѣ или въ по-

токахъ воды, не имѣя чѣмъ прикрыться, чѣмъ отогрѣться и съ сознаніемъ, что на утро имъ нечѣмъ будетъ перекусить, такъ какъ, за неимѣніемъ дровъ, нельзя было сварить пищу. Отъ недостатка пищи и неудобства отдыха подъ открытымъ небомъ, между солдатами оказалось множество больныхъ и появились случаи холеры. Высаженныя лошади спали съ тѣла, болѣли и околѣвали. Какъ людямъ, такъ и лошадямъ не доставало прѣсной воды для питья: ее приходилось возить верстъ за 12-ть отъ мѣста высадки, и потому лошади оставались тридцать часовъ непоенными.

Пока высаживался непріятель, наши войска собирались по одиночкѣ съ разныхъ концовъ Крымскаго полустрова, и располагались на лѣвомъ гористомъ берегу рѣки Альмы, впадающей въ море. Бивуаки ихъ тянулись верстъ на восемь, по хребту горъ, вдоль которыхъ, внизу, протекала рѣчка, а далѣе за рѣкою была мѣстность довольно ровная, открытая и только слегка всхолмленная.

Вдали виднѣлась Эвпаторія и возлѣ нея возвышался цѣлый лѣсъ мачтъ на непріятельскихъ судахъ.

Съ лѣвой стороны нашего расположенія синѣло море и устье рѣчки Альмы. Правѣе моря виднѣлось селеніе Альма-Тамакъ, въ срединѣ деревня Бурлюкъ, а за нею Тарханларъ—всѣ три расположенныя въ одну линію, вдоль нашихъ бивуаковъ, на противоположномъ правомъ берегу р. Альмы.

Между деревнями разбросано было множество татарскихъ строеній, окруженныхъ садами, рощами и виноградниками; нѣкоторые дома были обнесены каменными оградами. Правѣе средней деревня Бурлюка, на дорогѣ, шедшей изъ Эвпаторіи къ Севастополю, былъ устроенъ деревянный мостъ, перекинутый черезъ р. Альму и занятый нашими войсками.

Хотя мостъ этотъ былъ единственнымъ, но непріятель могъ легко перейти рѣчку въ бродъ вездѣ, гдѣ бы ему ни вздумалось.

Мѣсто, на которомъ расположились наши войска, было очень высоко. Подъ ногами вдоль всего фронта извивалась рѣчка Альма, а за нею, какъ на ладони, видна была,

верстъ на шесть въ окружности, равнина, мѣстами заставленная стогами сѣна и разныхъ хлѣбовъ. Равнина эта была на столько открыта, что всякое движеніе непріятеля на этой мѣстности было видно. Только съ лѣвой стороны, версты на двѣ отъ моря, онъ могъ подойти скрытно, пользуясь высокимъ и обрывистымъ берегомъ рѣки. Мѣстность эта, по крутости подъемовъ, считалась трудно доступною, и потому для защиты подъема былъ поставленъ только одинъ батальонъ Минскаго полка, стоявшій лѣвѣе всѣхъ войскъ.

Правѣе Минскаго полка, въ разныхъ мѣстахъ между бивуаками пѣхоты, были разбросаны батареи артиллеріи. Снятыя съ передковъ орудія своими дулами смотрѣли въ сторону непріятеля. Сзади орудій стояли передки, еще сзади виднѣлись коновязи и толпы артиллеристовъ. Правѣе мѣста черезъ р. Альму, на покатости горы обращенной къ непріятелю, строилось укрѣпленіе, еще правѣе и нѣсколько сзади, на самой вершинѣ, строилось другое. Нѣсколько сотъ солдатъ, какъ муравьи, копошились въ этихъ укрѣпленіяхъ; изъ-за насыпи невидимо кѣмъ выбрасывались ежеминутно лопаты земли. Работа, сопровождаемая смѣхомъ, шумомъ и остротами, шла успѣшно.

Весь хребетъ горъ, составлявшихъ лѣвый берегъ рѣчки Альмы, былъ усыпанъ толпами пѣхотинцевъ, сновавшихъ взадъ и впередъ; одни тащили дрова къ ротнымъ котламъ, другіе собирали хворостъ для костровъ. Со всѣхъ сторонъ виднѣлись солдаты, несшіе изъ деревни двери, колья, заборы и доски. Тамъ и сямъ, составивъ ружья въ козла и растянувъ на нихъ свою шинель, сидѣли кучки людей скрывавшіяся отъ солнца. Всѣ были спокойны. Солдаты, кто стоя, кто лежа, кто сидя, толковали, острили, разсказывали. Въ сторонѣ фельдфебель разсчитывалъ роту. Въ задней линіи бивуаковъ, у дымящихся котловъ, стояла толпа въ ожиданіи обѣда. Тамъ раздавали винныя порціи; солдаты, перекрестившись, подносили манерки ко рту, цѣдили сквозь зубы водку и, утершись рукавомъ шинели, отходили въ сторону, въ ожиданіи обѣда; толпа народу окружала кашеваровъ и по очереди подставляла деревянныя чашки.

Около трёхъ часовъ пополудни, въ полки Бородинскій и Тарутинскій пришло приказаніе отъ всякаго взвода взять по полувзводу, а прочимъ оставаться на своемъ мѣстѣ.

— Идемъ встрѣчать французовъ, говорили солдаты остающимся товарищамъ.

Дѣйствительно, около этого времени въ виду нашихъ войскъ появилось два полка англійской кавалеріи.

Окончивъ высадку, союзники, 7-го сентября, двинулись вдоль морскаго берега по направленію къ Севастополю. Рядомъ съ ними, вдоль того же берега, двигался и флотъ. Они шли по мѣстамъ безводнымъ и пустыннымъ: кое гдѣ виднѣлись разрушенныя хижины, съ почернѣвшими отъ дыма стѣнами. Впереди передъ ними виднѣлись густыя и безпрестанно увеличивавшіяся облака дыма, а за тѣмъ зарево, служившее признакомъ пожара татарскихъ селеній.

Тамъ и сямъ шныряли черныя массы казаковъ, издали наблюдавшихъ за движеніемъ непріятеля. Казаки то показывались на высотахъ, то скрывались за ними; длинныя пики ихъ, блестѣвшія на солнцѣ, указывали союзникамъ, что русскіе зорко слѣдятъ за ихъ движеніемъ.

Къ двумъ часамъ пополудни непріятель подошелъ къ рѣчкѣ Булганакъ, переправился на лѣвый ея берегъ и останавился близъ р. Альмы, въ шести верстахъ отъ мѣста, занятаго нашими войсками. Союзники тотчасъ же выслали для наблюденія за нашими войсками два полка кавалеріи. Это-то и были тѣ полки англичанъ, которыя появились въ виду нашихъ войскъ около трехъ часовъ пополудни.

Для наблюденія за ними былъ высланъ сначала одинъ эскадронъ гусаръ, а потомъ, для поддержанія его и для обозрѣнія расположенія непріятельскихъ войскъ, составленъ особый отрядъ, подъ начальствомъ генерала *Кирьякова*. Въ отрядъ этотъ назначены были части полковъ Бородинскаго, Тарутинскаго съ 4-ю батареею 17-й артиллерійской бригады, два полка гусаръ, девять сотенъ казаковъ и 12-я конная батарея.

Перейдя рѣчку Альму, бородинцы и тарутинцы двинулись впередъ, имѣя впереди себя батарею пѣшей артиллеріи, а съ правой стороны нѣсколько взводовъ гусаръ.

Подходя къ непріятелю, гусары опередили пѣхоту и, разсыпавшись въ цѣпь, завязали перестрѣлку съ англичанами. Перестрѣлка эта, продолжавшаяся около 20 минутъ, не принесла никакого вреда ни намъ, ни непріятелю. Обѣ стороны двигались по разнымъ направленіямъ: то взадъ, то впередъ, то въ сторону; наши войска строились лицомъ то къ морю, то къ сторонѣ Эвпаторіи и, наконецъ, стали отступать.

Въ это время со стороны непріятеля показался посланный раньше другихъ эскадронъ нашихъ гусаръ. Они медленно приближались къ нашимъ войскамъ. Одѣтые въ бѣлые кителя, противно приказанію быть въ сѣрыхъ шинеляхъ, гусары были приняты за отрядъ непріятельской кавалеріи. Пѣшая артиллерія, находившаяся впереди пѣхоты, засуетилась, на батареѣ задымились фитили, а гусары все ближе и ближе подходили къ нашимъ войскамъ. Оставшіеся на бивуакахъ полки высыпали на гребень хребта и, притаивъ дыханіе, смотрѣли, какъ передовые ихъ товарищи будутъ драться съ французами. Вдругъ изъ одного орудія блеснулъ огонекъ, появился клубъ дыма, и вслѣдъ затѣмъ раздался выстрѣлъ.

Когда дымъ разсѣялся, наши солдаты съ удивленіемъ увидали, что эскадронъ маршъ-маршемъ бросился на правый флангъ нашихъ, гдѣ стояли гусары. Послѣдніе подались назадъ и скакавшіе были приняты въ свои ряды.

Скоро загадка разъяснилась: своихъ гусаръ, мы приняли, по ихъ кителямъ, за непріятельскихъ кавалеристовъ. Имъ пришлось выдержать, хотя и безвредно, первый выстрѣлъ «для почину», какъ говорили смѣясь солдаты.

Возвратившійся эскадронъ захватилъ на дорогѣ французскаго офицера генеральнаго штаба. Это былъ первый плѣнный, взятый у союзниковъ послѣ высадки ихъ на берегъ.

Съ отступленіемъ нашихъ войскъ, непріятель сдѣлалъ

то же самое, и на правомъ берегу р. Альмы осталась только казачья цѣпь, слѣдившая за движеніемъ союзниковъ.

Два противника стояли теперь лицомъ къ лицу и могли свободно осматривать другъ друга; ихъ раздѣляла рѣчка Альма да полсутокъ времени, прежде чѣмъ они сошлись и помѣрялись силами.

На одной изъ вершинъ, и почти въ срединѣ расположенія нашихъ войскъ, видна была башня, на которой стояло нѣсколько человѣкъ.

На башнѣ этой былъ устроенъ телеграфъ, откуда князь *Меншиковъ* съ своею свитою смотрѣлъ на бивуаки и корабли союзниковъ, стараясь опредѣлить силу непріятеля и угадать цѣль его движенія. Число непріятеля было вдвое болѣе чѣмъ нашихъ войскъ. Союзниковъ было 63 тысячи съ 128 орудіями, у насъ только около 35 тысячъ и 84 орудія.

Не вдалекѣ отъ башни была разбита сѣрая палатка главнокомандующаго, возлѣ которой стояли хоръ музыкантовъ и пѣсенники Тарутинскаго полка. Музыканты, смѣнясь пѣсенниками, играли марши и русскія пѣсни. Пѣсенники пѣли:

Вы, фравцузы, англичане,
Что турецкій глупый строй!
Выходите, бусурмане!
Вызываемъ васъ на бой!
Вызываемъ васъ на бой!

Начинало смеркаться. Батальонъ моряковъ и 6-й стрѣлковый переправлены на противоположную сторону и разсыпаны въ цѣпь, въ садахъ за р. Альмою и за ауломъ Бурлюкъ. Съ наступленіемъ ночи, какъ у непріятеля, такъ и у насъ загорѣлось двѣ линіи костровъ.

Темна и холодна была ночь передъ альмскимъ сраженіемъ; для многихъ она была послѣднею въ жизни. Среди мрака мелькали бивуачные огни, а лѣвѣе часть моря, ближайшая къ берегу, была усѣяна ярко освѣщенными судами.

На нашей позиціи горѣли рѣдкіе, тусклые огни. Въ оставленномъ жителями аулѣ выли голодныя собаки. Вдали и кругомъ раздавались говоръ, лошадиный топотъ, ржанье и

все это, сливаясь въ одинъ гулъ, наводило тоску. Къ полуночи шумный говоръ стихъ и наступило всеобщее молчаніе. Тихо было въ воздухѣ, еще тише на бивуакѣ. Расположившись небольшими кучками, въ полной боевой аммуниціи, наши солдатики готовились къ бою: кто горячо молился, кто вспоминалъ родныхъ и близкихъ сердцу, иной чистилъ ружье, а были и такіе, которые, предоставивъ себя волѣ Божіей, спали крѣпкимъ сномъ. По временамъ, начальство, обходя бивуакъ, отдавало приказаніе, назначались перевязочные пункты, доктора, лазаретная прислуга, повозки для раненыхъ—словомъ отовсюду вѣяло смертью, увѣчьемъ и болѣзнями.

Костры догорѣли.... Кое гдѣ мелькалъ еще огонекъ, а вдали занималась заря. Передъ разсвѣтомъ, съ французскаго адмиральскаго корабля раздался выстрѣлъ зоревой пушки. Во французскомъ лагерѣ послышался бой зари, вслѣдъ за нею заиграли зорю въ англійскомъ лагерѣ, а потомъ и въ нашемъ, съ духовнымъ гимномъ: «*Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ*».

Содержаніе этого гимна вполнѣ соотвѣтствовало настроенію слушавшихъ, и было лучшимъ выраженіемъ ихъ желаній.

Вотъ слова этого гимна:

Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ
Не можетъ изъяснить языкъ;
Великъ Онъ въ небесахъ на тронѣ,
Въ былинкахъ на земли великъ.
Вездѣ Господь, вездѣ Ты славенъ,
Въ нощи, во дни сіяньемъ равенъ.
. . . . . .
О Боже, во Твое селенье
Да впидутъ наши голоса,
И взыдетъ наше умиленье
Къ Тебѣ, какъ утренняя роса!
Тебѣ въ сердцахъ алтарь поставимъ,
Тебя, Господь, поемъ и славимъ.—

Прекрасные музыкальные звуки этой молитвы, прославляя Творца вселенной, переносили слушателей въ иной міръ, въ міръ горній, и какъ бы служили примиреніемъ съ предстоящею кровавою сценою. Пробужденныя молитвою,

наши войска встрѣтили утро 8-го сентября, день Рождества Богородицы. Съ появленіемъ первыхъ лучей солнца, и при блескѣ утренней росы, въ полкахъ служили молебны, священники обходили ряды, осѣняли солдатъ крестомъ и окропляли св. водою. Горячо молились солдаты; многіе офицеры становились на колѣна. Былъ уже девятый часъ утра, когда со стороны нашего праваго фланга послышались звуки полковаго марша, а за ними стали видны двѣ колонны, приближавшіяся къ нашимъ войскамъ. То были первый и второй батальоны Московскаго полка, втягивавшіеся на позицію, послѣ утомительнаго и длиннаго перехода изъ Керчи.

Батальоны эти, расположенные въ 40 верстахъ отъ Керчи, въ селеніи Аргинъ, получили приказаніе двинуться на Альму, только 4-го сентября въ восемь часовъ вечера. На другой день, послѣ солдатскаго обѣда, они выступили въ походъ, и менѣе чѣмъ въ трое сутокъ, какъ соколы, пролетѣли 220 верстъ, явившись утромъ, въ день сраженія, на выручку товарищамъ.

Не смотря на столь большой переходъ, лихіе батальоны прошли мимо полковъ, стоявшихъ на позиціи, съ бубнами, пѣснями и плясунами и огласили воздухъ хоромъ музыки.

Не успѣли московцы прилечь-отдохнуть, и даже зарядить ружей, какъ, голодные и томимые жаждой, тотчасъ же посланы были, какъ увидимъ ниже, въ самый жаркій бой, гдѣ и отслужили свою службу Царю-батюшкѣ и Россіи матушкѣ такъ, какъ дай Богъ каждому изъ насъ отслужить, если хватитъ силы.

Еще въ семь часовъ утра, стало замѣтно движеніе и въ непріятельскомъ лагерѣ. Съ лѣвой стороны нашего расположенія, показался флотъ, подходившій къ устью Альмы. Правѣе флота, видны были широко раскинувшіяся французскія войска, еще правѣе противъ моста стояли въ нѣсколько линій англичане въ красныхъ мундирахъ. Союзные главнокомандующіе рѣшили начать атаку французскою дивизіею, находившеюся подъ начальствомъ генерала *Боске* и расположенною возлѣ морскаго берега, противъ нашего лѣваго фланга. Восемь пароходовъ своимъ огнемъ

должны были помогать этой колоннѣ. Одновременно съ *Боске* и англичане должны были двинуться противъ праваго нашего фланга и стараться обойти его.

Подъ прикрытіемъ пароходовъ, *Боске*, около пяти съ половиною часовъ утра, двинулся вдоль морскаго берега. Съ мѣста расположенія нашихъ войскъ, видно было, какъ французы начали спускаться въ лощину и, слѣдуя за тѣмъ по волнистой береговой мѣстности, то показывались на возвышенной части дороги, то вновь скрывались за возвышеніями. Между тѣмъ, англичане оставались на мѣстѣ. Французскій главнокомандующій, маршалъ *Сентъ-Арно*, послалъ спросить лорда *Раглана* (англійскаго главнокомандующаго) о причинахъ промедленія. *Раганъ* отвѣчалъ, что часть войскъ его слишкомъ поздно прибыла, ночью, на рѣку Булганакъ, и потому требуетъ отдыха. Въ слѣдствіе такого отвѣта, движеніе колонны *Боске* было остановлено и часъ атаки отложенъ. Спустя долгое время, часовъ около одиннадцати утра, стало опять замѣтно движеніе вдоль всей непріятельской линіи. Союзники длиннымъ строемъ, въ двѣ линіи, приближались къ мѣсту расположенія нашихъ войскъ. Передовые полки наши стояли въ ружьѣ готовые къ бою. Творя крестное знаменіе, солдаты различали уже цвѣтъ непріятельскихъ мундировъ и разсуждали между собою о томъ, кто идетъ противъ нихъ, французъ или англичанинъ.

Въ то время, когда отрядъ Боске подошелъ уже къ рѣчкѣ Альмѣ, остальныя войска союзниковъ находились отъ нея не ближе двухъ пушечныхъ выстрѣловъ. Съ телеграфной башни видно было все расположеніе непріятеля. Возлѣ морскаго берега и подойдя къ рѣкѣ Альмѣ, находилась дивизія Боске, правѣе ея и нѣсколько назади приближалась французская дивизія *Канробера*, еще правѣе— дивизія принца *Наполеона*. Впереди, противъ средины каждой изъ дивизій, двигалось по одной батареѣ артиллеріи, прикрытыхъ густою цѣпью стрѣлковъ.

Правѣе французовъ, тянулись англійскіе баталіоны развернутымъ фронтомъ въ двѣ линіи. Середина ихъ приходилась какъ разъ противъ селенія Бурлюкъ.

Противъ французовъ, вдоль по хребту горъ, были рас-

кинуты наши полки 2-й бригады, 17-й пѣхотной и резервные баталіоны 13-й пѣхотной дивизіи (1), подъ общимъ начальствомъ генерала *Кирьякова*; на гребнѣ горы, противъ селенія Бурлюкъ, стояли 1-я и 2-я батареи 16-й бригады. Правѣе ихъ, противъ англичанъ, въ укрѣпленіи, насыпанномъ на скатѣ горы противъ Бурлюкскаго моста, находилась батарейная № 1-го батарея 16-й артиллерійской бригады, а правѣе и нѣсколько позади ея, точно также въ укрѣпленіи, расположилась № 3-го батарея 14-й бригады. Позади этихъ двухъ батарей, стояли полки 16-й пѣхотной дивизіи (2), подъ общимъ начальствомъ генерала князя П. Д. *Горчакова 1-го*. Въ общемъ резервѣ, близъ эвпаторійской дороги, стояли два полка 14-й пѣхотной дивизіи, Минскій (3) и Волынскій.

Замѣтивъ прежде всего движеніе непріятеля съ лѣвой стороны, князь *Меншиковъ* послалъ, въ помощь батальону Минскаго полка, четвертый батальонъ Московскаго. Между тѣмъ, Боске, подойдя къ рѣкѣ Альмѣ и видя, что противоположный берегъ нами не занятъ, тотчасъ же сталъ переправляться въ бродъ и взбираться на высоты.

За однимъ изъ холмовъ этихъ высотъ лежало двѣ роты усталаго Московскаго полка. Два ротныхъ офицера взошли на вершину холма, чтобы прослѣдить за движеніемъ врага. Они видѣли, какъ французы собирались переходить морскую отмель, какъ нѣкоторые, лежа на пескѣ, отдыхали въ ожиданіи переправы, а другіе, полураздѣтые, бродили по водѣ.

Стоявшіе на вершинѣ холма офицеры, изъ коихъ одинъ былъ подпоручикъ *Перовъ*, скоро замѣтили появленіе зуавовъ на высотахъ нашего берега рѣки. Въ это время не-

---

(1) Въ первой линіи стояли: лѣвѣе всѣхъ второй батальонъ Минскаго полка; затѣмъ отъ него вправо по порядку: батальоны полковъ Бѣлостокскаго, Брестскаго и Бородинскаго и двѣ батареи № 1 и 2-го 16-й артиллерійской бригады. Во второй линіи стоялъ Тарутинскій полкъ, а въ резервѣ Московскій.

(2) Ближе къ мосту и въ первой линіи стоялъ полкъ Великаго Князя Михаила Николаевича, правѣе его Суздальскій полкъ; во второй линіи стояли полки Углицкій и Владимірскій.

(3) Здѣсь было только 1, 3 и 4 батальоны этого полка, а второй, какъ мы видѣли выше, стоялъ въ первой линіи лѣвѣе всѣхъ нашихъ войскъ.

пріятельскіе пароходы, подтянувшіеся къ устью Альмы, открыли самый убійственный огонь вдоль расположенія нашихъ войскъ. Цѣлая туча снарядовъ пронеслась на наши полки, за ней другая—и началось дѣло....

— Опускайся на землю, крикнулъ товарищъ подпоручику *Перову*.

Они опустились.

Огненными языками вылетали выстрѣлы изъ дула орудій и ядра, одинъ за другимъ, такъ и грохотали по вершинѣ холма.

— Мимо! прокричалъ *Перовъ* и поднялся.

Товарищъ совѣтывалъ ему не показываться, не жертвовать собою напрасно, но тотъ не слушалъ. Выстрѣлы гудѣли; ядра со всѣхъ сторонъ шлепались на землю и летѣли далѣе. Не прошло и пяти минутъ, какъ, среди грохота выстрѣловъ, послышался стукъ, похожій на тотъ, какой происходитъ отъ паденія ранца, брошеннаго съ солдатскихъ плечъ. Сидѣвшій за вершиною холма товарищъ выглянулъ—*Перова* уже не было на свѣтѣ. Это была одна изъ первыхъ жертвъ альмскаго сраженія. *Перовъ* плотно прилегъ своею грудью къ землѣ, клочекъ которой, по своему росту, отвоевалъ на вѣчныя времена. Оторванная отъ плеча рука его валялась не вдалекѣ и указывала, что храбрый отошелъ въ вѣчность.

— Ребята, *Перовъ* убитъ, крикнулъ его товарищъ солдатамъ.

При этихъ словахъ, обѣ роты московцевъ, лежавшіе въ шесть шереногъ, какъ одинъ человѣкъ вскочили на колѣни и стали креститься. Множество чистыхъ молитвъ слились въ одну за упокой души убитаго; молитвы эти были искренни, и солдатская панихида по *Перову* была отслужена на мѣстѣ происшествія, подъ открытымъ небомъ, при звукахъ вражьихъ выстрѣловъ.

Такимъ образомъ, первые выстрѣлы послышались съ лѣвой стороны, со стороны моря, тамъ, гдѣ за горою непріятель не былъ видѣнъ. Стрѣлки его лѣзли въ гору и, разсыпавшись по вершинѣ, охватили значительное пространство. Стоявшій скрытно въ лощинѣ, второй батальонъ

Минскаго полка вдругъ очутился лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. Французскіе стрѣлки (зуавы) охватили его съ фланга и появились въ тылу. Они тотчасъ же открыли самый убійственный огонь по батальону, стоявшему одиноко, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ прочихъ войскъ. Поражаемый тучею снарядовъ, летѣвшихъ съ пароходовъ, и пулями стрѣлковъ многочисленнаго непріятеля, батальонъ этотъ долгое время отстаивалъ то мѣсто, защищать которое былъ назначенъ. То выстрѣлами, то штыками онъ удерживалъ натискъ врага, ежеминутно усиливавшагося. Видя, однако же, что одному батальону нѣтъ возможности устоять противъ напора цѣлой дивизіи, подполковникъ *Раковичъ* сталъ отступать и дошелъ до селенія Орта-Кисекъ, когда замѣтилъ приближеніе резервовъ. На подмогу ему былъ отправленъ Московскій полкъ, съ легкими № 4 и 5 батареями 17-й артиллерійской бригады.

— Помоги вамъ Боже, кричали тарутинцы проходившимъ сзади ихъ московцамъ.

Быстро вынесшись впередъ, четвертая батарея открыла огонь по непріятелю, но въ самое короткое время потеряла половину прислуги и большую частью лошадей.

Вскорѣ послѣ Московскаго получили приказаніе слѣдовать туда-же изъ резерва и остальные три батальона Минскаго полка. Минцы и московцы, какъ два родные брата, нѣсколько разъ бросались въ штыки, но принуждены были отступать съ большою потерею. Непріятель избѣгалъ штыковаго боя: какъ только приближались къ нему наши колонны, онъ отступалъ, раздѣлялся на двѣ стороны, а въ очищенное имъ мѣсто влетали батареи и осыпали нашихъ градомъ картечи и тучею пуль развернутыхъ батальоновъ. Послѣ двухъ трехъ такихъ схватокъ, ряды минцевъ и московцевъ значительно опустѣли.

Не будучи въ состояніи, безъ огромныхъ потерь, пройти густой градъ пуль, прежде чѣмъ принять непріятеля въ штыки, минцы и московцы принуждены были отказаться отъ штыковаго дѣла и заботиться только о томъ, чтобы огнемъ батарей и своими ружейными выстрѣлами удержать напоръ многочисленнаго непріятеля. Обстрѣливаемые ба-

тареями и мѣткими выстрѣлами непріятельскихъ стрѣлковъ, они твердо стояли подъ смертоноснымъ огнемъ, смыкали ряды, замѣщали убитыхъ и раненыхъ и поддерживали живой ружейный и артиллерійскій огонь, наносившій значительный вредъ непріятелю. Видя малочисленность нашего отряда, французы напирали пуще прежняго, и когда свѣжія ихъ войска стали обходить справа минцевъ и московцевъ, то они подались нѣсколько назадъ.

Это было въ то время, когда главныя силы союзниковъ, двигавшіяся на дер. Бурлюкъ, атаковали сады, занятые батальономъ моряковъ и шестымъ стрѣлковымъ батальономъ. Подъ прикрытіемъ густой стрѣлковой цѣпи, шли французы, а правѣе ихъ англичане. Въ полдень непріятель подошелъ къ противоположному берегу рѣки съ намѣреніемъ переправиться въ бродъ. Наши два батальона, разсыпанные по садамъ на протяженіи пяти верстъ, не могли остановить наступленія многочисленнаго непріятеля. Они отступили, зажгли деревню Бурлюкъ и приступили къ уничтоженію моста, но уничтожить его не успѣли. Занявъ сады, непріятель выдвинулъ батареи и открылъ огонь по нашимъ войскамъ, стоявшимъ въ первой линіи. Въ это время англичане двинулись къ мосту съ намѣреніемъ овладѣть этою переправою. Пожаръ селен. Бурлюкъ значительно замедлялъ ихъ движенія. Не смотря на то, они, свернувшись въ колонны, смѣло шли къ мосту, осыпаемые пулями полковъ Бородинскаго и Великаго Князя Михаила Николаевича и картечью нашихъ батарей, поставленныхъ противъ моста за укрѣпленіями и на возвышеніяхъ. Подъ такимъ огнемъ не было возможности перейти мостъ, и непріятель, потерпѣвъ значительную потерю, долженъ былъ отступить.

Бывшіе въ садахъ непріятельскіе стрѣлки стали поодиночкѣ переправляться черезъ рѣку въ бродъ и, скрывшись за виноградниками, своими выстрѣлами опустошали батареи и стоявшія ближе другихъ колонны Бородинскаго полка. Чтобы уменьшить потерю, генералъ *Кирьяковъ* отвелъ войска нѣсколько назадъ. Замѣтивъ это, англичане тотчасъ же двинулись на мостъ. Ядра и гранаты нашихъ батарей проводили кровавыя борозды въ рядахъ враговъ; англичане

ложились рядами, но, при своей многочисленности, смыкались и съ новою силою, подъ прикрытіемъ густой цѣпи стрѣлковъ, стремились къ мосту. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ, черезъ груду тѣлъ своихъ товарищей, они успѣли переправиться на нашъ берегъ. Тогда князь *Горчаковъ 1-й* приказалъ двумъ батальонамъ егерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полка ударить въ штыки. Егеря бросились впередъ, но непріятель и на этотъ разъ избѣгалъ рукопашнаго боя.

Поспѣшно отступивъ назадъ, за мостъ, онъ встрѣтилъ нашихъ егерей ужаснымъ огнемъ всего фронта. Осыпанные пулями нѣсколькихъ тысячъ стрѣлковъ, наши егеря въ самое короткое время лишились своего командира полка полковника *Селезнева*, двухъ батальонныхъ командировъ, большей части офицеровъ и почти половины нижнихъ чиновъ. Не видя непріятеля на своемъ берегу, егеря принуждены были отступить. Пользуясь этимъ, свѣжія колонны англичанъ перешли мостъ и, преслѣдуя отступавшихъ, заняли укрѣпленіе, за которымъ стояла батарея. Послѣдняя, потерявши половину людей и почти всѣхъ лошадей, отступила вмѣстѣ съ егерями. На валу укрѣпленія развѣвалось уже англійское знамя.... Задѣло оно за живое русское сердце нашего солдата. Минута была рѣшительная; медлить было нельзя.

Князь *Горчаковъ*, какъ только увидѣлъ отступленіе егерей, отправилъ къ нимъ на помощь два батальона Владимірскаго полка. Не обращая вниманія на градъ пуль, осыпаемые выстрѣлами непріятельской батареи, владимірцы молодецки, какъ на ученьѣ, шли впередъ, взявъ ружья на руку и не дѣлая ни единаго выстрѣла. Страшна была для врага такая живая стѣна штыковъ, двигающихся въ глубокомъ молчаніи. Не успѣлъ оглянуться непріятель, какъ владимірцы, стремительнымъ ударомъ въ штыки, выбили его изъ укрѣпленія и сами заняли его. Скрывшись за укрѣпленіемъ, они открыли губительный огонь по непріятелю, бѣжавшему къ мосту.

Въ это время бой происходилъ на двухъ главныхъ пунктахъ: противъ моста дрались владимірцы съ англичанами, а лѣвѣе ихъ минцы и московцы, съ французами. Под-

держивавшія минцевъ и московцевъ и понесшія жестокій уронъ людьми и лошадьми, батареи 17-й артиллерійской бригады были замѣнены двумя донскими и 12-ю конною батареею. Прискакавшія на мѣсто боя свѣжія батареи открыли самый частый огонь по непріятелю.

Боске, не смотря на всю многочисленность своихъ силъ, не могъ преодолѣть сопротивленія минцевъ и московцевъ. Онъ ни шагу не подвинулся впередъ до тѣхъ поръ, пока къ нему не пришла на помощь цѣлая французская дивизія *Канробера*, появившаяся съ правой стороны Московскаго полка. Минцы и московцы, боясь быть отрѣзанными и имѣя съ боку и противъ себя двѣ дивизіи, стали отступать. Тогда французы всѣми своими силами переправились черезъ рѣку, и, преслѣдуя оступавшихъ заняли высоты и овладѣли телеграфомъ. Лѣвая половина нашихъ войскъ отступала тогда, когда владимірцы, выбившіе англичанъ изъ укрѣпленія, все еще держались въ немъ. Разстроенныя и потерпѣвшія значительную убыль, батареи, наши поддерживавшія владимірцевъ, производила рѣдкую стрѣльбу; замѣнить ихъ было нечѣмъ, такъ какъ вся артиллерія была уже введена въ дѣло. Оставшись одни въ укрѣпленіи, владимірцы перестрѣливались съ непріятелемъ.

Выйдя изъ подъ выстрѣловъ, англичане стали устраиваться. Пользуясь ихъ замѣшательствомъ, владимірцы, ободряемые примѣромъ начальниковъ и своихъ офицеровъ, съ крикомъ «*ура!*» бросились вторично въ штыки. Рядомъ съ ними съ одной стороны шелъ корпусный командиръ князь *Горчаковъ 1-й*, а съ другой начальникъ дивизіи, генералъ *Квицинскій*. Владимірцы быстро выскочили изъ за укрѣпленія, частію перелѣзли черезъ валъ и безъ выстрѣла кинулись на непріятеля съ такою рѣшимостію, что первая линія англійскихъ батальоновъ дрогнула и стала отступать, но въ это время загремѣлъ противъ наступающихъ частый огонь французской батареи, успѣвшей переправиться черезъ Альму на нашъ берегъ. Поддержанные французами, англичане остановились, и открыли огонь тѣмъ болѣе убійственный, что пространство, раздѣлявшее двухъ противниковъ, не превышало ста саженъ. Не смотря на столь сильный

огонь владимірцы съ новымъ крикомъ «*ура*!» рванулись впередъ, въ то время, когда къ англичанамъ стали подходить новыя подкрѣпленія, переправлявшіяся въ бродъ правѣе и лѣвѣе моста.

Наступилъ переломъ боя; одному храброму трудно бороться противъ десятерыхъ. Перекрестные выстрѣлы нѣсколькихъ тысячъ штуцеровъ и французской батареи поражали спереди, съ боку и прочищали ряды владимірцевъ, потерявшихъ въ одно мгновенія многія сотни храбрыхъ. Лишившись почти всѣхъ своихъ офицеровъ и не видя близкой помощи, горсть храбрыхъ отступила къ укрѣпленію. По пятамъ за ними двинулись англичане, надѣясь на легкую побѣду. Владимірцы употребляли послѣднія усилія; ряды изъ рѣдѣли; начальники пали или смертью храбрыхъ или отнесены тяжело ранеными. Остатки храбраго полка изъ за укрѣпленія открыли такой убійственный огонь, что многочисленный непріятель принужденъ былъ остановиться. Былъ одинъ мигъ, когда колонны англичанъ, въ десятеро сильнѣйшія, казалось, не смѣли атаковать горсти храбрыхъ. Они остановились въ недоумѣніи и молча раздумывали, что бы предпринять. Прошло нѣсколько мгновеній, какъ бы похожихъ на продолжительный вздохъ передъ послѣднимъ напоромъ. За этимъ мгновеніемъ, за этимъ кратковременнымъ вздохомъ, послѣдовалъ залпъ всего англійскаго фронта. Владимірцы отвѣчали тѣмъ же, и посыпались съ обѣихъ сторонъ новые и частые выстрѣлы. Французская батарея дѣйствовала продольно по укрѣпленію, за которымъ скрылись храбрецы, и дорого заплатили владимірцы за тѣ десять—двадцать минутъ, въ продолженіе которыхъ они пытались удержать натискъ болѣе, чѣмъ цѣлой дивизіи англичанъ. Владимірцы не считали павшихъ за родину, не считали и оставшихся въ живыхъ, они сильны были не числомъ, а духомъ. Полкъ не дрогнулъ даже и тогда, когда полковой, батальонные и ротные командиры были перебиты. Послѣднія вздохи героевъ были тяжелы для непріятеля; дорого покупалъ онъ каждый шагъ земли русской, за который богатыри—сыны ея — стояли грудью до тѣхъ поръ, пока справа и слѣва не появились свѣжія

непріятельскія войска. Дать себя окружить и потомъ быть разстрѣляннымъ многочисленнымъ непріятелемъ—было бы крайне неблагоразумно; по этому генералъ *Квицинскій*, бывшій все время съ полкомъ, приказалъ владимірцамъ отступить. «Едва генералъ», пишетъ Енишерловъ, «успѣлъ отдать это послѣднее приказаніе, какъ три штуцерныя пули повергли его съ лошади. Поднявъ раненаго въ бокъ, руку и ногу начальника, владимірцы стали отходить отъ укрѣпленія, отстрѣливаясь». Горсть храбрыхъ отступила, оставивъ на мѣстѣ сраженія 47 офицеровъ и 1,260 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Имѣя въ своихъ рядахъ только одного штабъ-офицера и девять оберъ-офицеровъ, владимірцы могли насчитать въ каждомъ изъ своихъ баталіоновъ оставшимися въ строю не болѣе какъ 200 человѣкъ рядовыхъ. Непріятель не преслѣдовалъ остатки храбраго полка, и медленно сталъ подыматься въ гору, какъ бы утомленный геройскимъ сопротивленіемъ этой горсти богатырей Россіи. Подъ прикрытіемъ Углицкаго полка отступали остатки полковъ Владимірскаго и великаго князя Михаила Николаевича, провожаемые залпами стрѣлами непріятельскихъ батарей. Какъ только полки вышли изъ подъ выстрѣловъ, непріятель прекратилъ огонь.

Въ 7 часовъ пополудни кончилось сраженіе; войска наши потянулись къ р. Качѣ, оставивъ на Альмѣ убитыми и ранеными 4-хъ генераловъ, 23-хъ штабъ-офицеровъ, 170-ть оберъ-офицеровъ и 5,511 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Поле битвы было покрыто ранеными и умирающими, которые посреди стоновъ просили кто лекаря, кто хоть немного воды, чтобы обмыть раны и утолить жажду. Повсюду видны были обломки оружія, изорванныя на части тѣла и кучки людей и лошадей, плавающихъ въ крови. Все поле сраженія изборождено было ядрами и не было на немъ ни одного мѣста, гдѣ бы глазъ не увидѣлъ искалѣченнаго трупа своего или непріятельскаго. Счастливъ былъ тотъ, кто не узнавалъ въ убитыхъ брата, родственника или друга. Сотни хищныхъ птицъ, привлеченные запахомъ труповъ, слетались отовсюду и пронзительные крики ихъ мѣшались съ стономъ раненыхъ.

А между тѣмъ рѣчка Альма, равнодушная къ событію, но пріобрѣвшая извѣстность въ сердцѣ русскаго народа, катила по прежнему свои мутныя воды въ море, подъ кущами зелени и виноградниковъ, измятыхъ и поломанныхъ проходившими войсками, подъ деревьями, обезображенными и расщепленными ядрами и гранатами.

Смотря на эту картину разрушенія, какъ не сказать о святости призванія воина, который идетъ на страданія, увѣчье и полагаетъ жизнь свою въ защиту родины для блага и счастія остающихся въ живыхъ соотечественниковъ. Не лежитъ ли на совѣсти каждаго изъ мирныхъ гражданъ обязанность почтить павшихъ теплою молитвою, изувѣченныхъ и раненыхъ успокоеніемъ и присмотромъ, а оставшихся въ живыхъ низкимъ поклономъ и уваженіемъ. Благо тому, кто, сознавая эти обязанности, спѣшитъ на помощь страдающему за него брату,—привѣтъ ему и благодарность.

Есть люди на Святой Руси, которые, дѣлая доброе дѣло, не ищутъ благодарности. Напротивъ того, поступая такъ изъ любви къ ближнему, они дѣлаютъ свое дѣло въ тихомолку и часто, не болтая о своихъ заслугахъ, жертвуютъ всѣмъ своимъ имуществомъ. Такіе люди вдвойнѣ почтенны передъ лицемъ своего отечества, и передъ лицемъ всего народа русскаго. Къ числу такихъ истинныхъ христіанъ-благотворителей принадлежитъ *Дарья Севастопольская.*

Дарья была дочь матроса черноморскаго флота и жила въ Севастополѣ. Пятнадцати лѣтъ отъ роду осталась она круглою сиротою, безъ опоры и всякихъ средствъ къ жизни. Бѣдно жила Дарья въ своемъ полуразвалившемся домикѣ, когда до нея дошелъ слухъ, что непріятель ступилъ на крымскую землю. Войска крымской арміи потянулись на р. Альму. Многіе встревожились и призадумались: услыхала и Дарья, что скоро ждутъ большаго сраженія. Недолго думая, собрала она какіе были пожитки—и къ жиду. Добро у Дарьи было не завидное: купилъ жидъ всю худобу Дарьи безъ чего то за 20 рублей, да далъ ей въ придачу куртку да штаны матросскіе, положенные въ закладъ какою-то буйною головушкою.

Одѣлась Дарья въ нарядъ матроса, обрѣзала себѣ косу, захватила торбу, положила въ нее тряпки и ножницы, купила себѣ коня татарскаго—да и маршъ на Альму. Около полудня 8-го сентября началось кровавое дѣло, въ которомъ Дарья приняла горячее участіе. Подъ деревомъ среди поля, оглушаемаго выстрѣлами, привязала Дарья своего коня и не обращая вниманія на непріятельскіе выстрѣлы, начала свою христіанскую работу—учредила свой перевязочный пунктъ для раненыхъ. Развязавъ свою торбу, она достала тряпки и ножницы и стала, какъ умѣла, омывать и перевязывать раны офицеровъ и солдатъ. Свято было ея дѣло—и не одна благодарная слеза воина молила потомъ о здравіи христіанки-благодѣтельницы.

Кончилось дѣло. Велики были наши потери, много было увѣченыхъ и раненыхъ. *Дарья* не покинула больныхъ: она переселилась съ ними въ севастопольскій госпиталь, гдѣ покоила и лелѣяла ихъ. Умирающіе страдальцы благословляли безстрашную *Дарью* и завѣщали ей кто часы, кто деньги.

Узналъ объ этомъ Царь, пр[illegible]ль *Дарьѣ* медаль; царица пожаловала ей крестъ, съ надписью: «Севастополь»; а старослуживые общею складчиною благословили *Дарью* образомъ Спасителя. Съ тѣхъ поръ, всѣ стали называть Дарью—*Дарья Александровна*, и жила она съ утѣхою, что послужила отечеству, что утѣшила многихъ страдальцевъ.

Около полуночи отступившая армія собралась на р. Качѣ, и расположилась здѣсь бивуакомъ. Вплоть до самой Качи тянулись раненые за отступавшими войсками. Многіе изъ нихъ, пройдя нѣсколько шаговъ, падали на землю; другіе скрежетали зубами, плакали, стонали, такъ что отъ однихъ этихъ звуковъ надрывалось сердце и привычнаго человѣка. Тамъ плелся солдатъ, опираясь на ружье, какъ на костыль; здѣсь другой подвигался ползкомъ, преодолѣвая страшную боль, чтобы только не попасть въ плѣнъ бусурману; третій, проползя нѣсколько шаговъ, падалъ въ изнеможеніи, предоставляя свою участь волѣ Божіей. Многіе солдаты имѣли по нѣскольку ранъ, по шести и по семи, и все таки тащились за войсками, кто какъ могъ, из-

давая страшные крики и перенося ту жгучую боль и невыносимую жажду, которую трудно изобразить, но которую испытываетъ почти каждый раненый. Желаніе не отстать отъ своихъ заставляло многихъ двигаться черезъ силу. Такъ, одинъ изъ нихъ шелъ съ оторванною рукою, на мѣстѣ которой оставались только обрывки рукава шинели, въ другой рукѣ тащилъ онъ ружье и еще помогалъ товарищу, труднѣе его раненому; другой, съ раздробленною ногою, болтавшеюся по произволу, бодро тащился, опираясь на свое ружье; иной, съ помощію того же ружья, подвигался впередъ на пятахъ, такъ какъ пуля прошла черезъ ступни обѣихъ ногъ и оторвала на нихъ пальцы; иной, раненый въ голову, съ запекшеюся на лицѣ кровью, облѣпившею его какъ корою, съ помутившимися отъ боли глазами, направлялъ свои шаги ощупью, по слуху; безпрестанно спотыкаясь и падая, онъ страшно вскрикивалъ, но, снова поднявшись, все-таки тащился впередъ, и кое-какъ добирался до бивуака товарищей.

Не веселъ былъ бивуакъ послѣ такого ужаснаго побоища. Русскій солдатъ не любитъ отступать даже и тогда, когда не въ силахъ преодолѣть завѣдомо многочисленнаго врага; онъ предпочитаетъ сложить свою молодецкую голову, чѣмъ уступить врагу клочекъ родной земли. Такъ было и теперь. Хотя каждый и видѣлъ во время самаго боя, что на одного приходилось болѣе чѣмъ по два непріятеля, а все таки наши солдаты были недовольны отступленіемъ. Сознавая, что дрались какъ Богъ и Государь велѣлъ, полки шли молча на р. Качу, молча они и расположились на бивуакѣ.

Бивуакъ представлялъ мрачную картину.

Нигдѣ не было слышно ни говора, ни шума, и не видно было зажженныхъ костровъ. Блѣдный свѣтъ луны, по временамъ показываясь сквозь тучи, освѣщалъ на короткое время унылыя лица и кучки солдатъ, собравшихся не для говора, а для совершенія молитвы надъ только что умершимъ товарищемъ. Тамъ, въ сторонѣ, слышался голосъ грамотнаго солдата, читавшаго отходную надъ землякомъ и другомъ. Пробѣгавшій по временамъ вѣтеръ раз-

носилъ по бивуаку звуки молитвы, предсмертные стоны раненыхъ, да шопотъ фельдфебелей, повѣрявшихъ свои роты, считавшихъ оставшихся въ живыхъ. Въ эту торжественную ночь было не до разговоровъ; никто не рѣшался говорить, а если и говорилъ, то шопотомъ. Самый разговоръ состоялъ только въ разспросахъ о товарищахъ-землякахъ, за нѣсколько часовъ живыхъ и здоровыхъ, а теперь отошедшихъ въ вѣчность славною смертью праведныхъ. Никто, однако же, не падалъ духомъ и каждый готовъ былъ снова вступить въ бой, съ жаждою отомстить врагу. Угрюмыя лица и затаенная злоба въ сердцахъ солдатъ свидѣтельствовали, что эти войска можно заставить отступить, но не побѣдить.

— Погоди, братъ! говорилъ одинъ изъ героевъ Минскаго полка, не тотъ, говорятъ, молодецъ, который повалилъ, а тотъ кто вывернулся. Вотъ что! Еще увидимъ!...

И увидѣлъ врагъ одиннадцати-мѣсячную защиту Севастополя, еще небывалую въ исторіи міра, съ тѣхъ поръ какъ живутъ на свѣтѣ люди.

III.

Положеніе Севастополя послѣ сраженія на р. Альмѣ.—Укрѣпленіе города и горячее участіе въ томъ всѣхъ жителей.—Военный совѣтъ, созванный Корниловымъ. — Затопленіе кораблей на фарватерѣ севастопольскаго рейда.—Появленіе союзниковъ на сѣверной сторонѣ города.—Мѣры къ отраженію ихъ покушеній овладѣть укрѣпленіями сѣверной стороны. — Непріятель переходитъ на южную сторону города.—Укрѣпленіе города съ южной стороны.—Освященіе укрѣпленій.—Дѣйствія союзниковъ.—Первое бомбардированіе Севастополя.—Смерть Корнилова.

Съ уходомъ войскъ на р. Альму, въ Севастополѣ оставлено было для защиты города четыре резервныхъ батальона пѣхоты, разныя морскія команды и флотскіе экипажи, изъ которыхъ были сформированы пѣхотные батальоны.

Неприступный и отлично защищенный съ моря, Севастополь съ сухаго пути не только не былъ защищенъ, но даже и не окопанъ. Теперь, въ ожиданіи скораго приближенія непріятеля, въ городѣ закипѣла необыкновенная дѣятель-

ность по приведенію города въ оборонительное положеніе. Необходимо было опоясать городъ цѣлою линіею укрѣпленій. По распоряженію генералъ-адъютанта Корнилова, было немедленно приступлено къ исправленію старыхъ и возведенію новыхъ укрѣпленій. Рѣшено было производить работу по всей линіи, чтобы, куда ни пришелъ непріятель, можно было бы вездѣ дать ему отпоръ. Надо было работать такъ, чтобы укрѣпленіе, сегодня насыпаемое, завтра могло поподчивать непрошеннаго гостя и оказать сопротивленіе при его нападеніи. Необходимо было, съ этою цѣлію, поставить по всей линіи орудія, которыя приходилось брать съ кораблей, свозить на берегъ и тащить на себѣ нѣсколько верстъ, чтобы поставить ихъ на батареѣ. Работы было много, но не задумались надъ нею защитники города. Всѣ рабочіе, какіе только были въ городѣ, отправлены съ инструментами на земляныя работы: писаря, вахтера, музыканты, пѣвчіе и рота карантинной стражи — все это было выслано на работу. Такого-то люду насчитывалось не болѣе 800 человѣкъ. Часть изъ нихъ была отдѣлена для конвоированія арестантовъ, также высланныхъ на работу. Арестанты работали неутомимо; трудясь до кроваваго пота, они, вмѣстѣ съ конвойными, насыпали 5-й и 6-й бастіоны. Жители города, старый и малый, богатый и бѣдный, чиновный и простой — всѣ спѣшили туда, гдѣ строились укрѣпленія, гдѣ устанавливались преграды непріятелю. Тѣлеги, лошади и волы, тачки и носилки, принадлежащія частнымъ людямъ, безъ всякаго требованія, по доброй волѣ — все употреблено было для переноски, и перевозки различныхъ предметовъ. Полиція, обходя дома, приглашала обывателей на работу, и, случалось, долго стучалась въ дверь для того, чтобы услышать отъ ребенка, что отецъ и мать давно ушли туда безъ всякаго приглашенія. Такихъ работниковъ разнаго званія, пола и возраста собралось около пяти тысячъ человѣкъ.

Работа кипѣла; шумъ и всеобщее движеніе замѣтно усилились въ Севастополѣ. Звуки мѣдныхъ роговъ и бой барабановъ, въ разныхъ частяхъ города, призывали рабочихъ къ дѣятельности послѣ кратковременнаго отдыха;

звучно гремѣли якорныя цѣпи кораблей, переводимыхъ съ мѣста на мѣсто, для лучшаго пораженія подступающаго къ городу непріятеля. Стклянки или морскіе часы черезъ каждые полчаса указывали время безчисленнымъ звономъ, но за ними нѣкогда было слѣдить, да и некому, исключая часовыхъ.

Объѣзжая работы по нѣскольку разъ въ день, адмиралъ *Корниловъ* радовался успѣху, видя, что въ недѣлю сдѣлано столько, сколько въ другой разъ не сдѣлаешь въ цѣлый годъ. И, дѣйствительно, въ самое короткое время, передъ глазами непріятеля выростали твердыни севастопольскія, мощныя не толщиною и крѣпостію своихъ стѣнъ, а силою духа русскаго, безусталью народа православнаго. Выше всякой похвалы и достойна всякаго уваженія та необыкновенная дѣятельность, которую выказали севастопольцы: какъ мужчины, такъ и женщины. Батареи и укрѣпленія насыпались по всей линіи, тянувшейся верстъ на девять, и повсюду кипѣла работа съ одинаковымъ успѣхомъ: мужчины долбили каменистый грунтъ, а женщины таскали иногда издали землю въ своихъ подолахъ. Появилась и такая батарея, которая, безъ участія мужчинъ, насыпана была только однѣми женщинами. Батарея эта до конца осады Севастополя сохранила названіе *дѣвичьей* и осталась свидѣтельницею ихъ любви къ родной странѣ и неутомимой посильной дѣятельности.

Лишь только укрѣпленіе приходило къ концу, какъ оставшіеся въ городѣ матросы стаскивали съ кораблей свои огромныя орудія и перевозили ихъ на батареи. Люди, человѣкъ по сто, впрягались въ тяжелую пушку, и гдѣ съ припѣвомъ *дубинушки*, а гдѣ и просто съ крикомъ *ура!* встаскивали ее на гору и ставили на батарею. Изъ порта тащили на укрѣпленія станки подъ орудія, орудійную принадлежность, снаряды и мѣшки отъ провіянта, для насыпки ихъ землею и ускоренія устройства амбразуръ (1). Подъ руководствомъ инженеръ-подполковника *Тотлебена*,

(1) Амбразурою называется широкая щель или сквозное отверстіе, сдѣланное въ насыпи для стрѣльбы изъ артиллерійскаго орудія.

работа кипѣла день и ночь. Тысячъ пять человѣкъ съ разсвѣтомъ начинали работу по укрѣпленіямъ и продолжали ее безъ перерыва цѣлый день. Ночью работали при свѣтѣ факеловъ и фонарей. Всякій работалъ отъ души, понимая ясно, что работа эта необходима, и что онъ долженъ работать. Многія батареи были уже насыпаны и на нихъ поставлены пушки, когда вдали города показались наши войска, отступавшія послѣ сраженія на р. Альмѣ.

Съ огромнымъ транспортомъ раненыхъ тянулись они, 9-го сентября, по направленію къ Севастополю. Около полудня, полки наши подошли къ Бельбеку. Здѣсь они расположились на привалѣ, который необходимъ былъ людямъ, уставшимъ послѣ горячаго боя и измученнымъ южнымъ жаромъ.

За войсками слѣдовали и жители деревень, лежавшихъ на пути отступленія арміи. Покидая свои жилища, они, съ огромными узлами на спинѣ, тянулись длинною вереницею къ Севастополю, гдѣ надѣялись найти пріютъ и защиту.

Главнокомандующій князь *Меншиковъ*, пріѣхавъ въ Севастополь, удивлялся быстротѣ, съ которою росли укрѣпленія. По ходатайству неутомимаго распорядителя обороны, вице-адмирала *Корнилова*, князь *Меншиковъ* разрѣшилъ выдавать по двѣ чарки водки всѣмъ работавшимъ на укрѣпленіяхъ.

Утромъ, 9-го сентября, *Корниловъ* собралъ военный совѣтъ изъ адмираловъ и капитановъ. Онъ объявилъ имъ, что армія отступаетъ, и что непріятель, подойдя къ городу и расположившись на сѣверной сторонѣ, можетъ открыть огонь по кораблямъ, защищающимъ входъ въ севастопольскій рейдъ, и или сжечь ихъ, или заставить отойти на другое мѣсто. Съ удаленіемъ кораблей, рейдъ не имѣлъ бы столь сильной защиты и доступъ союзному флоту къ Севастополю значительно облегчался. Генералъ-адъютантъ *Корниловъ* предлагалъ выйти въ море и атаковать союзный флотъ. При удачѣ мы могли уничтожить непріятельскіе корабли и лишить союзниковъ продовольствія и подкрѣпленій; а при неудачѣ *Корниловъ* предлагалъ взорвать себя и часть непріятельскаго флота на воздухъ и умереть со

славою. Члены совѣта не согласились съ предложеніемъ вице-адмирала *Корнилова*, какъ не обѣщающемъ никакого успѣха. Число нашихъ кораблей было вдвое менѣе чѣмъ непріятельскихъ; наши суда всѣ были парусныя, и движеніе ихъ вполнѣ зависѣло отъ вѣтра, тогда какъ непріятель, имѣя много судовъ паровыхъ, могъ располагать движеніями по произволу. Даже если бы часть союзнаго флота при удачѣ и была взорвана на воздухъ, то и это не много бы помогло дѣлу, такъ какъ другая его часть могла ворваться въ Севастополь и погибель флота все таки не спасла бы города.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, капитанъ 1-го ранга *Заринъ* предложилъ затопить нѣсколько старыхъ кораблей на фарватерѣ, а людей съ нихъ и прочихъ кораблей обратить на усиленіе гарнизона. Прискорбно было представителямъ славнаго черноморскаго флота выслушать подобное предложеніе, и у многихъ изъ нихъ навернулись на глазахъ слезы. Запрудить портъ и запереться въ немъ безвыходно значило отказаться отъ славной встрѣчи нашего флота съ непріятельскимъ въ открытомъ морѣ, значило отказаться отъ званія моряка, столь высоко чтимаго черноморцами.

Своею любовію къ дѣлу, своимъ единодушнымъ стремленіемъ на общую пользу черноморцы довели свои корабли до того высокаго совершенства, которому завидовали иностранныя державы. Теперь, когда они могли справедливо гордиться своимъ созданіемъ, приходилось собственными руками потопить эти корабли въ волнахъ родимаго моря. Рѣшаясь на такую мѣру, моряки рѣшались уничтожить сразу то, къ чему они стремились болѣе полувѣка, въ чемъ видѣли свое призваніе, свою будущность. Громкій говоръ, оживлявшій совѣтъ, перешолъ теперь въ безмолвіе. Всѣ молчали, но *Корниловъ* видѣлъ, что большинство одобряетъ предложеніе *Зарина* и согласно съ нимъ; онъ видѣлъ, что всѣ члены совѣта затопленіе кораблей признаютъ единственнымъ средствомъ къ спасенію Севастополя, но что ни одинъ изъ нихъ не рѣшился произнести этого роковаго слова.

Не соглашаясь съ такимъ мнѣніемъ совѣта, *Корниловъ* вызвалъ тѣмъ самые оживленные споры. Въ это время ему доложили, что пріѣхалъ главнокомандующій, Князь *Меншиковъ*, и находится на *четвертомъ номерѣ* (такъ называлась одна изъ батарей сѣверной стороны). *Корниловъ*, распустивъ совѣтъ, отправился къ главнокомандующему.

— Готовьтесь къ выходу, сказалъ онъ, уходя, членамъ совѣта, будетъ данъ сигналъ: что кому дѣлать.

Явившись къ главномомандующему, *Корниловъ* изложилъ ему мнѣніе совѣта и объяснилъ свое намѣреніе выйти въ море. *Меншиковъ* согласился съ совѣтомъ и приказалъ затопить корабли на фарватерѣ. *Корниловъ* отказывался исполнить это приказаніе.

— Ну такъ поѣзжайте въ Николаевъ къ своему мѣсту службы, сказалъ *Меншиковъ*, разсерженный такимъ упорствомъ *Корнилова*, и приказалъ своему ординарцу позвать къ себѣ вице-адмирала *Станюковича*.

— Остановитесь, вскричалъ *Корниловъ*, это самоубійство.... То, къ чему вы меня принуждаете.... Но, чтобы я оставилъ Севастополь, окруженный непріятелемъ, невозможно! Я готовъ повиноваться вамъ.

Затопленіе кораблей было дѣйствительно необходимо. Жертвуя нѣсколькими старыми судами, мы преграждали непріятелю всякую возможность ворваться на рейдъ и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливали Севастополь болѣе чѣмъ 10,000 человѣкъ матросовъ испытанной храбрости.

Вечеромъ 10-го сентября суда, назначенныя для потопленія (1), были поставлены на указанныя имъ мѣста.

Въ теченіе ночи приказано было свезти на берегъ все что можно, а на разсвѣтѣ слѣдующаго дня погрузить корабли на дно.

Въ восемь часовъ вечера на этихъ корабляхъ, по морскому обычаю, сыграли зорю и опустили флаги. Ни что не напоминало ихъ близкой погибели, и только тогда, когда уже совершенно стемнѣло, экипажи ихъ съѣхали на бе-

---

(1) Для потопленія были назначены корабли: «Три Святителя», «Уріилъ», «Селафаилъ», «Варна» и «Силистрія»; фрегаты «Флора» и «Сизополь».

регъ. Большинство матросовъ и многіе изъ офицеровъ были грустны: имъ было жаль, что корабли, на которыхъ они служили, съ которыми сроднились, должны погибнуть, не помѣрявшись силами съ врагами отечества въ честномъ и горячемъ бою.

Въ полночь 11-го сентября глухой трескъ и клокотаніе воды возвѣстили, что потопленіе кораблей совершилось. Поутру надъ поверхностью моря плавали обломки мачтъ шести судовъ. Одинъ только корабль «Трехъ Святителей» оставаясь на поверхности, долго сопротивлялся, не желая разставаться съ жизнію. Съ шумомъ лилась вода въ отверстія, прорубленныя въ подводной его части, но кораблю все таки не хотѣлось погружаться въ воду. Тогда приказано было пароходу «Громоносецъ» подойти и пустить нѣсколько бомбъ въ корпусъ несчастнаго корабля. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, обреченный на погибель, корабль «Трехъ Святителей» зашатался, волны разступились передъ нимъ, и онъ, послѣ долгой борьбы, какъ герой отстаивающій самого себя, свое величіе и славу, медленно опустился на дно, предназначенное быть его могилой...

Шумъ воды, трескъ ломающихся мачтъ, вмѣстѣ съ грохотомъ пушекъ, скатывающихся съ одного борта на другой, сопровождали эту борьбу съ моремъ, —корабля, владыки моря. Не одна горячая слеза скатилась съ рѣсницъ зрителей этой печальной сцены.

Выстрѣлы «Громоносца» болѣзненно отозвались въ сердцахъ моряковъ. Смотря, какъ тонулъ корабль «Три Святителя», многіе изъ нихъ горько плакали. Грустный и задумчивый, стоялъ и вице-адмиралъ Владиміръ Алексѣевичъ *Корниловъ*, но когда корабль, шатаясь, сталъ опускаться на дно, *Корниловъ* встрепенулся, лицо его оживилось, онъ обратился къ собравшимся съ словами утѣшенія:

— Товарищи! писалъ онъ въ слѣдъ за тѣмъ въ приказѣ. Войска наши, послѣ кровавой битвы съ превосходнымъ непріятелемъ, отошли къ Севастополю, чтобы грудью защищать его.

«Вы пробовали непріятельскіе пароходы и видѣли корабли его, не нуждающіеся въ парусахъ? Онъ привелъ двой-

ное число такихъ, чтобъ наступить на насъ съ моря. Намъ надо отказаться отъ любимой мысли—разразить врага на водѣ! Къ тому же мы нужны для защиты города.

«Главнокомандующій рѣшилъ затопить 5 ть старыхъ кораблей на фарватерѣ: они временно преградятъ входъ на рейдъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ свободныя команды усилятъ войска.

«Грустно уничтожать свой трудъ! много было употреблено нами усилій, чтобы держать корабли, обреченные жертвѣ, въ завидномъ свѣту порядкѣ. Но надо покориться необходимости!

«Москва горѣла, а Русь отъ этого не погибла! напротивъ, встала сильнѣе. Богъ милостивъ! Конечно; Онъ и теперь готовитъ вѣрному Ему народу русскому такую же участь.

«И такъ, помолимся Господу, и не допустимъ врага сильнаго покорить себя! Онъ цѣлый годъ набиралъ союзниковъ, и теперь окружилъ царство Русское со всѣхъ сторонъ. Зависть коварна! Но Царь шлетъ уже свою армію; и если мы не дрогнемъ, то скоро дерзость будетъ наказана, и врагъ будетъ въ тискахъ!»

Съ затопленіемъ кораблей Севастополь пересталъ быть портомъ. Чувство долга и любовь къ родинѣ обращали городъ въ крѣпость, а моряковъ-матросовъ—въ солдатъ-пѣхотинцевъ. Это крутое превращеніе, возможное только въ Россіи, совершилось на глазахъ многочисленнаго непріятеля.

Получивъ свѣдѣніе, что непріятель двигается отъ Альмы къ Севастополю, князь *Меншиковъ* собралъ войска и оставилъ городъ съ тѣмъ, чтобы сохранить сообщеніе съ остальными губерніями Россіи, дождаться подкрѣпленій и зайти непріятелю въ тылъ, если бы онъ вздумалъ остановиться на сѣверной сторонѣ и атаковать городъ. Князь *Меншиковъ* оставилъ въ Севастополѣ однихъ моряковъ, саперовъ и нѣсколько резервныхъ батальоновъ. Передъ отъѣздомъ своимъ онъ приказалъ сформировать изъ корабельныхъ командъ батальоны для защиты города и поручилъ завѣдываніе обороною сѣверной части города гене-

ралъ-адъютанту *Корнилову*, а южной его части—вице-адмиралу *Нахимову*. *Корниловъ* отдалъ тотчасъ же приказъ, по которому было сформировано изъ флотскихъ экипажей семнадцать батальоновъ, одна часть которыхъ назначена для защиты сѣверныхъ укрѣпленій, другая—для защиты города съ южной стороны. Оба адмирала горячо принялись за дѣло, когда непріятель показался въ виду Севастополя и приближался къ сѣверной его сторонѣ. Съ высокихъ мѣстъ города видно было, какъ союзники спускались въ Бельбекскую долину, и какъ въ то же время правѣе ихъ сходили наши войска въ долину Черной рѣчки.

12-го сентября непріятель остановился на ночь на Бельбекѣ съ намѣреніемъ атаковать на слѣдующее утро сѣверную часть города. *Корниловъ* дѣятельно готовился къ защитѣ. По его распоряженію, въ укрѣпленіяхъ сѣверной стороны заготовляли запасы воды, провизіи, устраивались перевязочные пункты. Для перевязки раненыхъ доставлено съ каждаго судна по боченку уксуса, смѣшаннаго съ водкою. Подполковникъ *Тотлебенъ* всю ночь провелъ на работѣ укрѣпленій, которыя приводились къ окончанію. *Корниловъ* успѣлъ собрать подъ свою команду не болѣе десяти тысячъ человѣкъ разныхъ командъ, свезенныхъ съ кораблей, которымъ приходилось бороться съ шестидесяти-тысячною арміею непріятеля. «У меня десять тысячъ нашихъ моряковъ, взятыхъ съ кораблей, писалъ Корниловъ своей супругѣ. Укрѣпленія въ надежномъ видѣ, и я, если армія сдѣлаетъ свое, надѣюсь отдуться. Берегъ этотъ, кромѣ войска, защищается кораблями и пароходами; съ моря же мы недосягаемы».

Защитники не унывали, они ожидали встрѣчи съ непріятелемъ съ увѣренностію дорого продать свою жизнь и не уступить врагу ни шагу русской земли.

— Отступленіе сѣверной стороны невозможно, говорилъ Корниловъ; мы всѣ тутъ ляжемъ. Смерть меня не страшитъ, но быть взяту въ плѣнъ—это ужасно!

Утромъ слѣдующаго дня не видно было никакого движенія союзниковъ къ сѣверному укрѣпленію. Въ полдень, напротивъ того, было замѣчено, что непріятель оставляетъ

сѣверную сторону и тянется вдоль бухты, въ правую сторону. Первое движеніе непріятеля замѣчено было съ башни, устроенной на крышѣ морской библіотеки, расположенной на одной изъ самыхъ высокихъ горъ города. Съ башни открывался обширный и прекрасный видъ на всѣ окрестности, и можно было видѣть множество красныхъ мундировъ, которые двигались по опушкѣ лѣса на Мекензіеву гору и спускались потомъ въ долину Черной рѣчки. То были англійскія войска, тянувшіяся длинною вереницею вдоль сѣверныхъ нашихъ укрѣпленій. За ними слѣдовали французы въ темныхъ шинеляхъ. Тысячи штыковъ блестѣли въ полуденномъ солнцѣ; казалось, что весь лѣсъ былъ въ движеніи. Нельзя было сомнѣваться, что это было за шествіе. Всѣ видѣли, что союзники переходили на южную сторону Севастополя, и сѣверная сторона, ожидавшая скораго нападенія, вздохнула спокойнѣе:—она была избавлена отъ опасности, но за то южная часть очутилась въ худшемъ положеніи, чѣмъ была сѣверная.

Подъ начальствомъ Нахимова, на южной сторонѣ было не болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, которымъ приходилось защищать пространство около восьми верстъ въ окружности, защищаться въ укрѣпленіяхъ, только начатыхъ, но еще не оконченныхъ. *Нахимовъ* находился въ самомъ мрачномъ расположеніи духа: онъ зналъ, что слабый гарнизонъ его, раздробленный на части и разбросанный по всей линіи, не въ состояніи противиться столь многочисленному непріятелю. Въ этой крайности онъ видѣлъ одинъ честный исходъ: собраться всѣмъ вмѣстѣ и лечь костьми до единаго.

«Непріятель подступаетъ къ городу, въ которомъ весьма мало гарнизону, писалъ адмиралъ въ своемъ приказѣ, отданномъ въ семь часовъ утра 14-го сентября. Я увѣренъ въ командирахъ, офицерахъ и командахъ, что каждый изъ нихъ будетъ драться какъ герой; насъ соберется до трехъ тысячъ; сборный пунктъ на Театральной площади».

Между тѣмъ вице-адмиралъ *Корниловъ*, какъ только убѣдился въ томъ, что сѣверная сторона безопасна отъ нападенія, тотчасъ-же бросился на южную, куда и перевелъ съ со-

бою одиннадцать батальоновъ моряковъ и другихъ командъ. Принявъ тамъ общее начальство надъ всѣми войсками онъ сталъ неутомимо трудиться надъ возведеніемъ укрѣпленій.

Для лучшаго успѣха работъ и защиты, бастіоны и батареи, охватившія городъ съ южной стороны, какъ построенныя такъ и вновь строющіяся, были раздѣлены на три части или дистанціи. Линія укрѣпленій, начиная съ правой стороны отъ рейда до пятаго бастіона, была поручена защитѣ шести пѣхотныхъ батальоновъ, начальство надъ которыми поручено генералъ-маіору *Аслановичу*; всѣми же батареями этой линіи начальствовалъ капитанъ 1-го ранга, *Ивановъ*. Начальникомъ войскъ, защищавшихъ дистанцію отъ 5-го бастіона до 3-го бастіона, былъ назначенъ вице-адмиралъ *Новосильскій*, имѣвшій подъ своимъ начальствомъ 8 морскихъ батальоновъ. Батареями этой линіи командовалъ контръ-адмиралъ *Юхаринъ*. Наконецъ начальникомъ войскъ, защищавшихъ укрѣпленія отъ 3-го бастіона до Киленъ-бухты, былъ назначенъ контръ-адмиралъ *Истоминъ*, подъ командою котораго находилось шесть флотскихъ батальоновъ. Начальникомъ батарей этой части былъ назначенъ контръ-адмиралъ *Вукотичъ 2-й*. Всѣми работами по устройству укрѣпленій завѣдывалъ дѣятельный помощникъ *Корнилова*, подполковникъ *Тотлебенъ*.

При совокупномъ усиліи этихъ лицъ по всей линіи укрѣпленій, работа закипѣла пуще прежняго.

Теперь малочисленному гарнизону для защиты обширной мѣстности приходилось окончить бастіоны, связать ихъ непрерывною линіею батарей, укрѣпить мѣстность множествомъ новыхъ построекъ и вооружить ихъ огромными корабельными пушками. Словомъ сказать—приходилось создать огромную линію такихъ преградъ, которыя не допустили бы непріятеля взять городъ открытою силою, а заставили его приступить къ правильной осадѣ и приближаться медленно, шагъ за шагомъ.

Въ Севастополѣ въ эти дни проявилась необыкновенная дѣятельность: по улицамъ тащили орудія, станки, снаряды, бревна, доски, плотничьи инструменты, желѣзныя оковки, гвозди, мѣшки пустые и наполненные землею. Все это спѣши-

ло къ укрѣпленіямъ, гдѣ рабочіе рыли рвы, насыпали укрѣпленія и утрамбовывали землю. Тысячи тружениковъ, выкидывая изъ рвовъ землю, насыпали тотъ непрерывный семиверстый валъ, для овладѣнія которымъ союзники употребили почти годъ времени.

Работы производились днёмъ и ночью; въ нихъ участвовали всѣ кто только могъ: солдаты, вольные мастеровые, городскіе жители, женщины и дѣти. Двери арсенала растворились на стежъ; изъ сараевъ вытаскивали орудія, тамъ же раздавали желающимъ инструменты: ломы, лопаты, заступа и проч. Кто имѣлъ тачку или лошадь съ телѣгою, тотъ спѣшилъ на укрѣпленія, зная, что имъ найдется работа; даже водовозныя бочки были употреблены въ дѣло—въ нихъ развозилась вода для утоленія жажды трудившихся. Словомъ сказать, всѣ средства города были обращены на содѣйствіе рабочимъ. Граждане образовали родъ ополченія для содержанія городскихъ карауловъ. Здѣсь любовь къ отечеству проявилась въ полномъ своемъ величіи. Пользуясь тѣмъ, что непріятель, занявъ Балаклаву, потратилъ много времени на свое устройство и не предпринималъ никакихъ дѣйствій противъ Севастополя, наши защитники значительно подвинулись въ постройкѣ укрѣпленій.

Съ утра 14-го сентября непріятельскіе пароходы явились въ виду Севастополя. Они дѣлали промѣры, заглядывали въ разныя бухты, отыскивая поудобнѣе мѣста для стоянки своего флота. Нашъ гарнизонъ, число котораго простиралось только до 15,000 человѣкъ, былъ размѣщенъ на назначенныхъ ему мѣстахъ. Войско, не смотря на свою малочисленность, кипѣло отвагой и каждый положилъ стоять, пока хоть искра жизни останется въ тѣлѣ. У многихъ изъ защитниковъ позади укрѣпленій, на которыхъ они стояли, былъ домъ,—его родина, жена, дѣти все-все, что свято и драгоцѣнно въ жизни. Здѣсь на бастіонахъ собрались не пришлецы изъ разныхъ странъ, а родные братья, труженики на общую пользу своей огромной и родной семьи, матушки Россіи: здѣсь были не союзники, а одного поля ягодки, дѣти Русскаго Царя. Дѣя-

тельность внутренней жизни приняла иные размѣры, иные образы. Пришло время отстаивать родное пепелище, наступила минута рѣшительной борьбы, когда каждый сталъ стражемъ завѣтныхъ береговъ родной земли, оберегателемъ ея славы, защитникомъ мѣстъ близкихъ русскому сердцу.

Жители, матросы и солдаты сразу, безъ всякихъ толкованій, поняли свое положеніе: они рылись въ землѣ, воздвигая линію батарей; они же носили землю тамъ, гдѣ не хватало ея, для насыпки укрѣпленій и ставили на батареи свои огромныя пушки. Все это дѣлалось «такъ просто и естественно, какъ задушевная мысль, какъ свѣтлая жизнь, вся отданная за вѣру и отечество». Одинаково вскормленные, всѣ они составляли часть одного народа русскаго, подвластнаго одному монарху, принадлежащаго одной вѣрѣ, имѣющаго одинъ языкъ, одушевленнаго и проникнутаго одною волею. Стойкій и рѣшительный народъ рѣшился защищать городъ отъ нашествія иноплеменниковъ и встрѣтить врага безъ ключей и хлѣба-соли, а по-русски—штыками, рогатинами, да чугунными пирогами.

Къ вечеру 14-го сентября постройка укрѣпленій подвинулась на столько, что одни изъ нихъ были окончены и вооружены, другіе приходили къ окончанію; во многихъ мѣстахъ подѣланы были засѣки и порыты ямы, для воспрепятствованія противнику быстро двигаться, если бы онъ захотѣлъ атаковать укрѣпленія. Осмотрѣвъ работы, Владиміръ Алексѣевичъ *Корниловъ* рѣшился на слѣдующій день, по русскому обычаю, начать защиту города крестомъ и молитвою, знаменующими начало всякаго желаннаго дѣла на православной Руси.

— Пусть прежде всего напомнятъ войскамъ слово Божіе, говорилъ *Корниловъ*, а потомъ я передамъ имъ слово царское.

Съ ранняго утра стали наши войска на свои боевыя позиціи въ ожиданіи торжественной процессіи. Духовенство, съ образами, хругвями и крестами, совершало крестный ходъ, медленно подвигаясь по всей оборонительной линіи. Почти въ каждомъ укрѣпленіи процессія останавли-

валась, чтобы отслужить молебенъ, окропить войско св. водою и осѣнить крестнымъ знаменіемъ.

Все въ крестѣ—и жизнь, и сила
Съ нимъ родишься въ міръ земной,
Съ нимъ живешь, и на могилѣ
Онъ же станетъ надъ тобой. —

Помни это—и молиться.
Передъ нимъ не забывай;
За него идешь ты биться —
За него и умирай.

Что жалѣть солдату жизни?
Всѣмъ лежать въ землѣ сырой;
А кто отдалъ жизнь отчизнѣ,
Тотъ безсмертенъ, какъ герой!

Горячо молились защитники не о спасеніи собственнаго живота, а о спасеніи роднаго имъ города, о спасеніи славы отечества. Тысячи теплыхъ молитвъ возносились къ небесамъ, молитвъ чистыхъ, солдатскихъ—безслезныхъ, безсловныхъ, но горячихъ и искреннихъ. По окончаніи крестнаго хода, *Корниловъ* объѣзжалъ войска. Одѣтый въ блестящую генералъ-адъютантскую форму, окруженный многочисленною свитою, онъ ѣхалъ вдоль линіи, привѣтствуемый громкими криками.

— Царь надѣется, говорилъ онъ войскамъ, что мы отстоимъ Севастополь; да намъ и некуда отступать: позади насъ море, впереди непріятель. Помни-же, не вѣрь отступленію. Пусть музыканты забудутъ играть ретираду—тотъ измѣнникъ, кто протрубитъ ретираду! и если я самъ прикажу отступить—коли и меня!

Громкое неумолкаемое *ура*! было отвѣтомъ войскъ на слова любимаго начальника.

— Ваше дѣло, говорилъ Корниловъ, подвигаясь далѣе и обращаясь къ одному изъ пѣхотныхъ батальоновъ — ваше дѣло сначала строчить непріятеля изъ ружей, а если ему вздумается забраться на батареи, такъ принимайте его по русски; тутъ ужь знакомое дѣло—штыковая работа.

Стоявшіе на укрѣпленіяхъ матросы, завидя издали при-

ближеніе своего начальника, привѣтствовали его громкимъ *ура*!

— Я давно знаю васъ за молодцовъ, говорилъ имъ *Корниловъ*, а съ молодцами говорить долго нечего.

Одушевленіе войскъ и желаніе, постоявъ за себя, отмстить врагу сдѣлалось всеобщимъ.

Смотря въ это время на пропеченныя южнымъ солнцемъ, загорѣлыя лица стоявшихъ на укрѣпленіяхъ, можно было видѣть, что они готовы въ огонь и воду, что

От дѣдовской науки,
Отъ прапрадѣдовъ своихъ
Не отстали наши внуки,
То же сердце бьется въ нихъ;
Тотъ же воинъ православный,
Такъ же сильный какъ и встарь
Въ нашей родинѣ державной—
Русскій Богъ и русскій Царь!

Увѣренность въ своей силѣ солдатъ и радостные крики ихъ закончили этотъ величественный день въ жизни севастопольскаго гарнизона.

На слѣдующее утро въ виду города появились передовыя войска непріятеля, а спустя два дня, 18-го сентября, стали подходить къ сѣверной сторонѣ города и главныя силы князя *Меншикова*. Гарнизонъ Севастополя, надѣясь на подкрѣпленіе, вздохнулъ свободнѣе и радостно встрѣтилъ полки, прибывшіе въ городъ.

Увеличеніе гарнизона дозволило приступить къ болѣе правильному размѣщенію войскъ. Имѣя въ виду растянутость участка вице-адмирала *Новосильскаго* и контръ-адмирала *Истомина*, *Корниловъ* раздѣлилъ всю оборонительную линію укрѣпленій вмѣсто трехъ на четыре дистанціи. Первая отъ рейда до редута Шварца, построеннаго между 4 и 5 бастіонами, поручена генералу *Асланови́чу*; вторая, заключавшая въ себѣ четвертый бастіонъ съ боковыми батареями до городскаго бульвара, ввѣрена вице-адмиралу *Новосильскому*; третья дистанція, въ которую входилъ третій бастіонъ съ его боковыми батареями, отъ городскаго бульвара до морскаго госпиталя, поступила подъ

начальствомъ контръ-адмирала *Панфилова*; все же остальное пространство до Киленъ-балки, составляя четвертую дистанцію, находилось въ вѣдѣніи контръ-адмирала *Истомина*.

Непріятель стоялъ въ отдаленіи и какъ бы смотрѣлъ съ раздумьемъ и удивленіемъ, что вотъ-де передъ его носомъ растутъ какъ грибы севастопольскія укрѣпленія.

Былъ полдень, 22-го сентября. Вице-адмиралъ *Корниловъ*, объѣзжая линію укрѣпленій, подъѣхалъ къ четвертому бастіону. Матросы, работавшіе на бастіонахъ, собирались «пошабашить», какъ вдругъ сигнальщикъ, смотрѣвшій въ трубу возлѣ насыпи, крикнулъ: непріятель идетъ на приступъ! На бастіонѣ все пришло въ движеніе, кто хваталъ ружье, кто бѣжалъ къ орудію, и задымились фитили, готовые, по первому приказанію, пустить ядро по наступавшимъ колоннамъ. Между тѣмъ нѣсколько офицеровъ подошли къ сигнальщику; каждый смотрѣлъ въ трубку и дѣлалъ свои замѣчанія.

— Въ самомъ дѣлѣ, говорилъ одинъ, видны французскія войска.

— У нихъ, прибавлялъ другой, что то въ рукахъ блеститъ на солнцѣ. Должно быть штуцера.

Вдали видна была колона человѣкъ въ тысячу. Подойдя ближе къ нашимъ укрѣпленіямъ, она остановилась; солдаты, казалось, начали копать землю.

— Не закладываютъ ли они траншею? спрашивали другъ друга присутствующіе.

Всѣ стали всматриваться попристальнѣе. При помощи зрительныхъ трубъ можно было видѣть, что только немногіе солдаты имѣли ружья, остальные несли ломы, лопаты, кирки и другіе инструменты для копанія земли. Не было сомнѣнія, что непріятель боится атаковать укрѣпленія открытою силою и намѣренъ устроить батареи и громить ими нашъ родной городъ и укрѣпленія.

Работы союзниковъ подвигались очень медленно; съ большимъ затрудненіемъ выгружали они съ судовъ свою артилерію, медленно тащили ее на назначенныя мѣста. Постройка укрѣпленій подвигались еще медленнѣе: копая землю, они встрѣчали подъ тонкимъ пластомъ ея камень, который съ

трудомъ пробивали ихъ самые лучшіе инструменты. Непривычные къ такой трудной работѣ, солдаты ихъ болѣли, и въ рядахъ союзниковъ появилась холера въ значительныхъ размѣрахъ, такъ что въ день умирало по 150 человѣкъ и болѣе. Недостатокъ въ продовольствіи и жизнь подъ открытымъ небомъ еще болѣе увеличивали потери и смертность. Съ удивленіемъ смотрѣлъ непріятель на наши войска и на выроставшія укрѣпленія севастопольскія. Точно также живя подъ открытомъ небомъ, трудясь день и ночь надъ постройкою укрѣпленій, русскія войска находили еще время и средства безпокоить непріятеля своими выстрѣлами, уничтожавшими ихъ работы или разгонявшими рабочихъ.

По мѣрѣ того какъ постройка укрѣпленій приходила къ концу, бастіоны и батареи покрывались орудіями и тотчасъ же открывали огонь противъ непріятеля и его работъ.

«Русскія батареи, писали англичане въ своихъ газетахъ, не даютъ покою ни днемъ, ни ночью войскамъ, расположеннымъ подъ прикрытіемъ возвышеній, окружающихъ Севастополь. Ядра и гранаты безпрерывно перелетаютъ черезъ возвышенія и падаютъ вблизи нашихъ солдатъ. Едва только покажутся два-три солдата, какъ русскіе выстрѣлы напоминаютъ имъ самымъ ощутительнымъ образомъ, чтобы они убрались по добру по здорову, и что имъ лучше оставаться подъ прикрытіемъ».

Благодаря этой мѣткости выстрѣловъ, непріятельскимъ солдатамъ было запрещено показываться передъ севастопольскими укрѣпленіями, кромѣ тѣхъ командъ, которымъ необходимо было это по службѣ.

Ночныя вылазки изъ Севастополя еще болѣе замедляли работы непріятеля. Съ наступленіемъ ночи наши охотники пробирались тайкомъ къ землянымъ постройкамъ союзниковъ, нападали на нихъ въ расплохъ, уничтожали, на сколько можно, ихъ работы и, произведя всеобщую тревогу въ лагерѣ, возвращались домой забравъ въ добычу оружіе, одежду, инструменты и проч. Случалось, что нѣсколько десяковъ солдатъ, отправившихся ночью распотѣшить свою удаль, поднимали на ноги всю непріятельскую армію.

Съ первымъ крикомъ «ура!» нашихъ охотниковъ, бросавшихся въ штыки, союзники, не разсмотрѣвъ числа ихъ, били тревогу по всему лагерю. Проходило нѣсколько часовъ послѣ того; наши удальцы давно уже отступили и, сидя въ кругу товарищей, разсматривали кто захваченную у непріятеля шапку, иной ружье, либо одѣяло, которымъ прикрывались англичане а въ непріятельскомъ лагерѣ солдаты все еще стояли подъ ружьемъ, ожидая нападенія русскихъ.

Безпокоя день и ночь противника и замедляя его работы, севастопольскій гарнизонъ успѣлъ построить укрѣпленія, сдѣлать необходимые запасы снарядовъ, поставить на укрѣпленіяхъ морскія орудія, разставить корабли такъ, чтобы они могли обстрѣливать рвы и овраги, спускавшіеся къ городу, и устроить нѣсколько мостовъ для свободнаго сообщенія. Словомъ сказать, наши успѣли укрѣпить городъ на столько, что когда непріятель открылъ первую стрѣльбу по Севастополю, то мы были совершенно готовы встрѣтить его должнымъ образомъ по-русски.

Эта необыкновенная дѣятельность севастопольскаго гарнизона не укрылась отъ глазъ Монарха. Достойно оцѣнивъ заслуги защитниковъ, Императоръ писалъ князю *Меншикову:* «Благодари всѣхъ за усердіе; скажи нашимъ молодцамъ-морякамъ, что Я на нихъ надѣюсь на сушѣ, какъ на морѣ. Никому не унывать, надѣяться на милосердіе Божіе; помнить, что мы, русскіе, защищаемъ родимый край и вѣру нашу, и предаться съ покорностью волѣ Божіей! Да хранитъ тебя и васъ всѣхъ Господь; молитвы мои за васъ и наше правое дѣло, а душа моя и всѣ мысли съ вами».

На разсвѣтѣ, 5-го октября, сильный туманъ закрылъ весь городъ и бухту, до такой степени, что въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Въ половинѣ седьмаго часа утра, какъ только туманъ сталъ рѣдѣть, французы, бросивъ три бомбы, одну за другою, подали тѣмъ сигналъ къ началу стрѣльбы по осажденному городу. Въ слѣдъ за тѣмъ, съ удивительною быстротою, заревѣло 53 орудія французскихъ и 73 англійскихъ. Въ отвѣтъ на этотъ погромъ,

посыпались частые выстрѣлы съ нашихъ укрѣпленій, съ такою мѣткостію, которая заставила союзниковъ понять, что не легко имъ будетъ сладить съ укрѣпленіями выросшими на ихъ глазахъ.

Стрѣльба по городу и окружавшимъ его укрѣпленіямъ съ каждымъ часомъ увеличивалась, и въ самое короткое время все пространство, раздѣляющее двухъ противниковъ, покрылось такимъ густымъ пороховымъ дымомъ, что и на близкомъ разстояніи не было возможности видѣть предмета. Нѣсколько разъ отдавалось приказаніе стрѣлять порѣже, чтобы дать разсѣяться дыму, но моряки, по увлеченію и изъ желанія нанести большій вредъ врагу, продолжали вести самую частую стрѣльбу. Тучи пороховаго дыма, носясь надъ городомъ, скрывали отъ глазъ не только всѣ батареи и всю окрестность, но даже и самое солнце. Свѣтъ его померкнулъ и казалось оно раскаленнымъ шаромъ или кровавымъ кругомъ, медленно опускавшимся на горизонтѣ.

Съ первыми выстрѣлами непріятельскихъ батарей, оба адмирала, *Корниловъ* и *Нахимовъ*, были на коняхъ и скакали первый на 4-й бастіонъ, а второй на 5-й. Восторженные крики войскъ, стоявшихъ въ укрѣпленіи, привѣтствовали Владиміра Алексѣевича *Корнилова*, когда онъ взошелъ въ укрѣпленіе, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ своего штаба.

Четвертый бастіонъ, по своему положенію, обратилъ на себя особенное вниманіе союзниковъ. Всѣ усилія французовъ были направлены къ тому, чтобы уничтожить и срыть съ лица земли это укрѣпленіе. Внутри бастіона скрещивались французскія бомбы съ англійскими ядрами; черезъ него-же летѣли и русскіе снаряды съ двухъ батарей, расположенныхъ позади бастіона. Владиміра Алексѣевича *Корнилова* просили, чтобы онъ поберегъ себя и оставилъ бастіонъ, но онъ отвѣчалъ, что теперь не время думать о безопасности, и продолжалъ наблюдать за дѣйствіями батарей своихъ и непріятельскихъ. Разговаривая съ солдатами, наводившими орудія, указывая имъ куда цѣлить, *Корниловъ* переходилъ отъ одного орудія къ другому. Покойно и строго было выраженіе его лица; легкая

улыбка едва замѣтно играла на устахъ, глаза его свѣтились ярче обыкновеннаго; высоко онъ держалъ голову, смотря на творенія своихъ рукъ — севастопольскія укрѣпленія. Сухощавый и нѣсколько согнутый станъ Корнилова, казалось, въ этотъ день выпрямился и весь онъ какъ будто сдѣлался повыше ростомъ.

Поговоривъ съ командиромъ 4-го бастіона, вице адмираломъ *Новосильскимъ*, и отдавъ ему нѣкоторыя приказанія, *Корниловъ* отправился на 5-й бастіонъ. Проѣзжая мимо Тарутинскаго полка, адмиралъ былъ радостно привѣтствуемъ солдатами.

— Вотъ этотъ такъ молодецъ! говорили между собою солдаты, смотря на адмирала.

На 5-мъ бастіонѣ всею стрѣльбою распоряжался Павелъ Степановичъ *Нахимовъ*; онъ самъ наводилъ орудія и слѣдилъ за полетомъ снарядовъ. Одѣтый въ сюртукъ съ эполетами, *Нахимовъ* хозяйничалъ на батареѣ какъ на кораблѣ. Принимая самое живое и горячее участіе въ защитѣ, презирая опасность, Павелъ Степановичъ въ самомъ началѣ боя чуть было не погибъ: онъ былъ раненъ въ голову, но, къ счастію, легко.

— Вы ранены, Павелъ Степановичъ, сказалъ одинъ изъ приближенныхъ къ нему офицеровъ.

— Не правда-съ! отвѣчалъ онъ съ неудовольствіемъ, желая скрыть свою рану отъ любившихъ его матросовъ, съ тѣмъ чтобы не разстроить ихъ.

Спустя нѣкоторое время, проведя рукою по окровавленному лбу, онъ прибавилъ: «слишкомъ мало-съ, чтобъ объ этомъ заботиться, слишкомъ мало-съ»!

Разговаривая съ Павломъ Степановичемъ, *Корниловъ* долго слѣдилъ вмѣстѣ съ нимъ за тѣмъ разрушеніемъ, которое производили наши снаряды въ непріятельскихъ укрѣпленіяхъ. Оба они стояли открыто, подъ самымъ сильнымъ огнемъ союзниковъ; ядра свистѣли около, обдавая ихъ землею и кровью убитыхъ; бомбы лопались вокругъ, поражая своими осколками прислугу у орудій. Трудно себѣ представить что-либо ужаснѣе этой борьбы. Громъ выстрѣловъ слился въ одинъ страшный гулъ надъ головами сража-

ющихся. Тысячи снарядовъ бороздили землю, бороздили укрѣпленія и разносили смерть и увѣчья повсюду.

Происходившій отъ этого ужасный оглушительный трескъ и гулъ увеличивался еще отъ выстрѣловъ съ непріятельскихъ кораблей по нашимъ приморскимъ укрѣпленіямъ. Расположившись передъ ними, полукругомъ, непріятельскіе корабли открыли непрерывную и частую стрѣльбу изъ 1,500 орудій. Наши укрѣпленія отвѣчали тѣмъ-же, и застонала земля, задрожали окрестныя горы, заклокотало сине-море.

Прекрасна и величественна была картина боя для тѣхъ, кто могъ любоваться ею издали, не подвергаясь опасности быть убитымъ. Непріятельскіе корабли стрѣляли цѣлымъ бортомъ, заразъ изъ всѣхъ пушекъ. Густой пороховой дымъ началъ постепенно закрывать корабли. При совершенно тихой погодѣ, чистомъ и ясномъ небѣ, при свѣтѣ полуденнаго солнца, густые клубы дыма, заколыхавшіеся сначала по темно-синей поверхности моря, стали подыматься все выше и выше, и наконецъ совершенно закрыли корабли съ ихъ мачтами и снастями. Непроницаемая завѣса эта по временамъ прорѣзывалась, какъ молніею, отблесками выстрѣловъ, за которыми слышалась частая дробь града снарядовъ, лопавшихся въ воздухѣ, прыгавшихъ по землѣ или ударявшихся въ стѣны укрѣпленій.

Бомбы, картечь, ракеты и прочіе снаряды кучами летѣли на защитниковъ. Трескъ и взрывы были повсемѣстны.

Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ люди, сражавшіеся въ облакахъ дыма, ежеминутно ожидали смертельнаго удара. Пусть каждый поставитъ себя въ этотъ день на мѣсто русскаго солдата, и тогда только онъ оцѣнитъ его заслуги родинѣ, честь и достоинство которой онъ отстаивалъ своею грудью. Проникнутый святымъ долгомъ, подъ столь сильнымъ огнемъ непріятеля, онъ безстрашно заряжалъ орудія, исправлялъ на-скоро поврежденіе въ укрѣпленіяхъ, тушилъ огонь, смѣло лѣзъ на пороховой погребъ, чтобы спасти его отъ взрыва, могущаго разнести въ клочки все укрѣпленіе съ его защитниками, и въ то же время уби-

ралъ убитыхъ и раненыхъ, утѣшая страдальцевъ словомъ и молитвою.

Нѣсколько часовъ сряду длилась съ обѣихъ сторонъ усиленная стрѣльба на всѣхъ пунктахъ. Оба противника, казалось, не хотѣли уступить другъ другу, какъ вдругъ наша бомба взорвала пороховой погребъ на одной изъ французскихъ батарей. Взрывъ этотъ былъ встрѣченъ громкимъ ура! севастопольскаго гарнизона. Черезъ полчаса послѣ этого взрыва послѣдовалъ другой, и затѣмъ огонь съ французскихъ батарей сталъ постепенно слабѣть, а потомъ и вовсе прекратился.

Англійскія батареи были счастливѣе. Будучи сильнѣе и устроены прочнѣе французскихъ, они дѣйствовали успѣшнѣе и продолжительнѣе. Англичане открыли самую усиленную стрѣльбу, направляя ее преимущественно на Малаховъ курганъ и на 3-й бастіонъ, пострадавшій болѣе другихъ. Расположенныя на горѣ англійскія батареи засыпали его снарядами спереди и сзади, такъ что сообщеніе съ бастіономъ сдѣлалось чрезвычайно опаснымъ. Къ тремъ часамъ пополудни на третьемъ бастіонѣ треть орудій была испорчена и сбита, а передъ остальными были разрушены амбразуры.

Потеря въ людяхъ на 3-мъ бастіонѣ и Малаховомъ курганѣ была огромная и число оставшихся едва хватало для дѣйствія при орудіяхъ. Между тѣмъ непріятельскіе выстрѣлы разрушали наши укрѣпленія, построенныя на-скоро, изъ сухой земли, не успѣвшей слежаться. Отверстія въ укрѣпленіяхъ (амбразуры), сквозь которыя стрѣляли орудія, поддерживаемыя досками, загорались и для тушенія ихъ необходимо было назначить особыхъ рабочихъ. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ *Корниловъ* поскакалъ къ острогу, гдѣ содержалось много арестантовъ.

— Всѣхъ арестантовъ не прикованныхъ къ тачкамъ, сказалъ онъ караульному офицеру, отведите на Малаховъ курганъ. Я сейчасъ самъ буду и распоряжусь работою.

Прикованные къ тачкамъ просили, какъ милости, и ихъ пустить туда же. Имъ стало совѣстно за самихъ себя, совѣстно за то, что имъ не довѣряютъ даже и въ такія минуты.

— Нѣтъ, мы не останемся здѣсь, простите насъ, кричали они, пустите сражаться съ врагами, мы умремъ на батареяхъ.

Кандалы, при содѣйствіи товарищей, въ мигъ были сняты, и арестанты выстроились въ три шеренги.

— Ребята! сказалъ имъ *Корниловъ*, маршъ за мною на Малаховъ курганъ, тамъ, самоотверженіемъ и храбростью, заслужите прощеніе нашего милостиваго Государя за прежніе ваши проступки.

Съ крикомъ ура! тысячная толпа арестантовъ хлынула за лошадью *Корнилова*, поскакавшаго впередъ. Высоко оцѣнили арестанты довѣріе къ нимъ адмирала и отслужили они свою службу вѣрою и правдою. Многіе изъ нихъ были убиты на бастіонахъ севастопольскихъ, а оставшіеся въ живыхъ заслужили полное прощеніе, перемѣнили свое поведеніе и, ставъ честными людьми, удостоены наградою.

На Малаховомъ курганѣ, *Корниловъ*, какъ и вездѣ, былъ встрѣченъ громкимъ ура! 44-го флотскаго экипажа.

Распоряжаясь на курганѣ, адмиралъ появлялся въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Слыша постоянныя просьбы своихъ приближенныхъ возвратиться домой, *Корниловъ* хотя и соглашался ихъ исполнить, но не вполнѣ.

— Постойте, мы поѣдемъ еще къ тѣмъ полкамъ, сказалъ онъ, указывая на Бородинскій и Бутырскій полки, а потомъ госпитальною дорогою домой.

Постоявъ еще нѣсколько минутъ, онъ, въ половинѣ 12 часа, произнесъ: «ну теперь поѣдемъ», но не успѣлъ сдѣлать и трехъ шаговъ, какъ ядро оторвало ему лѣвую ногу у самаго живота. Адмиралъ упалъ; его подняли, перенесли за насыпь и положили между орудіями.

— Ну, господа, предоставляю вамъ отстаивать Севастополь! Не отдавайте его, сказалъ В. А. *Корниловъ* окружавшимъ его и скоро потерялъ память, не испустивъ ни одного стона.

Онъ пришелъ въ себя только на перевязочномъ пунктѣ и причастился св. Таинъ. Замѣтивъ, что его хотятъ переложить на носилки, но затрудняются приподнять, чтобы

не повредить рану, Владиміръ Алексѣевичъ самъ черезъ раздробленную ногу перекатился въ носилки и былъ отнесенъ въ морской госпиталь. Чувствуя приближеніе смерти, онъ ожидалъ минуту эту съ совершеннымъ спокойствіемъ.

— Скажите всѣмъ, говорилъ онъ окружающимъ, какъ пріятно умирать, когда совѣсть спокойна. Благослови Господи Россію и Государя, прибавилъ онъ, спаси Севастополь и флотъ.

Въ половинѣ четвертаго часа по полудни доблестнаго адмирала не стало, и войска, вѣрившія въ его счастіе и необыкновенныя способности, съ грустью узнали о его кончинѣ.

На томъ мѣстѣ Малахова кургана, гдѣ убитъ В. А. *Корниловъ*, былъ сложенъ крестъ изъ непріятельскихъ бомбъ и ядеръ, а самая батарея, по Высочайшему повелѣнію, была названа бастіономъ *Корнилова*.

Между тѣмъ борьба съ англійскими батареями продолжалась. Наша артиллерія дѣйствовала отлично. Состязаніе двухъ противниковъ поддерживалось съ особою живостію, какъ вдругъ, въ 3 часа 17 минутъ по полудни, одна изъ непріятельскихъ бомбъ пробила пороховой погребъ—и страшный взрывъ потрясъ весь *третій* бастіонъ. Начальникъ артиллеріи третьяго отдѣленія, капитанъ 1-го ранга *Ергомышевъ*, упалъ замертво, контуженный въ голову; начальникъ бастіона, капитанъ-лейтенантъ *Лесли*, пропалъ безслѣдно, и множество нижнихъ чиновъ разорваны на части. Обезображенные трупы ихъ валялись повсюду, во рву и между орудіями: тамъ груда рукъ, тутъ одни головы безъ туловища. Бастіонъ представлялъ картину полнаго разрушенія. Вся передняя половина насыпи была сброшена въ ровъ, многія орудія и станки опрокинуты, такъ что нѣсколько минутъ бастіонъ не могъ производить выстрѣловъ. Затѣмъ убыль прислуги была пополнена и выстрѣлы загремѣли ожесточеннѣе прежняго. Сосѣдняя съ бастіономъ батарея *Будищева* съ громкими криками «ура»! открыла самый частый огонь, наносившій жестокій вредъ англичанамъ.

На Малаховомъ курганѣ, около четырехъ часовъ по по-

лудни, взлетѣлъ на воздухъ зарядный ящикъ, не причинившій, впрочемъ, значительнаго вреда. Не обращая вниманія на взрывъ, защитники продолжали вести самую ожесточенную стрѣльбу, ободряемые примѣромъ офицеровъ и пастыремъ церкви. Посреди ядеръ и бомбъ расхаживалъ по кургану священникъ въ епитрахилѣ, съ крестомъ въ рукахъ, и благословялъ прислугу. Болѣе двухъ часовъ достойный пастырь не оставлялъ мѣста боя и не выходилъ изъ огня. Одушевляемые его примѣромъ, матросы удвоили усилія, и, не болѣе какъ черезъ полчаса послѣ взрыва на третьемъ бастіонѣ, бомба съ Малахова кургана взрываетъ пороховой погребъ на той англійской батареѣ, на которой развѣвался англійскій флагъ. Взрывъ этотъ былъ такъ губителенъ, что все остальное время англичане могли стрѣлять только изъ двухъ орудій.

Отличное дѣйствіе нашей артиллеріи заставило союзниковъ прекратить бомбардированіе города. Выстрѣлы ихъ становились все рѣже и рѣже, а потомъ и совсѣмъ смолкли. Спустя немного времени, прекратили свою стрѣльбу и непріятельскіе корабли. Выпустивъ сто-пятьдесятъ тысячъ снарядовъ, ядеръ и бомбъ, союзный англо-французско-турецкій флотъ отошелъ самъ поврежденный, но безъ всякихъ результатовъ, не причинивъ большаго вреда нашимъ приморскимъ укрѣпленіямъ.

Такъ кончился день 5-го октября, называемый *днемъ перваго бомбардированія Севастополя*. Не смотря однако-же на успѣхъ нашей артиллеріи, день этотъ дорого стоитъ русской арміи. До тысячи человѣкъ солдатъ было убитыхъ и раненыхъ; мы потеряли много офицеровъ, потеряли адмирала *Корнилова*, но за то доказали врагу, что не легко будетъ ему бороться съ храбрыми защитниками Севастополя (1).

---

(1) Много было совершено въ этотъ день отдѣльныхъ подвиговъ, мы приведемъ нѣкоторые изъ нихъ:

1) 29-го экипажа боцманъ Алфимовъ состоялъ комендоромъ при бомбическомъ орудіи, на 4 бастіонѣ, и неустанно наводилъ свою пушку на 2-ю амбразуру французской батареи. Непріятельское ядро оторвало ему ногу; Алфимова понесли на носилкахъ. «Стой!» крикнулъ онъ: «Эй, Семенъ, поди-

IV.

Послѣдствія бомбардированія 5-го октября. — Исправленіе укрѣпленій. — Дѣятельность севастопольскаго гарнизона. — Балаклавское и инкерманское сраженія.

Умолкъ гулъ выстрѣловъ, разсѣялся пороховой дымъ и наступила всеобщая тишина.

Нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ, истомленные продолжительнымъ боемъ, бросились въ изнеможеніи на землю, тутъ-же, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ орудій, чтобы перевести духъ и отдохнуть хотя нѣсколько минутъ. Другіе, еще не выбившіеся изъ силъ, пошли утолять голодъ и жажду, потому что съ самаго утра, съ открытіемъ стрѣльбы, никто не бралъ въ ротъ ни куска хлѣба, ни капли воды. Подкрѣпивъ себя пищею, матросы и солдаты, съ чув-

---

ко сюда». Подбѣжалъ матросъ, занявшій мѣсто комендора.—«Слушай!» говорилъ раненый, «если ты мнѣ къ вечеру не подобьешь втораго орудія я прійду и поссорюсь съ тобой.... Ну, теперь пошелъ, неси на перевязку».

2) Бутырскаго пѣхотнаго полка деньщикъ Ѳедоръ Аверьяновъ несъ, во время бомбардированія, полную миску со щами для своего офицера, у котораго собралось нѣсколько товарищей. Аверьянову надобно было пройти черезъ большую площадь, у Корабельной Слободки, на которой ложилось такое множество непріятельскихъ снарядовъ, что еще долго послѣ бомбардированія все это пространство было усѣяно ядрами и нелопнувшими бомбами и гранатами. Бомбы и ядра падали со всѣхъ сторонъ; но усердный деньщикъ устремилъ все вниманіе на миску, и только искоса поглядывалъ на падавшіе снаряды. Дойдя до землянки, въ которой сидѣли офицеры, онъ тщательно поставилъ щи на лавку, и перекрестившись сказалъ: «Ну, слава Богу, не пролилъ».

3) 5-го октября утромъ капитанъ 1-го ранга Кернъ крикнулъ своему деньщику: Михайло, чаю! «Ваше высокоблагородіе», отвѣчалъ деньщикъ, «чаю не будетъ, ядро снесло трубу съ самовара».—Пошелъ, сказалъ капитанъ, и какъ хочешь, а чтобъ былъ чай!—Въ это время летѣла мимо корниловскаго бастіона непріятельская ракета. Увидѣвъ ее, деньщикъ сказалъ: «Сейчасъ будетъ», и бросился бѣжать по направленію ея полета. Чрезъ нѣсколько минутъ, исполнительный матросъ устанавливалъ желѣзную гильзу ракеты на пораненый самоваръ своего капитана.

4) На 3-й бастіонъ упала огромнаго размѣра англійская бомба и, крутясь, грозно шипѣла близъ собравшейся толпы матросовъ. «Не сердись, толстуха, сказалъ одинъ изъ нихъ, никого не испугаешь, — у меня теща сердитѣе тебя, а я и ея не боюсь», — и съ этими словами залѣпилъ трубку бомбы грязью.

ствомъ довольства и гордости, вспоминали о небываломъ въ ихъ жизни днѣ, который казался имъ страшнымъ, тяжелымъ сномъ. Страшенъ сонъ, говоритъ русскій человѣкъ, да милостивъ Богъ. И, дѣйствительно, послѣ столь горячаго боя, взрывовъ, шума ядеръ, гранатъ, ракетъ и и рева нѣсколькихъ тысячъ пушекъ, поразителенъ былъ переходъ къ тихой прохладѣ, небу, усыпанному блестящими звѣздами, отражавшимися въ зеркальной поверхости моря. Поразителенъ былъ переходъ отъ всеобщаго шума и жара къ тихой и довольно прохладной ночи.

Не отдыхъ и спокойствіе принесла она защитникамъ, а, напротивъ того, призывала ихъ къ величайшей дѣятельности—къ исправленію всѣхъ поврежденій, къ замѣнѣ подбитыхъ орудій и къ пополненію израсходованныхъ снарядовъ. Малочисленному гарнизону приходилось въ одну ночь исправить то, что разрушали сотни тысячъ снарядовъ въ теченіе цѣлаго дня. Единодушное желаніе, удивить врага и разстроить его разсчеты, сдѣлали то, что въ теченіе ночи гарнизонъ уничтожилъ всѣ слѣды разрушенія и на слѣдующее утро, передъ глазами изумленнаго непріятеля, наши батареи явились сильнѣе прежнихъ.

Получившіе значительныя поврежденія третій бастіонъ и Малаховъ курганъ (Корнилова бастіонъ) были исправлены и усилены. Всю ночь кипѣла на нихъ самая дѣятельная работа: заваленныя землею орудія отрывали, строили пороховые погребки, исправляли насыпь, очищали засыпанные рвы, насыпали взорванную часть 3-го бастіона и ставили новыя орудія большаго калибра.

Для вооруженія батарей большими орудіями приходилось снимать ихъ съ кораблей, выгружать на пристани, тащить нѣсколько верстъ до оборонительной линіи и за тѣмъ ставить на укрѣпленіе. Только безпримѣрное усердіе и дѣятельность войскъ могли совершить въ одну ночь столь значительныя работы.

Самое раннее утро застало 3-й бастіонъ и Малаховъ курганъ совершенно готовыми опять бороться съ англійскими батареями. Такая же точно дѣятельность кипѣла и по всей оборонительной линіи: всѣ поврежденія были

исправлены и всѣ орудія по возможности были замѣнены другими, болѣе дальняго полета, такъ что къ утру слѣдующаго дня мы готовы были по всей линіи отвѣчать непріятелю съ большею силою, чѣмъ наканунѣ.

Съ разсвѣтомъ 6-го октября англичане снова открыли жестокій огонь по 3-му и 4-му бастіонамъ и по Малахову кургану. Французы молчали. Сильно пострадавшіе наканунѣ, они исправляли еще свои поврежденія, строили двѣ новыхъ батареи и траншею противъ четвертаго бастіона. Не смотря на усиленное дѣйствіе англійскихъ батарей, въ теченіе цѣлаго дня, повреждения въ бастіонахъ были незначительны. Въ слѣдующую ночь повреждения эти были снова исправлены и заложены новыя батареи. Въ $6^1/_2$ часовъ утра, 7-го октября, съ обѣихъ сторонъ закипѣлъ такой же ожесточенный бой какъ и 5-го октября. Въ это время на улицахъ Севастополя проходящихъ почти не было; одни только носильщики таскали раненыхъ да убитыхъ. Изрѣдка кто нибудь спѣшилъ на бастіоны, и то только съ экстреннымъ приказаніемъ. Для уменьшенія убыли въ войскахъ ротамъ приказано было располагаться за закрытіями. Кучками сидѣли солдаты у стѣнъ, положивъ ружья передъ собою, изъ предосторожности чтобы непріятель не замѣтилъ войска и составленныхъ въ козла ружей. Ядра свистѣли со всѣхъ сторонъ, но не страшны были они русскому солдату. Шутки, прибаутки и разныя присловья сыпались со всѣхъ сторонъ. Иногда, по большей части ночью, говорились сказки, съ примѣненіемъ ихъ къ окружающей обстановкѣ.

— Вотъ летитъ змѣй-горыничь, шумитъ, гремитъ, точь въ точь, какъ эта бомба, говаривалъ разсказчикъ, указывая на пролетавшую надъ головами бомбу.

Въ это время нѣкоторые изъ молодыхъ солдатъ, заслыша свистъ снаряда, невольно приклонялись. Хладнокровный разсказчикъ замѣчалъ и это.

— Не наклоняйся, подшучивалъ онъ надъ молодыми. Всякому ядру станешъ кланяться, свихнешь шею; погоди, коли попадетъ само сломитъ.

Нѣсколько взрывовъ на французскихъ батареяхъ за-

ставили ихъ замолчать, и къ вечеру канонада прекратилась по всей линіи. Въ оба эти дня нашими батареями было выпущено 24 тысячи артиллерійскихъ снарядовъ.

Послѣ двухъ столь сильныхъ бомбардированій союзные главнокомандующіе убѣдились, что Севастополь нѣтъ возможности взять открытою силою, и потому рѣшили приступить къ правильной осадѣ. Французы повели свои подступы противъ 4-го бастіона, англичане—противъ 3-го бастіона и Малахова кургана. Съ этого времени началась та однообразная, тяжелая и утомительная жизнь севастопольскаго гарнизона, которую онъ несъ въ теченіе одиннадцати съ половиною мѣсяцевъ. Ежедневно тысячи снарядовъ, нашихъ и непріятельскихъ, бороздили воздухъ съ ранняго утра до поздней ночи. Съ наступленіемъ сумерекъ противники принимались за работы: севастопольцы исправляли поврежденія, возводили новыя укрѣпленія, а непріятель, съ каждымъ днемъ, хотя и медленно, но все таки ближе подвигался своими подступами къ нашимъ бастіонамъ.

Чтобы отвратить вниманіе непріятеля отъ города, необходимо было дѣйствовать наступательно, но незначительность силъ заставили князя *Меншикова* выждать прибытія новыхъ войскъ. Въ началѣ октября стали подходить къ Севастополю давно ожидаемыя подкрѣпленія. Прежде другихъ явилась въ Крымъ 12-я пѣхотная дивизія, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта *Липранди*. Двинувшись изъ Кишинева въ полномъ составѣ, она быстро достигла до Севастополя, совершивъ этотъ длинный путь по суворовски. Какъ только князь *Меншиковъ* узналъ, что передовые полки этой дивизіи появились у Перекопа, онъ тотчасъ же рѣшился атаковать непріятеля съ тыла, со стороны дер. Чоргунъ, по направленію къ Балаклавѣ, гдѣ находились всѣ склады англійской арміи.

Съ утра 11-го октября войска стали спускаться въ долину Черной рѣчки и располагались бивуакомъ у селенія Чоргунъ. Передъ ними на возвышеніяхъ находились небольшіе непріятельскіе кавалерійскіе пикеты, а за ними виднѣлось нѣсколько укрѣпленій, расположенныхъ въ одну

линію. Приходившіе полки составляли ружья въ козла, разбивали коновязи, разсѣдлывали лошадей и скоро между солдатами завязалось обширное знакомство. Пѣхотинцы сновали между коновязями, кавалеристы бродили между бивуачными кучками, отыскивая земляковъ и знакомыхъ. Черезъ четверть, а много черезъ полчаса все было въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ и разговорамъ не было конца. Прибывавшія на бивуакъ войска встрѣчались какъ давно знакомыя и родныя. Къ вечеру собралось здѣсь 16 батальоновъ пѣхоты, 22 эскадрона кавалеріи, 8 сотенъ казаковъ и 52 орудія полевой артиллеріи, всего до 16000 человѣкъ.

Бивуакъ нашъ былъ расположенъ на правомъ берегу Черной рѣчки и представлялъ живописную картину. Небольшая котловина, обставленная со всѣхъ сторонъ крутыми горами, гдѣ въ другое время не могъ бы размѣститься и одинъ полкъ съ батареею артиллеріи, теперь была переполнена войсками. А между тѣмъ всѣмъ было довольно мѣста, всѣмъ казалось удобно. Въ такихъ случаяхъ, какъ канунъ боя, человѣкъ становится менѣе требователенъ и примиряется со всѣми неудобствами, сознавая, что они слишкомъ ничтожны въ сравненіи съ тою торжественною и величественною минутою, къ которой онъ готовится. Канунъ сраженія связываетъ всѣхъ узами боеваго родства. Каждый видитъ въ товарищѣ нѣчто родное, близкое, и готовъ подѣлиться съ нимъ всѣмъ, что есть подъ рукою, лишь бы не нарушить того благоговѣйнаго и высокаго настроенія, съ которымъ воинъ, вступая въ бой, жертвуетъ своею жизнію по долгу и по совѣсти...

Былъ тихій прекрасный вечеръ, такой, какимъ изобилуетъ Крымъ во время ранней осени. Повсюду были видны составленныя въ козлы ружья, орудія, зарядные ящики, лошади и самыя разнообразныя группы солдатъ, съ шумомъ разговаривавшихъ или дремавшихъ у дымящихся костровъ. Тамъ, у опушки небольшаго кустарника, разсѣлось нѣсколько кавалерійскихъ юнкеровъ, которые забыли о покоѣ и отдохновеніи въ пылу дружеской бесѣды, среди воспоминаній прошедшаго и мечтаній о предстоящемъ сраже-

ніи. Нѣкоторые изъ нихъ тихо бесѣдовали между собою, другіе дѣлали различныя распоряженія: сжигали письма, которыхъ не желали, въ случаѣ смерти, видѣть въ рукахъ постороннихъ, и писали духовныя завѣщанія объ имуществѣ, передавая ихъ одному изъ близкихъ друзей или товарищей. Подлѣ этой кучки молодежи, въ полумракѣ, около лѣса, освѣщеннаго отблескомъ разложенныхъ костровъ, виднѣлись коновязи и кучки солдатъ, группировавшихся около старыхъ служивыхъ. Съ живымъ любопытствомъ слушали они разсказы о битвѣ, о первомъ впечатлѣніи, которое производятъ на человѣка свистъ пули и шумъ летящихъ артиллерійскихъ снарядовъ.

Но вотъ постепенно все стихло и воцарилось глубокое молчаніе, прерываемое иногда ржаніемъ лошадей, бряцаніемъ оружія дежурныхъ, да тихимъ шопотомъ незаснувшихъ. Какъ то таинственно блистали штыки на ружьяхъ, посеребренные едва мерцающимъ огонькомъ потухающихъ костровъ.

Наступило раннее утро 13-го октября. Едва зардѣлась заря, какъ лагерь сталъ просыпаться. Солдаты копошились около лошадей и орудій; старые служивые, готовясь на смерть, надѣвали чистое бѣлье, другіе молились; начальство хлопотало у своихъ частей, дѣлая различнаго рода распоряженія. Черезъ часъ каша была готова и солдатъ звали къ винной порціи. Около пяти часовъ утра, пѣхота разобрала ружья, кавалерія сѣла на коней, артиллерія взяла орудія на передки. Вдали показался начальникъ отряда, генералъ *Липранди*, который, объѣзжая войска и обращаясь къ полкамъ своей дивизіи, выразилъ увѣренность, что они будутъ драться такъ же храбро, какъ и на Дунаѣ. Онъ прибавилъ, что не сомнѣвается въ побѣдѣ. Неумолкаемымъ крикомъ «ура!» отвѣчали солдаты на увѣренность своего начальника. Это не былъ тотъ крикъ, который такъ протяжно и ровно раздается на ученьяхъ, — это былъ крикъ увѣренности въ своей силѣ, побѣдный крикъ, вырвавшійся изъ могучей груди нашего богатыря-солдата.

Передъ глазами собравшагося отряда тянулись высоты,

освѣщенныя утреннимъ солнцемъ. Съ лѣвой стороны виднѣлось селеніе Комары, занятое непріятельскими аванпостами; правѣе его, на высотахъ и въ одну линію, было расположено четыре непріятельскихъ укрѣпленія, лѣвѣе всѣхъ № 1, за тѣмъ по порядку № 2, 3 и 4. Укрѣпленія эти были заняты частію турками, частію англичанами. За линіею укрѣпленій, вдали, на тѣхъ же высотахъ, рисовалось, какъ бы въ туманѣ, селеніе Кадыкіой, а нѣсколько правѣе его— лагерь англійской кавалеріи.

Сообразно съ расположеніемъ непріятеля, и войска наши двинулись тремя колоннами: лѣвая, подъ начальствомъ генералъ-маіора *Гриббе* (въ составѣ $3^1/_2$ баталіоновъ, 4-хъ эскадроновъ, сотни казаковъ и 10 орудій), направлена на селеніе Комары. Средняя колонна, подъ начальствомъ генерала *Семякина*, ($13^1/_2$ баталіоновъ съ 28 орудіями), двигалась по направленію къ селенію Кадыкіой и должна была атаковать первые три редута. Противъ четвертаго редута направлена правая колонна, подъ начальствомъ полковника *Скюдери* (состоявшая изъ $4^1/_4$ баталіоновъ, трехъ сотенъ казаковъ и 8 полевыхъ орудій). Въ то же самое время генералъ-маіоръ *Жабокритскій* долженъ былъ съ своимъ отрядомъ ($7^1/_2$ баталіоновъ, 2 эскадрона и 2 казачьи сотни), спуститься съ Инкерманскихъ высотъ и, присоединившись къ отряду генерала *Липранди*, съ правой стороны, обезпечить его отъ обхода.

Около получаса двигались колонны въ самомъ глубокомъ молчаніи; даже лошади не ржали, какъ бы опасаясь обратить на себя вниманіе непріятеля.

Но вотъ вдали послышался выстрѣлъ, за нимъ другой, потомъ третій—и дѣло началось.

Колонна генералъ-маіора *Гриббе* прежде всѣхъ достигла до мѣста назначенія. Полсотни казаковъ бросились на стоявшій у монастыря Іоны Постнаго непріятельскій пикетъ, который быстро отступилъ. Въ слѣдъ за тѣмъ, пѣхота заняла селеніе Комары. По окраинѣ селенія, лицомъ къ непріятелю, разсыпались наши штуцерные, а правѣе ихъ, на гребнѣ возвышенія, стала артиллерія для дѣйствія вправо противъ редута № 1. Между артиллеріею, примы-

кая къ лѣвому боку средней колонны генерала *Семякина*, стали три эскадрона своднаго уланскаго полка.

Въ началѣ восьмаго часа утра, наши батареи открыли огонь по непріятельскимъ укрѣпленіямъ, а въ слѣдъ за тѣмъ полковникъ *Криднеръ* повелъ своихъ азовцевъ на приступъ противъ крайняго лѣваго редута № 1.

Передъ глазами всего отряда, какъ бы на удивленіе оставшимся назади товарищамъ, шли азовцы въ атаку, не обращая вниманія на градъ пуль и артиллерійскихъ снарядовъ. При всякой убыли смыкая ряды, они, въ стройномъ порядкѣ, подошли къ подошвѣ горы. Раздался протяжный крикъ «ура!» и вся покатость высоты покрылась густою толпою атакующихъ. Въ одно мгновеніе азовцы какъ шмели облѣпили укрѣпленіе: кто обѣжалъ съ концовъ, кто просто перелѣзъ черезъ валъ, и пошла штыковая потѣха русскаго солдата. Бывшіе въ редутѣ турки, хотя и дрались весьма упорно, но принуждены были отступить, и укрѣпленіе осталось въ нашихъ рукахъ.

Азовцы рѣшили участь побѣды — они вынесли ее на своихъ плечахъ.

Съ паденіемъ редута № 1, турки, защищавшіе сосѣдніе два редута (№ 2 и 3), не выждали удара и поспѣшно обратились въ бѣгство; точно также непріятель бѣжалъ и изъ укрѣпленія № 4, противъ котораго шелъ Одесскій егерскій полкъ. Редутъ этотъ, какъ слишкомъ выдвинувшійся впередъ къ непріятелю, былъ тотчасъ же срытъ, колеса у лафетовъ перерублены и самыя орудія сброшены съ горы. Оставивъ укрѣпленія и бывшія въ нихъ орудія, турки бѣжали къ селенію Кадыкіой и присоединились къ стоявшимъ впереди селенія шотландскому полку и бригадѣ англійской кавалеріи.

Выстрѣлы на Кадыкіойскихъ высотахъ встревожили союзниковъ. Въ Балаклавѣ ударили тревогу. Бывшія тамъ англійскія и турецкія войска выступили изъ города и остановились по срединѣ, между городомъ и селеніемъ Кадыкіой. Такимъ образомъ непріятель расположился передъ нами въ двѣ линіи: въ первой, ближайшей къ намъ, стоялъ шотландскій полкъ, турки, бѣжавшіе изъ укрѣпленій, и бри-

гада англійской кавалеріи, а во второй — собравшійся балаклавскій гарнизонъ.

Для атаки первой линіи непріятеля, генералъ *Липранди* выдвинулъ впередъ гусарскую бригаду, девять сотенъ казаковъ и двѣ батареи конной артиллеріи (легкую № 12 и донскую № 3). Быстро вынеслись батареи на позицію и открыли огонь. По первымъ выстрѣламъ шесть эскадроновъ веймарскихъ гусаръ и три сотни казаковъ бросились на шотландскій полкъ, а восемь эскадроновъ лейхтенберскихъ гусаръ и шесть сотенъ казаковъ атаковали англійскую кавалерію. Встрѣченные на обоихъ пунктахъ сильнымъ огнемъ непріятеля и встрѣчною атакою англійской кавалеріи, гусары и казаки принуждены были отступить, и начали устраиваться правѣе пѣхоты. Въ это самое время, правѣе нашей кавалеріи, появились колонна отряда генералъ-маіора *Жабокритскаго*, который, выдвинувъ впередъ свою артиллерію, прикрылъ съ правой стороны отступавшихъ гусаръ.

Между тѣмъ, англійскій главнокомандующій, замѣтивъ успѣшное дѣйствіе своей кавалеріи, приказалъ ей двинуться впередъ. Англичане бросились въ атаку. Не смотря на сильный перекрестный огонь нашей артиллеріи и штуцерныхъ, они налетѣли на выдвинутую впередъ донскую батарею, изрубили прислугу, наскочили на гусаръ и казаковъ, смяли ихъ, и пронеслись далеко за линію занятыхъ нами укрѣпленій. Отсюда имъ не было возврата, и блестящая атака эта слишкомъ дорого стоила англичанамъ. Когда непріятельская кавалерія насѣла на нашу батарею, тогда въ тылъ ей выдвинуты были казаки, а когда она промчалась еще далѣе за линію редутовъ, то была атакована во флангъ (съ боку) тремя эскадронами своднаго уланскаго полка. Находясь сверхъ того подъ перекрестнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ пѣхоты, англичане смѣшались, повернули коней и поскакали тѣмъ же путемъ назадъ, подъ самымъ сильнымъ огнемъ пѣхоты. Англичане отступали, сохраняя возможный порядокъ, хотя потеря ихъ была огромная. Все поле было усѣяно трупами людей и лошадей. Бригады англійской кавалеріи не существовало; изъ 800 человѣкъ, бросившихся въ атаку, вернулось не болѣе

200 человѣкъ, да и изъ нихъ многіе были ранены. 17-й англійскій уланскій полкъ былъ почти совершенно уничтоженъ; только весьма немногіе изъ его всадниковъ, спасшіеся отъ общаго истребленія, неслись, въ одиночку, по открытой равнинѣ, преслѣдуемые нашими уланами.

Пораженіе англійской кавалеріи закончило балаклавское сраженіе, такъ какъ союзные главнокомандующіе не рѣшились предпринять наступательныхъ дѣйствій противъ отряда генерала *Липранди*. Наши войска остались въ занятыхъ ими укрѣпленіяхъ, въ которыхъ намъ досталось въ добычу одно знамя, 11 орудій, турецкій лагерь, 60 патронныхъ ящиковъ и разный инструментъ. Многіе солдаты щеголяли также чѣмъ нибудь англійскимъ или турецкимъ: на одномъ была надѣта англійская шинель, на другомъ фуражка съ англійскою высѣчкою, у третьяго прекрасная походная баклажка черезъ плечо. Вечеромъ, когда собрались къ кострамъ, разсказамъ не было конца; каждый старался, наперерывъ другъ передъ другомъ, разсказать тѣ случаи, которымъ онъ былъ очевидцемъ. Много было въ этомъ сраженіи отдѣльныхъ подвиговъ храбрости, ловкости и находчивости ([1]), и потому разговаривавшіе находили чѣмъ дѣлиться другъ съ другомъ.

([1]) Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: Азовскаго пѣхотнаго полка, поручикъ Эйнзидель (принятый изъ саксонской службы), разговаривая наканунѣ сраженія въ кругу товарищей, обѣщался непремѣнно отличиться и сказалъ имъ: «Вы увидите завтра — гдѣ я буду». Эйнзидель сдержалъ свое слово: въ числѣ первыхъ былъ онъ на укрѣпленіи, гдѣ получилъ три тяжелыя раны.

Рядовой Иванъ Заровный защищалъ израненаго поручика Эйнзиделя, и палъ жертвою своей преданности начальнику.

Днѣпровскаго пѣхотнаго полка, рядовой Климъ Ефимовъ, при взятіи комарскихъ высотъ, находясь въ цѣпи штуцерныхъ, былъ раненъ осколкомъ гранаты въ бровь; послѣ сдѣланной перевязки, онъ просилъ доктора отпустить его на мѣсто сраженія и, по разрѣшеніи, прибылъ къ своей ротѣ, при которой и находился до конца сраженія.

Одесско-егерскаго полка. Во время атаки редута № 4-го, штуцернику 5-й егерской роты, Дементію Коммисарову, оторвало осколкомъ гранаты концы средняго и указательнаго пальцевъ лѣвой руки; долго онъ не оставлялъ своего штуцера, стараясь еще зарядить его; но лившаяся кровь мочила патронъ и ружье; выведенный изъ терпѣнія, Дмитрій Коммисаровъ обратился къ офицеру: «ваше благородіе, позвольте мнѣ сбѣгать завязать руку;

Гибель лучшей англійской кавалеріи, въ глазахъ цѣлой арміи союзниковъ, была такимъ ударомъ, что они, и въ особенности англичане, долго не могли опомниться и оставили насъ спокойно владѣть редутами. Извѣстіе о

а пока не угодно ли самимъ пострѣлять изъ моего штуцера: знатно попадаетъ! я же сейчасъ ворочусь». И, дѣйствительно, чрезъ нѣсколько минутъ Дементій Коммисаровъ явился опять между стрѣлками и, хотя съ перевязанною рукою, не переставалъ стрѣлять изъ своего любимаго штуцера до конца сраженія.

Когда, разбитая на-голову, непріятельская кавалерія въ безпорядкѣ и во весь духъ мчалась назадъ, лежавшій на землѣ, раненый въ ногу, штуцерной 4-й карабинерной роты Цвѣрковскій, котораго не успѣли еще отвести на перевязку (а самъ идти былъ не въ состояніи), увидѣлъ скакавшаго впереди на лихой лошади англичанина. «Ахъ, батюшки», сказалъ онъ, «не дайте ему выскочить! Онъ славно напиралъ, пусть же хоть на отъѣздъ попробуетъ русскаго свинцу!» Съ этими словами онъ перевернулся, приподнялся, прицѣлился, выстрѣлилъ — и славный англійскій наѣздникъ свалился съ коня. «Теперь хоть и на перевязку!» сказалъ Цвѣрковскій.

Въ одно время съ горнистомъ 1-го батальона Денегою, принесеннымъ съ оторванною рукою на перевязочный пунктъ, принесли туда же англійскаго гусара, истекавшаго кровью и совершенно ослабѣвшаго отъ сабельныхъ ранъ. Видя это, Денега забылъ о собственныхъ страданіяхъ и обратился къ полковому штабъ-лекарю съ просьбою: «Ваше высокоблагородіе, погодите еще смотрѣть меня, помогите вотъ этому прежде, а то онъ пить попросить не можетъ. Пусть знаетъ, что мы христіане и люди добрые!»

Гусарскаго Его Императорскаго Высочества Герцога Лейхтенбергскаго полка, вахмистръ Гуровъ, не смотря на полученную имъ рану, видя, что эскадронный командиръ маіоръ Майдель, раненый въ голову, упалъ, слѣзъ съ лошади подъ убійственнымъ огнемъ пѣхоты и вывелъ своего начальника.

Унтеръ-офицеръ Кисленко, раненый въ локоть пулею, отправился на перевязочный пунктъ, но едва услыхалъ перестрѣлку, какъ, не окончивъ перевязку, возвратился во фронтъ и остался до конца боя.

Гусарскаго Гроссъ-Герцога Саксенъ-Веймарскаго полка, унтеръ-офицеръ Захаровъ, когда убита была подъ генераломъ Рыжовымъ лошадь, подалъ ему свою, а самъ остался подъ сильнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей снимать сѣдло съ убитой лошади. Онъ исполнилъ это хладнокровно, безъ суеты, и принесъ сѣдло на плечахъ до перевязочнаго пункта.

Храбрый ротмистръ Хитрово, командиръ 1-го эскадрона Веймарнскаго полка, раненый пулею и нѣсколькими сабельными ударами и окруженный непріятелемъ, дрался отчаянно. Эскадронъ бросился на выручку своего любимаго начальника, но ротмистръ Хитрово, видя неизбѣжную гибель своихъ людей, приказалъ имъ воротиться. Уже спѣшенный, онъ продолжалъ драться, пока не палъ подъ ударами непріятеля.

Сводного Уланскаго полка, эскадрона Его Высочества Эрцъ-Герцога Австрійскаго Альберта, рядовой Марко Зиноватый, будучи раненъ и сбитъ съ коня, схватилъ бѣжавшую непріятельскую лошадь, сражался на ней до

побѣдѣ, одержанной нашими войсками въ балаклавскомъ сраженіи, принято съ восторгомъ гарнизономъ Севастополя. Защитники осажденнаго города со дня высадки не имѣли ни одного спокойнаго дня и были изнурены усиленными работами, ежедневнымъ бомбардированіемъ и ежеминутнымъ ожиданіемъ штурма. Балаклавская побѣда, радостно отозвавшись въ сердцѣ каждаго изъ стоявшихъ на бастіонахъ, возбудила въ нихъ новыя усилія къ сопротивленію многочисленному непріятелю. Въ Севастополѣ закипѣла еще болѣе дѣятельная земляная работа: нѣкоторыя батареи усиливались, другія исправлялись, третьи вновь строились. Передъ третьимъ бастіономъ вырыли ровикъ для штуцерныхъ, чтобы выстрѣлами ихъ препятствовать англичанамъ подвигаться къ намъ своими подступами. На случай атаки непріятеля, дома, ближайшіе къ линіи укрѣпленій, приводились въ оборонительное положеніе: въ нихъ закладывали лишнія двери и окна и замѣняли ихъ бойницами или небольшими отверстіями для ружейной стрѣльбы. Многія изъ продольныхъ улицъ заграждены кучами камней—баррикадами, за которыми поставлены орудія. Дома, приведенные въ оборонительное положеніе, были заняты войсками, которымъ приказано запастись продовольствіемъ и водою на нѣсколько дней. Они должны были защищаться до послѣдней крайности и не допустить непріятеля ворваться въ городъ. Въ Севастополь были введены новые полки: Екатеринбургскій, Тобольскій и Волынскій.

Первые два полка прибыли въ Крымъ форсированнымъ маршемъ и совершили свой путь необыкновенно скоро; слѣдуя то пѣшкомъ, то на подводахъ, они, случалось, дѣлали до 132 верстъ въ сутки, и лишь только появились въ Севастополѣ, какъ тотчасъ же были переведены на южную

конца дѣла, а послѣ дѣла, отыскавъ свою лошадь, явился раненый въ эскадронъ и находился въ рядахъ.

Конно-легкой № 12-го батареи, фейерверкеръ 3-го класса, Максимъ Ѳедоровъ, видя что ящичный ѣздовой донской батарейной батареи былъ убитъ непріятельскимъ уланомъ, и что ящикъ былъ уже захваченъ непріятелемъ, бросился туда, убилъ саблею улана, готовившагося сѣсть на подсѣдельную лошадь, и самъ, успѣвши вскочить на нее, доставилъ ящикъ въ батарею.

часть города на смѣну полковъ Бородинскаго и Тарутинскаго, отправленныхъ въ сел. Чоргунъ.

Въ осажденномъ городѣ канонада съ обѣихъ сторонъ гремѣла по прежнему, и наши батареи выпускали ежедневно отъ 5 до 6 тысячъ снарядовъ и нѣсколько десятковъ тысячъ пуль.

Не смотря, однако же, на усиленный огонь съ нашихъ батарей, французы все-таки подвигались впередъ своими подступами, такъ что на 21 октября они приблизились къ 4 бастіону не далѣе какъ на 65 саженъ. Съ наступленіемъ утра съ обѣихъ сторонъ былъ открытъ самый сильный огонь. Хотя наша артиллерія дѣйствовала такъ успѣшно, что повредила значительно четыре французскія батареи, изъ коихъ двѣ принуждены были замолчать, тѣмъ не менѣе усиленный огонь французскихъ батарей, направленный на 4-й бастіонъ, произвелъ въ немъ значительныя разрушенія, такъ что исправлять ихъ было крайне затруднительно. Перебѣжчики изъ непріятельскаго лагеря доносили, что французы собираются штурмовать бастіонъ. Мы дѣятельно готовились къ отраженію нападенія, но поврежденія въ бастіонѣ были такъ велики, что трудно было разсчитывать на успѣхъ. Хотя всѣ разрушенія тотчасъ же исправлялись, подъ огнемъ непріятеля, хотя подбитыя орудія безпрерывно замѣнялись новыми, а рѣдѣвшій строй защитниковъ пополнялся, но при всемъ томъ оборона бастіона видимо истощалась.

Чтобы сколько нибудь отвлечь вниманіе союзниковъ отъ Севастополя, главнокомандующій рѣшился еще разъ перейти въ наступленіе и атаковать правый флангъ непріятеля, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ успѣха, занять высоты, на которыхъ былъ расположенъ англійскій лагерь, и, утвердившись на нихъ, заставить союзниковъ снять осаду города.

Для атаки составлено два отряда: одинъ подъ начальствомъ генерала *Соймонова*, другой подъ начальствомъ генерала *Павлова*. *Соймоновъ* долженъ былъ двинуться изъ Севастополя прямо въ лицо англичанамъ, а *Павловъ*, спустившись съ Инкерманскихъ высотъ, ударить въ правый

ихъ бокъ. У *Соймонова* было 29 баталіоновъ, одна казачья сотня и 38 орудій, всего числомъ 18,929 человѣкъ; въ отрядѣ *Павлова*—$20^1/_2$ баталіоновъ и 96 орудій, всего 15,806 человѣкъ. Для лучшаго успѣха дѣйствій оба отряда должны были соединиться между собою, и тогда общее начальство надъ ними поручено было командиру 4-го корпуса, генералу *Данненбергу*.

Войска, назначенныя для атаки, стали собираться еще съ 20 октября. Нѣкоторые полки были выведены для этого изъ Севастополя и отправлены частію на Федюхины, частію на Инкерманскія высоты. Федюхины высоты находились ближе къ непріятелю; позади ихъ и нѣсколько правѣе лежатъ высоты Инкермана. Между высотами пролегаетъ Инкерманская долина, орошаемая Черною рѣчкою, впадающею въ Севастопольскую бухту. Еще дальше за высотами виднѣлся дымящійся Севастополь, налѣво горы, а направо часть безпредѣльнаго моря.

Собиравшіеся на Федюхиныхъ высотахъ полки видѣли передъ собою ту мѣстность, которая, нѣсколько дней тому назадъ, оглашалась побѣднымъ кликомъ отряда генерала *Липранди*. Они видѣли еще слѣды отступленія непріятеля: изломанное оружіе, разрушенныя непріятельскія укрѣпленія, испорченныя орудія, остатки подбитыхъ колесъ, лафетовъ и другихъ военныхъ принадлежностей. Въ самомъ воздухѣ не изчезли еще слѣды недавняго столкновенія двухъ враговъ—въ немъ слышался и переносился съ одного мѣста на другое тотъ особенный запахъ, который долго держится на поляхъ битвъ—запахъ крови.

Смотря на все это, войска пріобрѣтали увѣренность, что и предстоящее столкновеніе съ врагомъ будетъ также удачно для русскаго оружія. Весело подходили они къ назначеннымъ мѣстамъ, весело располагались на бивуакѣ, хотя канунъ битвы не представлялъ ничего привлекательнаго. Съ самаго ранняго утра, 23 октября, шелъ холодный дождь, насквозь пронизывавшій ветхія солдатскія шинели. Солдаты не горевали объ этомъ. Приходя на бивуакъ, они устраивали себѣ помѣщенія: таскали хворостъ, вѣтви, листья и, вырывъ яму, мастерили шалашъ для нѣсколь-

кихъ человѣкъ, гдѣ, разложивъ огонь, обогрѣвались и обсушивались. На гладкомъ и пустынномъ мѣстѣ образовалось нѣчто въ родѣ цыганскаго табора, ряды землянокъ и шалашей, разбросанныхъ безъ всякаго порядка по разнымъ направленіямъ. Здѣсь солдатъ-балагуръ разсказывалъ сказку, и окружающіе его слушатели простодушно хохотали, хотя въ разказѣ не было ничего особенно смѣшнаго. Тамъ и сямъ виднѣлись кучки, собравшіяся вокругъ самодѣльщины-свирѣли или доморощеннаго кларнета. Во всѣхъ концахъ слышались пѣсни съ присвистомъ и съ подъигрываніемъ самоучки-музыканта. Въ промежуткахъ между шалашами сновали солдаты въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ: одни въ рубахахъ, другіе въ шинеляхъ въ накидку или въ рукава. Они видимо сторонились только отъ шалашей, возлѣ которыхъ подогрѣвались чайники и стояли погребцы съ вынутыми принадлежностями для закуски, состоявшей изъ солдатскихъ сухарей, лука и селедки. То были землянки *«ротнаго»* или *«батальоннаго»*, около которыхъ копошились деньщики, приготовлявшіе незатѣйливую закуску. Проходившіе мимо солдаты осыпали въ полголоса деньщиковъ остротами, на которыя тѣ отвѣчали громкою и крупною бранью. Въ задней линіи бивуака видны были ряды солдатъ, игравшихъ въ карты. Какъ парные часовые, усѣвшись на землѣ и поджавъ подъ себя ноги, они усердно играли въ носки. Хлопанье по носамъ, сопровождаемое счетомъ разъ-два и смѣхомъ окружающихъ, разносилось по бивуаку. Шумъ и говоръ, пѣсни и смѣхъ смѣшивались съ гуломъ отдаленныхъ выстрѣловъ въ Севастополѣ, глухо замиравшимъ въ окрестныхъ горахъ.

На правомъ флангѣ бивуака послышалось громкое и продолжительное «ура»! Вдали показалась огромная толпа солдатъ, подвигавшихся вдоль фронта. Крики ихъ становились сильнѣе, летѣвшія къ верху шапки видны были яснѣе. Посреди этой толпы двигалась коляска, а въ ней два царскихъ сына, присланные отцомъ раздѣлить съ войсками боевые труды, опасности и лишенія. Великіе князья, *Ни-*

колай и *Михаилъ Николаевичи*, объѣзжали войска наканунѣ битвы.

— Драться будемъ, ребята! говорили Великіе князья.

— Рады стараться... готовы умереть! слышались повсюду крики.

— Государь Императоръ кланяться приказалъ вамъ, ребята, говорили князья.

— Ура! Ура! бороздило воздухъ въ отвѣтъ на эти слова.

Конечно, если бы къ этимъ самымъ войскамъ пришло еще нѣсколько полковъ на помощь, то пришедшіе не произвели бы между ними такого восторга и не вселили бы той увѣренности въ солдатахъ, какую вселило присутствіе посреди ихъ Великихъ князей.

Усилившійся къ ночи дождь противъ воли загналъ всѣхъ подъ плохія крыши землянокъ, и бивуакъ мало по малу успокоился. Изрѣдка слышался отдаленный звукъ выстрѣловъ въ Севастополѣ. Часу въ первомъ ночи выстрѣлы становились чаще и чаще, и вдругъ, среди непроницаемаго мрака, укрѣпленія Севастополя освѣтились блескомъ выстрѣловъ изъ нѣсколькихъ сотъ орудій. Бомбы и ядра посыпались въ непріятельскій лагерь и вызвали со стороны осадныхъ батарей столь же усиленное дѣйствіе артиллеріи. Въ слѣдъ за тѣмъ засвистали пули и сдѣлана была небольшая вылазка изъ города, — потомъ все утихло.

Около двухъ часовъ ночи между бивуаками пробирались скачущіе жандармы и казаки, отыскивавшіе землянки полковыхъ командировъ. Разбуженные полковые командиры потребовали фельдфебелей, приказали готовить въ ротахъ поскорѣе обѣдъ и быть готовыми къ выступленію. На бивуакѣ все зашевелилось. Солдаты съ заспанными глазами тащились къ ротному котлу, гдѣ раздавались винныя и говяжьи порціи. Поднялся шумъ и споръ: одному казался малъ кусокъ, другой былъ недоволенъ, что ему попалась кость. Капральный ефрейторъ мирилъ обоихъ.

— Ну что-жь, что кость тебѣ попалась, говорилъ онъ,

смотри братъ, кабы и этого то въ брюхѣ не ощупалъ французъ штыкомъ....

— Въ ружье! послышались команды полковыхъ командировъ, и всѣ споры прекратились.

Непривѣтливо было утро въ день инкерманскаго сраженія. Дождь шелъ по прежнему; глинистая почва окрестностей Севастополя распустилась и покрыла всѣ дороги непроходимой грязью. Было еще совершенно темно, когда войска наши двинулись съ бивуака. Тихо подвигались они впередъ, не было слышно ни говора, ни шума. Всякій думалъ свою думу—думу крѣпкую и, конечно, не одинъ чувствовалъ, что наступающее утро будетъ послѣднимъ въ его жизни.

Англичане, не подозрѣвая никакой опасности, спокойно спали въ лагерѣ. Промокшіе отъ дождя и продрогшіе отъ пронзительнаго холоднаго вѣтра, измученные передовые посты ихъ дремали отъ усталости, не обращая особеннаго вниманія на то, что дѣлалось въ нашемъ лагерѣ. Хотя они и слышали отдаленный шумъ и скрипъ колесъ, но не придавали ему никакого значенія.

Около 4-хъ часовъ утра въ Севастополѣ раздался звукъ церковнаго колокола, но и онъ не пробудилъ особеннаго вниманія непріятеля. День 24 октября былъ воскресный, и англичане приняли его за обыкновенный призывъ къ ранней обѣднѣ.

Рано утромъ англійскій генералъ *Кодрингтонъ* выѣхалъ изъ лагеря для осмотра своихъ аванпостовъ. Объѣхавъ ихъ, онъ собирался уже возвратиться домой, какъ въ это время послышались выстрѣлы по направленію отъ Севастополя. Въ слѣдъ за тѣмъ къ нему прибѣжало нѣсколько часовыхъ съ объявленіемъ, что русскіе наступаютъ. Генералъ поскакалъ въ лагерь, гдѣ поднялась всеобщая тревога. Англичане становились въ ружье и двигались по тому направленію, откуда были слышны выстрѣлы—колонны генерала *Соймонова*.

Собравшись у втораго бастіона, отрядъ генерала *Соймонова* выступилъ за полчаса до разсвѣта.

Густой туманъ и сѣрыя шинели нашихъ солдатъ скры-

вали ихъ долгое время отъ взоровъ англичанъ. Подъ прикрытіемъ цѣпи 6-го стрѣлковаго батальона, шли два полка, Томскій и Колыванскій, а въ срединѣ между ними подвигались двадцать два батарейныхъ орудія. Подойдя на близкій ружейный выстрѣлъ, наши полки открыли огонь и перестрѣлка завязалась.

Въ то время, когда послышались первые выстрѣлы, въ англійскомъ лагерѣ все было тихо, спокойно, и солдаты приготовлялись развести огни, чтобы обсушиться послѣ проливнаго дождя. Посреди лагеря внезапно раздался крикъ: «Русскіе идутъ»! и поднялась всеобщая суматоха. Въ лагерѣ ударили тревогу. Всѣ суетились, но никто не могъ понять, откуда грозитъ опасность. Кругомъ слышались выстрѣлы: спереди колонны — генерала *Соймонова*, справа—колонны *Павлова*, слѣва—извергали дымъ и пламя укрѣпленія Севастополя, даже съ тылу слышны были выстрѣлы русскихъ войскъ, стоявшихъ у Чоргуна. Густой дымъ и туманъ, не позволявшіе видѣть въ нѣсколькихъ шагахъ, препятствовали обозрѣнію. Англичанамъ приходилось угадать, откуда угрожаетъ наибольшая опасность, или быть готовыми къ отраженію со всѣхъ сторонъ.

Среди всеобщаго замѣшательства въ непріятельскомъ лагерѣ, войска отряда Соймонова быстро взбирались на высоты. Тамъ они увидѣли два непріятельскихъ укрѣпленія, за которыми собирались англійскія войска. Батальоны Томскаго и Колыванскаго полковъ, поддержанные частью Екатеринбургскаго, стремительно атаковали англичанъ, опрокинули ихъ и овладѣли правымъ небольшимъ укрѣпленіемъ, бывшимъ впереди англійскаго лагеря. Въ это же самое время Екатеринбургскій полкъ, обойдя своихъ товарищей справа, взялъ съ боя часть непріятельскаго лагеря, причемъ заклепалъ четыре орудія. Натискъ нашихъ войскъ былъ такъ силенъ, что союзные главнокомандующіе, не надѣясь устоять противъ напора русскихъ, отправили приказаніе своимъ кораблямъ развести пары и приготовиться къ принятію войскъ. Союзники рѣшились, въ случаѣ потери сраженія, сѣсть на суда и оставить берега Крыма, но скоро, замѣтивъ, что противъ нихъ направлено только три

русскихъ полка, англичане двинули противъ нихъ почти всѣ свои силы.

Болѣе полутора часовъ храбрые полки эти дрались противъ всей англійской арміи, пока, наконецъ, на поддержку ихъ явились новыя силы изъ отряда генерала *Павлова*.

Поднявшись съ бивуака гораздо позже отряда *Соймонова*, *Павловъ* хотя и спѣшилъ къ нему на помощь, но разницу во времени выступленія было вознаградить трудно, тѣмъ болѣе, что шедшіе во главѣ его колонны полки, Бородинскій и Тарутинскій, встрѣчали большое затрудненіе при подъемѣ на гору, на мѣстности глинистой и размытой дождемъ. Взобравшись на возвышенія, полки Бородинскій и Тарутинскій, подъ прикрытіемъ цѣпи штуцерныхъ и двухъ ротъ четвертаго стрѣлковаго батальона, атаковали правый флангъ англичанъ. Стремительный ихъ натискъ заставилъ непріятеля податься назадъ. Тогда наши егеря бросились на ближайшее непріятельское укрѣпленіе, лѣвѣе занятаго Томскимъ и Колыванскимъ полками. Подпустивъ атакующихъ на весьма близкое разстояніе англичане дали залпъ. Не смотря на значительныя потери отъ этого убійственнаго огня, бородинцы и тарутинцы, сомкнувъ ряды, бросились на укрѣпленіе. Закипѣлъ страшный рукопашный бой; укрѣпленіе нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки: то натискъ смѣнялся пальбою, то пальба уступала мѣсто натиску, то англичане вытѣсняли бородинцевъ и тарутинцевъ, то наши снова овладѣвали укрѣпленіемъ и наносили штыками жестокое пораженіе англичанамъ. Укрѣпленіе было взято, не смотря на всѣ старанія одного изъ англійскихъ офицеровъ, который, по словамъ очевидца, въ бѣломъ плащѣ носился по рядамъ и подгонялъ своихъ нагайкою. Не долго онъ скакалъ, какъ былъ убитъ, и нестройная толпа англичанъ отступила въ безпорядкѣ.

Выдвинутыя впередъ батареи отряда *Соймонова* (22 батарейныхъ и 16 легкихъ орудій), занявъ выгодную позицію, поражали отступавшихъ англичанъ. Ядра и гранаты ихъ пролетали далеко въ лагерь, распространяя тамъ страхъ и безпорядокъ. Съ своей стороны, англичане выдвинули

противъ насъ не полевую, а осадную артиллерію, которая производила страшное опустошеніе, какъ среди пѣхоты, такъ и въ особенности въ артиллеріи. Большая часть лошадей подъ орудіями были перебиты, но батареи вынуждены были остаться на позиціи, чтобы поддержать наши полки, тѣснимые свѣжими силами англичанъ. Артиллерія дѣйствовала съ удивительною храбростью; ея усилія и мѣткость принесли значительную пользу изнемогавшимъ полкамъ.

Въ то время, когда бородинцы и тарутинцы такъ настойчиво боролись за укрѣпленіе, правѣе ихъ полки Колыванскій, Томскій и Екатеринбургскій, понеся страшныя потери, принуждены были пріостановить наступленіе. Потерявъ въ самое короткое время большую часть своихъ ближайшихъ начальниковъ, войска эти лишились и генерала *Соймонова*. Постоянно одушевляя войска и являясь всюду, гдѣ ходъ боя требовалъ его присутствія, генералъ *Соймоновъ* палъ, смертельно раненый почти въ самомъ началѣ боя. Не смотря на всеобщее воодушевленіе войскъ, на геройское ихъ мужество, быстроту и стремительность атакъ, они несли страшныя потери. Непріятельскіе стрѣлки и артиллерія, отступая передъ натискомъ нашихъ солдатъ, наносили имъ огромный вредъ своими выстрѣлами и, дождавшись подкрѣпленій, переходили въ наступленіе.

Частая ружейная стрѣльба противника опустошала ряды нашихъ егерей, и они принуждены были отступить. Подъ прикрытіемъ Бутырскаго и Углицкаго полковъ и двухъ батарей 17-й бригады, колыванцы и томцы спустились въ оврагъ, чтобы устроиться и ударить съ новою силою на непріятеля. Съ отступленіемъ ихъ англичане обратили часть своихъ полковъ противъ бородинцевъ и тарутинцевъ, все еще боровшихся въ укрѣпленіи. Разстроенные продолжительнымъ боемъ, огнемъ англійской артиллеріи и стрѣлковъ и видя приближеніе свѣжихъ силъ непріятеля, оба полка оставили укрѣпленіе дорого продавая каждый шагъ отступленія. Англичане преслѣдовали остатки храбрыхъ полковъ до тѣхъ поръ пока не были остановлены губительнымъ огнемъ

нашей артиллеріи. Тогда они остановились, выдвинули впереди свои орудія и окрыли огонь по нашимъ батареямъ.

Бородинцы и тарутинцы спустились въ инкерманскую долину; потеря ихъ была столь значительна, что они не могли уже возратиться на поле сраженія.

Было еще только 8 часовъ утра, когда первый актъ боя уже кончился и сраженіе обратилось въ артиллерійскую канонаду. Два противника стояли лицомъ другъ къ другу, но ни та, ни другая сторона не предпринимала наступательныхъ дѣйствій. Стрѣльба съ обѣихъ сторонъ велась съ необыкновеннымъ усиліемъ и настойчивостью, а густыя цѣпи стрѣлковъ поддерживали непрерывный ружейный огонь. Артиллерійскіе снаряды и пули ложились далеко за боевыми линіями и достигали до того мѣста, гдѣ стоялъ главнокомандующій съ Ихъ Высочествами Великими князьями *Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами*, принимавшими самое живое участіе въ сраженіи.

Среди выстрѣловъ обѣ стороны дѣятельно готовились къ новой схваткѣ, къ новому удару. Къ англичанамъ подходили новыя войска и торопились на помощь французы; свѣжіе полки наши взбирались на высоты. Какъ только часть ихъ поднялась на гору, генералъ *Данненбергъ*, принявшій начальство надъ всѣми войсками, тотчасъ же двинулъ ихъ въ атаку противъ праваго фланга англійской арміи. Впереди всѣхъ шелъ Охотскій полкъ, построенный въ двѣ линіи, а за нимъ слѣдовали полки Якутскій и Селенгинскій. Для облегченія наступленія были выдвинуты съ лѣвой стороны 32 батарейныхъ орудія.

Поддерживаемые огнемъ нашей артиллеріи, охотцы стремительно бросились въ атаку и, оттѣснивъ англійскихъ стрѣлковъ, достигли до той батареи, которая, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, была орошена кровью бородинцевъ и тарутинцевъ. Жаркій и упорный бой снова закипѣлъ на батареѣ. Охотцы лѣзли черезъ насыпь, проникали нѣсколько разъ внутрь укрѣпленія; обѣ стороны сражались въ разсыпную, въ одиночку, кому какъ и чѣмъ пришлось. Тутъ бились всѣмъ, что попадало подъ руку: стрѣляли другъ въ друга въ упоръ, дрались штыками, прикладами,

когда ломался штыкъ, кулаками, когда приклады разлетались на части, камнями и даже обломками оружія. Туманъ дѣлалъ эту борьбу еще болѣе мрачною и смертельною. Ни та, ни другая сторона, казалось, не хотѣла уступить, но наконецъ, послѣ долгихъ усилій и кровопролитнаго боя, охотцы выбили англичанъ изъ укрѣпленія и овладѣли имъ. Девять орудій достались побѣдителямъ: изъ нихъ три тотчасъ же сброшены въ оврагъ, а остальныя испорчены. Болѣе 200 тѣлъ англичанъ лежало на валу и внутри укрѣпленія, но и охотцамъ не дешево досталась эта побѣда. Они лишились своего полковаго командира, почти всѣхъ офицеровъ и большую часть своихъ товарищей нижнихъ чиновъ.

Не успѣли остатки храбраго полка вздохнуть, какъ противъ нихъ двинулась цѣлая дивизія англичанъ и въ то же время другая дивизія стала обходить ихъ съ лѣвой стороны. Англичане бросились отбивать потерянное укрѣпленіе и своею многочисленностію давили засѣвшихъ въ немъ. Охотцы отступили на Якутскій полкъ, который, одновременно съ Селенгинскимъ, повернутымъ на лѣво, атаковалъ англичанъ. Якутцы ударили на непріятеля, преслѣдовавшаго охотцевъ, а селенгинцы на обходившаго ихъ съ лѣвой стороны.

Обѣ эти атаки были чрезвычайно удачны и непріятель потерпѣлъ пораженіе. Якутцы, отбросивъ англичанъ завладѣли снова укрѣпленіемъ. Селенгинцы, преслѣдуя своего противника, гнали его по направленію къ укрѣпленію, которое передъ тѣмъ только было занято съ боя Якутскимъ полкомъ. Англичане отступали, не подозрѣвая, что въ тылу ихъ стояли русскія войска. Едва они приблизились на хорошій ружейный выстрѣлъ, какъ якутцы открыли въ тылъ ихъ частый и убійственный огонь. Англичане остановились въ замѣшательствѣ. Осмотрѣвшись, они увидѣли, что были окружены со всѣхъ сторонъ Охотскимъ, Якутскимъ и Селенгинскимъ полками. Положеніе ихъ было незавидно и крайне опасно; пули со всѣхъ сторонъ такъ и пронизывали ряды англичанъ; солдаты упали духомъ. Въ смущеніи они открыли безпорядочную и частую стрѣльбу,

но скоро должны были прекратить ее по недостатку патроновъ.

— У насъ нѣтъ патроновъ, кричали солдаты.

— Но у васъ есть штыки, отвѣчалъ имъ отважный начальникъ генералъ *Каткартъ*.

Ободривъ и устроивъ свои войска, *Каткартъ* самъ въ главѣ ихъ пошелъ въ атаку. Два раза англичане наступали на селенгинцевъ, но каждый разъ были отбиваемы съ жестокимъ урономъ, а между тѣмъ пули наши со всѣхъ сторонъ такъ и прочищали ихъ ряды. Тогда *Каткартъ* рѣшился броситься въ другую сторону. Сомкнувъ ряды, онъ кинулся на якутцевъ, но былъ также отбитъ, при чемъ самъ смертельно раненъ. Потерявъ любимаго начальника, остатки англичанъ употребили послѣднія усилія и, въ отчаяніи бросившись впередъ, прорвались наконецъ черезъ ряды якутцевъ.

Только теперь на помощь англичанамъ явились французы и приняли на себя русскія войска, преслѣдовавшія отступавшихъ. Огонь французскихъ батарей наносилъ значительный вредъ нашимъ войскамъ, но одушевленіе ихъ не знало предѣла. Опрокидывая все встрѣчавшееся на пути, полки наши гнали передъ собою французовъ и въ то время, когда охотцы и якутцы наступили съ фронта, стрѣлки Селенгинскаго полка появились у нихъ въ тылу. Еще нѣсколько усилій—и блестящая побѣда была бы за нами, но, къ сожалѣнію, истощеніе нашихъ войскъ дошло до крайности. Утомленные болѣе чѣмъ двухъ-часовымъ боемъ они изнемогали; поддержки не было... Это была критическая минута для обѣихъ сторонъ. Вдругъ, около 11 часовъ утра, поле огласилось пронзительнымъ звукомъ рожка, возвѣстившаго прибытіе новыхъ силъ французовъ.

Въ то время, когда Охотскій и Якутскій полки тѣснили французовъ съ фронта, а селенгинцы обходили ихъ съ правой стороны, на помощь непріятелю бѣжали зуавы, алжирскіе стрѣлки и африканскіе конные егеря. Англичане привѣтствовали своихъ союзниковъ радостнымъ крикомъ, пролетѣвшимъ по всему англійскому лагерю. Прибѣжавшіе французы тотчасъ же были введены въ дѣло: переломъ сра-

женія перешелъ на сторону непріятеля. Встрѣченные свѣжими войсками, наши полки измученные продолжительнымъ боемъ, принуждены были отступить. Отступленіе это совершалось въ порядкѣ, медленно и съ большимъ упорствомъ.

По свидѣтельству одного изъ англичанъ, бывшаго очевидцемъ отступленія нашихъ войскъ: «невозможно было повѣрить, чтобы какое либо войско въ свѣтѣ могло отступить подъ столь убійственнымъ огнемъ въ такомъ стройномъ порядкѣ», въ какомъ отступали наши полки.

Не смотря на то, что непріятель, подойдя на близкое разстояніе, осыпалъ градомъ картечи, полки отходили шагъ за шагомъ и отбивались до тѣхъ поръ, пока не были прикрыты выдвинутымъ изъ резерва Владимірскимъ полкомъ и дѣйствіемъ пароходовъ Херсонесъ и Владиміръ, открывшихъ огонь по высотамъ, на которыхъ показались англо-французскія войска. Построившись въ ротныя колонны, Владимірскій полкъ принялъ на себя всю силу наступающаго непріятеля и задерживалъ его до тѣхъ поръ, пока разстроенные продолжительнымъ боемъ полки не отступили. Съ отступленіемъ Владимірскаго полка кончилось и инкерманское сраженіе, одно изъ кровопролитнѣйшихъ въ ту эпоху.

Солнышко освѣтило на мгновеніе окровавленныя высоты Инкермана. Картина всеобщаго разрушенія открылась передъ глазами каждаго, кто имѣлъ случай оглянуться на мѣсто недавняго побоища. Множество убитыхъ людей и лошадей, обломки оружія были разбросаны въ безпорядкѣ и въ различныхъ направленіяхъ; тамъ, гдѣ стояла артиллерія, валялись ящики, разбитые лафеты, колеса, лошади и кучами лежали обезображенные тѣла артиллерійстовъ. Небольшой кустарникъ былъ сильно помятъ проходившими войсками и во многихъ мѣстахъ изломанъ пролетавшими снарядами. Между кустами и по всему полю шевелились и ползли раненые. По временамъ нѣкоторые изъ нихъ порывисто вскакивали на ноги, безсмысленно озирались вокругъ и опять падали на землю, истекая кровью. Обѣ стороны сражавшихся стрѣляли рѣдко. Всѣ были утомлены.

Союзники ограничились тѣмъ, что, выдвинувъ своихъ штуцерныхъ и новыя батареи, громили нашу артиллерію. Обезсиленныя убылью людей и лошадей, батареи медленно отступали. Въ это время непріятель успѣлъ подбить нѣсколько впереди шедшихъ повозокъ, которыя загородили дорогу. Пользуясь этимъ, стрѣлки его, прикрываясь кустарникомъ, такъ близко подступили къ орудіямъ, что готовы были захватить ихъ. Замѣтивъ это, полковникъ *Тотлебенъ*, находившійся на полѣ сраженія, взялъ роту Углицкаго полка, разсыпалъ ее въ цѣпь, а Бутырскій полкъ поставилъ въ резервѣ, и послалъ на ближайшее изъ севастопольскихъ укрѣпленій за рабочими для расчистки пути. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы ободрить войска, были выдвинуты четыре орудія, которыя и открыли огонь.

Только въ $8^1/_2$ часовъ, при содѣйствіи матросовъ 36-го и 39-го экипажей артиллерія отступила въ Севастополь, а въ слѣдъ за нею отступили и прикрывавшія ее войска.

Великіе князья *Николай и Михаилъ Николаевичи*, доказавъ уже на полѣ сраженія свое мужество и хладнокровіе, пожелали въ тотъ же день посѣтить бастіоны и батареи, чтобы передать храбрымъ защитникамъ царское *спасибо*. Въ это время почти всѣ батареи дѣйствовали, и въ особенности на Малаховомъ курганѣ огонь былъ неумолкаемый; во всю дорогу громъ ядеръ и свистъ штуцерныхъ пуль провожали Великихъ князей. На Малаховомъ курганѣ почти къ ихъ ногамъ упали два непріятельскія ядра, а третьимъ засыпало прислугу въ то время, когда они передавали войскамъ благодарность Императора. По ходатайству и донесенію кн. *Меншикова* о доблести Великихъ князей, Государь Императоръ пожаловалъ Ихъ Высочествамъ орденъ Св. Георгія четвертой степени.

Смолкли выстрѣлы на инкерманскихъ высотахъ и наступилъ вечеръ 24-го октября.

Медленно и не весело подходили наши солдатики къ оставленнымъ утромъ бивуакамъ. За ними тянулась, оставляя кровавый слѣдъ, непрерывная цѣпь раненыхъ, не желавшихъ идти въ госпиталь. Измученные ранами, голодомъ, жаждой и усталостью, они садились кучками близъ

дороги. Въ средѣ ихъ очутилась старушка-матроска, пришедшая неизвѣстно откуда. У нея было готовое тѣсто въ горшкѣ, сковородка, немного дровецъ и постное масло въ пузырькѣ. Въ одну минуту раздула она огонь, запалила свою походную печь, заворчало масло на горячей сковородѣ и жареныя аладьи подкрѣпляли силы раненыхъ. Старуха одѣляла всѣхъ, пока было тѣсто. Солдатики пробовали разсчитываться, но благодѣтельная женщина отказывалась отъ платы и обижалась говоря: «развѣ не хотите принять отъ меня трудовъ».

Вышло все тѣсто—скрылась и старуха. Никто не знаетъ ея имени, но знаетъ ее Всевѣдующій, и, услышавъ искреннюю солдатскую молитву, пошлетъ ей свое благословеніе.

Измученные и разстроенные пришли, наши полки на позицію; грустна и пустынна показалась она имъ. Съ какимъ то тяжелымъ чувствомъ всматривались они въ шалаши, въ которыхъ такъ весело проводили канунъ битвы. «Въ трепетаньѣ засохшихъ вѣтокъ, говоритъ одинъ изъ участниковъ боя, покрывавшихъ наши жилища, будто слышались: упрекъ и вопросъ, гдѣ же ночевавшіе здѣсь? развѣ они не возвратились? Вчера въ этихъ самыхъ шалашахъ раздавались свирѣль, громкія пѣсни; сегодня въ нихъ и кругомъ слышны однѣ молитвы. Вчера здѣсь было тѣсно: во всякомъ шалашѣ помѣщалось по четыре, по пяти и даже по семи человѣкъ, сегодня въ нихъ два-три человѣка да и тѣ угрюмо выглядывали оттуда. Вчера были здѣсь говоръ, шумъ, игра; сегодня—грусть, пустота, скука....

«Наступила ночь; на бивуакѣ шла перекличка наличнымъ людямъ и разсчетъ. Въ эту минуту послышалось невдалекѣ, гдѣ то на высокомъ дубу, заунывное кукованье кукушки, дополнившее печальную картину нашего бивуака послѣ инкерманскаго сраженія».

Много было совершено въ этотъ день никѣмъ незамѣченныхъ отдѣльныхъ подвиговъ мужества и храбрости. Тарутинцы долго говорили о подвигѣ прапорщика своего полка *Соловьева* и капральнаго унтеръ-офицера *Яковлева*. Они разсказывали, что бросившись на штурмъ укрѣпленія, сол-

даты, добѣжавъ до рва его, остановились, и стали перебрасываться каменьями съ англичанами.

— Друзья, за мною! крикнулъ прапорщикъ *Соловьевъ*, видѣвшій нерѣшительность солдатъ, и бросился на валъ вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ *Яковлевымъ*.

Оба они были заколоты англичанами, но въ слѣдъ за ними ворвались солдаты и перекололи всѣхъ засѣвшихъ въ укрѣпленіи, мстя за смерть двухъ храбрыхъ.

Не мало было и другихъ случаевъ самоотверженія, оставшихся неизвѣстными, и можно сказать, что весь бой состоялъ изъ ряда геройскихъ подвиговъ полковъ, принимавшихъ въ немъ участіе. Многіе изъ нижнихъ чиновъ получили за свои подвиги ордена Св. Георгія, которые и раздавались на слѣдующій день царскими сыновьями Ихъ Императорскими Высочествами Великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами.

Инкерманское сраженіе произвело такое сильное впечатлѣніе на непріятеля, что съ горяча союзные главнокомандующіе хотѣли снять осаду, посадить войска на суда и оставить Крымъ. Правда, оправившись, они оставили свое намѣреніе, остались по прежнему подъ Севастополемъ, но изъ атакующихъ перешли въ обороняющихся, и стали окапываться со всѣхъ сторонъ изъ боязни, чтобы подобное сраженіе не повторилось снова.

Кровопролитный бой 24-го октября дорого стоилъ какъ намъ, такъ и союзникамъ. Обѣ стороны не досчитывались нѣсколькихъ генераловъ, сотнями офицеровъ и тысячами нижнихъ чиновъ. Все поле было усѣяно убитыми и ранеными.

Между англійскими палатками лежали цѣлыя кучи труповъ, посреди которыхъ находилось большое, слишкомъ большое число тѣлъ зуавовъ и солдатъ французской линейной пѣхоты. «Всѣ наши раненые были уже перевезены, говоритъ одинъ изъ очевидцевъ англичанъ, раненыхъ русскихъ также подбирали. Наши солдаты приносили имъ воды, клали ранцы подъ голову, доставали одѣяла, чтобы прикрыть ихъ отъ сыраго ночнаго воздуха. Нѣсколько выше ряда палатокъ, находилось возвышеніе,

господствующее надъ инкерманскою гористою мѣстностію. На этомъ мѣстѣ союзная артиллерія помѣрилась силами съ непріятельскою артиллеріею. Зрѣлище здѣсь было невыносимо. Ничего не можетъ быть ужаснѣе вида тѣлъ, изуродованныхъ ядрами и гранатами....

«Но оставимте эти страшныя подробности; довольно сказать, что здѣсь, посреди какихъ нибудь 200 убитыхъ и раненыхъ лошадей, лежатъ тѣла нашихъ англійскихъ и французскихъ артиллеристовъ, которые всѣ болѣе или менѣе страшно изувѣчены. У однихъ оторваны головы по самую шею, какъ будто отрублены топоромъ, у другихъ ноги, руки, другіе поражены въ грудь или животъ и казались какъ будто сплющенными въ машинѣ. Пробираясь между грудами убитыхъ по дорогѣ, ведущей къ Севастополю, вы подходите къ тому мѣсту, гдѣ гвардейцы принуждены были отступить отъ защищаемыхъ ими укрѣпленій, находящихся надъ инкерманскою долиною. Здѣсь число нашихъ убитыхъ было такъ же велико, какъ у непріятеля. Вдоль дороги, одинъ подлѣ другаго, лежали пять гвардейцевъ, убитыхъ однимъ и тѣмъ же ядромъ, когда они шли въ атаку противъ непріятеля.

«Часовъ въ девять вечеромъ, я вошелъ на брустверъ (насыпь) батареи, и, когда взглянулъ на окружающее меня кровавое зрѣлище, сердце мое сжалось. Мѣсяцъ стоялъ въ полномъ блескѣ; было свѣтло какъ днемъ. Передо мною разстилалась инкерманская долина, рѣчка Черная медленно катила серебристыя свои волны между возвышеніями, которыя, по разнообразію своему и живописности, могутъ соперничать съ любою изъ самыхъ красивыхъ мѣстностей въ свѣтѣ.... Вокругъ того мѣста, на которомъ я стоялъ, лежало до 5 тысячъ тѣлъ. Между ними находилось также множество смертельно раненыхъ. Малѣйшія ихъ стенанія въ предсмертной агоніи долетали до слуха съ страшной ясностью, но еще ужаснѣе было храпѣніе и отчаянная борьба съ смертію тѣхъ, которые умирали въ конвульсіяхъ. Вокругъ возвышенія виднѣлись группы въ нѣсколько человѣкъ, отыскивающихъ, съ носилками, раненыхъ; въ другихъ мѣстахъ мелькали фонари, которые подносили къ лицамъ

убитыхъ, отыскивая тѣла офицеровъ. Были здѣсь и англійскія женщины, мужья которыхъ не возвратились. Онѣ оглашали воздухъ своими громкими рыданіями, обращали лица нашихъ убитыхъ къ свѣту луны, торопливо отыскивая то, что боялись найти. Какъ скоро походные лазареты явились, они тотчасъ же нагружены были страдальцами. Даже одѣяла были употреблены въ дѣло, чтобы переносить раненыхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поля, убитые лежали цѣлыми грудами. Многіе изъ нихъ перешли въ вѣчность съ улыбкою на устахъ, и, казалось, только что заснули; напротивъ того, лица другихъ были страшно искривлены, глаза открыты. Нѣкоторые лежали какъ бы приготовленные къ погребенію, другіе находились въ полустоячемъ положеніи или на колѣнахъ. Лунный свѣтъ придавалъ ихъ лицамъ неестественную блѣдность».

V.

Дѣятельность севастопольскаго гарнизона послѣ инкерманскаго сраженія.— Рескриптъ Императора.—Икона Спасителя присланная Императрицею.— Буря 2-го ноября.—Сидѣнье въ ямахъ и завалахъ.—Назначеніе генерала барона Остенъ-Сакена начальникомъ гарнизона, Нахимова его помощникомъ и кн. Васильчикова начальникомъ штаба.

Послѣ инкерманскаго сраженія жизнь севастопольскаго гарнизона тянулась по прежнему: ежедневная стрѣльба и земляныя работы составляли занятія гарнизона.

Моряки не оставляли своихъ орудій; при нихъ они были день и ночь, здѣсь они обѣдали, ужинали—тутъ-же и дремали. Когда было сдѣлано распоряженіе, чтобы прислуга, бывшая въ теченіе дня при орудіяхъ, смѣнялась на ночь для отдыха, то матросы, отъ перваго до послѣдняго, просили позволенія оставаться при орудіяхъ безсмѣнно, говоря, что будутъ защищаться и умрутъ, не сходя съ своихъ мѣстъ.

«Ни ежедневныя потери, доносилъ кн. *Меншиковъ* Государю Императору, ни тягость службы на бастіонахъ, ни воздвигающіяся передъ ихъ глазами новыя непріятельскія батареи, ни неумолкаемый громъ орудій, денно и нощно потря-

сающихъ воздухъ и землю—ничто не въ состояніи заставить ихъ умалить хоть на минуту исполненіе своего долга; напротивъ, все это только усиливаетъ ихъ рвеніе, и они соперничаютъ другъ передъ другомъ въ мужествѣ и отвагѣ, весело отстаивая столь близкій ихъ сердцу Севастополь».

Эта стойкость, неутомимость и самоотверженіе вызвали всеобщее удивленіе къ героямъ и благодарность Царя и Россіи.

«Меня счастливитъ, писалъ покойный Императоръ Николай I, въ рескриптѣ князю *Меншикову* — меня счастливитъ геройская стойкость нашихъ несравненныхъ моряковъ, неустрашимыхъ защитниковъ Севастополя. Господь воздастъ имъ за всѣ ихъ доблестные подвиги, которымъ и примѣру еще не было.

«Я счастливъ, что, зная Моихъ моряковъ-черноморцевъ съ 1828 года, былъ тогда очевидцемъ, что имъ никогда и ничего нѣтъ невозможнаго, былъ увѣренъ, что эти несравненные молодцы вновь себя покажутъ, какими всегда были и на морѣ, и на сушѣ. Скажи *имъ всѣмъ*, что ихъ старый знакомый, всегда ихъ уважавшій, ими гордится и всѣхъ отцовски благодаритъ, какъ своихъ дорогихъ и любезныхъ дѣтей».

Отправивъ этотъ рескриптъ съ флигель-адъютантомъ княземъ *Голицынымъ*, Государь поручилъ ему обойти всѣ бастіоны и батареи и лично передать морякамъ благодарность Императора. Съ восторгомъ и слезами на глазахъ приняли герои восторженныя и задушевныя слова Императора, и, какъ бы въ еще большее подкрѣпленіе себя, спѣшили поклониться образу Спасителя, привезенному тѣмъ же княземъ *Голицынымъ* отъ имени Императрицы, какъ даръ и благословеніе севастопольскому гарнизону.

Въ шесть часовъ утра, 28-го октября на площади передъ Николаевскою батареею было совершено молебствіе, при собраніи войскъ и огромномъ стеченіи народа—всего, сколько еще оставалось въ Севастополѣ. По окончаніи молебна, протоіерей *Лебединцевъ* обратилъ вниманіе предстоявшихъ на изображеніе лика Спасителя. Благословляя одною своею десницею, Господь въ другой рукѣ держалъ

евангеліе, раскрытое на словахъ: *пріидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою вы»*.

— Видите-ли, сказалъ проповѣдникъ, какъ утѣшительны слова Господа Вседержителя и какъ прямо идутъ они къ прискорбнымъ, даже до смерти, сердцамъ нашимъ..... Господь Вседержитель, во власти коего судьбы царствъ и народовъ, обѣщаетъ покой всѣмъ приходящимъ къ нему... Онъ обѣщаетъ покой всѣмъ труждающимся—тѣмъ паче труждающимся, какъ вы теперь, до крови и смерти, на полѣ брани за вѣру, Царя и отечество. Господь Вседержитель обѣщаетъ покой обремененнымъ—тѣмъ паче тѣмъ, кои, подобно намъ, обременены неправедно, не какою либо обыкновенною въ мірѣ скорбію, а ужаснымъ и едва не безпримѣрнымъ, по самому продолженію, бременемъ огня, меча и смерти..... И такъ будемъ труждаться съ живою вѣрою и Господь подастъ намъ покой и радость; будемъ нести тяжкое бремя наше съ благодушіемъ и упованіемъ, и Онъ Всемогущій сниметъ съ насъ тѣ лютыя иго и бремя, кои такъ долго тяготѣютъ надъ нами.

Съ наступленіемъ сумерекъ икона была обнесена по всей оборонительной линіи и затѣмъ поставлена на приготовленномъ для нея мѣстѣ у входныхъ воротъ Николаевской батареи. Встрѣчая икону, защитники горячо молились. Прикладываясь къ святому образу, они принимали благословеніе Спасителя на новые безпримѣрные подвиги, которые предстояли севастопольскому гарнизону не только въ борьбѣ съ непріятелемъ, но и съ самою природою.

Наступила глубокая осень. Сильные вѣтры давно уже чередовались съ холодными проливными дождями и наконецъ, съ разсвѣтомъ 2-го ноября, поднялась такая сильная буря, какой не запомнятъ старожилы прибрежьевъ Чернаго моря. Наканунѣ, 1 го ноября, пошелъ проливной дождь съ порывистымъ вѣтромъ. Къ вечеру погода сдѣлалась еще хуже: дождь не прекращался, вѣтеръ свѣжѣлъ и, постепенно усиливаясь, къ утру перешелъ въ жестокій ураганъ. Море волновалось и пѣнилось, какъ кипящій котелъ. Въ этотъ день оно было дѣйствительно *чернымъ*; темныя тучи, пробѣгая надъ поверхностію мрачныхъ волнъ

моря, изливали потоки дождя, смѣшаннаго съ мелкими хлопьями снѣга и града. Вѣтеръ срывалъ верхушки волнъ и разбрасывалъ ихъ на берегъ такою мелкою и густою пылью, что корабли, стоявшіе въ глубинѣ бухты, изчезали въ этой морской пѣнѣ. Сквозь стѣну водяной пыли видѣнъ былъ только лѣсъ мачтъ, наклонявшихся отъ качки въ разныя стороны, видны были разорванныя снасти и болтающіеся въ воздухѣ лоскутья парусовъ. Вѣтеръ ломалъ деревья, срывалъ черепицу и желѣзные листы съ крышъ, унося ихъ какъ листъ писчей бумаги. Свѣтъ затемнялся то градомъ, то крупою, то снѣгомъ.

Волненіе въ морѣ достигло необыкновенныхъ размѣровъ. Среди непріятельскаго флота появилось всеобщее смятеніе. Корабли и прочія суда, бросаясь изъ стороны въ сторону, сталкивались между собою, цѣплялись своими снастями и наносили другъ другу важныя поврежденія. Нѣкоторыя изъ нихъ потонули, другія сѣли на мель. Повсюду слышались сигнальные выстрѣлы, свидѣтельствовавшіе о гибели непріятельскихъ судовъ. Сквозь сѣроватый туманъ видны были исполинскія волны, покрытыя обломками кораблей, которыя съ ужаснымъ трескомъ разбивались о прибрежныя скалы и камни. При каждомъ отливѣ волны, слѣдующая загибалась огромнымъ пѣнистымъ свиткомъ и, какъ водопадъ, скрывалась въ глубинѣ безпредѣльнаго моря, унося съ собою все встрѣчающееся на пути. Посреди всеобщаго хаоса видны были носящіяся въ безпорядкѣ части и остовы кораблей, пробитыя бочки и раздробленныя мачты. Непріятель потерялъ въ этотъ день болѣе 30 купеческихъ кораблей и транспортовъ, частію разбитыми, частію сѣвшими на мель. Многіе изъ погибшихъ были нагружены зимнею одеждою для войскъ.

Въ непріятельскихъ лагеряхъ было замѣтно большое смятеніе. Палатки и бараки, унесенныя однимъ порывомъ вѣтра, перепутались съ бочками, связками фуража и различными тюками. Все это катилось по скату холмовъ и перемѣшивалось съ одѣялами, фуражками, шинелями и съ летающими въ воздухѣ сѣномъ и сухими листьями. Удивленные столь неожиданнымъ явленіемъ, англичане и фран-

цузы бѣгали по всѣмъ направленіямъ: кто искалъ разнесенные вѣтромъ пожитки, кто собиралъ разорванныя части полотна, кто мастерилъ себѣ новое жилище изъ уцѣлѣвшихъ кусковъ или искалъ досокъ и камней, чтобы, при помощи ихъ, устроить себѣ кое-какое закрытіе отъ дождя и холоднаго вѣтра. Многіе солдаты, не въ состояніи будучи держаться на ногахъ, ложились на землю, пережидая окончанія бури. По всему лагерю союзниковъ бѣгали испуганныя лошади, катились барабаны и летѣли по воздуху штабныя бумаги. Такъ, списки 3-й англійской дивизіи найдены были въ 4-хъ верстахъ отъ палатки, въ которой они хранились.

По всей линіи севастопольскихъ укрѣпленій рвы и канавы были наполнены водою; грязь и вода покрывали все пространство земли, охватываемое глазомъ. Какъ тѣни бродили непріятельскіе солдаты, не зная куда преклонить голову и не имѣя возможности разложить костровъ и обогрѣться. Около полудня, вѣтеръ перемѣнилъ направленіе, но пошелъ снѣгъ и сдѣлалось еще холоднѣе. Къ вечеру вѣтеръ сталъ слабѣть, но буря прекратилась только утромъ слѣдующаго дня.

Буря на столько разстроила союзниковъ, что они почти прекратили свои осадныя работы. Занятые устройствомъ лагеря, французы и англичане строили, кромѣ того, цѣлый рядъ укрѣпленій на правой сторонѣ своего расположенія, чтобы отвратить повтореніе инкерманскаго сраженія.

Положеніе нашихъ солдатъ было также далеко незавидное и, можно сказать, тягостное. Съ прекращеніемъ бури наступили холода. Погода съ этихъ поръ сдѣлалась суровою и ненастною; дожди шли попеременно съ снѣгомъ. Грунтъ земли размягчился до того, что повсюду была топкая и непроходимая грязь. Сообщеніе укрѣпленій съ городомъ сдѣлалось весьма затруднительнымъ отъ множества ямъ, вырытыхъ бомбами и наполненныхъ теперь водою. Находившіяся на укрѣпленіяхъ войска не имѣли ни крова, ни теплой одежды и подвергались вредному дѣйстію непогоды. Въ то время солдаты не имѣли еще полушубковъ и довольствовались мундиромъ и шинелью. Въ ненастную погоду

они мастерили себѣ такіе башлыки изъ рогожи, смотря на которые дивовались и свои, и французы. Рогожи эти выдавались для того, чтобы солдаты подстилали ихъ подъ себя въ землянкахъ, баракахъ или сараяхъ, гдѣ имъ случалось ночевать. Обыкновенно одинъ куль выдавался на двоихъ; его рѣзали вдоль на двѣ части, такъ что каждому доставалось по готовому сшитому углу. Отправляясь въ цѣпь или на часы, солдатъ захватывалъ съ собою и принадлежащую ему половину куля. Надѣвъ его на голову, онъ защищалъ себя отъ дождя и непогоды.

Защитники Севастополя, офицеры и солдаты, положительно валялись въ грязи, на открытомъ воздухѣ въ дождь и бурю, въ морозъ и мятель. Единственною защитою ихъ отъ холодныхъ вѣтровъ были сложенныя на-сухо изъ камней стѣнки, ямы или рвы, кое-какъ прикрытые сверху. Командиры бастіоновъ помѣщались въ землянкахъ столь малыхъ, что едва можно было вытянуться въ ростъ человѣка. Если на батареѣ бывала еще одна такая землянка для нѣсколькихъ офицеровъ, то такая батарея считалась съ роскошнымъ помѣщеніемъ. Ни офицеры, ни солдаты не могли раздѣться; ноги прѣли, потому что по мѣсяцу и болѣе никто не снималъ сапоговъ. Иной пробовалъ прилечь на голой землѣ, но холодъ и сырость гнали его прочь. Хорошо, кому удавалось пристроиться подъ навѣсомъ насыпи или прислониться къ станку, на которомъ лежало орудіе—положенію такого счастливца всѣ завидовали.

Жизнь, которую не выноситъ ни одинъ каторжникъ, была обыкновенною жизнью каждаго изъ защитниковъ родной земли и отечества.

Эта обстановка не крушитъ русскаго солдата, когда совѣсть его чиста, да увѣренъ онъ, что дѣлаетъ святое дѣло. Находясь безсмѣнно днемъ и ночью подъ открытымъ небомъ, солдаты наши, сверхъ того, исполняли усиленныя и тяжелыя работы; только смерть и раны полагали конецъ ихъ тяжкимъ трудамъ и лишеніямъ. Не смотря на все это, ропота не только не было слышно, но, напротивъ того, всѣ какъ-бы желали продолженія ненастной и холодной погоды. Часто видя, какъ непріятельскіе часовые бѣгали

вдоль своего поста, чтобы согрѣться, наши солдатики, глядя на нихъ, посмѣивались.

Холодное время производило значительныя опустошенія въ рядахъ непріятеля; больные переполняли лазареты, и перебѣжчики ежедневно стали появляться у насъ въ значительномъ числѣ. Они разсказывали, что союзныя войска упали духомъ, изнурены работами и много терпятъ отъ стужи и непогоды.

Пользуясь разстройствомъ врага, гарнизонъ Севастополя еще болѣе усиливалъ свои укрѣпленія. По всей оборонительной линіи закипѣла работа: возвышали и утолщали насыпи, углубляли рвы, исправляли пороховые погреба, устраивали прикрытія для прислуги, выравнивали внутреннее пространство бастіоновъ, батарей и даже чинили дороги для лучшаго сообщенія укрѣпленій съ городомъ. Особенное вниманіе обращено было на 4-й бастіонъ, къ которому ближе другихъ подошелъ непріятель своими подступами.

Чтобы имѣть возможность слѣдить за непріятельскими работами съ близкаго разстоянія, обыкновенно высылалась на ночь цѣпь охотниковъ, которымъ приказано было, для предохраненія отъ выстрѣловъ устраивать себѣ прикрытія или *завалы*. Эти завалы не имѣли никакого правильнаго расположенія; они устраивались тамъ, гдѣ лежали ночью охотники, и изъ матеріаловъ, которые они находили возлѣ себя. Отъ этого въ иномъ мѣстѣ завалъ состоялъ изъ груды наскоро собранныхъ камней, въ другомъ изъ простой и даже не глубокой ямы. Непріятель скоро понялъ, что какъ ни мелки эти ямки, какъ ни ничтожны эти сѣроватыя кучки камней, но что сосѣдство ихъ крайне опасно. Стычки и схватки за обладаніе этою линіею мусора были ежедневны; завалы переходили изъ рукъ въ руки и стоили не мало крови. Непріятель или нападалъ на эти закрытія, или уничтожалъ ихъ выстрѣлами изъ орудій. Такъ какъ завалы были сложены на-скоро, то они и представляли небольшое сопротивленіе непріятельскимъ выстрѣламъ.

Ямки эти были въ большомъ употребленіи во все вре-

мя защиты Севастополя. Подъ конецъ они располагались въ 5-ти или 7-ми саженяхъ отъ непріятельскихъ траншей, и случалось нерѣдко, что наши солдаты, бросаясь занимать ихъ, встрѣчали тамъ французовъ, которыхъ приходилось выбивать штыками. Ямки занимались днемъ стрѣлками по наряду, а на ночь охотниками отъ разныхъ полковъ. Быть охотникомъ было дѣло не легкое. Охотничья служба происходила ночью: ихъ дѣло было съ заката и до восхода солнца залегать въ ямкахъ и ложбинахъ впереди батарей и укрѣпленій Севастополя.

Охотники помѣщались въ особыхъ зданіяхъ отдѣльно отъ прочихъ солдатъ, обыкновенно днемъ отдыхали, ихъ не требовали ни на какую работу, а съ наступленіемъ сумерекъ шли на службу. Рядовые ходили каждую ночь, а унтеръ-офицеры черезъ сутки. Съ закатомъ солнца вся команда охотниковъ раздѣлялась на части по два, по три и четыре человѣка.

Въ общемъ сараѣ, гдѣ жили охотники, было очень много образовъ. Каждый, отправляясь на службу, ставилъ копѣечную свѣчку передъ иконами Спасителя, Богоматери и, преимущественно, передъ образомъ Николая Чудотворца. Въ шесть часовъ вечера команда ужинала. Послѣ ужина немного времени назначалось на молитву. Помолившись Богу, многіе изъ охотниковъ надѣвали чистую рубашку, вымытую въ теченіе дня, такъ какъ каждый изъ нихъ, не будучи увѣренъ, что вернется живымъ, приготовлялся къ смерти. Передъ отправленіемъ никто не рѣшался выпить чарку водки, потому что плохой тотъ храбрецъ, говорили они, который думаетъ набраться бодрости изъ стакана, а опять же и не такая минута!

Перекрестясь и съ непокрытою головою, выходили охотники изъ сарая на дворъ и тамъ уже надѣвали фуражки. За воротами на улицѣ выстраивались и ожидали очереднаго офицера. Съ наступленіемъ сумерекъ, пока еще не совсѣмъ стемнѣло, охотники собирались на той батареѣ, впереди которой приходилось имъ лежать, и за тѣмъ, подъ градомъ пуль, бросались бѣгомъ въ назначенныя имъ ямки. Бывало, лишь только солдатикъ бросится впередъ, какъ

въ ту же минуту раздается ружейный трескъ съ непріятельской стороны, и пули какъ горохъ посыпятся на смельчака. Кто успѣвалъ вскочить въ яму, тотъ счастливъ, а кого встрѣчала непріятельская пуля, о томъ молились оставшіеся на батареѣ и относили на сѣверную, на общее кладбище защитниковъ, получившее въ послѣдствіи названіе *братскихъ могилъ*.

Залегши въ ямкахъ, охотники бодрствовали всю ночь и зорко слѣдили за непріятелемъ.

Ямка, какъ мы сказали, было небольшое углубленіе, едва закрытое со стороны непріятеля нѣсколькими лопатами земли или камней набросанныхъ какъ попало. Ямка, защищенная камнями, считалась безопаснѣе, хотя и черезъ нее пули проходили весьма удобно. Ямки эти не имѣли ни опредѣленнаго вида, ни величины—какую успѣли выкопать, такая и осталась. Въ одной съ трудомъ могъ помѣститься только одинъ человѣкъ, а въ иной помѣщались два и даже три человѣка. По двое залегать было легче, чѣмъ по одиночкѣ; въ двоемъ, въ сосѣдствѣ опытнаго товарища, было не такъ томно — по пословицѣ на людяхъ и смерть красна, — но сидѣть въ одиночку, куда какъ жутко!

Вскочитъ стрѣлокъ или охотникъ въ ямку и сидитъ тамъ, не смѣя пошевельнуться; онъ знаетъ, что въ 20-ти, много въ 30 шагахъ, лежитъ передъ нимъ или съ боку такой же непріятельскій сторожъ, который стережетъ его, и при первомъ шорохѣ или звукѣ оружія посылаетъ пулю.

Надъ головою засѣвшихъ днемъ и ночью летаютъ свои и непріятельскія пули, слышенъ гулъ выстрѣловъ, паденіе снарядовъ, обсыпающихъ землею пескомъ и осколками камней. Не успѣешь прочистить глазъ, засыпанныхъ землею, какъ, слышно, гудитъ, гдѣ-то далеко, осколокъ лопнувшей бомбы и шлепнется вдругъ подлѣ ямки съ такою силою, что даже земля дрогнетъ! Это самое вздрагиваніе передастся и сидящему въ ямкѣ, и не знаетъ онъ самъ, какъ задрожатъ челюсти, какъ застучатъ его зубы и холодный потъ какъ стрѣла промчится отъ головы до пятъ.

О пуляхъ никто не думаетъ: къ нимъ привыкли въ Севастополѣ не только охотники и всѣ солдаты, но женщи-

ны и дѣти. Повсюду ихъ летитъ такъ много, что они уже не пугаютъ, но своимъ свистомъ жестоко надоѣдаютъ. Гдѣ нибудь невдалекѣ, ударившись о камень и сплюснувшись, она летитъ далѣе и зальется такимъ голосомъ, что не знаешь, кошка-ли мяучитъ, ребенокъ-ли плачетъ, или она непрошенная жалуетъ въ гости.

Просидитъ охотникъ въ ямкѣ часъ, а кажется онъ ему за мѣсяцъ, и ждетъ онъ не дождется, когда наступитъ время смѣны и вмѣстѣ съ нею кончится его лихорадочное состояніе.

Съ наступленіемъ утра охотники оставляли ямки, точно также какъ занимали ихъ подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ непріятеля. Мѣста ихъ замѣщали штуцерные, сидѣвшіе тамъ въ теченіе цѣлаго дня. Собравшись на батареѣ охотники отправлялись въ свой сарай, забирая съ собою и убитыхъ въ ночь товарищей. Солдаты всегда съ особымъ уваженіемъ отдавали послѣдній долгъ павшимъ героямъ. Сложивъ тѣла на дворѣ сарая, они заботились о доскахъ, непремѣнно сколачивали гробъ, обмывали покойниковъ и, надѣвъ на нихъ чистое бѣлье, относили въ часовню. За обѣдомъ, бывавшимъ въ 10 или 11 часовъ, поминали павшихъ и тѣмъ дѣло кончалось. Послѣ обѣда охотники ложились спать, а вечеромъ снова отправлялись на службу.

Польза ямокъ была сознана всѣми и въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существовали, ямки были существенно необходимы, какъ мѣста наблюденія за непріятелемъ и какъ средство къ замедленію его работъ. Впослѣдствіи, располагая ямки по извѣстной системѣ и придавая имъ значительную силу въ сопротивленіи выстрѣламъ, думали придать имъ большее значеніе. Расширяя и усиливая ямки, наши инженеры мало по малу пришли къ системѣ *ложементовъ* или небольшихъ отдѣльныхъ ровиковъ, располагаемыхъ впереди линіи укрѣпленій къ сторонѣ непріятеля.

Ложементы располагались въ двѣ линіи: передняя занималась стрѣлками, которые, наблюдая за ходомъ работъ непріятеля, поражали его своими выстрѣлами, а во второй линіи помѣщался резервъ, для поддержанія стрѣл-

ковъ въ случаѣ нападенія. Въ ночь съ 20-го на 21-е ноября былъ заложенъ первый ложементъ. Съ наступленіемъ сумерекъ было выслано два секрета, за ними шла цѣпь изъ восьми паръ часовыхъ, а за цѣпью слѣдовали рабочіе съ инструментами, земляными мѣшками и боченками. Всѣ люди, назначенные на работу, получили приказаніе зачернить свою аммуницію, чтобы, бѣлымъ цвѣтомъ аммуничныхъ ремней, не обратить на себя вниманія непріятеля. Прійдя на назначенныя мѣста, рабочіе поставили боченки въ два ряда, засыпали ихъ землею изъ вырываемаго рва и сверху положили земляные мѣшки съ промежутками, черезъ которые можно бы было стрѣлять въ непріятеля. Работа эта была произведена такъ тихо, что, не смотря на близость непріятеля и лунную ночь, онъ ничего не подозрѣвалъ и вовсе намъ не препятствовалъ.

Къ утру, работа была окончена и ложементъ занятъ 20-ю штуцерными Минскаго полка. Французы были не мало удивлены, когда увидѣли передъ собою эту смѣлую постройку. Они открыли сильнѣйшій огонь по ложементу, но безуспѣшно, по малой цѣли, которую онъ представлялъ непріятельскимъ выстрѣламъ. Въ слѣдующія за тѣмъ ночи, были устроены новые ложементы, такъ что въ теченіе трехъ ночей передъ глазами непріятеля явилось семь ложементовъ. Мало по малу система ложементовъ была значительно распространена, и въ особенности передъ третьимъ и четвертымъ бастіонами и передъ Малаховымъ курганомъ.

Къ половинѣ декабря было построено въ разныхъ мѣстахъ 26 ложементовъ.

Служба въ ложементахъ была чрезвычайно тяжела для войскъ, въ особенности подъ конецъ осады. Ложементы были удалены отъ нѣкоторыхъ укрѣпленій на значительное разстояніе, саженъ на 200, и въ началѣ не имѣли никакого сообщенія между собою. Засѣвшіе въ ложементахъ герои-труженики проводили въ нихъ почти цѣлыя сутки, среди тысячи смертей, въ ежеминутной опасности быть атакованными непріятелемъ въ превосходныхъ силахъ.

Союзники крѣпко были злы на эти *стрѣлковыя ямы*—

какъ они называли наши ложементы, и громили ихъ изодня въ день своими выстрѣлами. Но ни пули, ни ядра и гранаты не въ состояніи были поколебать смѣлыхъ защитниковъ ложементовъ, являвшихъ собою примѣръ геройской стойкости.

Военная доблесть проявляется не въ однихъ только полевыхъ битвахъ, гдѣ иногда бываетъ достаточно минутнаго увлеченія, чтобы совершить блистательный подвигъ— она проявляется гораздо болѣе въ томъ непоколебимомъ перенесеніи трудовъ и лишеній, когда для каждаго защитника дни безъ отдыха смѣняются тревожными ночами, и когда недѣля за недѣлею, мѣсяцъ за мѣсяцемъ не измѣняютъ нисколько положенія воина.

Государь Императоръ, въ ознаменованіе признательности своей за безпримѣрное мужество, усердіе и труды всѣхъ войскъ, какъ сухопутныхъ такъ и морскихъ, вполнѣ оцѣнилъ такую доблесть севастопольскаго гарнизона и, 6-го декабря 1854 года, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: *«чинамъ этихъ войскъ, каждый мѣсяцъ пребыванія ихъ въ составѣ означеннаго гарнизона зачесть за годъ службы по всѣмъ правамъ и преимуществамъ»*.

Въ концѣ декабря, начальникомъ севастопольскаго гарнизона былъ назначенъ генералъ-адъютантъ баронъ (впослѣдствіи графъ) Дмитрій Ерофеевичъ *Остенъ-Сакенъ 1-й*.

Съ любовію и надеждою встрѣтилъ гарнизонъ это новое назначеніе. Какъ солдаты, такъ и офицеры знали, что строгая справедливость издавна была отличительною чертою барона *Остенъ-Сакена*; его храбрость, военная опытность, твердость, также были извѣстны. Принявъ почетное званіе начальника гарнизона осажденнаго города, *Остенъ-Сакенъ* неутомимо трудился во все время осады. Онъ вездѣ бывалъ самъ: верхомъ и пѣшкомъ онъ обходилъ бастіоны, хлопоталъ объ улучшеніи солдатскаго быта, снабжалъ укрѣпленія боевыми припасами, заботился объ облегченіи раненыхъ и проч.

Съ назначеніемъ барона *Остенъ-Сакена*, усугубилась кипучая дѣятельность севастопольскаго гарнизона: она обнаруживалась постоянно, какъ усиленіемъ укрѣпленій,

такъ и частыми ночными вылазками, заставлявшими непріятеля держать много войскъ въ траншеяхъ и тѣмъ утомлявшими ихъ до крайности, въ особенности англичанъ, привыкшихъ къ удобствамъ жизни.

При содѣйствіи дѣятельнаго своего помощника Павла Степановича *Нахимова* и начальника штаба князя *Васильчикова*, баронъ *Остенъ-Сакенъ* значительно улучшилъ во всѣхъ отношеніяхъ положеніе осажденнаго города.

Павелъ Степановичъ *Нахимовъ* былъ неистощимъ: чтобы ни потребовалось для гарнизона, стоило только сказать адмиралу *Нахимову* и требованіе было тотчасъ же удовлетворяемо. Широко растворивъ двери всѣхъ складовъ и открывъ доступъ къ богатымъ запасамъ черноморскаго флота, Павелъ Степановичъ удовлетворялъ съ полною готовностію всѣ нужды какъ людей, такъ и укрѣпленій. У него не было отказа, если только требованіе шло на пользу и славу обожаемаго имъ отечества.

Другимъ сподвижникомъ барона *Остенъ-Сакена* былъ его начальникъ штаба флигель-адъютантъ полковникъ князь Викторъ Илларіоновичъ *Васильчиковъ*. Князь Васильчиковъ, почти съ первыхъ дней назначенія начальникомъ штаба, заслужилъ всеобщую любовь и уваженіе своею безустанною дѣятельностію, своею энергіею и заботливостію о нуждахъ гарнизона. Кто не видалъ въ Севастополѣ, какъ князь Викторъ Илларіоновичъ всякій день, а зачастую и по два раза въ день, объѣзжалъ всю оборонительную линію! Князь бывалъ вездѣ, гдѣ грозила опасность; проводилъ подъ открытымъ небомъ ночи тамъ, гдѣ ожидалось нападеніе; изобрѣталъ средства, гдѣ, по видимому, не было никакихъ средствъ, и при всѣхъ своихъ многочисленныхъ занятіяхъ, руководимый сердечною теплотою, находилъ время и средства облегчать стоны раненыхъ и увѣчныхъ. Скоро онъ такъ сроднилъ себя съ каждымъ защитникомъ Севастополя, что, казалось, и самая оборона безъ него невозможна. Вотъ примѣръ тому, разсказанный генераломъ *Меньковымъ* на одномъ изъ севастопольскихъ обѣдовъ.

«Былъ разгаръ осады. Надъ Севастополемъ стояли непроглядныя тучи пороховаго дыма, повсюду градомъ сы-

пались вражьи снаряды—было бомбардированіе, предшествовавшее славно-отбитому штурму....

«Доблестный Павелъ Степановичъ (Нахимовъ) возвращался съ бастіоновъ....

«Одинъ изъ севастопольцевъ, идя на встрѣчу доблестному адмиралу, замѣтилъ ему, что онъ не бережетъ себя, и при всякой тревогѣ подвергается опасности.... «Что будетъ, заключилъ онъ, если Севастополь васъ утратитъ!...»

«Нахмурилось чело адмирала....

«Не то вы говорите-съ, возразилъ Павелъ Степановичъ, убьютъ-съ меня, убьютъ-съ васъ-съ, это ничего-съ!... а вотъ—если «*израсходуютъ*» князя *Васильчикова* или генерала *Тотлебена* — это бѣда-съ; безъ нихъ не сдобровать-съ и Севастополю!...

«Истина словъ, произнесенная устами доблестнаго представителя храбрыхъ моряковъ, была прочувствована и сознана севастопольцами.... Да и не только гарнизонъ, но и войска, раскиданныя по сѣвернымъ прибрежьямъ севастопольской бухты, съ именемъ князя Виктора Илларіоновича *Васильчикова* сочетали свое довѣріе, свои надежды!...»

Надежды оправдались. Севастопольскій гарнизонъ отслужилъ свою службу вѣрно и сверхестественно, точно также какъ начальникъ штаба, этого смѣлаго гарнизона, исполнилъ долгъ свой, самымъ блестящимъ образомъ.

VI.

Севастополь послѣ трехъ мѣсяцевъ осады.—Жизнь въ городѣ и на бастіонахъ.—Ночныя вылазки и ложныя тревоги.

Прошло три мѣсяца осады, но и теперь, точно также какъ въ началѣ, надъ Севастополемъ виситъ гулъ непрогляднымъ выстрѣловъ и шлепанье снарядовъ. Обитатели города привыкли ко всему этому на столько, что не обращаютъ на нихъ никакого вниманія, лишь только пробитыя крыши, разбитыя стекла и рамы, да разрушенные дома свидѣтельствуютъ, что это не мирный городъ, а городъ брани и тревогъ.

Съ пристани на сѣверной сторонѣ видно уже, что тамъ за бухтой, въ самомъ городѣ, совершается что-то особенное, не похожее на обыкновенную мирную жизнь. Здѣсь у пристани народъ кишмя кишитъ; здѣсь люди, скотъ и повозки толкутся на набережной, преимущественно возлѣ пароходовъ, на которые нагружаютъ вещи, отсылаемыя на южную сторону. По бухтѣ безпрерывно снуютъ суда разныхъ видовъ: весельныя большія и малыя, парусныя и паровыя съ бездною вещей самыхъ разнообразныхъ видовъ. На палубахъ судовъ видны солдаты, рогатый скотъ на порціи войскамъ, возы сѣна, бочки, кули, лошади, орудія, крѣпостные станки, окровавленные мѣшки съ рѣзаннымъ сырымъ мясомъ и возлѣ нихъ женщины и дѣти. Тутъ же причаливаютъ одинъ за другимъ баркасы съ печальнымъ грузомъ. На одномъ до верху наложены простые не окрашенные гробы съ тѣлами умершихъ смертью праведныхъ; на другомъ, лежатъ кучи тѣлъ безъ гробовъ, прикрытые рогожею. Сѣвши въ лодку, перевалившись черезъ бухту, и выходя на пристани южной части города, вы встрѣчаете на первыхъ ея ступеняхъ кучи заржавѣвшихъ уже ядеръ, бомбъ и картечи. Подвигаясь далѣе, видна большая площадь, на которой лежатъ пушки разныхъ калибровъ на станкахъ и безъ станковъ, огромные брусья и опять кучи ядеръ, бомбъ и картечи. За ними стоятъ лошади, повозки, спящіе и двигающіеся солдаты, офицеры, женщины и дѣти. Въ сторонѣ бабы продаютъ булки и пироги, русскіе мужики съ самоваромъ кричатъ—сбитень горячій!

На право улица, загороженная баррикадой, на лѣво домъ, у дверей котораго стоятъ солдаты съ окровавленными носилками. За баррикадой стоитъ нѣсколько пушекъ и при нихъ сидитъ матросъ, покуривая трубочку. По всей площади разбросаны телѣги съ сѣномъ, съ кулями и бочками; кой-гдѣ, между толпою, пробирается офицеръ верхомъ, либо генералъ на дрожкахъ. Повсюду слышенъ шумъ и говоръ. Здѣсь рынокъ, здѣсь мѣсто отдыха утомленныхъ продолжительною службою на бастіонахъ, здѣсь смѣхъ и горе.

За баррикадою начинается самая оживленная часть

города. Съ обѣихъ сторонъ улицъ, по дорогѣ къ оборонительной линіи, виднѣются еще уцѣлѣвшія вывѣски лавокъ и трактировъ; на пути встрѣчаются офицеры, купцы, женщины въ шляпкахъ и платочкахъ. Каждый день, при закатѣ солнца, здѣсь играетъ хоръ военной музыки и на бульварѣ собирается большая толпа гуляющихъ.

Суда черноморскаго флота величественно покачиваются въ родныхъ имъ волнахъ, но грустно моряку видѣть рядъ мелкихъ судовъ, исполняющихъ обязанность мостовыхъ флашкоутовъ.

Въ этой части города еще сохранилась вся обстановка мирной жизни. Тутъ еще можно было видѣть людей, заботящихся объ удобствахъ жизни; дамъ, разряженныхъ и спокойно прогуливающихся по бульвару; дѣтей, бѣгающихъ, катающихъ ядра и бомбы и весело играющихъ въ войну рядомъ съ настоящею войною и въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ отъ смерти со всѣми ея ужасами...

Гулъ выстрѣловъ, падающіе и катящіеся по землѣ снаряды, приковывая къ себѣ вниманіе дѣтей, поражали ихъ молодое воображеніе. Въ ту пору начинавшій лепетать ребенокъ, вмѣсто родныхъ словъ: *папа*, *мама* или *няня*, явственно говорилъ; *ядро*, *бомба* или *граната*. Бѣгавшіе по улицамъ дѣти проявляли еще болѣе воинственное настроеніе въ своихъ играхъ. Раздѣлившись на двѣ партіи, они затѣвали потѣшную войну. Одна партія представляла русскихъ, другая — союзныхъ враговъ. Сначала комки грязи и камни замѣняли сражающимся бомбы, но потомъ шуточная возня скоро переходила въ дѣйствительную драку, и часто обѣ окровавленныя партіи оставляли мѣсто сраженій только при появленіи квартальнаго надзирателя или внушительной казачьей нагайки.

Въ это время Севастополь еще дѣлился на двѣ половины: *мирную*, съ тихими ея привычками, и совершенно военную—*грозно-боевую*.

Баррикады въ дальнемъ концѣ Морской и другихъ улицъ раздѣляли эти двѣ половины, не похожія другъ на друга. Пройдя одну изъ этихъ баррикадъ, встрѣчались уже дома, по большей части оставленные жителями, частію занятые

войсками, а частію стоящіе пустыми. Здѣсь уже не было вывѣсокъ, двери закрыты досками, окна выбиты, у нѣкоторыхъ домовъ отбитъ уголъ стѣны, у другихъ пробита крыша. Улица, вымощенная ядрами, испещрена ямами съ водой, вырытыми въ каменистомъ грунтѣ бомбами. На улицѣ видны были команды проходящихъ солдатъ; встрѣчались и женщины, но рѣже и не въ шляпкахъ конечно, а въ старой шубейкѣ и солдатскихъ сапогахъ. Все это двигалось, спѣшило, но безъ суеты и безъ всякаго опасенія. Севастопольцы какъ будто не знали, что такое опасность и не признавали ея. Они не видѣли страха и опасности въ самыхъ ужасныхъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ не проходило минуты, чтобы не взвизгнула пуля, не пролетѣло ядро, не разорвалась бомба.

Вся сѣверная и западная сторона Малахова кургана были покрыты домиками матросовъ, наполненными ихъ семействами. Женщины мыли бѣлье офицерамъ, торговали не только въ городѣ, но даже и на самомъ Малаховомъ курганѣ. Сидя около воротъ укрѣпленія, онѣ продавали булки, пироги, квасъ, закуску и всякую всячину, которую солдаты тутъ же, у кого бывала лишняя копѣйка, запивали сбитнемъ. Дня не проходило, чтобы не было несчастнаго случая съ кѣмъ-либо изъ подобныхъ торговокъ, между тѣмъ остальныя спокойно продолжали свои занятія, не обращая на это никакого вниманія. Убьетъ такую бабу, два тутъ же закусывавшихъ солдата подхватятъ убитую и понесутъ въ часовню.

— Откуда, землячки, несете? спроситъ одна изъ торгующихъ.

— Съ Малахова, отвѣтятъ они.

— Что-жь такъ?

— Да, вотъ грѣхъ-то нонѣ по утру случился: осколокъ въ брюхо воткнись—ну, и померла. Баба вѣдь: много-ль ей надо!

— Ишь оказія! проговоритъ равнодушно торговка и станетъ сзывать покупателей, какъ будто ей не угрожаетъ точно такая же опасность.

Въ Севастополѣ подобныя сцены повторялись ежеминутно и къ нимъ всѣ привыкли.

На мѣстахъ, можно сказать, засыпаемыхъ штуцерными пулями непріятеля, люди ходили день и ночь безъ всякой торопливости, не удостоивая даже взглядомъ мѣста, откуда сыпались выстрѣлы. Передъ проходящимъ солдатомъ идетъ товарищъ, глядь — и повалился; солдатъ равнодушно или пройдетъ мимо, или, поднявъ товарища, понесетъ куда слѣдуетъ, долго преслѣдуемый докучливымъ свистомъ пуль.

Среди оставшихся жителей не было замѣтно ни отчаянія, ни безпокойства. Правда, съ наступленіемъ утра они не справлялись о здоровьѣ сосѣда, а старались узнать, цѣлъ ли его домъ, живъ ли онъ самъ.

— Дунька, а Дунька! Живаль-ты? слышался женскій голосъ, кричавшій изъ окна и черезъ узкую улицу, выкликивавшій сосѣдку.

— Жива, отвѣчаетъ голосъ изъ избенки—только ночью, слышь, осколокъ крышу провалилъ.

— Хорошо, что не голову.

— Вѣстимо хорошо, отвѣчаетъ тотъ же голосъ.

— Пойдешь за водой?

— Пойдемъ.

И поплетутся онѣ вдоль улицы, подъ градомъ всякаго рода снарядовъ.

Тамъ, въ концѣ этой улицы, видны все болѣе и болѣе разрушенные дома, а впереди рисуется черное, грязное и изрытое пространство, нѣчто въ родѣ укрѣпленія. Приближаясь къ нему, встрѣчаются не дома, а груда развалинъ, куча камней, всякаго мусора, глины и бревенъ. Здѣсь меньше народу, солдаты ходятъ ускореннымъ шагомъ, на дорогѣ видны слѣды крови и непремѣнно попадаются носилки съ убитыми или ранеными.

Надъ вами, въ воздухѣ, кружатся, слегка посвистывая, нѣсколько бомбъ. Медленный и пріятный на видъ полетъ ихъ, по видимому, не сулитъ никакой опасности, но стоитъ только ей лопнуть или *разрѣшиться*—какъ говорятъ солдаты—и множество осколковъ съ визгомъ и звономъ раз-

летятся во всѣ стороны, разнося съ собою по всѣмъ направленіямъ смерть и увѣчья.

Морская улица выходила на театральную площадь. Въ началѣ осады на этой площади происходила смѣна полковъ, назначенныхъ на бастіоны и возвращающихся на отдыхъ. Непріятель, замѣтивъ скопленіе на площади войскъ, направлялъ туда свой огонь, поддерживая его даже и въ то время, когда войскъ тамъ не было. Въ короткое время площадь сдѣлалась непроходимою и полки стали строиться вдоль Морской улицы.

Было утро. Тобольскій полкъ шелъ на смѣну Тарутинскаго, сидѣвшаго на четвертомъ бастіонѣ и сосѣднихъ батареяхъ. Подвинувшись къ театру, тобольцы выстроились продольно по одной сторонѣ Морской улицы. Роты Тарутинскаго полка частичками пробѣгали опасное пространство и строились насупротивъ тобольцевъ по другой ея сторонѣ. Снаряды съ шумомъ одинъ за другимъ ложились на улицу и знакомили тобольцевъ съ предстоящею имъ жизнью. На лѣвомъ флангѣ была уже жертва новаго ихъ знакомства съ Севастополемъ—рослый молодой солдатъ лежалъ на спинѣ съ разбитымъ животомъ.... Спокойно и угрюмо стояли тобольцы. Облокотившись на ружья, они толковали между собою о постороннихъ предметахъ, не обращая вниманія ни на падавшіе снаряды, ни на лежавшаго возлѣ нихъ павшаго товарища....

Разорвавшаяся граната не замедлила проститься и съ тарутинцами, вырвавъ на память выступленія одного солдатика. Солдаты бросились-было къ убитому, но командиръ батальона, подполковникъ *Горевъ*, остановилъ ихъ. Солдаты перекрестились.

— Царство ему небесное, послышалось нѣсколько голосовъ. Вишь какая смерть... съ разу... и не пикнулъ... Богъ скорѣй грѣхи отпуститъ, райская теперь душа будетъ...

Оставивъ на площади по одному товарищу, тарутинцы и тобольцы разошлись въ разныя стороны. Первые пошли на сѣверную, вторые на бастіонъ.

Подъ свистомъ ядеръ и пуль пришлось имъ спуститься въ траншею или ровъ, по которой ходятъ люди, идущіе

на бастіонъ и возвращающіеся съ него. Въ траншеѣ этой еще чаще попадаются носилки, встрѣчаются матросы съ окровавленными лицами, бредущіе на перевязочный пунктъ, и солдаты съ лопатами и другими рабочими инструментами. По бокамъ траншеи видны проводники минъ, землянки, въ грязи которыхъ, согнувшись, могутъ помѣститься только два человѣка. Въ такихъ убогихъ помѣщеніяхъ живутъ пластуны-черноморцы. Высунувъ изъ дверей ноги, они перебуваются, ѣдятъ, курятъ трубочки и подсмѣиваются другъ надъ другомъ. Поодаль отъ нихъ размѣстились носильщики, поприставшіе подъ своею невеселою ношею. Одинъ изъ нихъ предложилъ *привалить:*

— Отдохнемъ братъ: успѣемъ еще—въ другой разъ не умретъ.

Проходившій мимо солдатъ отпускаетъ на счетъ носильщиковъ острое словцо и отправляется своей дорогой.

Не обращая вниманія на проходящаго, носильщики садятся: одинъ накладываетъ трубку, другой рубитъ огня: вдоль по гребню траншеи прыгаетъ ядро и обдаетъ всѣхъ грязью, но не смущаютъ никого изъ присутствующихъ ни свистъ пуль, ни разрывъ бомбъ. Хладнокровно и равнодушно смотрятъ они на валяющійся и вновь падающій чугунъ во всевозможныхъ видахъ. Поотдохнувъ немного, носильщики отправляются своимъ путемъ, а пластуны приготовляются въ секреты впереди оборонительной линіи.

Пройдя траншею, вы входите въ изрытое грязное пространство, окруженное со всѣхъ сторонъ насыпью, — это-то и есть то, что называется *бастіономъ*. Небольшая площадка бастіона задавлена постройками и переполнена народомъ. Она перерѣзана въ разныхъ мѣстахъ насыпями, (траверсами), землянками, пороховыми погребами, на которыхъ стоятъ большія чугунныя орудія, а возлѣ нихъ лежатъ ядра, сложенныя правильными кучами.

Вся площадка бастіона кажется покрытою буграми; тамъ и сямъ чернѣются отверстія — входы въ блиндажи. Повсюду валяются орудія, черепки, неразорванныя гранаты, куски дерева, изломанныя колеса — все это нагромождено или затоплено въ жидкой и вязкой грязи. Грязь

на землѣ и духота въ воздухѣ виситъ надъ бастіономъ. Онъ постоянно окруженъ и покрытъ или облакомъ пороховаго дыма, или тучею пыли, поднимающейся одинаково и днемъ, и ночью: днемъ отъ падающихъ и прыгающихъ снарядовъ, а ночью отъ исправленія батарей и насыпки укрѣпленій.

Крошечная землянка служитъ жилищемъ начальника бастіона. Это небольшое углубленіе въ насыпи, огражденное отъ выстрѣловъ съ трехъ сторонъ и сверху. Четвертая сторона составлена изъ заржавленныхъ жестянокъ и кусковъ плитняка на скоро накиданныхъ. Небольшая дверца, съ отверстіемъ въ ней, прилажена кое-какъ, на скорую руку. Устроенная изъ нѣсколькихъ досокъ постель и небольшой столикъ возлѣ занимаютъ все пространство *кануры* бастіоннаго начальника или одного изъ офицеровъ. У дверей ея пыхтитъ самоваръ, которому, вмѣсто трубы, служитъ корпусъ французской ракеты. Войдя въ такую кануру, по необходимости приходилось садиться на постель, потому что другаго мѣста, гдѣ бы можно было приткнуться, не было. Въ канурѣ грязно и душно; милліоны самыхъ несносныхъ насѣкомыхъ атакуютъ каждаго вошедшаго въ землянку, но, не смотря на все это, она составляетъ единственное мѣсто для отдыха. Землянки для солдатъ устраивались болѣе помѣстительные, на нѣсколько человѣкъ. Человѣкъ пять могли сидѣть на общихъ нарахъ; тамъ они отдыхали и общивались. Въ углу висѣлъ образъ; на стѣнахъ картинки. Такой-же точно образъ на столбикѣ подъ навѣсомъ находился и въ одномъ изъ угловъ каждаго бастіона или батареи.

Въ нѣкоторыхъ бастіонахъ можно было встрѣтить два и три образа съ кисейнымъ или даже шелковымъ покрываломъ. Множество свѣчей, а иногда и лампада теплилась у образовъ, въ особенности вечеромъ. Всѣ, проходя мимо того мѣста, гдѣ стоялъ образъ, снимали шапки и набожно крестились, творя молитву. Въ блиндажахъ многихъ бастіоновъ были устроены походныя церкви.

Стоитъ только взойти на площадку и однообразная бастіонная жизнь вся передъ вами. На батареѣ, возлѣ образа, сидятъ кучки матросовъ и пѣхотныхъ солдатъ; одни играютъ

въ карты, другіе слушаютъ разскащика. По срединѣ укрѣпленія видѣнъ пѣхотный солдатъ, проходящій чрезъ батарею и съ трудомъ вытаскивающій ноги изъ липкой грязи. Помѣстившись въ амбразурѣ и поставивъ передъ собою котелокъ, солдаты ѣдятъ кашу. Пріютившись на платформѣ у орудія, сидитъ матросъ съ женою, принесшею ему домашній обѣдъ. Она ждетъ, пока мужъ поѣстъ, чтобы взять посуду и отправиться домой подъ градомъ пуль; возлѣ нихъ, на другомъ орудіи, сидитъ флотскій офицеръ и свертываетъ папироску, изрѣдка поглядывая въ амбразуру, сквозь которую видѣнъ бѣлый каменистый валъ непріятельскихъ траншей, лентой протянувшихся передъ нашими укрѣпленіями. Во многихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, передъ четвертымъ бастіономъ, непріятельскія траншеи расположены были не далѣе 40 саженъ.

Четвертый бастіонъ въ это время считался самымъ опаснымъ мѣстомъ въ Севастополѣ. Когда кто говорилъ: я иду на четвертый бастіонъ — онъ говорилъ это съ особымъ удареніемъ; когда хотѣли подшутить надъ кѣмъ нибудь, то говорили: «тебя-бы отправить на четвертый бастіонъ»; если встрѣчались носилки и спрашивали откуда— говорили съ четвертаго бастіона. Всѣ, не бывавшіе или случайно бывшіе на бастіонѣ были увѣрены, что четвертый бастіонъ вѣрная могила каждаго, кто появится на немъ. А между тѣмъ защитники бастіона, люди сроднившіеся съ нимъ, никогда не хвалились, что живутъ день и ночь на бастіонѣ. На вопросъ: что на четвертомъ бастіонѣ? они отвѣчали, грязно или сухо тамъ, тепло или холодно въ ихъ незатѣйливыхъ землянкахъ.

На бастіонахъ, не смотря на близость непріятеля, все казалось спокойно, точно какъ въ мирномъ городѣ. Люди не бѣгали, не суетились, каждый занятъ былъ своимъ дѣломъ. Полетъ снаряда не производилъ въ нихъ замѣшательства. Проводя день и ночь подъ открытымъ небомъ, защитники не знали прикрытія, не знали безопаснаго мѣста, гдѣ-бы можно было скрыться. Для нихъ единственною защитою отъ непріятельскихъ снарядовъ былъ сигнальщикъ.

Живши долго на батареяхъ и прислушавшись къ вы-

стрѣламъ, солдаты до того понаторѣли въ звукахъ, что, сидя въ закрытомъ мѣстѣ или зажмуривши глаза, могли вѣрно опредѣлить, съ какихъ батарей стрѣляютъ, какія летятъ снаряды и гдѣ они лягутъ.

— Вотъ пролетѣла *молоденькая* (1), а вотъ и *лебедушка* (2) къ намъ жалуетъ, говорили солдаты, отличая различныя пули по звуку, который онѣ издаютъ при полетѣ.

Болѣе храбрый и опытный въ умѣньѣ распознавать снаряды исполнялъ должность *сигнальщика*.

Сигнальщикъ зорко слѣдитъ за непріятельскими орудіями, и преимущественно за тѣми, которыя дѣйствуютъ по его батареѣ.

— Пушка! кричитъ онъ, и въ слѣдъ за тѣмъ слышенъ свистъ ядра и видны брызги, обозначающія мѣсто его паденія.

— Мортира! провозглашаетъ онъ снова, и присутствующіе на бастіонѣ слышатъ равномѣрное посвистываніе бомбы, вертящейся въ воздухѣ. Сигнальщикъ еще разъ успѣетъ оповѣстить о ней; люди это знаютъ и продолжаютъ работу.

Днемъ по звуку, ночью по полету и огоньку дымящейся трубки, сигнальщикъ опредѣляетъ направленіе снаряда, и если, по его разсчету, онъ упадетъ на батарею, онъ кричитъ *бомба*! и тогда люди ложатся на землю, спасаясь отъ осколковъ.

Бомба упала на батареѣ; она вертится, шипитъ и дымится; приникнувъ къ землѣ, лежатъ солдаты, ожидая разрыва. Быстрая вспышка огня, небольшой клубъ дыма, выстрѣлъ и звонъ осколковъ подымаютъ тѣхъ, кто остался цѣлъ, и вызываютъ стоны раненыхъ.

— Носилки, крикнетъ нѣсколько голосовъ, быстро, но безъ замѣшательства кидаясь къ упавшему товарищу.

— Простите, братцы! умираю! говоритъ слабымъ голосомъ раненый.

Его бережно кладутъ на носилки; онъ хочетъ сказать

---

(1) Молоденькими назывались англійскія пули съ чашечками.

(2) Лебедушка—пуля глухая безъ чашечки.

еще что-то, и видно, что хочетъ сказать что-то трогательное, но повторяетъ только еще разъ «простите, братцы»! Товарищъ-матросъ надѣваетъ раненому упавшую съ головы фуражку и, не сказавъ ни слова, равнодушно возвращается на свое мѣсто.

— Это каждый день этакъ человѣкъ двадцать или тридцать, скажетъ вамъ поселившійся на бастіонѣ со дна осады морской офицеръ, хладнокровно свертывая папиросу изъ желтой бумаги.

Смеркается. Полный мѣсяцъ давно плаваетъ дозоромъ по небу, освѣщая враждебно размежеванное пространство окрестностей Севастополя. Море, окутанное мракомъ ночи, плещется о скалистый берегъ. Далеко на водѣ виднѣется линія огоньковъ на непріятельскомъ флотѣ. Глухо отдаются выстрѣлы во влажномъ и сыромъ воздухѣ. Въ темной вышинѣ надъ бастіонами, какъ свѣтящіяся во мракѣ звѣзды, пролетаютъ бомбы, то перекрещивая свои полеты, то одна другую нагоняя. Оставляя за собою огненный слѣдъ, онѣ вдругъ вознесутся стрѣлой, потомъ плавно подымутся до крайней высоты своего полета и тамъ будто остановятся на нѣсколько мгновеній, словно выбирая себѣ мѣсто паденія. Въ слѣдъ за тѣмъ, шатаясь со стороны въ сторону, онѣ опускаются все быстрѣе и быстрѣе и, наконецъ, стремглавъ, какъ падучая звѣзда, падаютъ на землю.

— Лахматка (бомба), слышится въ темнотѣ голосъ сигнальщика.

Привычные къ такимъ сценамъ, люди бросаются на землю.

— Не наша, крикнетъ сигнальщикъ—армейская! и прилегшіе-было къ землѣ матросы приподнимаются, зная что бомба полетѣла за батарею въ прикрытія или въ городъ.

— Э, да непріятели никакъ раскутились, замѣтитъ командиръ батареи или бастіона и, выйдя изъ блиндажа, прикажетъ послать прислугу къ бомбической пушкѣ.

— *Есть!* по морской привычкѣ отзовется комендоръ, и нѣсколько человѣкъ матросовъ мигомъ подбѣжатъ къ орудію.

— Чѣмъ заряжено: бомбой или картечью?

— Бомбой, на *стропкѣ*, т. е. съ веревочкой, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было вытащить бомбу изъ канала орудія.

— Ну, валяй.

Чугунная махина, слишкомъ въ 300 пудовъ, разомъ отпрыгнетъ назадъ; клубы горячаго пороховаго дыма охватятъ прислугу, грянетъ выстрѣлъ, и тяжелая бомба, шипя и гудя по воздуху, понесется къ непріятелю. Въ слѣдъ за тѣмъ не одно, а нѣсколько отвѣтныхъ ядеръ пролетятъ надъ головами стоящихъ на бастіонѣ.

Сигнальщикъ то и дѣло кричитъ: *бомба, пушка, берегись, граната!*

— Не части Михѣичъ! крикнутъ ему товарищи.

— Съ ноги собьешься! подхватятъ со смѣхомъ другіе.

На звуки выстрѣловъ своихъ и непріятельскихъ, отзовутся сосѣдніе бастіоны и пошла потѣха! Третій бастіонъ угоститъ непріятельскія траншеи *темной* т. е. картечью, а четвертый пошлетъ—*капральство* или штукъ 30 гранатъ, вложенныхъ за разъ въ мортиру. Букетомъ свѣтлыхъ звѣздъ разсыпятся гранаты надъ непріятельскою траншеею и съ перекатнымъ трескомъ онѣ разорвутся у него въ гостяхъ.

— Пали черезъ каждыя четверть часа, пока я не прикажу перестать, скажетъ командиръ батареи или бастіона, уходя въ свою землянку.

Съ наступленіемъ темноты, на бастіоны вводятъ прикрытіе и рабочихъ. Пѣхотныя роты размѣщаются у насыпи, кто гдѣ найдетъ себѣ мѣсто; матросы сидятъ у своихъ орудій. Никто почти не спитъ; люди курятъ и разговариваютъ въ полголоса. Пѣхотные офицеры обходятъ отъ времени до времени свои ряды.

— Смѣна! пошелъ на саперныя работы! слышится голосъ въ темнотѣ.

Очередные люди собираются въ сторонѣ. Является саперный офицеръ и, собравъ нѣсколько десятковъ, отправляетъ на работу при своемъ унтеръ-офицерѣ. На бастіонѣ, во рву и въ амбразурахъ, слышны работающіе. Непріятель открываетъ учащенную стрѣльбу. Слышны требованія носилокъ, но работающіе такъ привыкли къ этому

крику, что не обращаютъ на него вниманія, какъ будто дѣло это до нихъ не касается.

Возлѣ рабочихъ по прежнему сидитъ сигнальщикъ и слѣдитъ за непріятельскими выстрѣлами.

— Бережись сопе! кричитъ онъ и бомба упала возлѣ самого сигнальщика и посреди работающихъ.

Всѣ бросаются въ разныя стороны, но сигнальщикъ не трогается съ мѣста. По счастью, трубка погасла и бомбу не разорвало.

— Неховайсь померла! протянетъ онъ—и работа закипитъ съ новою силою.

Изо-дня въ день тянулась такая однообразная жизнь на севастопольскихъ бастіонахъ. Она разнообразилась только изрѣдка фальшивыми тревогами, да почти ежедневными ночными вылазками.

Осеннее время и ненастье были чрезвычайно губительны для непріятельскихъ войскъ. Трудно переносили они жизнь въ траншеяхъ, залитыхъ водой и переполненныхъ грязью. Въ такіе дни, союзники держали въ своихъ подступахъ войска менѣе обыкновеннаго, и чтобы показать намъ, что всегда готовы къ бою, и что нечаянное нападеніе на нихъ невозможно, они нерѣдко прибѣгали къ различнаго рода хитростямъ. Вдругъ, среди всеобщей тишины, французы или англичане откроютъ самый сильный огонь изъ своихъ траншей, и въ темнотѣ ночи, не вылѣзая изъ своихъ норъ, забьютъ наступленіе, кричатъ «ура!» съ такимъ одушевленіемъ, что такъ и кажется, что вотъ цѣлыя тучи ихъ бросаются на штурмъ какого-либо пункта нашей оборонительной линіи. Батальный огонь изъ траншей заставитъ отступить наши секреты. Расположенная за секретами стрѣлковая цѣпь, за темнотою не видя ничего кромѣ выстрѣловъ и слыша наступленіе, начнетъ стрѣльбу по воображаемому противнику; ближайшія батареи, для поддержки цѣпи, также откроютъ огонь, ихъ примѣру послѣдуютъ сосѣдніе—и загорится пальба по всей оборонительной линіи, пока успѣютъ освѣтить мѣстность свѣтящими ядрами и не узнаютъ, что это только фальшивая тревога.

Такія тревоги повторялись весьма часто, и хотя онѣ изнуряли гарнизонъ, но къ нимъ были всегда внимательны и относились весьма серьезно, зная, что во время военныхъ дѣйствій весьма часто случается, что ложная тревога обращается въ дѣйствительную, а фальшивая атака или штурмъ, безъ достаточной осторожности обороняющаго, можетъ кончиться паденіемъ укрѣпленія.

Чтобы отучить непріятеля отъ подобныхъ выходокъ, защитники предпринимали почти ежедневно ночныя вылазки, въ которыхъ проявлялась русская удаль и молодечество.

Вылазки—превосходное средство къ утомленію противника и къ задержанію его движенія впередъ. Заставляя непріятеля въ теченіе цѣлой ночи быть готовымъ къ отраженію атаки по всей линіи, защитники вынуждали его содержать въ траншеяхъ большое число войскъ, которыя, находясь подъ выстрѣлами нашихъ батарей, несли значительную потерю. Независимо отъ этого, кучки храбрыхъ, врываясь въ непріятельскіе подступы, производили въ нихъ возможную порчу: срывали насыпи, разбрасывали туры, фашины, мѣшки и проч.

Частыя вылазки составляли особенность защиты Севастополя. Въ рукахъ славнаго гарнизона это было могущественное средство наносить вредъ непріятелю и даже на время останавливать его работы.

Бывало, въ темную ночь собиралось нѣсколько десятковъ охотниковъ, изъ различныхъ пѣхотныхъ полковъ, отправлявшихся на стукъ непріятельскихъ кирокъ и лопатъ. Мѣстность хорошо извѣстна морякамъ: непріятельскія батареи построены на землѣ и изъ земли имъ принадлежащей. Имѣя при себѣ проводникомъ одного изъ матросовъ, смѣльчаки тихо подползаютъ къ траншеямъ... Вдругъ вдали раздастся громкое протяжное ура! Французы бросаютъ кирки и лопаты, хватаются за оружіе, а мы уже въ траншеѣ. Что происходитъ тамъ описать трудно: тамъ душно и тѣсно, тамъ звукъ оружія и скрещиваніе штыковъ, тамъ русское ура! тамъ стоны и проклятія, съ которыми часто сливается молитва умирающаго.

Натѣшившись вдоволь, наши молодцы возвращаются на

батарею. Французы густой цѣпью двинутся ихъ преслѣдовать... Секреты даютъ знать, что двигается непріятель; на бастіонѣ раздается крикъ «къ орудіямъ!» и тучи картечи запрыгаютъ по темному полю. Съ первыми выстрѣлами орудій, въ прикрытіи батарей и бастіоновъ раздастся громъ барабановъ—и закипитъ дѣятельность оборонительной линіи. Все небо изборождено огненными слѣдами отъ бомбъ и гранатъ; глухой гулъ отъ бѣгающихъ по своимъ мѣстамъ войскъ, скокъ лошади промчавшагося ординарца, трескъ лопающихся снарядовъ—все это сливается въ одинъ общій и продолжительный стонъ, висящій надъ Севастополемъ.

Чудно-величественную картину представляютъ въ эти минуты бастіоны севастопольскіе, съ ихъ гарнизономъ, по временамъ освѣщаемымъ пламенемъ выстрѣла. Вездѣ видны толпы солдатъ, то стоящихъ опершись на ружья, то лежа съ шанцевымъ инструментомъ ожидающимъ что дѣлать. Тамъ у брусвера прислуга хлопочетъ у своихъ орудій и посылаетъ выстрѣлъ за выстрѣломъ, здѣсь видна уходящая въ ворота команда, идущая на подкрѣпленіе карауламъ, охраняющимъ передовые ложементы...

Тамъ, впереди, въ ложементахъ, и ямахъ залегли пластуны, дерзко подкравшіеся и присматривающіе за непріятелемъ. Сотни пуль свистятъ подлѣ ихъ на разные лады; десятки бомбъ ложатся въ одну и ту же траншею, въ одинъ и тотъ же ложементъ. Вотъ одна изъ нихъ съ шумомъ грохнулась на окраинѣ траншеи. Всѣ пригнулись и прижались къ стѣнкѣ... Черезъ секунду бомба лопнула, бросивъ нѣсколько осколковъ въ траншею... За разрывомъ ея ни стона, ни крика не было слышно, но кто то крякнулъ и заскрежеталъ зубами... Взглянулъ сосѣдъ на старика-пластуна и видитъ—ноги перебиты, спина вся вскрыта.

— Э, диду! риднэнкій! що мы будэмъ робыть? вскричалъ землякъ.

— Що? ничово!... Що вы галдите, бисову батьку! хладнокровно отвѣчалъ старикъ, посматривая то на пластуновъ товарищей, то на свои перебитые члены.

— Давай бинтовъ: старикъ изойдетъ кровью! кричали оторопѣвшіе солдаты,

— Крови нэ-ма, говорилъ упрямый старикъ.

— Да ты, старичекъ, умрешь! замѣтилъ какой-то офицеръ.

— Ну, щожъ умру. Я и безъ васъ бачу, що умру.

Раненый видимо ослабѣвалъ... съ полчаса дожидались носилокъ, безпрестанно бывшихъ въ расходѣ. Старикъ ихъ не дождался. Чувствуя приближеніе смерти, онъ перекрестился, захрипѣлъ и отдалъ Богу душу.

Въ севастопольскомъ гарнизонѣ однимъ богатыремъ стало меньше...

VII.

Новый годъ въ Севастополѣ. — Ночная вылазка съ 19 на 20 января. — Подвигъ матроса Шевченко. — Атака противъ Малахова кургана. — Заложеніе Селенгинскаго редута. — Генералъ Хрущевъ, — Отбитіе французовъ отъ Селенгинскаго редута. — Заложеніе Волынскаго редута и Камчатскаго люнета. — Кончина Императора Николая. — Назначеніе кн. М. Д. Горчакова главнокомандующимъ въ Крыму.

Приближался новый годъ, а съ нимъ вмѣстѣ наступала и холодная зимняя погода. Еще съ 12-го декабря начало сильно морозить, только изрѣдка выпадали ясные и тихіе дни, но большею частію шли проливные дожди, смѣнявшіеся градомъ и снѣгомъ. Цѣлыми толпами передавались къ намъ французы и англичане, которые часто приходили съ отмороженными руками и ногами и вызывали къ себѣ истинную жалость и сожалѣніе. Они голодали и холодали въ своемъ лагерѣ и искали спасенія въ великодушіи непріятеля. Съ появленіемъ перебѣжчиковъ на нашихъ бастіонахъ и батареяхъ ихъ принимали радушно, по русскому обычаю, вели въ баню, тутъ же устроенную, обмывали и одѣвали, поили и кормили и за тѣмъ отправляли на сѣверную сторону.

Къ довершенію несчастія союзниковъ, морозы достигали до 10 градусовъ, а 3-го января выпалъ такой снѣгъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходилъ до аршина глубины.

Пасмуренъ и угрюмъ казался день новаго года. Сѣрыя, мглистыя облака застилали небо, а волнующаяся даль моря грозно чернѣлась, перекатывая свои мрачныя свинцовыя волны. Вѣтеръ дулъ по всѣмъ направленіямъ, принося то сильныя мятели, то оттепель, съ проливными дождями.

Надъ Севастополемъ висѣли двойныя тучи: однѣ, изливающія потоки дождя, а ниже ихъ тучи снарядовъ, сыпавшіе потоки осколковъ и пуль. Преодолѣвая препятствія природы, враждовавшіе боролись другъ съ другомъ и сходились однако же все ближе и ближе.

Французы, выбивъ нашихъ стрѣлковъ изъ ложементовъ передъ четвертымъ бастіономъ, засѣли въ нихъ, окопались и своими выстрѣлами наносили значительный вредъ прислугѣ, стоявшей у орудій бастіона. Съ цѣлію прогнать непріятеля и вновь завладѣть ложементами, рѣшено было произвести вылазку въ значительныхъ размѣрахъ.

19-го января, около четырехъ часовъ по полудни, начальникъ 3-го отдѣленія оборонительной линіи и 3-го бастіона, контръ-адмиралъ *Панфиловъ*, потребовалъ къ себѣ лейтенанта *Бирюлева* и предложилъ ему быть руководителемъ вылазки.

Назначенный для этого отрядъ въ 250 человѣкъ, изъ полковъ Охотскаго, Волынскаго и 45-го флотскаго экипажа, съ 80-ю рабочими безъ ружей, собрался на третьемъ бастіонѣ къ десяти часамъ вечера.

Стояли лунныя ночи. Въ этотъ вечеръ, какъ нарочно, было особенно свѣтло, точно днемъ. Предпринимать вылазку въ такую свѣтлую ночь было безполезно, и потому пришлось отложить ее на нѣсколько часовъ, пока стемнѣетъ. Около трехъ часовъ ночи мѣсяцъ склонился къ горизонту, небо заволокло небольшими тучками и сталъ перепархивать снѣжокъ. Медлить было нечего; до восхода солнца оставалось времени немного, а охотникамъ предстояло пройдти взадъ и впередъ около двухъ верстъ и поработать еще около ложементовъ. Отрядъ былъ собранъ. Солдатамъ объявлена цѣль вылазки и то, чего ожидаетъ отъ нихъ начальство. По командѣ офицеровъ, всѣ сняли

фуражки и, набожно перекрестившись, двинулись за линію укрѣпленій. Не прошли охотники и двадцати шаговъ, какъ изъ англійской траншеи раздался выстрѣлъ.

— Завидѣли проклятые, говорили солдаты; снѣжокъ то выпалъ порядочный, такъ отрядъ нашъ чернѣется на дорогѣ.

Охотники подвигались однакоже впередъ даже и тогда, когда изъ англійскихъ траншей взвилась сигнальная ракета, а за тѣмъ по всей линіи затрещалъ батальный огонь. Въ это время къ отряду прибѣжалъ унтеръ-офицеръ, посланный съ бастіона.

— Адмиралъ приказалъ сказать вашему благородію, насилу проговорилъ запыхавшійся посланный,—ой! молъ, не воротиться ли назадъ.

Наши прошли уже съ полверсты; возвращаться назадъ было жаль, тѣмъ болѣе, что усилившійся снѣгъ сталъ скрывать насъ отъ непріятеля и во всемъ отрядѣ не было еще ни одного раненаго.

— Скажи его превосходительству, отвѣчалъ лейтенантъ *Бирюлевъ* посланному, что у насъ пока все благополучно, а что молодцы молъ впередъ просятся. Такъ ли, братцы? заключилъ онъ, обращаясь къ солдатамъ.

— Точно такъ! отвѣчало нѣсколько голосовъ.

Охотники подвигались все ближе и ближе къ ложементамъ. Потерялъ ли непріятель ихъ изъ виду за снѣгомъ или собиралъ войска, только вдругъ все замолкло и водворилась могильная тишина, отъ которой становилось болѣе жутко, чѣмъ отъ ружейной трескотни. Наконецъ, подойдя къ подошвѣ горы, на которой были расположены ложементы, отрядъ остановился. Снявъ снова фуражки и трижды перекрестившись, солдаты стали взбираться на гору.

— Кто идетъ? (Qui vive?) окликнулъ французскій часовой нашихъ охотниковъ, когда они находились шагахъ въ пятидесяти отъ ложементовъ.

Отвѣта не было. Часовой повторилъ вопросъ, но солдаты двигались молча.

— Кто идетъ? спросилъ часовой въ третій разъ.

— Русскіе, отвѣтилъ лейтенантъ *Бирюлевъ* и крикнулъ ура!

— Впередъ ребята, въ штыки, крикнули офицеры, бывшіе съ охотниками, и наши съ размаху врѣзались въ ложементы. Непріятель, оставивъ на мѣстѣ восемнадцать тѣлъ, отступилъ въ свои траншеи. Наши бросились за нимъ и пошла потѣха. Изъ первой траншеи, по пятамъ французовъ, охотники пробрались во вторую и только слышно было, какъ скрещивались штыки, да ломались приклады...

Пока въ траншеяхъ длился бой, ложементы были приспособлены для дѣйствія противъ непріятеля. Цѣль вылазки достигнута, и потому нашимъ приказано отступить изъ траншей и занять ложементы. При отступленіи французы насѣли на охотниковъ и вмѣстѣ съ ними ворвались въ ложементы, тогда наши снова рванулись впередъ и прогнали ихъ въ траншеи. Въ это время лейтенантъ *Бирюлевъ* подвергся опасности быть убитымъ: нѣсколько человѣкъ непріятельскихъ стрѣлковъ прицѣлились въ него на самомъ близкомъ разстояніи. Замѣтивъ это, матросъ *Шевченко*, бывшій ординарцемъ у *Бирюлева* и постоянный спутникъ его на всѣхъ вылазкахъ, перекрестился, кинулся впередъ и заслонилъ начальника своею грудью. Пораженный нѣсколькими пулями, онъ упалъ, не сказавъ ни слова. Лейтенантъ *Бирюлевъ* бросился къ *Шевченко*, но онъ былъ мертвъ.

— Не время теперь, ваше благородіе, останавливаться, сказалъ лейтенанту матросъ *Болотниковъ*; наши молодцы въ третью траншею прочесались, какъ бы бѣды не вышло.

Бирюлевъ бросился впередъ и приказалъ отступить. Охотники отступали въ порядкѣ; французы преслѣдовали. Для отраженія ихъ наши нѣсколько разъ переходили въ наступленіе и съ крикомъ ура! снова врывались въ траншеи, заваленныя непріятельскими тѣлами. Видя однако же, что къ непріятелю подошли подкрѣпленія, лейтенантъ *Бирюлевъ* рѣшился прекратить схватку и приказалъ отступить къ городу. Охотники стали уже спускаться съ горы, какъ

къ *Бирюлеву* подошелъ одинъ изъ пѣхотныхъ унтеръ-офицеровъ.

— Не ладно, ваше благородіе, сказалъ онъ, кажись кто-то изъ нашихъ остался въ непріятельской траншеѣ, слышно по нашему ругается, выручить слѣдуетъ!

— Разумѣется слѣдуетъ, отвѣчалъ *Бирюлевъ*.

Бросившись въ шестой разъ въ траншею, охотники выручили своего и отступили къ 3-му бастіону, захвативъ въ плѣнъ двухъ офицеровъ и 7 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Наша потеря состояла въ этотъ день изъ одного убитаго офицера, прапорщика *Кондратьева* и нижнихъ чиновъ 3 убитыхъ и 34 раненыхъ. Въ числѣ убитыхъ стояло и славное имя матроса *Шевченко*. Разсказъ о его подвигѣ и самоотверженіи быстро облетѣлъ по севастопольскому гарнизону и имя его осталось на всегда памятнымъ русскому народу.

«Товарищи! писалъ главнокомандующій князь *Меншиковъ* въ приказѣ по войскамъ. Каждый день вы являете себя истинно храбрыми и стойкими русскими воинами; каждый день поступки ваши заслуживаютъ и полнаго уваженія, и удивленія; говорить о каждомъ отдѣльно, было бы невозможно, но есть доблести, которыя должны на всегда остаться въ памяти нашей, и съ этой цѣлію я объявляю вамъ:

«30-го флотскаго экипажа, матросъ Игнатій *Шевченко*, находившійся, во всѣхъ вылазкахъ, около лейтенанта *Бирюлева*, явилъ особенный примѣръ храбрости и самоотверженія въ вылазкѣ, бывшей на 20-е января. Когда молодцы наши штыками вытѣснили уже непріятеля изъ траншей, пятнадцать человѣкъ французовъ, отступая, прицѣлились въ лейтенанта *Бирюлева* и его спутниковъ; *Шевченко* первый замѣтилъ, какой опасности подвергается его начальникъ, перекрестясь, кинулся къ нему, заслонилъ его и молодецкою своею грудью принялъ пулю, которая неминуемо должна была поразить лейтенанта *Бирюлева*. *Шевченко* упалъ на мѣстѣ, какъ истинно-храбрый воинъ, какъ праведникъ.

«Сдѣлавъ распоряженіе объ отысканіи его семейства, которое имѣетъ все право воспользоваться щедротами Всемилостивѣйшаго Государя нашего, я спѣшу, мои любезные

товарищи, сообщить вамъ объ этомъ, поздравить васъ, что вы имѣли въ рядахъ своихъ товарища, которымъ должны вполнѣ гордиться».

Вылазки, устройство ложементовъ и подземныя работы впереди четвертаго бастіона остановили работы союзниковъ.

Напрасно непріятель истощалъ на землѣ и подъ землею всѣ средства осады и всѣ усилія ума человѣческаго. Всѣ его труды уничтожались неутомимою дѣятельностію нашего славнаго инженера штабсъ-капитана *Мельникова*, не даромъ прозваннаго *оберъ-кротомъ Севастополя*. День и ночь сидѣлъ *Мельниковъ* подъ землею, жилъ въ духотѣ, сырости, безъ сна, но зорко слѣдилъ, чутко прислушивался къ подземнымъ работамъ непріятеля. Какъ только непріятель своею подземною галлереею приближался къ четвертому бастіону, *Мельниковъ* спускался ниже, подкапывался подъ непріятеля и взрывалъ его на воздухъ. Долго боролись оба противника, наконецъ союзники должны были сознаться, что не перехитрить имъ нашего *крота*, не пересилить его неусыпной дѣятельности.

Огромныя затрудненія въ приближеніи къ четвертому бастіону заставили союзниковъ предпринять новую атаку противъ Малахова кургана. Мѣстность отъ Малахова кургана шла къ сторонѣ непріятеля понижаясь, до небольшаго изволока, отъ котораго опять, возвышаясь, заканчивалась небольшимъ пригоркомъ или курганомъ. Французы думали занять этотъ курганъ, построить на немъ свои батареи и, при содѣйствіи ихъ, вести свою осаду и подступы на Малаховъ курганъ.

Предвидя такое намѣреніе непріятеля, завѣдывавшій всѣми укрѣпленіями, инженеръ-полковникъ *Тотлебенъ*, составилъ смѣлый и рѣшительный планъ, небывалый въ лѣтописяхъ прежде бывшихъ осадъ. Обороняющійся сталъ дѣйствовать наступательно. Мы положили предупредить непріятеля, занять пригорокъ и близъ лежавшія около него высоты и тѣмъ отдалить работы союзниковъ отъ Малахова кургана.

Для исполненія этого важнаго предпріятія, избрана была

ночь съ 9-го на 10-е февраля. Для постройки укрѣпленія былъ назначенъ Волынскій полкъ и три батальона Селенгинскаго полка. При батальонахъ Селенгинскаго полка находился лихой командиръ ихъ полка, полковникъ *Сабашинскій*.

Общее начальство надъ отрядомъ было ввѣрено начальнику 1-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіору Александру Петровичу *Хрущеву*, человѣку испытанной храбрости и хладнокровной распорядительности. Александръ Петровичъ давно выказалъ свои блестящія военныя дарованія и былъ всегда тамъ, гдѣ труднѣе и опаснѣе. Человѣкъ до чрезвычайности скромный, онъ никогда не напрашивался ни на какой подвигъ, но за то, какъ бы трудно и опасно ни было назначеніе, онъ никогда отъ него не отказывался.

— Я приму на себя исполнить то или другое предположеніе, говорилъ въ такихъ случаяхъ Александръ Петровичъ, только позвольте мнѣ познакомиться съ мѣстностью, дайте оглядѣться и сообразиться съ обстоятельствами.

Эта необыкновенная скромность и добросовѣстность, привычка обсудить предпріятіе со всѣхъ сторонъ, доставили Александру Петровичу ту скромную, но завидную репутацію, съ которою онъ вышелъ изъ Севастополя. Про генерала *Хрущева* говорили не много: говорили, что, командуя много разъ отдѣльными отрядами и въ самыхъ трудныхъ случаяхъ, онъ не проигралъ ни одного сраженія съ непріятелемъ, а, напротивъ того, всегда выходилъ побѣдителемъ.

Этотъ высоколестный отзывъ вполнѣ соотвѣтствовалъ заслугамъ и достоинствамъ Александра Петровича. Краткость характеристики генерала вполнѣ соотвѣтствовала той скромности и молчаливости, которыя всегда сохранялъ *А. П. Хрущевъ* относительно своихъ заслугъ и своей дѣятельности.

Александръ Петровичъ никогда не говорилъ, а всѣ знали, что, при отступленіи арміи послѣ альмскаго сраженія, онъ одинъ съ своимъ полкомъ прикрывалъ ее отступленіе, шелъ сзади всѣхъ и былъ всегда готовъ принять на себя врага, если бы онъ сталъ преслѣдовать нашу армію.

Всѣмъ извѣстно было, что, съ переходомъ союзниковъ на южную сторону Севастополя, *Хрущевъ* слѣдилъ за ними и произвелъ осмотръ праваго берега р. Черной; что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, съ октября по январь, онъ просидѣлъ съ своимъ полкомъ на четвертомъ бастіонѣ — мѣстѣ наиболѣе опасномъ въ Севастополѣ; что онъ пробылъ тамъ въ такое время, когда на небольшую площадку бастіона въ одну ночь падало до 700 непріятельскихъ бомбъ.

Всѣмъ были извѣстны подвиги *Хрущева*, но казалось, что только ему самому они не извѣстны—такъ велика скромность этого человѣка. Всѣ видѣли, однако же, достоинства Александра Петровича и пользовались ими, поручая ему исполненіе самыхъ важныхъ предпріятій. Къ числу такихъ принадлежитъ и ночь съ 9-го на 10-е февраля.

Къ вечеру 9-го февраля приготовлены были всѣ матеріалы, необходимые для постройки укрѣпленія, и на случай нападенія приказано пароходамъ «Владиміръ», «Херсонъ» и «Громоносецъ», расположиться такъ, чтобы они своими выстрѣлами могли поражать непріятеля.

Съ наступленіемъ сумерекъ, полковникъ *Тотлебенъ* съ штабсъ-капитаномъ *Тидебелемъ*, подъ прикрытіемъ секрета изъ пластуновъ, произвели разбивку укрѣпленія на одинъ батальонъ пѣхоты. Скоро, затѣмъ, подошелъ Волынскій полкъ, назначенный въ прикрытіе, и батальоны Селенгинскаго полка—для работы.

Четвертый батальонъ Волынскаго полка, построившись въ ротныя колонны, разсыпалъ передъ собою стрѣлковую цѣпь, впереди которой, еще ближе къ непріятелю, залегли наши черноморскіе пластуны. За ротными колоннами стали три остальные батальона, одинъ правѣе, а два—лѣвѣе вновь строющагося укрѣпленія. Селенгинцы принялись за работу, имѣя при себѣ ружья, чтобы, въ случаѣ нападенія непріятеля, быть готовыми къ его отраженію. Одновременно съ этимъ, каждая рота Волынскаго полка, на томъ мѣстѣ гдѣ стояла, строила ложементъ на 25 человѣкъ стрѣлковъ.

Такимъ образомъ началась эта смѣлая работа, въ глазахъ непріятеля, не далѣе какъ на ружейный выстрѣлъ

отъ него. Не смотря на каменистый грунтъ, постройка укрѣпленій производилась такъ успѣшно, что непріятель замѣтилъ нашу работу только съ разсвѣтомъ, тогда, когда рабочіе были защищены уже отъ его огня.

Дружно работали селенгинцы и волынцы, ожидая ежеминутнаго нападенія. Укрѣпленіе строилось на каменистомъ грунтѣ, едва прикрытомъ тонкимъ слоемъ земли. Почти вся работа производилась кирками; искры летѣли отъ усиленныхъ ударовъ о каменистый грунтъ, но безъ этого ничего нельзя было сдѣлать. Ни стукъ инструментовъ, ни появленіе предательскихъ искръ не пробудили непріятеля. Всѣ думали, что если непріятель не обращалъ вниманія на нашу работу ночью, то съ наступленіемъ утра онъ окреститъ вновь родившееся укрѣпленіе цѣлою тучею свинца и чугуна, но и эти предположенія оказались не вѣрными. Правда, непріятель завязалъ перестрѣлку съ нашими стрѣлками въ ложементахъ, но перестрѣлка эти была незначительна и производилась весьма вяло.

Вновь построенное укрѣпленіе названо *Селенгинскимъ редутомъ* и въ немъ оставлены были три роты этого полка. Остальныя войска отведены частію къ бухтѣ, частію на второй бастіонъ. Къ вечеру, 11-го февраля, пришли къ редуту тѣ же самыя войска, какія были наканунѣ при его заложеніи, и стали: Волынскій полкъ въ прикрытіе, а селенгинцы для работъ. Впереди ихъ залегли пластуны черноморскаго пѣшаго казачьяго баталіова № 8-го, подъ командою эсаула *Даниленко*. Работа началась. Селенгинцы работали не переводя духа, желая къ утру привести укрѣпленіе къ концу. Съ вечера стояла прекрасная лунная ночь и весело трудились солдатики; офицеры разговаривали сидя въ кружкахъ и досадуя, что не велѣно разводить огни. Наступилъ второй часъ ночи; мѣсяцъ спрятался, стемнѣло и работать стало труднѣе. Вскорѣ темнота еще болѣе увеличилась отъ набѣжавшей тучки, совершенно застлавшей горизонтъ. Въ двухъ шагахъ нельзя было различить предметовъ.

Селенгинцы трудились до кроваваго пота; впереди, въ непріятельскихъ траншеяхъ, слышна была усиленная ра-

бота, но и та къ полуночи прекратилась. Казалось, все успокоилось, «не только вся окрестная природа, но и самые люди, враждою сюда созванные изъ далекихъ странъ. Ночная тишина прерывалась выстрѣломъ одного изъ послѣднихъ нумеровъ нашихъ батарей, еще отдаленнѣйшимъ взрывомъ бомбы, говоромъ работавшихъ въ редутѣ, смѣшаннымъ съ шумомъ ихъ инструмента, гуломъ паденія подброшенной земли, да звонкимъ хохотомъ веселаго солдатика, вызваннымъ какою нибудь незамысловатою шуткою его товарища....»

Французы, рѣшившіеся во что бы то ни стало уничтожить нашу работу, собрали въ своихъ траншеяхъ пять батальоновъ лучшихъ своихъ войскъ и 90 охотниковъ, вызванныхъ изъ всей французской арміи. Позади этихъ войскъ стояла цѣлая англійская дивизія и рабочіе, готовые, въ случаѣ успѣха, уничтожить наши работы. Около двухъ часовъ ночи французы быстро и въ безмолвіи бросились на нашихъ пластуновъ и успѣли многихъ изъ нихъ вырѣзать. Самъ сотникъ *Даниленко* былъ окруженъ и схваченъ зуавами.

— Я и шашки *вытягнуть* не успѣлъ, говорилъ потомъ *Даниленко*, сорвали ее съ меня, отбросили, за горло хватили и тянутъ; я упираюсь, борюсь, кликнуть некого.... Приколоть то, бачите, имъ нечѣмъ меня, одинъ меня за горло держитъ, а я его одной рукой схватилъ за ружье, другою рукою держу другаго за грудь, а прежде еще вышибъ изъ рукъ ружье.... Онъ рвется у меня къ ружью своему, а я ихъ обоихъ подтягиваю къ шашкѣ, зная, гдѣ они ее бросили; вотъ и возимся.... Тутъ то я вспомнилъ, что при мнѣ кинжалъ. Я какъ брошу того, котораго за грудки держалъ, тотъ полетѣлъ, а я выдернулъ кинжалъ, да и въ брюхо тому, что меня за горло держалъ.... онъ такъ и *затрепетався*.... А тотъ другой бѣжалъ отъ меня и ружье забылъ!... Чуть стало свѣтать, говорю своимъ: глядите, нѣтъ шашки! Ступайте, чтобы була, а то и служить не хочу, если не будетъ моей шашки! Ребята нашли и принесли.

Пока возился *Даниленко* съ зуавами, французы бѣжали мимо его цѣлыми толпами и атаковали нашихъ рабочихъ.

Съ первымъ выстрѣломъ въ цѣпи, генералъ *Хрущевъ* приказалъ зажечь фальшфейеръ—сигналъ тревоги—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, построилъ Волынскій полкъ лѣвѣе редута. По приказанію инженеръ штабсъ-капитана *Гидебеля*, работавшіе въ укрѣпленіи селенгинцы разобрали ружья и стали за валомъ въ ожиданіи непріятеля. Правѣе редута сталъ полковникъ *Сабашинскій* съ батальономъ селенгинцевъ, работавшимъ во рву. Построившись вогнутымъ фронтомъ, волынцы молча бросились въ штыки. Въ темнотѣ ночи закипѣлъ ожесточенный бой. Небольшое пространство, на которомъ боролись противники, освѣщалось на мгновеніе ружейными выстрѣлами, но затѣмъ тотчасъ же погружалось въ еще большій мракъ; только звукъ оружія, крики «ура!» и возгласы непріятеля указывали мѣсто побоища. Самъ генералъ *Хрущевъ* былъ окруженъ непріятелемъ; одинъ изъ зуавскихъ офицеровъ бросился съ обнаженною саблею на генерала, но полковой горнистъ *Павловъ* выбилъ саблю изъ рукъ офицера, а рядовой *Бѣлоусовъ* закололъ его. Завязалась всеобщая свалка. Волынцы смѣшались съ французами, французы съ нашими. Тамъ французы звали къ себѣ на помощь; здѣсь громко раздавалось: «ребята, сюда!» Повсюду происходила самая жестокая схватка: рѣзались, кололись, стрѣляли въ упоръ, съ трудомъ отличая въ потьмахъ другъ друга. Вдругъ надъ головами волынцевъ и селенгинцевъ пронеслись цѣлые десятки свѣтящихся ядеръ съ нашихъ батарей. Упавъ на землю, они освѣтили окрестность—и враги взглянули въ лицо другъ другу. Пользуясь этимъ временнымъ свѣтомъ, наши батареи открыли частый огонь по наступавшему непріятелю. Цѣлый градъ снарядовъ и бомбъ сыпался на французовъ съ Малахова кургана и сосѣднихъ батарей. Пароходы «Владиміръ», «Громоносецъ» и «Херсонесъ» извергали потоки чугуна, опустошавшаго ряды наступающаго непріятеля.

Презирая смерть, французы смѣло шли въ атаку на свернувшихся въ колонны неподвижныхъ волынцевъ. Ба-

тальонъ за батальономъ, какъ волна за волной, напирали они на несокрушимую скалу штыковъ храбраго полка, молчаливо отражавшаго всѣ удары. Среди сильнаго огня, порой все озарявшаго, можно было отличить массы сражавшихся. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ видны были двѣ чернѣвшіяся стѣны, напиравшія одна на другую, сталкивавшіяся и смѣшивавшіяся. Крики каждой толпы, набѣгавшей впередъ, при каждомъ наступленіи были полны воодушевленія, но потомъ ослаблялись и покрывались, наконецъ, стонами и болѣзненными возгласами раненыхъ.

Синіе мундиры французовъ замѣтно отдѣлялись отъ нашихъ сѣрыхъ шинелей. Видимо рѣдѣли ихъ стѣны, колебались, сгущались, бросались впередъ, и, въ слѣдъ затѣмъ, громче и сильнѣе раздавалось русское «ура»! отъ котораго устоять врагу было невозможно — и французы отступали.

Одновременно съ этимъ, другая непріятельская колонна, съ охотниками впереди, бросилась на редутъ, казавшійся имъ издали небольшимъ и только что начатымъ укрѣпленьицемъ. Подойдя къ нему ближе, они увидѣли свою ошибку. Вмѣсто начатаго небольшаго укрѣпленія, они нашли передъ нимъ ровъ, глубиною аршина въ два, а шириною въ сажень; нашли довольно высокую насыпь, изъ за которой посыпались на нихъ цѣлыя тучи пуль селенгинцевъ, стоявшихъ въ укрѣпленіи. Съ горяча непріятель бросился въ ровъ, и смѣльчаки полѣзли на брустверъ, хватаясь за туры, еще не насыпанные землею; многіе скатывались вмѣстѣ съ ними въ ровъ, другіе кое какъ взбирались на валъ. Первымъ взобрался на валъ командиръ охотниковъ, но былъ поднятъ на штыки. За нимъ взбирался другой офицеръ. Онъ чувствовалъ, что ему помогаютъ въ этомъ трудномъ дѣлѣ, но въ слѣдъ затѣмъ кто-то схватилъ его за воротъ, вышибъ саблю и потащилъ въ глубь укрѣпленія. За офицеромъ лѣзло много солдатъ, но всѣ они или были взяты въ плѣнъ, или сброшены штыками въ ровъ, гдѣ нашли себѣ могилу.

Видя разстройство непріятеля, генералъ *Хрущевъ* приказалъ ударить сборъ — и заколыхалась неподвижная дотолѣ стѣна волынцевъ. Съ барабаннымъ боемъ кинулись

наши батальоны на встрѣчу свѣжимъ силамъ союзниковъ, спѣшившимъ на помощь къ своимъ. Дружный ударъ въ штыки сломилъ непріятеля. Французы стали отступать. Волынцы очутились съ боку и въ тылу непріятельской колонны охотниковъ, атаковавшей редутъ. Боясь быть отрѣзанною, колонна эта быстро отошла назадъ и попала подъ выстрѣлы нашихъ батарей. Полковникъ *Сабашинскій*, во главѣ батальона своихъ селенгинцевъ, двинулся впередъ, встрѣтилъ на пути новую колонну непріятеля, спѣшившую на помощь къ бывшей у редута, и однимъ ударомъ сбросилъ ее въ лощину подъ выстрѣлы нашей артиллеріи.

Французы отступали по всей линіи. Пытаясь нѣсколько разъ остановить натискъ волынцевъ и селенгинцевъ, но каждый разъ опрокидываемый ими, онъ скрылся въ своихъ траншеяхъ. Пораженіе непріятеля было полное. Успѣхомъ въ этомъ мы обязаны хладнокровной распорядительности генерала *Хрущева*, храбрости полковника *Сабашинскаго* и необыкновенной стойкости солдатъ Волынскаго и Селенгинскаго полковъ.

Черезъ часъ послѣ перваго выстрѣла, сраженіе было кончено; потерпѣвшій пораженіе непріятель не сдѣлалъ потомъ ни одного выстрѣла. Волынцы отошли на прежнее мѣсто, селенгинцы — въ редутъ доканчивать начатую работу. Не тишина, а всеобщій говоръ сопровождали работы. Въ иномъ мѣстѣ работавшіе разсказывали другъ другу случаи изъ недавней встрѣчи съ непріятелемъ, въ другомъ громко смѣялись надъ солдатикомъ, нарядившимся въ французскую аммуницію, тамъ, по склону насыпи и во рву, убирали тѣла убитыхъ, подбирали раненыхъ, или разсматривали непріятельскій штуцеръ, доставшійся въ добычу побѣдителямъ.

Разсвѣтало. Утренняя заря освѣтила кровавое поле ночнаго побоища, на которомъ лежало болѣе ста непріятельскихъ труповъ и шестьдесятъ пять нашихъ. Всѣ они были собраны и похоронены нами съ особою церемоніею. Французовъ хоронили особо отъ нашихъ. Немного ниже редута, рядами сложены были убитые обѣихъ сторонъ. Въ головахъ у русскихъ теплились восковыя свѣчи, приткну-

тыя къ землѣ. Почетный караулъ, поставленный при тѣлахъ убитыхъ, отдалъ имъ послѣднюю воинскую почесть. Печальный религіозный обрядъ совершился. Сослуживцы со слезами попрощались съ товарищами. Залпъ изъ ружей, какъ послѣдній привѣтъ героямъ, смѣшался съ криками, слышными у подошвы горы недалеко отъ бухты. Тамъ остатки храбраго Волынскаго полка привѣтствовали прибывшихъ къ нимъ дорогихъ гостей, двухъ Великихъ Князей *Николая и Михаила Николаевичей.*

По всему склону горы въ живописныхъ группахъ отдыхали участники славнаго ночнаго дѣла. Кто чистилъ ружье, кто утолялъ голодъ, кто перевязывалъ рану себѣ или товарищу, а кто и просто сидѣлъ, да подшучивалъ надъ товарищами. При посѣщеніи дорогихъ гостей все это смѣшалось, все зашевелилось. Великій Князь *Николай Николаевичъ* отъ имени Государя Императора благодарилъ храбрыхъ за совершенный ими подвигъ. Громкое «ура!» было отвѣтомъ на эти слова. Въ это время адъютантъ главнокомандующаго князя *Меншикова* привезъ георгіевскіе кресты отличившимся. Великій Князь собственноручно вручилъ ихъ нѣкоторымъ изъ нижнихъ чиновъ. Восторгу волынцевъ не было предѣловъ; громкое «ура»! сопровождало Великихъ Князей до самой шлюпки, въ которую они сѣли, чтобы отправиться въ городъ на перевязочный пунктъ, а оттуда на сѣверную, гдѣ Великій Князь *Николай Николаевичъ* завѣдывалъ всѣми работами по постройкѣ укрѣпленій, а Великій Князь *Михаилъ Николаевичъ* вооруженіемъ ихъ артиллеріею.

Едва только Селенгинскій редутъ приведенъ былъ къ окончанію, какъ союзники были удивлены еще болѣе смѣлою новою постройкою. Въ ста саженяхъ впереди и лѣвѣе Селенгинскаго редута и только въ 300 саженяхъ отъ непріятельскихъ подступовъ, явился утромъ, 17-го февраля, новый редутъ, названный *Волынскимъ.*

Французы не отваживались теперь дѣлать на него нападенія, а ограничивались только ружейною перестрѣлкою, которую вели съ нашими стрѣлками, залегшими въ ложементахъ.

Въ ночь съ 26-го на 27-е февраля, саженяхъ въ двухстахъ впереди и нѣсколько лѣвѣе Малахова кургана, было заложено, на холмѣ, еще третье укрѣпленіе, названное *Камчатскимъ люнетомъ*.

Въ это время въ Севастополѣ было получено горестное извѣстіе о кончинѣ Императора Николая I-го, а въ слѣдъ затѣмъ послѣдовало и назначеніе новаго главнокомандующаго. Вмѣсто князя *Меншикова*, уволеннаго по разстроенному здоровью, главнокомандующимъ въ Крыму былъ назначенъ генералъ-адъютантъ, генералъ отъ артиллеріи князь *Горчаковъ 2-й*.

Князь Михаилъ Дмитріевичъ *Горчаковъ* представлялъ рѣдкій примѣръ человѣка, одареннаго самыми возвышенными душевными качествами, посвятившаго всего себя на службу Государю и отечеству. Горячо, очень горячо любя Россію, князь Михаилъ Дмитріевичъ готовъ былъ не только руку свою положить на огонь за отечество, а самъ кинулся бы въ пламя, если бы только зналъ, что это принесетъ какую-либо пользу для государства. Самоотверженіе князя было всегда отличительною его чертою: когда Михаилъ Дмитріевичъ узналъ о затруднительномъ положеніи, въ которомъ находилась малочисленная наша армія въ Крыму, онъ тотчасъ же, не ожидая ни чьихъ приказаній, послалъ ей на помощь часть войскъ своихъ изъ придунайскихъ княжествъ, не смотря на то, что самъ могъ быть атакованъ многочисленнѣйшимъ непріятелемъ. *Меншиковъ*, получивъ извѣстіе о присылкѣ подкрѣпленій, благодарилъ князя и говорилъ, что Россія никогда не забудетъ его горячей любви къ отечеству и личнаго самоотверженія. Честность, откровенность, прямота и безкорытіе князя Михаила Дмитріевича были безпредѣльны. Войска знали это и называли его *честнымъ* княземъ.

Ненавидя всякаго рода ложь и неестественность, князь *Горчаковъ* былъ простъ въ обращеніи, не заискивалъ въ солдатахъ, но за то заботился о нихъ денно и ночно. Солдаты любили храбраго русскаго князя и довѣрчиво слѣдовали за нимъ. Во время сраженія они видѣли князя впереди всѣхъ, знали, что самый храбрый изъ нихъ не могъ

сравняться съ своимъ предводителемъ въ томъ холодномъ и презрительномъ пренебреженіи къ смерти, которое онъ высказывалъ въ самыхъ отчаянныхъ битвахъ. Князь *Горчаковъ* никогда не думалъ о себѣ, ни во время войны, ни во время мира. Отдавъ себя на служеніе Государю и отечеству, онъ работалъ самъ безъ устали и не давалъ отдыха другимъ: по его мнѣнію, нельзя было отдыхать, пока остается еще хотя что нибудь не исполненнымъ.

Князь Михаилъ Дмитріевичъ былъ назначенъ главнокомандующимъ крымскою арміею въ самое тяжелое, безвыходное положеніе Севастополя и крымской арміи. Большая часть лучшихъ и ближайшихъ подкрѣпленій была истощена, атакующіе перенесли самое тяжелое время, стали отогрѣваться на весеннемъ солнышкѣ, и, наученные опытомъ, сдѣлались вдвое сильнѣе и обезпеченнѣе прежняго. При такихъ обстоятельствахъ, все, что человѣчески возможно было сдѣлать, для спасенія чести и славы нашего оружія, было сдѣлано. Главнокомандующій дѣятельно хлопоталъ объ улучшеніи быта ввѣренной ему арміи, объ увеличеніи запасовъ продовольствія, артиллерійскихъ припасовъ, о заготовленіи ружейныхъ патроновъ и, наконецъ, съумѣлъ найти средства къ тому, чтобы увеличить содержаніе офицерамъ. Позднѣйшее потомство, точно также какъ и современники, съ глубокимъ уваженіемъ преклонятся предъ скромной могилой князя въ Севастополѣ и всегда сохранятъ благодарность за безупречную дѣятельность и пользу, принесенную княземъ М. Д. *Горчаковымъ* нашему отечеству.

VIII.

Отъѣздъ князя Меншикова и его приказъ по войскамъ.—Приказъ адмирала Нахимова по севастопольскому гарнизону. — Бой въ ложементахъ 5-го марта.—Смерть контръ-адмирала Истомина.—Бой въ апрошахъ въ ночь съ 10 на 11 марта.—Генералъ Хрулевъ.—Монахъ Іоаникій Савиновъ.

Князь М. Д. *Горчаковъ* пріѣхалъ въ Севастополь, когда *Меншикова* уже тамъ не было. Уѣзжая изъ Крыма и поручивъ

временное начальство надъ войсками генералъ-адъютанту барону *Остенъ-Сакену 1-му*, князь *Меншиковъ* передалъ войскамъ благословеніе Императора Александра II-го на новые геройскіе подвиги, которыми такъ обильна была предъидущая оборона славнаго города.

«Государь Императоръ, писалъ онъ въ приказѣ по войскамъ отъ 28-го февраля 1855 года, въ милостивомъ вниманіи къ совершенно разстроенному моему здоровью, Высочайше слагая съ меня обязанности по командованію войсками въ Крыму и по званію начальника главнаго морскаго штаба, на мнѣ лежавшія, при вступленіи Своемъ на престолъ, 18-го числа сего февраля, удостоилъ меня отъ 19-го сего же мѣсяца Монаршимъ рескриптомъ, въ которомъ, между прочимъ, изображено нижеслѣдующее:

«Въ общей глубокой горести о кончинѣ Нашего Благодѣтеля, да будетъ намъ утѣшеніемъ истинно русская храбрость, съ которою ввѣренныя вамъ войска встрѣтили непріятеля и противодѣйствуютъ его покушеніямъ.

«Поблагодарите отъ меня всѣхъ доблестныхъ защитниковъ Севастополя за блистательные подвиги, коими они украсили наши военныя лѣтописи; перешедшій въ жизнь вѣчную, Царственный вождь Православнаго воинства, благославляетъ свыше ихъ стойкость и безпримѣрную неустрашимость».

«Товарищи! что могу еще сказать послѣ двухъ Царственныхъ благословеній вамъ на вѣрную и честную службу Престолу и Отечеству?

«Тяжкими недугами разлученный съ вами, мнѣ остается только искренно поблагодарить всѣхъ и каждаго изъ моихъ морскихъ и сухопутныхъ войскъ, сотрудниковъ отъ генерала до рядоваго, за неоднократное доставленное мнѣ счастіе передавать имъ «Царское спасибо», и покидая, по необходимости, ряды доблестнаго воинства, я утѣшаюсь убѣжденіемъ, что, удостоенное прежде, оно не перестанетъ и впредь заслуживать Монаршее одобреніе, радуя нашего Царя успѣхами защиты православнаго дѣла.

«Товарищи! прощайте! Господь да помогаетъ вамъ!»

И стали товарищи-богатыри радовать Царя пуще преж-

няго, такъ что начальству приходилось останавливать излишнюю отвагу севастопольскаго гарнизона. Павелъ Степановичъ *Нахимовъ*, бывшій въ то время начальникомъ севастопольскаго гарнизона, самъ никогда не щадившій собственной жизни, неусыпно наблюдалъ, чтобы люди не подвергали себя опасности безъ особенной надобности. Видя, что многіе выказываютъ излишнюю храбрость, онъ просилъ своихъ подчиненныхъ сохранить ее для болѣе важныхъ случаевъ обороны. Въ приказѣ по севастопольскому гарнизону, 2-го марта, *П. С. Нахимовъ* писалъ:

«Усилія, употребленныя непріятелемъ противу Севастополя 5-го октября и въ послѣдующіе затѣмъ дни, даютъ основательный поводъ думать, что, рѣшившись продолжать осаду, враги наши разсчитываютъ на средства еще болѣе громадныя; но теперь шестимѣсячные труды по укрѣпленію Севастополя приходятъ къ концу; средства обороны нашей почти утроились, и потому, кто изъ насъ, вѣрующихъ въ правосудіе Божіе, усомнится въ торжествѣ надъ дерзкими помыслами непріятеля. Но разрушить ихъ, при большой потери съ своей стороны, не есть еще полное торжество, и потому то я считаю долгомъ напомнить всѣмъ начальникамъ священную обязанность, на нихъ лежащую, именно, предварительно озаботиться, чтобы при открытіи огня съ непріятельскихъ батарей не было ни одного лишняго человѣка не только въ открытыхъ мѣстностяхъ и безъ дѣла, но даже прислуга у орудій и число людей, для неразлучныхъ съ боемъ работъ, были ограничены крайнею необходимостью; заботливый офицеръ, пользуясь обстоятельствами, всегда отыщетъ средство сдѣлать экономію въ людяхъ и тѣмъ уменьшитъ число подвергавшихся опасности. Любопытство, свойственное отвагѣ, одушевляющей доблестный гарнизонъ Севастополя, въ особенности не должно быть допущено частными начальниками; пусть каждый будетъ увѣренъ въ результатѣ боя и спокойно остается на указанномъ ему мѣстѣ; это въ особенности относится къ гг. офицерамъ. Я надѣюсь, что гг. дистанціонные и отдѣльные начальники войскъ обратятъ полное вниманіе на этотъ предметъ и раздѣлятъ своихъ офицеровъ на очереди,

приказавъ свободнымъ находиться подъ блиндажами и въ закрытыхъ мѣстахъ; при этомъ прошу внушить имъ, что жизнь каждаго изъ нихъ принадлежитъ отечеству, и что не удальство, а только истинная храбрость приноситъ пользу ему и честь умѣющему отличить ее въ своихъ поступкахъ отъ первой.

«Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы еще разъ повторить запрещеніе частой пальбы: кромѣ невѣрности выстрѣловъ, естественнаго слѣдствія торопливости, трата пороха и снарядовъ составляетъ такой важный предметъ, что никакая храбрость, никакая заслуга не должны оправдать офицера, допустившаго ее. Заботливость о сохраненіи города, ввѣреннаго Государемъ нашей чести, пусть будетъ ручательствомъ за мѣткость и хладнокровіе нашихъ молодцовъ-артиллеристовъ. Приказъ сей прошу гг. дистанціонныхъ и отдѣльныхъ начальниковъ войскъ прочесть при собраніи всѣхъ гг. офицеровъ».

Между тѣмъ, работа на Камчатскомъ люнетѣ дѣятельно производилась. Люнетъ-выскочка росъ не по днямъ, а по часамъ, на радость родителямъ своимъ—егерямъ Камчатскаго полка, къ досадѣ и огорченію союзнаго врага. Далеко выдался онъ отъ боевой ограды Севастополя—и разобщилъ работы вражіи. Непріятель ощущалъ большую непріятность отъ близкаго присутствія такого сосѣда. Онъ обратилъ весь огонь своей артиллеріи на Камчатскій люнетъ и на двухъ его сосѣдей, Волынскій и Селенгинскій редуты. Сердито огрызалась эта троица отъ сильнаго врага, и останавливала его работы на столько, что союзники туго подвигались впередъ. Нѣсколько разъ пытались они овладѣть впереди лежавшими передъ Камчатскимъ люнетомъ ложементами, но каждый разъ были вытѣсняемы съ большимъ урономъ ротами Якутскаго, Томскаго и Волынскаго полковъ. Случалось, что наши, преслѣдуя по пятамъ непріятеля, врывались въ его траншеи и завязывали тамъ упорный рукопашный бой. Такимъ наиболѣе характеристичнымъ случаемъ былъ бой 5-го марта. Лишь только наступили сумерки и ночная цѣпь наша заняла обычное мѣсто передъ вновь строившимся Камчатскимъ люнетомъ,

непріятель открылъ частый ружейный и артиллерійскій огонь, а потомъ, вдругъ прекративъ его, бросился тремя колоннами, обошедшими ложементъ съ тыла, но былъ встрѣченъ батальнымъ огнемъ солдатъ Якутскаго полка. Услышавъ первые выстрѣлы, генералъ *Хрулевъ* двинулъ три роты Волынскаго полка на встрѣчу французамъ. Отброшенные штыками на наши же укрѣпленія, французы попали на штыки якутцевъ. Непріятель спасался бѣгствомъ въ свои траншеи, изъ-за которыхъ и открылъ сильный ружейный огонь. Хотя побѣда осталась за нами, но генералъ *Хрулевъ*, слѣдившій опытнымъ глазомъ за всѣмъ происходящимъ, видѣлъ, что дѣло этимъ не кончится, что французы еще разъ попытаются атаковать насъ. Сильный ружейный огонь изъ-за траншей указывалъ, что за ними скрывается многочисленный непріятель, и потому генералъ *Хрулевъ*, въ ожиданіи новаго нападенія, приказалъ командиру Якутскаго полка, полковнику *Бялому*, вывести изъ люнета одинъ батальонъ и подкрѣпивъ его съ обѣихъ сторонъ двумя ротами Томскаго полка, быть готовымъ для встрѣчи непріятеля. Послѣдній не заставилъ себя долго ждать: новыя колонны его бросились съ барабаннымъ боемъ, но были встрѣчены штыками и снова прогнаны въ свои траншеи.

Видя, что открытою силою, простымъ нападеніемъ, невозможно отнять у насъ ложементы, французы рѣшились вести подступы противъ Камчатскаго люнета и, приближаясь постепенно своими траншеями, сначала овладѣть ложементами, а потомъ и самымъ люнетомъ. Съ этою цѣлію они открыли сильный огонь по Камчатскому люнету и Малахову кургану. Огонь этотъ, не прекращавшійся въ теченіе нѣсколькихъ дней, вырвалъ изъ рядовъ севастопольскаго гарнизона начальника 4-й оборонительной дистанціи, доблестнаго контръ-адмирала В. И. *Истомина*. Онъ былъ убитъ ядромъ въ голову, утромъ 7-го марта, при возвращеніи съ *Камчатки* на Малаховъ курганъ.

Со дня высадки союзниковъ въ Крыму, завѣдуя четвертою оборонительною дистанціею и помѣстившись на Ма-

лаховомъ курганѣ, Владиміръ Ивановичъ не зналъ ни отдыха, ни покоя. *Истоминъ* съ самаго начала осады и по день смерти, въ теченіе семи мѣсяцевъ, ни разу не раздѣвался, а если и ложился спать на нѣсколько часовъ, то дѣлалъ это только по необходимости, присущей человѣку. Безъ личнаго надзора адмирала, лопаты земли не было взброшено на Малаховомъ курганѣ, который былъ его кораблемъ, его домомъ, его любимымъ дѣтищемъ. Изъ Малахова кургана *Истоминъ* сдѣлалъ отдѣльную крѣпость, грозную для непріятеля.

Семь мѣсяцевъ сряду, по нѣскольку разъ въ день, онъ осматривалъ работы, ходилъ въ цѣпь и въ ложементы. Презрѣніе къ смерти составляло отличительную черту характера Владиміра Ивановича.

— Нашъ адмиралъ будто о семи головахъ, въ самый кипятокъ такъ и лѣзетъ, говорили малаховцы о своемъ начальникѣ.

Когда *Истомину* замѣчали объ опасности, которой онъ себя подвергаетъ, онъ отвѣчалъ: «я давно уже выписалъ себя въ расходъ и теперь живу на счетъ англичанъ и французовъ».

Презирая самъ всякую опасность, Владиміръ Ивановичъ наблюдалъ, однако же, затѣмъ, чтобы доставить возможныя удобства гарнизону, и, за нѣсколько часовъ до своей смерти, просилъ самымъ настойчивымъ образомъ о прибавкѣ носилокъ, для облегченія участи раненыхъ. Безстрашный подъ пулями, В. И. *Истоминъ* скорбѣлъ душевно, смотря какъ, за недостаткомъ носилокъ, таскали раненыхъ на ружьяхъ или просто за руки и за ноги. Стоны ихъ болѣзненно надрывали его доброе сердце.

Истоминъ погибъ, возвращаясь съ Камчатскаго люнета. Онъ шелъ не по траншеѣ, а по ея гребню. По одну сторону адмирала былъ капитанъ-лейтенантъ *Сенявинъ*, по другую—инженеръ *Сахаровъ*.

— Ваше превосходительство, сказалъ ему *Сенявинъ*, сойдите въ траншею, тутъ очень опасно идти.

— Э, батюшка, отвѣчалъ *Истоминъ*, все равно — отъ ядра не спрячешься.

Въ это мгновеніе ядро оторвало ему голову, костями которой были контужены оба офицера его сопровождавшіе; на шеѣ адмирала осталась только ленточка георгіевскаго креста, разлетѣвшагося въ дребезги. На слѣдующій день доблестнаго адмирала похоронили въ томъ же склепѣ, гдѣ лежали *Лазаревъ* и *Корниловъ*....

Мы хоронили *Истомина*, а непріятель громилъ по прежнему своими выстрѣлами его Малаховъ курганъ и *Камчатку*, какъ называли солдаты Камчатскій люнетъ. Подъ прикрытіемъ этого огня, французы начали вести свои подступы не далѣе какъ въ 40 саж. отъ нашихъ ложементовъ. Чтобы удалить непріятеля и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить его работы, рѣшено было, въ ночь съ 10-го на 11-е марта, произвести усиленную вылазку.

Въ составъ отряда назначено девять ([1]) батальоновъ, общее начальство надъ которыми принялъ генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ*, назначенный еще 4-го марта начальникомъ войскъ на корабельной сторонѣ и на передовыхъ позиціяхъ лѣваго фланга. Въ то же время контръ-адмиралъ *Панфиловъ* получилъ приказаніе, для развлеченія силъ непріятеля, отправить съ своего третьяго бастіона два отряда охотниковъ, для атаки англійскихъ траншей. Капитанъ 2-го ранга *Будищевъ* и лейтенантъ *Бирюлевъ* назначены начальниками этихъ отрядовъ. Извѣстіе о вылазкѣ, не смотря на желаніе сохранить его въ тайнѣ, скоро облетѣло весь севастопольскій гарнизонъ и было принято съ восторгомъ.

— Знаешь новость? спрашивали офицеры другъ у друга.

— Нѣтъ.

— Прикидываешься—дѣло секретное правда—но вѣрно знаешь.

— Нѣтъ, право не знаю.

— Сегодня большая вылазка.

— Будто?

— Съ Камчатки *Хрулевъ* пойдетъ.

([1]) Два батальона Камчатскаго полка, три батальона Днѣпровскаго, два Волынскаго, одинъ Углицкаго и одинъ составленный изъ моряковъ 35-го и 44-го экипажей.

— Господи помоги! Господи помоги! говорилъ каждый съ пожеланіемъ полнаго успѣха нашему оружію.

Стояли лунныя ночи, и потому приказано начать наступленіе не ранѣе 11 часовъ, когда скроется луна.

Въ восемь часовъ вечера стали собираться на Малаховомъ курганѣ люди, которые должны были идти въ головѣ отрядовъ и охотниковъ. Два батальона Камчатскаго полка залегли въ ложементахъ передъ люнетомъ того же имени; по бокамъ его расположились войска, назначенныя на вылазку: съ правой стороны люнета сталъ батальонъ Днѣпровскаго полка, два Волынскаго и одинъ Углицкаго полка, а съ лѣвой два батальона Днѣпровскаго полка. За войсками и правѣе Камчатскаго люнета сталъ батальонъ моряковъ 35-го и 44-го флотскихъ экипажей, предназначенныхъ для уничтоженія непріятельскихъ траншей.

Правый флангъ атаки порученъ былъ командовавшему Камчатскимъ полкомъ полковнику *Голеву*, а лѣвый, командовавшему Днѣпровскимъ полкомъ подполковнику *Радомскому*.

Личность Ивана Петровича *Голева* была одна изъ замѣчательнѣйшихъ при славной защитѣ Севастополя. Человѣкъ скромный и въ высшей степени честный, Иванъ Петровичъ, во все время своей боевой дѣятельности, вращался въ кипяткѣ, тамъ гдѣ было жарче. Одиннадцать ночей сряду, онъ воздвигалъ на страхъ врагамъ грозный Камчатскій люнетъ, и, какъ сейчасъ увидимъ, въ предстоящемъ ночномъ нападеніи былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ блестящей побѣды.

Въ девять часовъ вечера, войска были на своихъ мѣстахъ—и ожидали только приказанія начинать.

На небѣ свѣтила луна; подъ нею пробѣгали облака, тѣнь которыхъ разстилалась по землѣ черными полосами и пятнами, принимаемыми молодыми солдатиками за вражія колонны. Но вотъ двѣ тѣни принимаютъ видъ правильныхъ четыреугольниковъ и, приближаясь все ближе и ближе, открываютъ сильный ружейный огонь, въ слѣдствіе котораго наши стрѣлки должны были уступить свое мѣсто врагу вдвое сильнѣйшему. Цѣпь наша покинула переднюю

линію ложементовъ—французы заняли ихъ. Имѣя намѣреніе предупредить насъ и ожидая нашего нападенія, непріятель двинулъ впередъ значительные отряды. При первыхъ выстрѣлахъ генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ* прибылъ на мѣсто. Окинувъ взглядомъ окружающую мѣстность, онъ видѣлъ, что медлить нечего, что надо пользоваться случаемъ, пока французы не успѣли усилить себя свѣжими войсками, и что поэтому нечего ожидать наступленія темноты.

По данному сигналу два батальона Камчатскаго и два батальона Днѣпровскаго полковъ двинулись въ атаку. Едва только наши войска тронулись съ своихъ мѣстъ, какъ французы открыли сильный огонь изъ орудій и штуцеровъ.

— Вишь какъ строчатъ, говорили наши солдатики, подвигаясь впередъ.

Бросившись безъ выстрѣла въ штыки, камчатцы и днѣпровцы выгнали непріятеля изъ нашихъ ложементовъ, и на его плечахъ ворвались въ траншеи. По пятамъ за камчатцами и днѣпровцами шли моряки, которымъ было приказано разрушать непріятельскія работы. Клонившаяся къ горизонту луна освѣщала мѣсто кроваваго побоища. Стрѣльба изъ орудій и штуцеровъ, крики ура! и лясканье оружія—все смѣшивалось въ одинъ протяжный стонъ, покрывавшій всю окрестность.

— Гдѣ наши? раздался въ это время голосъ сзади одного изъ резервовъ.

Одинъ изъ участниковъ боя обернулся. Передъ нимъ стоялъ іеромонахъ Іоаникій *Савиновъ* или, какъ звали его солтады, Аника 3-й. Луна освѣщала блѣдное лицо его, на которомъ, впрочемъ, не было замѣтно ни страха, ни волненія; ого ь душевный отражался въ глазахъ его; на немъ была эпитрахиль, а въ рукахъ держалъ онъ крестъ.

— Гдѣ-же наши? повторилъ онъ почти умоляющимъ голосомъ.

— Кто ваши, батюшка?

— Моряки.

— Они впереди, но тамъ не ваше мѣсто; подите на перевязочный пунктъ.

— Мое мѣсто тамъ, отвѣчалъ пастырь, гдѣ утѣшаютъ въ страданіяхъ, гдѣ приготовляютъ къ смерти.

Въ это время раздался второй залпъ, сильнѣе перваго, и монахъ кинулся впередъ. Французы, получивъ подкрѣпленіе, бросились съ новою силою на наши батальоны, что заставило полковника *Голева* ввести въ дѣло третій батальонъ своего полка. Непріятель былъ отброшенъ далеко назадъ. Три батальона Камчатскаго полка и два батальона Днѣпровскаго были уже въ непріятельскихъ траншеяхъ и вытѣсняли французовъ за вторую ихъ линію. Подступы ихъ остались сзади нашихъ войскъ и четыре роты моряковъ разрушали ихъ.

Впереди лѣваго фланга Камчатскаго укрѣпленія стоялъ распорядитель этого дѣла, Степанъ Александровичъ *Хрулевъ*, и отдавалъ приказанія. Имя С. А. *Хрулева* давно было извѣстно войскамъ. Большая часть изъ нихъ не одинъ разъ видѣла его въ дѣлѣ, знала его отвагу и храбрость. Войска любили Степана Александровича за его заботы о солдатѣ, и умѣніе, однимъ кстати сказаннымъ словомъ, такъ воодушевить ихъ, что они готовы были идти за нимъ куда угодно. Имъ извѣстно было также и то, что Степанъ Александровичъ назначался на болѣе опасныя мѣста, туда, гдѣ ожидалась особенно жаркая встрѣча съ непріятелемъ.

«Болѣе пятнадцати лѣтъ знаю я этого генерала, пишетъ одинъ изъ участниковъ боя. Съ самаго начала службы моей былъ я съ нимъ въ одной батареѣ; но тогда я зналъ его только какъ лихаго и веселаго собесѣдника. Позже судьба привела меня служить подъ его командою; тогда я увидѣлъ въ немъ одного изъ лучшихъ знатоковъ артиллерійскаго дѣла. Во время венгерской кампаніи я находился при немъ за офицера генеральнаго штаба, отважнѣе его не было тогда въ арміи партизана. Генераломъ я видѣлъ его теперь въ первый разъ и въ первый разъ оцѣнилъ его вполнѣ. Я былъ пораженъ, найдя въ этомъ лихомъ партизанѣ, какимъ я до сихъ поръ считалъ его, настоящіе таланты генерала: хладнокровіе, дѣльную быстроту въ распоряженіяхъ въ критическій моментъ, умѣнье двигать разсѣянные по полю батальоны въ самомъ жару

дѣла и ночью, умѣнье сохранять въ войскахъ порядокъ, воодушевлять ихъ, и доводить солдатъ почти до восторженнаго состоянія. Всему этому не научатъ ни опытность, ни *книги*—для этого необходимо врожденное военное дарованіе, *нужна внутренняя искра*».

Въ траншеяхъ завязался между тѣмъ кровопролитный рукопашный бой. Выстрѣлы почти замолки; наши били французовъ штыками, прикладами, заваливали ихъ въ траншеяхъ камнями и турами. Ужасная рѣзня доходила до крайняго предѣла ожесточенія сражавшихся. Полковникъ *Голевъ*, видя, что моряки разрушили непріятельскіе подступы, началъ отступать. Тогда во французскихъ траншеяхъ раздались сигналы наступленія. Чтобы не дозволить непріятелю ворваться на нашихъ плечахъ въ ложементы, полковникъ *Голевъ* остановилъ войска и потомъ счелъ необходимымъ перейти въ наступленіе. Между тѣмъ французы, безпрестанно подкрѣпляемые резервами, сильно напирали. Силы ихъ росли. На помощь нашимъ посланы были: батальонъ Углицкаго егерскаго полка и два батальона волынцевъ. Борьба уравновѣсилась, но не на долго. Французы наступали съ новыми силами. Вдругъ среди страшнаго боя раздалось звонкое пѣніе тропаря: «*Спаси Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое, побѣды Благовѣрному Императору Нашему на супротивныя даруя...*» Іеромонахъ Іоанникій *Савиновъ*, въ эпитрахили, съ крестомъ въ рукѣ, торжественно воспѣвалъ молитву, не обращая вниманія на носившуюся кругомъ его смерть. Солдаты, вдохновенные святыми словами божественной пѣсни, не думали объ отступленіи; они слышали молитву и, видя передъ собою безстрашнаго монаха съ крестомъ въ рукахъ восторженно бросались въ кровавую сѣчу. «Одинъ изъ враговъ бросился на безоружнаго монаха и успѣлъ ударомъ штыка разорвать на немъ рукавъ рясы и эпитрахиль, но въ то же мгновеніе былъ убитъ юнкеромъ *Негребецкимъ*. Французы бѣжали и апроши остались въ нашихъ рукахъ. Іеромонахъ занялся ранеными, но въ это время пуля, пущенная въ него, оторвала нижнюю часть креста и контузила отважнаго монаха-воина».

Въ это же самое время капитанъ-лейтенантъ *Будищевъ* и лейтенантъ *Бирюлевъ* съ своими охотниками ворвались въ непріятельскія траншеи. *Будищевъ*, бросившись на правый флангъ англичанъ, заклепалъ двѣ большія мортиры и раззорилъ непріятельскіе ложементы. Охотники лейтенанта *Бирюлева* также заклепали нѣсколько орудій, и потомъ оба отряда присоединились къ главному, одинъ съ правой, другой съ лѣвой стороны.

Въ пылу боя войска наши прорвались во вторую линію непріятельскихъ траншей и, не обращая вниманія на многочисленность французовъ, которыхъ было собрано на этомъ пунктѣ отъ 6 до 8 тысячь человѣкъ, готовы были идти и далѣе. Степанъ Александровичъ *Хрулевъ*, видя слишкомъ большое увлеченіе, приказалъ играть отступленіе, но солдаты, зная что непріятель, изучившій наши сигналы, часто пользовался этимъ, чтобы остановить натискъ, не слушали сигнала.

— Не таковскій генералъ, говорили они про *Хрулева*, чтобы велѣлъ отступать.

Нѣсколько разъ горнисты трубили отступленіе, но солдаты не отступали. Ожесточенный рукопашный бой шелъ въ траншеяхъ и остановить нашихъ было некому, потому что большая часть офицеровъ была перебита. Три юнкера, бывшіе на ординарцахъ при *Хрулевѣ*, отправлены были въ траншеи, чтобы вернуть нашихъ, но все было напрасно.

— Дайте намъ подкрѣпленія, а то могутъ остаться на полѣ раненые, кричалъ кто то, приближаясь къ Степану Александровичу.

Хрулевъ сталъ прислушиваться къ голосу и скоро передъ нимъ стоялъ тотъ же самый іеромонахъ Іоаникій *Савиновъ*.

— Батюшка, сказалъ Степанъ Александровичъ монаху, подкрѣпленія я вамъ не дамъ, а вы окажете мнѣ важную услугу, если отдадите отъ моего имени приказаніе, оставшимся въ траншеяхъ отступить немедленно, подбирая раненыхъ.

Монахъ тотчасъ же отправился въ траншеи и передалъ солдатамъ приказаніе начальника.

— Ну, говорили солдаты, если батюшка говоритъ, что генералъ приказалъ отступать, такъ должно быть оно такъ и слѣдуетъ.

Солдаты отступали неохотно, такъ что приходилось ихъ тащить по одиночкѣ. Многіе не хотѣли отступать, пока не уберутъ всѣхъ своихъ раненыхъ товарищей. Этимъ героямъ-богатырямъ приходилось по нѣскольку разъ отбивать штыками насѣдавшаго на нихъ непріятеля. Въ такихъ случаяхъ они съ жаромъ бросались впередъ.

— Пустите, братцы, наши тамъ уру зашумѣли, говорили люди съ носилками и покидая раненыхъ, бѣжали на поддержку отступавшихъ.

Оставляя траншею за траншеею, наши солдаты отступали, уводя съ собою плѣнныхъ, унося своихъ раненыхъ товарищей и множество непріятельскаго оружія. Много крови стоила эта вылазка, но ея потоки покрыты побѣднымъ лавровымъ вѣнкомъ и торжествомъ севастопольскаго гарнизона. Знаменитое ночное дѣло это сохранилось надолго въ памяти камчатцевъ и днѣпровцевъ и выражено въ устахъ ихъ слѣдующею солдатскою пѣснею:

1.

«Гей! камчатцы-удальцы!
Гей! днѣпровцы-молодцы!
Собирайтесь водки кварту
За десятое пить марта;
За здоровье, будь здоровъ,
Нашъ любимецъ, нашъ Хрулевъ!

2.

Что съ тобою намъ французъ!
Правду молвить, онъ не трусъ,
А какъ вздумалъ влѣзть въ траншею,
Такъ его турнули въ шею!
Слово молвилъ намъ Хрулевъ,
Всѣ мы бросилися въ ровъ.

3.

Темный путь свѣтилъ монахъ.
Онъ насъ велъ съ крестомъ въ рукахъ,
А Хрулевъ разжегъ отвагу;
Глядь? Французъ—кто легъ, кто тягу.
Штыкъ не хватитъ—камень есть,
И кулакъ французу въ честь.

4.

Слышь, канаву къ намъ вели,
Да по ней какъ въ гробъ легли;
Разъярились мы отъ боя,
Слышать не хотимъ отбоя.
Кто въ Викторію (1) попалъ,
Въ Балаклаву (2) прочесалъ.

5.

Съ той поры вотъ ни гу-гу,
Знать согнули ихъ въ дугу,
Знать Хрулевъ имъ задалъ перцу,
А ужъ намъ-то какъ по сердцу;
Вотъ еще бы дать разокъ,
Такъ совсѣмъ пошли бъ въ утекъ.

6.

Ну, камчатцы-удальцы!
Ну, днѣпровцы-молодцы!
Собирайтесь водки кварту
За десятое пить марта;
За здоровье, будь здоровъ,
Нашъ любимецъ, нашъ Хрулевъ!

Какъ бы въ отмщеніе за свою неудачу, союзники, тотчасъ по окончаніи боя, открыли сильнѣйшую стрѣльбу по Севастополю. Въ теченіе ночи они бросили въ городъ болѣе 2,000 бомбъ и пустили до 150 ракетъ. Вылазка эта поколебала энергію союзниковъ и показала имъ, что для овла-

(1) Одна изъ англійскихъ батарей.
(2) Городъ въ Крыму, занятый союзниками.

дѣнія оборонительною линіею укрѣпленій, имъ предстоитъ брать съ боя каждый шагъ впереди-лежащей мѣстности, и что шагъ этотъ будетъ стоить многихъ трудовъ, усилій и крови, и безъ того достаточно увлажившей почву окрестностей *многострадальнаго города*.

Утренняя заря, освѣтившая кровавое мѣсто битвы, еще болѣе убѣждала ихъ въ справедливости этой истины. Съ Малахова кургана видны были только слѣды бывшихъ непріятельскихъ траншей, обозначавшіеся теперь разбросанными мѣшками, турами и большимъ числомъ труповъ, нашихъ и непріятельскихъ.

Въ три часа по полудни, 11-го марта, высланъ былъ изъ Севастополя парламентеръ для передачи французскому главнокомандующему письма, съ предложеніемъ перемирія для уборки тѣлъ. Въ полученномъ отвѣтѣ уборка тѣлъ назначалась на слѣдующій день въ полдень. Ровно въ 12 часовъ были подняты обѣими сторонами бѣлые флаги и толпы солдатъ нашихъ и непріятельскихъ весело бросились на встрѣчу другъ другу. Всѣ возвышенія, батареи, траншеи и укрѣпленія были покрыты многочисленными зрителями. Недавніе враги на нѣсколько минутъ сдѣлались друзьями; солдаты и офицеры вели оживленный разговоръ съ французами, смѣялись, шутили, закуривали другъ у друга папиросы, мѣнялись сигарами.

Въ сумерки, когда кончилась уборка тѣлъ, французы дали залпъ по Камчатскому люнету и загрохотала неумолкаемая канонада. Непріятель сосредоточивалъ свой огонь преимущественно на Камчатскомъ люнетѣ, третьемъ бастіонѣ и на лежавшихъ противъ ихъ ложементахъ.

Сотни бомбъ и гранатъ ежедневно лопались надъ укрѣпленіями; свистъ ядеръ и пуль составлялъ постоянную ихъ музыку. Русскій солдатъ не сторонится отъ этой пѣсни. Съ удалью и отвагой дерется онъ въ полѣ, безстрашно и съ какимъ то презрѣніемъ къ смерти защищается за окопами, веселою шуткою встрѣчаетъ разрывъ непріятельской бомбы, героемъ и христіаниномъ умираетъ за Русь Святую, за Царя Православнаго! Много героевъ пало на Камчат-

скомъ люнетѣ, но одинъ изъ нихъ, рядовой Егоръ *Мартышинъ*, замѣчателенъ своимъ горячимъ предсмертнымъ словомъ, которое онъ съ полнымъ спокойствіемъ сказалъ товарищамъ. Ядро размозжило лѣвую ногу Егору *Мартышину* и оторвало ему кисть.

Товарищи раненаго подняли *Мартышина* и положили на носилки.

— Нѣтъ, братцы, постойте, говорилъ покойно *Мартышинъ*, несите меня только двое. Если съ каждымъ, кого зацѣпитъ чугунка, будетъ уходить четыре человѣка, такъ-эдакъ и *Камчатку* (Камчатскій люнетъ) стеречь будетъ некому!

Размозженная нога у самаго паха едва держалась на тоненькихъ жилахъ, но *Мартышинъ*, преодолѣвая жгучую боль, не хотѣлъ съ разу оставить люнета.

— Несите меня, братцы, по траншеѣ, сказалъ онъ, дайте проститься съ товарищами!

Въ траншеяхъ онъ сказалъ товарищамъ слово: «прощайте, братцы, служите нашему батюшкѣ-царю, какъ слѣдуетъ храбрымъ карабинерамъ! Недавно передъ Крестомъ и Евангеліемъ вы держали присягу на честную и вѣрную службу Царю Александру II: служите сыну, какъ служили отцу Его Императору Николаю, и Богъ благословитъ вашу службу!.... Прощайте, братцы-карабинеры, помяните меня грѣшнаго! умирать за правое дѣло не страшно. Одно, братцы, больно, что не удалось мнѣ охотникомъ во время въ траншеи сходить»!

Получивши рубль серебромъ отъ своего ротнаго командира, *Мартышинъ* отдалъ его товарищу своему Захару *Васильеву*.

— Ты, братъ Захаръ, сказалъ онъ, какъ принесешь меня къ перевязкѣ, отыщи священника, попроси, чтобы онъ меня исповѣдывалъ и пріобщилъ Св. Таинъ, а послѣ смерти моей сотворилъ бы панихиду по душѣ. Рубль отдай отъ меня священнику.

Принесенный на перевязочный пунктъ, Егоръ *Мартышинъ*, съ полнымъ спокойствіемъ исполнивъ долгъ христіанина, умеръ.

IX.

Праздникъ св. Пасхи въ Севастополѣ. — Второе бомбардированіе 28-го марта.—Состояніе гарнизона и города послѣ бомбардированія. — Генералъ Семякинъ.—Приказъ Нахимова по флоту.

Перебѣжчики по прежнему большими толпами передавались на нашихъ аванпостахъ. Въ Севастополь являлись люди всѣхъ націй: арабы (алжирскіе стрѣлки), испанцы, (иностраннаго легіона), нѣмцы, французы, англичане, ирландцы, шотландцы и турки. Всѣ они единогласно утверждали, что союзники готовятся къ огромной бомбардировкѣ осажденнаго города, и что у нихъ заготовлено по 800 зарядовъ на каждое орудіе.

Одинъ изъ перебѣжчиковъ былъ удивленъ, увидѣвъ женщинъ на улицахъ осажденнаго города.

— Неужели онѣ остались и живутъ здѣсь? спросилъ онъ.

Ему отвѣчали утвердительно.

— Вы не знаете, воскликнулъ онъ, какая готовится бомбардировка; это будетъ день страшнаго суда, только въ большемъ видѣ.

Въ непріятельскомъ лагерѣ разсчитывали во время бомбардированія сбить нашу артиллерію, разрушить укрѣпленія, ослабить гарнизонъ и, доведя его до отчаянія, штурмовать оборонительную линію. Получивъ свѣдѣнія, что на помощь севастопольскому гарнизону слѣдуютъ подкрѣпленія изъ Бессарабіи, союзные главнокомандующіе торопились нанести ударъ прежде ихъ прихода. Въ непріятельскихъ траншеяхъ замѣтна была усиленная дѣятельность; съ каждымъ днемъ замѣчалось появленіе новыхъ батарей, на которыя ставились орудія, рылись новыя траншеи, велись новые подступы. Защитники, не оставаясь праздными, усиленно готовились встрѣтить врага должнымъ образомъ. На нашей оборонительной линіи также явились новыя батареи, устроивались блиндажи или закрытыя помѣщенія для войскъ. Наибольшее вниманіе, съ нашей стороны, обращено было на Волынскій и Селенгинскій редуты и на Камчатскій люнетъ. Послѣдній въ особенности былъ усиленъ

соединеніемъ всѣхъ ложементовъ въ одну общую траншею, въ которой были устроены мѣста для горныхъ орудій. Въ Волынскомъ редутѣ устроена мортирная батарея, на Селенгинскомъ-же едва успѣвали исправлять поврежденія, наносимыя непріятелемъ. Каждую ночь нѣсколько сотъ рабочихъ трудились тамъ надъ земляными работами.

Для усиленія гарнизона въ Севастополь введенъ былъ Суздальскій пѣхотный полкъ.

Настали дни страстной недѣли, и *многострадальный* городъ отбывалъ память страданій и крестной смерти Искупителя. На бастіоны и батареи понесли плащаницы, ставили ихъ въ походныхъ церквахъ и въ теченіе всей недѣли совершали службу. Въ этотъ годъ пасха приходилась въ одни и тѣ же числа какъ у насъ, такъ и у католиковъ. Какъ будто само Провидѣніе указывало на таинственное знаменіе Креста, связывающее воедино всѣхъ христіанъ между собою. А между тѣмъ въ Севастополѣ былъ поучительный примѣръ человѣчеству и всему христіанскому міру. Тамъ два христіанскіе народа, казалось, забыли ученіе Спасителя и шли подъ знаменемъ луны, рядомъ съ поклонниками Магомета, противъ тѣхъ, которые вооружились на защиту христіанства.

Наступилъ четвергъ страстной недѣли. Въ уцѣлѣвшихъ церквахъ, въ блиндажахъ, на бастіонахъ и въ Александровскихъ казармахъ собрались молящіеся къ слушанію двѣнадцати евангелій. Въ Александровскихъ казармахъ служба совершалась въ огромной комнатѣ, гдѣ стояло нѣсколько образовъ изъ разбитой церкви, налой съ евангеліемъ, два большихъ подсвѣчника съ сотнями мелкихъ свѣчей, затепленныхъ усердіемъ храбрыхъ воиновъ и страдальцевъ-раненыхъ.

Во время чтенія двѣнадцати евангелій, противники открыли батальный огонь противъ третьяго бастіона, и скоро заревѣли выстрѣлы по всей линіи. Англичане пытались два раза овладѣть нашими ложементами, но оба раза были отбиты съ большимъ урономъ. Неудачи заставили ихъ усилить огонь, и канонада, перейдя на городъ, не умолкала въ теченіе цѣлаго дня. Колокольный звонъ въ церквахъ, воз-

вѣщая православнымъ начало чтенія каждаго евангелія, сливаясь съ ревомъ пушекъ и свистомъ ядеръ, производилъ особое впечатлѣніе на душу: «хотѣлось, говоритъ участникъ обороны, плакать и молиться, и вмѣстѣ хотѣлось мстить и драться».

Наступилъ канунъ праздника. Въ шесть часовъ утра, во всѣхъ походныхъ церквахъ на бастіонахъ и батареяхъ, не смотря на сильную канонаду, совершалось, по православному обряду, погребеніе плащаницы. На Малаховомъ курганѣ служба происходила въ блиндажѣ. — Почти ползкомъ нужно было войти въ длинный и темный корридоръ, съ колонадой дубовыхъ столбовъ по обѣимъ его сторонамъ. — Возлѣ далевой стѣны стояло нѣсколько образовъ, а по срединѣ плащаница, освѣщеная свѣчами. — Хоръ пѣвчихъ, еще спѣвавшійся, стройными голосами пѣлъ: «*Слава въ вышнихъ Богу*». — Молящіеся разныхъ чиновъ и званій приходили, прикладывались къ плащаницѣ, отходили въ сторону и скрывались въ полумракѣ. — Длинный корридоръ блиндажа живо напоминалъ темныя кіевскія пещеры. — Чувство глубокаго благоговѣнія наполняло душу при видѣ плащаницы, Евангелія въ богатой оправѣ, престольнаго креста и образовъ Святителя Николая въ кіотѣ и Божіей Матери, освѣщенныхъ нѣсколькими свѣчами.

Началась служба. Солдаты и матросы наполнили блиндажъ. — Каждый входилъ съ особымъ благоговѣніемъ; горячая и усердная молитва отражалась на всѣхъ лицахъ; «пѣвчіе пѣли, пишетъ одна изъ присутствующихъ, подъ дирекціей одного лейтенанта такъ хорошо, что ни чье воображеніе не представитъ себѣ. — Мы молились, и молились усердно; неумолчная стрѣльба не развлекала нашего вниманія». — Подъ тихое пѣніе молитвы *Святый Боже*, плащаницу понесли вокругъ блиндажа, и когда молящіеся вышли на площадку со свѣчами въ рукахъ, раздался непріятельскій выстрѣлъ, и ядро со свистомъ пролетѣло надъ ихъ головами.

По окончаніи службы, гарнизонъ и жители Севастополя, по русскому обычаю, готовились встрѣтить великій день Христова Воскресенія съ особою торжественностію. Всѣ

работы, за исключеніемъ самыхъ необходимыхъ, были пріостановлены, и городъ мало по малу сталъ принимать торжественный видъ.

Послѣ полудня, женщины цѣлыми толпами спѣшили на бастіоны. Жены матросовъ, землячки, кумы и даже дѣти, перегоняя другъ друга, тащили мужьямъ, сватамъ и отцамъ куличи, сало, пасху и яйца. Во многихъ командахъ также заготовляли куличи, пекли булки. На батареяхъ замѣтно было оживленное движеніе: тамъ все чистилось, прибиралось; площадки бастіоновъ, мѣста у орудій, входы въ блиндажи очищались отъ мусора, черепковъ и посыпались пескомъ. Каждый готовился встрѣтить праздникъ на своемъ посту, когда нельзя было въ своемъ домѣ.

Наступила полночь. Было совершенно тихо, только изрѣдка сверкнетъ вдали пушечный выстрѣлъ съ нашей или непріятельской батареи и, какъ раскатъ грома, мѣрно загрохочетъ по холмамъ, окружающимъ городъ. Среди ночной тишины, нарушаемой зловѣщимъ гуломъ орудій и постоянной трескотней ружейныхъ выстрѣловъ въ ложементахъ, благоговѣйно прозвучалъ благовѣстъ колоколовъ, призывавшихъ къ молитвѣ. Улицы наполнились народомъ, спѣшившимъ въ ярко освѣщенные храмы. Надъ сонною бухтою множествомъ освѣщенныхъ оконъ горѣли Александровскія казармы, а на противоположной сторонѣ рисовалась греческая церковь во имя Петра и Павла. Толпы народа съ зажженными свѣчами тѣснились внутри, и огненною рѣкою снаружи окружали два храма Севастополя и госпитальную церковь на сѣверной сторонѣ.... А тамъ, по траншеямъ и въ укрѣпленіяхъ, подъ визгомъ пуль и ядеръ, заслыша благовѣстъ колоколовъ, защитники творили крестное знаменіе и произносили: *Христосъ Воскресъ!*

Съ наступленіемъ праздника, на бастіонахъ зажглись у иконъ свѣчи; солдаты и матросы горячо молились передъ ними. Тепла была молитва защитниковъ родины вдали отъ родной семьи. Всюду представлялись взору картины благоговѣнія и, казалось, на это время, всякая опасность была позабыта.

Весь гарнизонъ и свободные отъ службы офицеры мор-

скихъ и сухопутныхъ силъ тѣснились въ небольшомъ соборѣ св. Екатерины и христосовались съ главнокомандующимъ. Вокругъ храма толпились матросы, солдаты и женщины. Цѣлые ряды куличей и пасхи, съ горящими передъ ними свѣчами, ожидали освященія.

По окончаніи церковной службы, духовенство было приглашено отслужить молебны на оборонительной линіи у бастіонныхъ и батарейныхъ образовъ. Въ ожиданіи священника, бастіоны смотрѣли по праздничному: возлѣ разставленныхъ куличей и яицъ толпились люди, одѣтые въ чистые и новые мундиры. Въ отдаленіи стояли жены и дѣти защитниковъ, пришедшіе похристосоваться и раздѣлить вмѣстѣ свѣтлые дни праздника. Изрѣдка раздавались выстрѣлы, подъ звуками которыхъ слышались молитвы и церковное пѣніе священника. Съ крестомъ въ рукахъ и съ сосудомъ святой воды, обходили пастыри церкви ряды защитниковъ и, окропляя св. водою, поздравляли съ наступившимъ праздникомъ.

По окончаніи службы, офицеры собирались въ блиндажѣ одного изъ товарищей и разговлялись. Тѣсенъ былъ блиндажъ, да радушенъ его хозяинъ. Все его помѣщеніе заключалось въ ямѣ, вырытой подъ однимъ изъ траверсовъ около сажени глубиною, шаговъ семь въ длину и столько же въ ширину. Яма эта земляною же стѣною, съ отверстіемъ для прохода, раздѣлялась на два отдѣленія: первое назначалось для одного или нѣсколькихъ офицеровъ, другое для нижнихъ чиновъ. Толстый накатникъ на столбахъ поддерживалъ земляной потолокъ блиндажа; двѣ доски съ прибитыми къ нимъ поперечными брусьями замѣняли лѣстницу, по которой спускались въ блиндажъ, и назывались по морскому *трапомъ*.

Полумракъ господствовалъ въ блиндажѣ даже днемъ; свѣча или лампа служила постояннымъ его освѣщеніемъ и днемъ и ночью. Въ переднемъ углу висѣлъ образъ, а вдоль стѣнъ шли деревянные прилавки, служившіе стуломъ и кроватью. Коверъ и подушка на нарахъ, да небольшой столикъ, покрытый чистою скатертью, составляли все убранство блиндажа. На столѣ стояли куличъ, яйца и пасхаль-

ная закуска, какую кому удалось пріобрѣсти у пріѣзжаго маркитанта. Тѣснота и незатѣйливость помѣщенія какъ-бы соединяли присутствующихъ еще болѣе тѣсными узами боеваго родства. Говоръ, шумъ, поздравленіе съ праздникомъ, а порою и звонкій смѣхъ слышались въ блиндажѣ и давали знать, что собравшіеся, подъ вліяніемъ праздника, забыли о грозной дѣйствительности.

Съ наступленіемъ дня, на бастіонахъ образовались кружки, появились музыканты, раздались веселыя пѣсни и пляски — и веселился русскій человѣкъ, какъ веселится онъ дома въ кругу родной своей семьи. У матроса явилась скрипка, у пѣхотнаго солдата кларнетъ. Сѣвъ возлѣ орудія, они съ воодушевленіемъ наигрывали камаринскаго, отбивая тактъ ногою. Проходившій мимо солдатъ остановился, къ нему присоединился другой, третій—образовалась толпа. Долго собравшіеся слушали молча игру музыкантовъ, но вотъ у одного заходили плечи, другаго такъ и передергиваетъ всѣмъ корпусомъ, третій поправляетъ на головѣ шапку, какъ-бы приготовляясь къ чему-то, но всѣ молчатъ, всѣ слушаютъ. Звонкій голосъ молодаго солдатика выводитъ собравшихся изъ молчаливаго положенія и удовлетворяетъ ихъ задушевному желанію.

— Не вытерпѣть, братцы, говоритъ онъ, и, не докончивъ фразы, пускается въ плясъ.

Всѣ точно очнулись, и, посмотрѣвъ другъ на друга, какъ бы съ укоромъ, что сами раньше не догадались, присоединяются къ пляшущему. Пляска дѣлается всеобщею и выражаетъ собою ту удаль и беззаботность, которыя такъ хорошо характеризуютъ свѣтлую душу русскаго солдата.

Первый день пасхи прошелъ весело и покойно. Вечеромъ въ городѣ игралъ хоръ военной музыки; толпы гуляющихъ покрывали весь бульваръ и тѣснились около музыкантовъ. Среди гуляющихъ было много женщинъ, присутствіе которыхъ отдаляло мысль о грозной дѣйствительности, о большихъ приготовленіяхъ непріятеля ко второму бомбардированію города. Изрѣдка слышны были выстрѣлы, но они не нарушали всеобщаго веселья.

Жители Севастополя уснули съ полною надеждою встрѣ-

тить второй день праздника такъ же весело, какъ встрѣтили и провели они первый день. Ожиданіе ихъ не исполнилось. Въ первый день пасхи было замѣтно въ лагеряхъ союзниковъ большое движеніе, но что оно обозначало—праздничное ли гулянье или приготовленіе къ борьбѣ—никто не могъ угадать.

Настала ночь сырая и холодная. Густой туманъ облегалъ городъ, и дождь, при сильномъ порывистомъ вѣтрѣ, хлесталъ по убогимъ пріютамъ солдатъ.

Въ непріятельской линіи укрѣпленій былъ слышенъ шумъ. Хотя, за темнотою ночи, и нельзя было развѣдать, что происходило тамъ, но по всему видно было, что союзники къ чему-то готовятся.

Въ 5 часовъ утра, 28-го марта, съ непріятельскаго корабля, стоявшаго у Стрѣлецкой бухты, взвилась сигнальная ракета, и въ слѣдъ за тѣмъ союзники открыли огонь противъ всѣхъ укрѣпленій Севастополя. При первыхъ звукахъ выстрѣловъ, помощникъ начальника гарнизона адмиралъ *Нахимовъ* и другіе начальствующія лица были уже на бастіонахъ, гдѣ и оставались въ теченіе цѣлаго дня. Непріятель быстро открывалъ амбразуры одну за другою; наши матросы бодро бросились къ орудіямъ и канонада закипѣла. Союзники стрѣляли изъ 482-хъ орудій огромнаго калибра,—въ числѣ которыхъ было 130 мортиръ,—слѣдовательно число ихъ орудій было болѣе чѣмъ вдвое того числа, которое употреблено было ими въ бомбардированіе 5-го октября.

Съ нашей стороны, по осаднымъ батареямъ непріятеля былъ открытъ огонь изъ 466 орудій, въ томъ числѣ изъ 57 мортиръ.

Страшный трескъ, свистъ и грохотъ раздавались надъ Севастополемъ на второй день праздника; вой вѣтра, шумъ проливнаго дождя и густой туманъ еще болѣе усиливали мрачность этого дня; скоро все скрылось отъ глазъ, такъ что въ двухъ шагахъ ничего не было видно.

Грозно-величественную картину представляли бастіоны во время бомбардированія. Прислуга при орудіяхъ дѣйствовала безъ отдыха; штуцерные стояли по банкетамъ и

перекатная дробь ихъ выстрѣловъ сливалась съ гуломъ орудій. По бастіонамъ расхаживали офицеры, направляя огонь на непріятельскія батареи.

По всей семиверстной длинѣ оборонительной линіи, въ густомъ туманѣ, тускло мелькали огоньки орудійныхъ выстрѣловъ. Надъ Севастополемъ стоялъ оглушающій ревъ канонады, по временамъ усиливаемый взрывами пороховыхъ погребовъ. Ядра, какъ резинковые мячики, прыгали по улицамъ. Сотрясеніе въ воздухѣ отъ ихъ полета и разрыва бомбъ колыхало полуразбитыя деревянныя постройки города; во всѣхъ домахъ ходуномъ ходили оконныя рамы, стекла одно за другимъ разлетались въ дребезги; внутри домовъ обсыпались карнизы, отваливалась штукатурка.

Оставшіеся еще въ городѣ жители цѣлыми толпами спѣшили къ единственному довольно безопасному убѣжищу—къ Николаевской батареѣ, обратившейся теперь въ огромный рынокъ. Галереи казармы были усыпаны народомъ, чрезвычайно разнообразнымъ по составу. Здѣсь сынъ и дочь, спасаясь отъ ужасовъ бомбардировки, тащатъ на рукахъ больнаго и безногаго старика-отца; тамъ женщина, держа на рукахъ груднаго ребенка, волокетъ другою рукою малолѣтняго сына, едва успѣвающаго бѣжать за нею; въ сторонѣ видна группа купцовъ, разговаривающихъ между собою почти шопотомъ. Повсюду слышны возгласы: Господи! Господи! хуже ада кромѣшнаго!

И, дѣйствительно, никакая самая фантастическая сказка, не въ состояніи дать понятія объ ужасахъ бомбардированія.

По улицамъ безпрестанно проходили носильщики и вели подъ руки окровавленныхъ солдатъ; на встрѣчу имъ двигались отряды войскъ, скакали офицеры съ приказаніемъ, ѣхали повозки и фуры съ водой, турами, снарядами, зарядами и другими предметами, необходимыми въ такое время для бастіоновъ и батарей.

Усилившійся дождь, сопровождаемый сильными порывами вѣтра, цѣлымъ потокомъ шелъ на стоявшихъ на бастіонахъ, и въ короткое время промочилъ ихъ до послѣдней нитки. Сгустившійся еще болѣе туманъ, вмѣстѣ съ дож-

демъ и тучею пороховаго дыма, задернулъ горизонтъ, какъ занавѣсью. «Трескъ лопающихся бомбъ, грохотъ выстрѣловъ, крики людей, все сливается въ одинъ непрерывный гулъ, котораго описать невозможно словомъ человѣческимъ. Суматоха передъ глазами, дымъ и огонь въ отдаленіи, огни бомбъ на небѣ, невыносимый звонъ въ ушахъ, тягостное ожиданіе на сердцѣ»—вотъ ощущенія, испытанныя въ этотъ день каждымъ изъ защитниковъ многострадальнаго города.

Густой черный дымъ непріятельскихъ судовъ указывалъ, что и союзный флотъ готовится принять участіе въ страшной борьбѣ противниковъ. Всѣ ожидали, что флотъ приметъ также участіе въ бомбардированіи, но, за густотою тумана, услѣдить за его движеніями было невозможно. На прибрежныхъ батареяхъ готовились къ встрѣчѣ: задымились ядрокалительныя печи, и прислуга размѣстилась возлѣ орудій.

Бомбардированіе между тѣмъ кипѣло по прежнему.

Непріятель сосредоточилъ самый сильный огонь на тѣ укрѣпленія, къ которымъ онъ ближе всего подошелъ своими подступами. Такими укрѣпленіями были 4-й и 5-й бастіоны, Малаховъ курганъ, второй бастіонъ, Волынскій и Селенгинскій редуты и Камчатскій люнетъ. Послѣдніе три, извѣстные въ Севастополѣ подъ именемъ *трехъ отроковъ въ пещи*, особенно терпѣли отъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Усиленіе огня противъ передовыхъ укрѣпленій показывало, что союзники думали сначала разрушить ихъ выстрѣлами, а потомъ штурмовать и овладѣть ими съ боя.

Въ ожиданіи штурма, на батареяхъ были усилены гарнизоны, при чемъ, во избѣжаніе напрасной потери въ людяхъ, приказано было размѣщать ихъ подъ блиндажами, оставляя подъ выстрѣлами только самое незначительное число войскъ, необходимое для первой встрѣчи штурмующихъ колоннъ непріятеля.

Не смотря на то, небольшія площадки батарей и бастіоновъ были переполнены народомъ, и непріятельскіе снаряды находили здѣсь обильную для себя пищу. Безпрестанно падавшія бомбы зацѣпляли то человѣка, то ста-

нокъ, то орудіе, то, падая въ толщу укрѣпленія, разворачивали насыпь, осыпавшуюся безобразною грудою земли. Бока амбразуръ, поддерживаемые отъ осыпанія турами и фашинами, часто загорались, и тогда солдатъ, перекрестившись, хваталъ мокрую швабру и влѣзалъ въ амбразуру, закидываемую непріятельскими снарядами. Тамъ надсмотрщикъ пороховаго погреба слѣдилъ за полетомъ бомбъ, и едва онѣ падали на крышу погреба, какъ рабочіе сами собою бросались кучами и засыпали просверленную яму.

«Не одинъ изъ подобныхъ смѣльчаковъ, говоритъ участникъ славной защиты, жизнью платилъ за мужественное дѣло, но на мѣсто убитаго всегда находился новый охотникъ. Люди, съ готовностію, цѣлыми партіями, кидались въ ту сторону, гдѣ отъ непріятельскаго огня повреждалось орудіе. Подъ пулями и ядрами шла безпрерывная работа. Запасныя орудія были подготовлены заранѣе, а потому подбитые перемѣнялись съ возможною скоростію».

«Здѣсь не задумывались о смерти, да и некогда было—гораздо умнѣе и короче казалось всѣмъ глядѣть ей прямо въ глаза, во всемъ остальномъ положась на волю Божію.

«При мнѣ, за короткое время, на батареѣ произошло множество случаевъ геройскаго безстрашія,—никѣмъ не разсказанныхъ по причинѣ изобилія въ самомъ геройствѣ. Одно ядро взвизгнуло неподалеку отъ меня, пролетѣвши черезъ самую середину одной амбразуры; здоровый красивый матросъ, наводившій орудіе, съ улыбкою что то причитывавшій къ будущему своему выстрѣлу, незамѣтно осѣлъ, съежился, согнулся—и медленно рухнулся наземь; ядро снесло ему верхъ головы. Рядомъ стоявшій товарищъ, быстро сорвавши съ себя шапку, поспѣшилъ нахлобучить ее на убитаго, и, молча, покойно замѣнилъ его мѣсто. Стоя на опаснѣйшемъ посту, на мѣстѣ, забрызганномъ кровью своего предшественника, онъ хладнокровно наводилъ орудіе, держась правой рукой за подъемный винтъ и командуя прочей прислугѣ: влѣво, немного вправо, чуточку еще влѣво и т. п. Ни минуты не было потеряно, и отвѣтный выстрѣлъ загремѣлъ своимъ чередомъ».

Усиленное бомбардированіе длилось около пяти часовъ сряду, но непріятель не имѣлъ перевѣса ни на одномъ пунктѣ. Поврежденія въ нашихъ бастіонахъ хотя и были весьма значительны, но равносильны поврежденіямъ въ непріятельскихъ батареяхъ и траншеяхъ.

Около десяти часовъ утра по бастіонамъ и батареямъ было разослано приказаніе начальника гарнизона стрѣлять рѣже, отвѣчая однимъ выстрѣломъ не менѣе какъ на два выстрѣла непріятеля. Причиною тому была необходимость сберегать всѣми мѣрами порохъ и снаряды. Правда, запасы Севастополя были значительны, но осада, принявшая обширные размѣры, была продолжительна и упорна, а между тѣмъ дороги въ Крыму испортились и представляли огромныя затрудненія въ сообщеніи съ внутренними губерніями Россіи.

Зима 1854—1855 годовъ въ Крыму не была обыкновенною — напротивъ, выпалъ такой глубокій снѣгъ и стояли такіе сильные морозы, какихъ не запомнятъ старожилы. Дороги такъ испортились, что ни на лошадяхъ, ни на волахъ проѣзда не было. Необходимо было принять всѣ мѣры осторожности, чтобы не остаться безъ пороха и снарядовъ, и оставить достаточный запасъ ихъ на случай штурма, котораго нельзя было не ожидать послѣ столь сильной бомбардировки.

Недостатокъ въ свинцѣ и пуляхъ былъ еще ощутительнѣе, такъ что, въ послѣдствіи, начальство вынуждено было разрѣшить сборъ пуль, причемъ было указано мѣсто, куда должны были доставляться собранныя пули и гдѣ платили за нихъ деньги. Сборъ этотъ шелъ весьма успѣшно: солдаты, женщины и дѣти, цѣлыми толпами, приходили съ посильною находкою и иногда собиралось въ день до 120 пудовъ свинца. Солдаты собирали пули весьма охотно, часто подъ самымъ сильнымъ огнемъ непріятеля, ни мало не думая о томъ, что, отыскивая нѣсколько золотниковъ свинца, подвергали свою жизнь опасности.

Уменьшеніе огня съ батарей нашей оборонительной линіи дало значительное преимущество непріятелю, такъ что къ вечеру онъ успѣлъ причинить большой вредъ на-

шимъ укрѣпленіямъ. Волынскій и Селенгинскій редуты и Камчатскій люнетъ представляли собою только груду развалинъ. Пятый бастіонъ былъ также разрушенъ и къ вечеру принужденъ замолчать. Большая часть прислуги у орудій этого бастіона была перебита. Третій бастіонъ пострадалъ менѣе другихъ; его артиллерія имѣла видимый перевѣсъ надъ противникомъ и сохранила его до самаго вечера.

Всѣ поврежденія, произведенныя непріятелемъ въ нашей оборонительной линіи, состояли изъ 15 подбитыхъ орудій, 13 станковъ, 23 поврежденныхъ платформъ и 122 заваленыхъ амбразуръ. Въ теченіе дня было выпущено нашими батареями 12 тысячъ зарядовъ и разстрѣляно 165 тысячъ ружейныхъ патроновъ. Непріятель бросилъ въ Севастополь 33,658 снарядовъ и около 170 тысячъ патроновъ. Въ теченіе одного дня было сожжено болѣе 7 тысячъ пудовъ пороху. Потеря наша въ этотъ день была весьма значительна и состояла изъ 536 человѣкъ выбывшихъ изъ строя. Мы потеряли убитымъ храбраго командира батареи, капитанъ-лейтенанта *Шемякина*, и раненымъ лейтенанта *Завалишина*, извѣстнаго своими молодецкими вылазками.

Съ наступленіемъ ночи огонь съ обѣихъ сторонъ не прекращался; выстрѣлы гудѣли, хотя и не столь частые какъ днемъ. Особенное вниманіе непріятеля было обращено теперь на 4-й бастіонъ, Малаховъ курганъ, Камчатскій люнетъ, Селенгинскій и Волынскій редуты. Послѣдніе три были забрасываемы снарядами. Подъ огнемъ непріятеля севастопольцы приступили къ исправленію поврежденій одновременно по всей линіи — «*мы чинились*», говорили солдаты. Не смотря ни на какія потери, работа не прекращалась въ теченіе всей ночи: разрушенныя насыпи возобновлялись, исправлялись амбразуры, отрывались засыпанныя землею орудія, и тѣ, которыя оказывались подбитыми, замѣнялись новыми. Чтобы судить о геройскомъ самоотверженіи гарнизона и о томъ, какого усиленнаго труда стоили эти исправленія, стоитъ припомнить только, что гарнизону необходимо было въ теченіе одной ночи перемѣнить всѣ подбитыя орудія новыми; что чугунныя махины эти приходилось тащить на батареи за нѣсколько верстъ, по

непроходимой грязи, образовавшейся въ слѣдствіе проливнаго дождя шедшаго днемъ, тогда для каждаго станетъ яснымъ, какого сверхъ-естественнаго труда стоило нашимъ богатырямъ-солдатамъ исправленіе укрѣпленій. Заслуга ихъ еще болѣе увеличится, когда вспомнимъ, что все это совершалось подъ сильнымъ огнемъ непріятеля. Случалось, что при наложеніи новаго орудія собиралась въ амбразурѣ большая куча рабочихъ, и вдругъ въ эту сплошную массу живаго тѣла врывалось ядро, кровавымъ слѣдомъ запечатлѣвая свой полетъ.

При огромномъ числѣ выпущенныхъ выстрѣловъ, доставка новыхъ зарядовъ на бастіоны представляла не малыя затрудненія. Приготовляемые днемъ и ночью, при свѣтѣ фонарей, заряды укладывались въ троечные полуфурки, которыя должны были двигаться по дорогамъ, покрытымъ глубокою грязью и изрытымъ непріятельскими ядрами. Лошади были изнурены до крайности; заряды доставлялись подъ выстрѣлами, и случалось, что подобный полуфурокъ, взорванный непріятельскою бомбою, взлеталъ на воздухъ вмѣстѣ съ солдатомъ и лошадьми.

Съ разсвѣтомъ 29-го марта, около пяти часовъ утра, союзники открыли по городу столь-же сильное бомбардированіе, какъ и наканунѣ. Самый большой огонь направленъ былъ на Камчатскій люнетъ, Волынскій и Селенгинскій редуты, Малаховъ курганъ, 4-й и 5-й бастіоны. Съ нашей стороны приказано было стрѣлять какъ можно рѣже, такъ чтобы въ теченіе дня расходовать не болѣе 30-ти зарядовъ на орудіе.

Одновременно съ открытіемъ бомбардированія съ сухаго пути, и непріятельскій флотъ, около пяти часовъ утра развелъ пары и выстроился противъ входа въ Севастопольскій рейдъ, но въ дѣло не вступалъ. Простоявъ до вечера на одномъ и томъ же мѣстѣ, онъ отошелъ потомъ назадъ и выстроился въ три линіи, при чемъ въ третью линію поставлены были всѣ фрегаты и пароходы.

Значительное преимущество непріятеля, въ числѣ брошенныхъ снарядовъ, было причиною того, что наши ба-

тареи и на этотъ разъ потерпѣли большія поврежденія и потери.

Къ вечеру были приведены въ совершенное молчаніе пятый бастіонъ, Селенгинскій и Волынскій редуты. На четвертомъ бастіонѣ было подбито 8 орудій, разрушены почти всѣ амбразуры, такъ что онъ могъ дѣйствовать только двумя орудіями. Убыль въ людяхъ была вообще весьма значительная, такъ какъ, въ ежеминутномъ ожиданіи штурма, приходилось держать на бастіонахъ много войскъ.

Съ наступленіемъ сумерекъ гарнизонъ принялся за исправленіе поврежденій и нужно было еще болѣе усилій чѣмъ наканунѣ, чтобы исправить бастіоны и батареи. Солдаты работали безъ отдыха; они, казалось, не чувствовали ни усталости, ни потребности сна. Съ разсвѣтомъ не смыкавшій глазъ гарнизонъ сталъ въ ружье, а прислуга размѣстилась у орудій, заряженныхъ картечью. Ни усиленныя работы, ни безсонница, ничто не могло поколебать русскаго солдата. Легко раненые и контуженные не оставляли своихъ мѣстъ; многіе изъ нихъ не ходили даже на перевязку. Незыблемою живою стѣною стояли моряки и солдаты пѣхотныхъ полковъ, подъ тысячами бомбъ, ядеръ и гранатъ. Непоколебимо, твердо и открытою грудью окружали они городъ, который можно было взять, только уничтоживъ совершенно этотъ живой оплотъ героевъ. Съ безусловнымъ и безкорыстнымъ самопожертвованіемъ, съ чистою и доброю душею, русскій солдатъ отдаетъ свою жизнь отечеству и, не разсчитывая ни на какія награды, исполняетъ свое дѣло по долгу присяги. Оттого онъ всегда готовъ къ смерти: ни совѣсть его не упрекаетъ, ни страхъ не беретъ. Отправляясь въ самый жаркій огонь, солдатъ сниметъ шапку, перекрестится—вотъ онъ и весь тутъ, готовый къ смерти.

Каждый изъ горячо любящихъ свое отечество съ глубокимъ уваженіемъ и благодарностью преклонится предъ подвигами Черноморскаго флота и пѣхотныхъ полковъ: Владимірскаго, Селенгинскаго, Волынскаго, Камчатскаго, Охотскаго, Тобольскаго, Томскаго, Колыванскаго, Екатеринбургскаго, Якутскаго, Сѣвскаго, Алексопольскаго и мно-

гихъ, многихъ другихъ. Не укрѣпленія исключительно, а живыя стѣны этихъ и другихъ полковъ русской арміи обороняли такъ долго городъ, разстрѣливаемый непріятелемъ до совершеннаго разрушенія. — Подобная оборона возможна едва ли не съ однимъ русскимъ солдатомъ. Она возможна только при желѣзномъ терпѣливомъ мужествѣ, готовомъ ежеминутно взглянуть смерти прямо въ глаза и проводить день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцомъ въ постоянныхъ трудахъ и лишеніяхъ; тутъ нужно постоянное геройство, не знающее ни отдыха, ни устали и не разсчитывающее на завтрашній день. Къ числу такихъ героевъ-богатырей принадлежалъ каждый изъ защитниковъ Севастополя. — Безстрашно стоялъ онъ подъ выстрѣлами, опершись на ружье и составляя прикрытіе, безстрашно подъ тѣми же выстрѣлами лѣзъ въ амбразуру или на пороховой погребъ, чтобы затушить пожаръ или предупредить взрывъ; тотъ же солдатъ строилъ укрѣпленіе и чинилъ его, а и на вылазку ходилъ почти каждый день — все онъ же. Брошенный въ однообразную томительную жизнь, солдатъ разнообразилъ ее какъ могъ.

Однажды въ ложементахъ передъ Камчатскимъ люнетомъ завязалась ружейная перестрѣлка, продолжавшаяся нѣсколько часовъ съ необыкновенною живостію.

«Въ одинъ изъ самыхъ жаркихъ моментовъ этой перестрѣлки, пишетъ *П. Алабинъ*, въ одномъ ложементѣ кто-то изъ нашихъ солдатъ затянулъ русскую пѣсню прекраснымъ звучнымъ голосомъ. Мгновенно, будто сговорясь, ее подхватили нѣсколько человѣкъ въ ложементѣ, и эта пѣсня загремѣла, залилась въ пространствѣ, полная мелодіи и силы. Чудное, право, дѣло: или ея звуки заинтересовали французовъ и захотѣлось имъ послушать хорошенько доселѣ ими неслыханной пѣсни, или удивило ихъ мужество поющихъ; какъ бы то ни было, но они прекратили пальбу. Этому примѣру послѣдовали наши стрѣлки, и такимъ образомъ, до самой ночи, смерть не начинала своихъ обычныхъ завываній, будто убаюканная пѣснью русскаго солдата».

Русскій человѣкъ поетъ и въ горѣ и въ радости; поетъ въ хороводахъ, поетъ и въ траншеяхъ, подъ градомъ пуль.

Пѣсня, составляя его развлеченіе, была единственнымъ утѣшеніемъ солдата въ столь тяжкомъ положеніи. Не было ему ни отдыха, ни покоя, но никто не слышалъ отъ него ни жалобы, ни упрека.

Союзники видѣли эту стойкость русскаго солдата и ясно поняли всю трудность осуществленія дальнѣйшихъ своихъ замысловъ. Имѣя значительное преимущество въ запасахъ артиллерійскихъ снарядовъ, они предпочли продолжать бомбардированіе. Направляя главный огонь противъ четвертаго бастіона, они стали пускать ракеты въ городъ, въ бухту и на сѣверную сторону, куда не достигали ихъ ядра и бомбы. Ракеты эти, впрочемъ, не причинили намъ значительнаго вреда. Гораздо большій вредъ причиняли выстрѣлы направленные противъ четвертаго бастіона, на которомъ не было мѣста, куда бы не падали снаряды; ровъ бастіона былъ заваленъ обсыпавшеюся землею, такъ что опасность угрожала входамъ въ минныя галереи. Про этотъ бастіонъ солдаты говорили, что непріятель весь его *разворотилъ*, и что нѣтъ возможности его исправить. Узнавъ объ этомъ, *Нахимовъ* тотчасъ же самъ прискакалъ на бастіонъ.

— Что это за страмъ-съ, говорилъ онъ съ неудовольствіемъ, обращаясь къ солдатамъ, — шесть мѣсяцевъ учатъ васъ подъ огнемъ строиться и исправляться, а вы не можете. Пора бы-съ присноровиться, сметку имѣть.

— Будетъ сдѣлано! Будетъ сдѣлано! кричали защитники-солдаты, у которыхъ работы живо закипѣли и бастіонъ былъ исправленъ на сколько возможно.

Въ теченіе десяти дней непріятель безпрерывно громилъ наши укрѣпленія и городъ. Наиболѣе другихъ доставалось четвертому бастіону и Малахову кургану. Башня на послѣднемъ была пробита насквозь и, казалось, не было въ ней живаго мѣста. Чѣмъ продолжительнѣе было бомбардированіе, тѣмъ болѣе было число подбитыхъ орудій, станковъ, платформъ, и тѣмъ болѣе разрушались укрѣпленія, не смотря на безпрестанныя починки; потеря въ людяхъ точно также съ каждымъ днемъ увеличивалась, такъ какъ въ городѣ нельзя было указать мѣста, гдѣ бы можно было укрыть резервы: снаряды и ракеты поражали всюду.

Самые блиндажи не всегда спасали людей отъ огромныхъ бомбъ, часто падавшихъ на одно и то же мѣсто.

Съ другой стороны, огонь нашихъ батарей и бастіоновъ не проходилъ безслѣдно и для непріятеля. Такъ, третій бастіонъ сохранялъ постоянно превосходство надъ англичанами и 2-го апрѣля успѣлъ взорвать пороховой погребъ на одной изъ ихъ батарей. Взрывъ этотъ нанесъ страшный вредъ непріятелю; четыре амбразуры были совершенно разметаны, бомбическія пушки подбиты. Укрѣпленія сосѣднія съ этою батареею также умолкли на весь остатокъ дня и часть ночи. Въ послѣдующіе за тѣмъ дни недостатокъ у насъ пороха и снарядовъ далъ непріятелю значительное превосходство въ числѣ выстрѣловъ, которыми онъ производилъ важныя поврежденія по всей оборонительной линіи укрѣпленій. Безсмѣнные защитники трудились неутомимо. Нѣсколько тысячъ человѣкъ работали на бастіонахъ, другіе ходили на вылазки, жестоко дрались въ непріятельскихъ траншеяхъ и, наконецъ, третьи трудились въ ложементахъ передъ пятымъ бастіономъ и должны были выдержать натискъ непріятеля гораздо сильнѣйшаго.

Для этой послѣдней работы, въ ночь съ 1-го на 2-е апрѣля, назначены были три батальона Волынскаго полка, двѣ роты Колыванскаго полка и 50 человѣкъ охотниковъ Брестскаго полка.

Едва только французы замѣтили, что мы соединяемъ наши ложементы въ одну траншею, чтобы дѣйствовать продольно и въ тылъ траншей, выведенныхъ ими противъ пятаго бастіона, они тотчасъ же рѣшились употребить всѣ усилія, чтобы овладѣть ложементами. Быстро перебѣжавъ небольшое пространство, раздѣлявшее противниковъ, французы бросились на стоявшій въ прикрытіи рабочихъ батальонъ Волынскаго полка. Въ нашихъ ложементахъ завязалась упорная рукопашная схватка. Ложементы попеременно переходили изъ рукъ въ руки, но, къ сожалѣнію, у насъ былъ раненъ командиръ Волынскаго полка, полковникъ *Лушковъ*. Неизбѣжное въ подобныхъ обстоятельствахъ замѣшательство дало преимущество непріятелю. Уступая многочисленности, волынцы отступили, и тогда съ батарей от-

крыли картечный огонь по атакующимъ колоннамъ. Наши ложементы устраивались всегда такъ, чтобы, въ случаѣ занятія непріятелемъ, можно было обстрѣливать внутренность ихъ съ батарей оборонительной линіи. Такимъ образомъ, при отступленіи нашихъ стрѣлковъ, непріятель почти всегда попадалъ подъ сильный картечный огонь, отъ котораго терпѣлъ очень много. Съ другой стороны, и защита ложементовъ не обходилась намъ дешево. Многіе изъ нихъ находились ближе къ непріятельскимъ траншеямъ, чѣмъ къ своей оборонительной линіи, и потому, очень естественно, каждое нападеніе непріятеля должно было стоить намъ значительныхъ потерь.

Было восемь часовъ вечера 3-го апрѣля. Туманъ и дождь стояли надъ Севастополемъ и его окрестностями. Рабочіе, собираясь на батареяхъ, готовились идти въ сосѣднія траншеи. Вдругъ раздался страшный громъ, и затѣмъ цѣлыя тучи камней, подброшенныхъ къ верху, засыпали четвертый бастіонъ. То былъ взрывъ въ непріятельскихъ минахъ, саженяхъ въ 36 отъ бастіона. Непріятель, желавшій этимъ взрывомъ уничтожить наши минныя работы, не достигъ вполнѣ своей цѣли; онъ повредилъ только самую незначительную оконечность одного изъ рукавовъ, гдѣ были легко ранены три человѣка саперъ. Въ слѣдъ за взрывомъ осаждающій открылъ самый сильный огонь противъ четвертаго бастіона, который, въ свою очередь, сосредоточилъ картечный огонь по тѣмъ ямамъ или воронкамъ, которыя образовались отъ взрыва. Залпы картечью слѣдовали одинъ за другимъ, боченки съ капральствомъ — или съ маленькими ручными гранатами—дружно летѣли другъ за другомъ въ непріятельскія воронки и поражали засѣвшихъ въ нихъ смѣльчаковъ. Сколько ни старались французы утвердиться въ воронкахъ, но всѣ ихъ работы были разбиваемы огнемъ нашей артиллеріи. Непріятельскія тѣла лежали во множествѣ возлѣ воронокъ; никто не рѣшался убирать ихъ, не смотря на то, что между ними были раненые, которые требовали къ себѣ полнаго участія и состраданія. Спасеніе погибавшихъ и бо́льшее участіе въ облегченіи ихъ страданій выпало на долю врага. Не товарищи, а мы русскіе, видя кучу

раненыхъ, предложили, 7-го апрѣля, французамъ перемиріе, съ тѣмъ, чтобы они убрали своихъ раненыхъ и убитыхъ. Несчастные трое сутокъ провели безъ пищи и безъ медицинскаго пособія.

Въ ночь съ 5-го на 6-е апрѣля, французы снова пытались утвердиться въ воронкахъ и устроить изъ нихъ ходъ сообщенія. По полученіи о томъ донесенія изъ секретовъ была предпринята вылазка подъ начальствомъ маіора *Прикоты*. Въ составъ отряда назначено три роты и сто охотниковъ Тобольскаго полка. Двѣ роты этого полка бросились въ штыки и оттѣснили непріятеля. Тогда остальные люди занялись уничтоженіемъ работъ непріятеля, и когда эта послѣдняя цѣль была достигнута, тобольцы отступили, потерявъ только трехъ убитыхъ и трехъ раненыхъ товарищей. Точно такая же вылазка и тѣми же самыми войсками была произведена и въ слѣдующую ночь, съ 6-го на 7-е апрѣля.

Съ этого числа бомбардированіе города прекратилось и перешло въ обыкновенную канонаду. Въ теченіе десяти дней союзники выступили изъ своихъ орудій около 160,000 снарядовъ; съ нашей стороны израсходовано 88,751 снарядъ; ружейныхъ патроновъ было разстрѣляно такъ много, что счесть ихъ не представляется никакой возможности. Это огромное количество чугуна, брошеннаго съ обѣихъ сторонъ, вывело изъ строя убитыми и ранеными 6,335 человѣкъ (4,712 человѣкъ у насъ и 1,623 человѣка у непріятеля [1]).

Десяти-дневное бомбардированіе не привело однако же союзниковъ къ той цѣли, которой они старались достигнуть—оно не ослабило обороны. Приготовляясь къ открытію бомбардированія, англичане писали въ своихъ газетахъ, что союзники заготовили такъ много снарядовъ, что ими можно вымостить все пространство, занятое Севастополемъ, и что готовящееся бомбардированіе *сбрѣетъ* городъ. Въ теченіе десяти-дневной стрѣльбы, они дѣйствительно вы-

[1] Значительность нашей потери противъ потери непріятеля происходила отъ того, что, въ ожиданіи штурма, намъ приходилось держать много людей на батареяхъ и на бастіонахъ, тогда какъ непріятель въ такомъ скопленіи войскъ надобности не имѣлъ.

мостили чугуномъ почти всѣ улицы, но не сбрили не только городъ, но и самыя передовыя укрѣпленія. Напротивъ того, они убѣдились, что послѣ бомбардированія бастіоны такъ же сильны, а гарнизонъ, такъ же стоекъ и безстрашенъ, какъ и до бомбардированія, что обѣщанный ими страшный судъ, въ большомъ видѣ, не испугалъ русскихъ людей и русскихъ солдатъ, готовыхъ во всякую минуту предстать предъ судомъ Божіимъ.

«Нельзя не гордиться именемъ русскаго, писалъ главнокомандующій въ одномъ изъ своихъ донесеній отъ 3-го апрѣля, видя бодрость и, можно сказать веселость севастопольскаго гарнизона среди адскаго огня, продолжающагося безпрерывно уже болѣе шести сутокъ, среди самыхъ утомительныхъ работъ, производимыхъ людьми, почти безъ всякаго отдыха, для исправленія поврежденій, для стаскиванія подбитыхъ орудій, замѣщенія ихъ другими и того подобнаго».

По громадности употребленныхъ союзниками средствъ и по продолжительности времени, второе бомбардированіе не имѣло себѣ равныхъ въ предшествующей жизни рода человѣческаго, но Севастополю суждено было впослѣдствіи выдержать нѣсколько бомбардированій, еще сильнѣйшихъ, какъ бы для большей славы того гарнизона, между чинами котораго господствовала только одна мысль — держаться въ городѣ до послѣдняго человѣка. Никто не помышлялъ объ его оставленіи, даже женщинъ и семейства матросовъ приходилось силою отправлять изъ города. Севастополь все еще сохранялъ видъ города. Правда, во время бомбардированія сильно пострадали слободки, Корабельная и Артиллерійская, какъ ближайшія къ оборонительной линіи укрѣпленій. Отъ домовъ ихъ остались только одни развалины, съ торчавшими голыми трубами, съ садиками и изломанными деревьями. Всеобщее разрушеніе проникло до половины Екатерининской улицы, и хотя остальная часть города, къ сѣверу, пострадала менѣе, но и здѣсь большая часть домовъ стояли безъ рамъ и стеколъ; во многихъ изъ нихъ были разобраны полы, которые пошли на устройство платформъ подъ орудія. Не смотря на то,

на площадяхъ еще производилась торговля, на улицахъ можно было встрѣтить женщинъ и дѣтей Отсылаемые начальствомъ на сѣверную, они возвращались обратно, скрывались подъ грудою развалинъ, гибли отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, но никакія распоряженія не въ силахъ были удалить женщинъ и дѣтей изъ роднаго имъ города, до самыхъ послѣднихъ дней осады.

Въ это время въ Севастополь стали прибывать свѣжія войска и, подходили одинъ за другимъ, транспорты съ порохомъ и снарядами. Извѣстіе это, принятое съ живѣйшею радостію всѣми чинами гарнизона, давало намъ средство усилить артиллерійскій огонь и уничтожить въ этомъ превосходство непріятеля. На бастіонахъ ежедневно являлись начальники славнаго гарнизона: генералъ адъютантъ графъ *Остенъ-Сакенъ*, адмиралъ *Нахимовъ*, генералы: князь *Васильчиковъ*, *Тотлебенъ*, *Хрулевъ*, *Семякинъ* и другіе.

Нельзя не упомянуть здѣсь объ истинно-русской доблести генерала *Семякина*. Полубольной и глухой отъ контузіи, Константинъ Романовичъ *Семякинъ*, до конца осады Севастополя, не только самъ служилъ, какъ слѣдуетъ служить каждому русскому въ подобное трудное время для отечества, но онъ привелъ въ осажденный Севастополь двухъ своихъ сыновей, молодыхъ юношей, и посадилъ ихъ на пятомъ бастіонѣ. Зачисленные на службу юнкерами, они пережили всю осаду Севастополя, и оба заслужили георгіевскіе кресты наравнѣ съ другими удалыми защитниками славнаго города.

Самъ Константинъ Романовичъ почти постоянно находился на бастіонахъ и батареяхъ и подъ конецъ защиты командовалъ всѣми войсками на городской сторонѣ. Онъ мало говорилъ съ солдатами, но войска видѣли его храбрость и хладнокровную распорядительность, а въ молчаливой стойкости генерала находили что-то привлекательное и безпредѣльно довѣрялись ему.

Точно такою же молчаливостію и совершеннымъ спокойствіемъ отличался и Павелъ Степановичъ *Нахимовъ*, всегда съ восторгомъ встрѣчаемый своими подчиненны-

ми. Одного слова *Нахимова* было достаточно для того, чтобы заставить ихъ сдѣлать самыя сверхъ-естественныя вещи. Всѣ матросы радостно высыпали на встрѣчу адмиралу при первомъ его появленіи на бастіонѣ, и, казалось, они оживлялись въ его присутствіи. Съ восторгомъ узнали они, что, въ первый день Пасхи, Павелъ Степановичъ былъ произведенъ въ полные адмиралы. Послѣдній по своей скромности забывая свое значеніе, приписалъ это производство не собственнымъ достоинствамъ, а заслугамъ дорогихъ ему сослужицевъ.

«Геройская защита Севастополя, писалъ онъ въ приказѣ по флоту, въ которой семья моряковъ принимаетъ такое славное участіе, была поводомъ къ безпримѣрной милости Монарха ко мнѣ, какъ старшему въ ней».

«Высочайшимъ приказомъ, отъ 27-го минувшаго марта, я произведенъ въ адмиралы. Завидная участь имѣть подъ своимъ начальствомъ подчиненныхъ, украшающихъ начальника своими доблестями, выпала на меня.

«Я надѣюсь, что гг. адмиралы, капитаны и офицеры дозволятъ мнѣ здѣсь выразить искренность моей признательности сознаніемъ, что, геройски отстаивая драгоцѣнный для Государя и Россіи Севастополь, они доставили мнѣ милость не заслуженную.

«Матросы! мнѣ ли говорить вамъ о вашихъ подвигахъ на защиту роднаго намъ Севастополя и флота! Я съ юныхъ лѣтъ былъ постоянно свидѣтелемъ вашихъ трудовъ и готовности умереть по первому приказанію; мы сдружились давно; я горжусь вами съ дѣтства. Отстоимъ Севастополь, и если Богу и Императору будетъ угодно, вы доставите мнѣ случай носить мой флагъ на гротъ-брамъ-стеньгѣ съ тою же честью, съ какою я носилъ его, благодаря вамъ, и подъ другими клотиками; вы оправдаете довѣріе и заботы о насъ Государя и генералъ-адмирала и убѣдите враговъ православія, что на бастіонахъ Севастополя мы не забыли морскаго дѣла, а только укрѣпили одушевленіе и дисциплину, всегда украшавшія черноморскихъ моряковъ».

X.

Бой въ ложементахъ 19-го апрѣля.—Праздникъ Охотскаго полка. — Усиленіе гарнизона новыми полками.—Прибытіе въ Крымъ французскихъ резервовъ и корпуса сардинцевъ.—Назначеніе генерала Пелисье французскимъ главнокомандующимъ.

Подвигаясь своими подступами къ редуту Шварца, находившемуся между 4-мъ и 5-мъ бастіонами, французы, подавшись далеко впередъ, стали угрожать флангамъ и даже тылу четвертаго бастіона. Чтобы остановить ихъ работы, рѣшено было устроить нѣсколько передовыхъ ложементовъ, съ тѣмъ, чтобы соединить ихъ потомъ въ одну общую траншею.

Для исполненія этой работы было назначено семь батальоновъ: 2 батальона Суздальскаго, 3 батальона Екатеринбургскаго и 2 Волынскаго полковъ. Общее начальство надъ ними поручено было генералъ-маіору *Хрущеву*.

Съ наступленіемъ вечера, 11-го апрѣля, войска были выведены на назначенныя имъ мѣста: суздальцы начали работу, екатеринбургцы и волынцы составляли ихъ прикрытіе. Темнота ночи способствовала скрытности работъ. Французы замѣтили ихъ только тогда, когда рабочіе достаточно прикрылись, и хотя непріятельскіе стрѣлки тотчасъ же открыли ружейный огонь, не прерывавшійся въ теченіе всей ночи, но работа шла весьма успѣшно. Къ утру явились четыре ложемента, на 40 человѣкъ стрѣлковъ каждый. Ложементы эти были тотчасъ же заняты нашими стрѣлками, открывшими огонь по непріятельскимъ траншеямъ.

На слѣдующій день, съ наступленіемъ вечера, для окончанія работъ были назначены два батальона Суздальскаго, три—Екатеринбургскаго и два—Алексопольскаго полковъ. Едва только наши войска стали подходить къ ложементамъ, какъ французы, сдѣлавъ залпъ изъ ружей, выскочили изъ траншей и заняли ложементы. Екатеринбургцы ударили въ штыки и вытѣснили оттуда французовъ, а суздальцы продолжали работу подъ сильнымъ огнемъ непріятеля. 19-го апрѣля ложементы эти были соединены общею траншеею, имѣли 250 саж. длины и могли помѣстить цѣлый батальонъ. Въ

ложементахъ были поставлены 9 мортиръ, которыя, вмѣстѣ со стрѣлками, не переставали тревожить непріятеля.

Съ наступленіемъ сумерекъ, 19 го апрѣля, для окончанія работъ въ ложементахъ было назначено два батальона Волынскаго полка, подъ прикрытіемъ двухъ батальоновъ Углицкаго. Около 10 часовъ вечера, французы атаковали нашихъ рабочихъ. Непріятель пошелъ тремя колоннами, изъ которыхъ двѣ обошли съ фланговъ, а другая ударила съ фронта. Пользуясь темнотою ночи, французы тихо приблизились къ ложементамъ, обогнули правый флангъ траншеи, зашли въ тылъ и безъ выстрѣла пошли на штыки. Углицкій полкъ принялъ сначала французовъ *за своихъ*, и хотя скоро замѣтилъ ошибку, но было уже поздно: стремительный натискъ непріятеля съ трехъ сторонъ рѣшилъ дѣло. Углицкіе батальоны отступили и траншеи достались непріятелю. Работавшіе въ траншеяхъ волынцы, схвативъ ружья составленныя въ козла, пытались-было броситься въ штыки, но были смяты отступавшими углицкими батальонами. Непріятель тотчасъ же сталъ передѣлывать ложементы въ свою пользу.

Съ пріобрѣтеніемъ этихъ ложементовъ, французы занимались возведеніемъ новыхъ батарей почти по всей оборонительной линіи. Для воспрепятствованія этимъ работамъ защитники города дѣлали ежедневно вылазки, имѣвшія цѣлію уничтожить работы непріятеля. Каждый день съ наступленіемъ сумерекъ изъ разныхъ пунктовъ оборонительной линіи выходили охотники, бросались въ траншеи и бились на-смерть, оспаривая каждый шагъ родной земли. Здѣсь сходились обѣ стороны лицомъ къ лицу, грудь съ грудью, на штыки и сабли: смерть отъ холоднаго оружія присоединялась къ рѣющей смерти отъ свинца и чугуна. Это былъ рядъ геройскихъ подвиговъ, совершенныхъ въ темнотѣ, слѣдовательно безъ всякой претензіи на извѣстность, подвиговъ, оставшихся въ неизвѣстности, но полезныхъ для обороны и гибельныхъ для врага.

Усиленная дѣятельность атакующаго вызвала таковую же и со стороны обороняющагося, который также строилъ новыя батареи, усиливалъ уже существовавшія, очищалъ мѣста

и проводилъ дороги для болѣе удобнаго движенія подкрѣпленіямъ и резервамъ, и, наконецъ, окончилъ устройство моста черезъ южную бухту для свободнаго сообщенія между городомъ и корабельною стороною.

Безпрерывныя земляныя работы и постоянное сторожевое положеніе подъ огнемъ непріятеля до чрезвычайности изнуряло солдатъ. Для облегченія ихъ трудной службы полкамъ давался по очереди отдыхъ. Въ концѣ апрѣля мѣсяца такая очередь выпала на долю Охотскаго полка, бывшаго безвыходно въ Севастополѣ со времени прихода въ Крымъ. Храбрые охотцы просили позволенія не ходить на сѣверную и предпочли отдохнуть на корабельной, позади роднаго имъ 3-го бастіона, въ морскихъ госпиталяхъ близъ Александровскихъ казармъ.

Наступала весна. Проливной дождь, шедшій безпрерывно въ теченіе трехъ сутокъ съ 27—30 апрѣля, произвелъ благотворное вліяніе на южную почву: все оживилось и зацвѣло. Екатерининская улица сдѣлалась натуральнымъ бульваромъ. По обѣимъ сторонамъ ея зеленѣли деревья, кой-гдѣ видны были садики, обнесенные небольшими полисадничками. Стѣны полуразрушенныхъ домовъ, разбитыя колонны, балконы и навѣсы обвились вьющеюся зеленью лозъ и винограда. Съ появленіемъ весны стало привольнѣе и веселѣе всѣмъ заключеннымъ въ осажденномъ городѣ. Рокотъ выстрѣловъ, казалось, отдавался не такъ угрюмо. Ясные теплые дни манили на воздухъ. На городской сторонѣ, на бульварѣ, примыкавшемъ къ памятнику Казарскаго, устроились постоянныя гулянья и играла музыка: на корабельной сторонѣ игралъ другой хоръ на Владимірской площади. Разнородный людъ спѣшилъ къ этимъ двумъ центрамъ и гулянья дѣлались самыми оживленными. Здѣсь перемѣшивались всѣ чины, но никто не унывалъ, не смотря на тягость осады и на огромныя потери.

Расположившись за третьимъ бастіономъ, охотцы отдыхали отъ понесенныхъ трудовъ. Перваго мая имъ кончался срокъ полугодичнаго пребыванія на передовыхъ линіяхъ осажденнаго города. Легко произнести полгода, но не легко было охотцамъ прожить шесть мѣсяцевъ на бастіонахъ

севастопольскихъ. Въ теченіе этого времени многихъ не стало, много сѣдины прибавилось у одного, сколько недуговъ досталось на долю другаго, иной похудѣлъ, и всѣ до единаго перенесли много трудовъ и лишеній.

Вспоминая прошлое, вспоминая скучную и однообразную жизнь, охотцы, пользуясь временемъ отдыха, рѣшились отпраздновать полугодичный юбилей своей славной боевой службы—положили сдѣлать обѣдъ для всѣхъ свободныхъ отъ службы офицеровъ.

1-го мая утромъ на корабельной было замѣтно стеченіе народа, собравшагося на праздникъ Охотскаго полка. По обычаю православныхъ—освящать молитвою начало каждаго дѣла, охотцы собрались въ походной церкви, гдѣ сначала была отслужена панихида по убитымъ, а затѣмъ благодарственный молебенъ. Прежде другихъ вышелъ изъ церкви взводъ георгіевскихъ кавалеровъ въ 70 человѣкъ: живая лѣтопись славныхъ подвиговъ севастопольскихъ защитниковъ вообще и Охотскаго полка въ особенности. Въ рядахъ молодецкаго взвода стояло три человѣка безъ крестовъ, но пріѣхалъ начальникъ штаба гарнизона князь *Васильчиковъ* и привезъ имъ кресты, назначенные главнокомандующимъ за послѣднюю вылазку. Громкое: «ради стараться!» было отвѣтомъ на привѣтствіе князя и поздравленіе вновь пожалованныхъ.

Пройдя церемоніальнымъ маршемъ взводъ кавалеровъ вступилъ въ обѣденный залъ, гдѣ грянули четыре хора музыки полковъ 11-й пѣхотной дивизіи и собранные съ тѣхъ же полковъ 80 человѣкъ пѣвчихъ.

Обѣдъ начался...

Небольшой домикъ на корабельной, въ которомъ жилъ генералъ *Хрулевъ* и гдѣ совершился праздникъ, былъ заставленъ столами, убранными букетами душистой бѣлой акаціи, нѣжной желтофіоли и самыхъ разнообразныхъ тюльпановъ. На столахъ виднѣлись дорогіе сервизы и самыя роскошныя вина. Заморскія вина — не диковина была въ Севастополѣ. Правда, дорогою цѣною покупалась эта роскошь, но не считались рубли тамъ, гдѣ самая жизнь была ничемъ. Тосты за здравіе Государя Императора и дру-

гихъ особъ царскаго дома, при громѣ оркестровъ музыки и хора пѣвчихъ, были встрѣчены восторженнымъ «ура»! Когда провозглашено было за здоровье главнокомандующаго, тогда музыканты и пѣвчіе подхватили такъ называемую *горчаковскую* пѣсню:

Жизни тотъ одинъ достоинъ,
Кто на смерть всегда готовъ;
Православный, русскій воинъ,
Не считая бьетъ враговъ... и проч.

Прекрасная по словамъ и по музыкѣ, пѣсня эта была встрѣчена съ всеобщимъ восторгомъ.

По окончаніи обѣда многіе вышли въ палисадникъ передъ домомъ, на балконѣ котораго появился начальникъ корабельной стороны генералъ *Хрулевъ*, встрѣченный единодушнымъ крикомъ охотцевъ. Солдаты хорошо знали *Хрулева*, и *Хрулевъ* зналъ охотцевъ давно: онъ водилъ ихъ въ атаку въ дѣлѣ подъ Туртукаемъ.

Фельдфебель *Кривопутовъ* подошелъ къ балкону съ бокаломъ шампанскаго и закричалъ: за здоровье генерала *Хрулева* Степана Александровича!

Хрулевъ взялъ бокалъ налилъ въ него водки и провозгласилъ: за здоровье всѣхъ георгіевскихъ кавалеровъ «ура»!

Праздникъ былъ въ полномъ разгарѣ.

«До вечера, пишетъ П. Алабинъ, матросы и солдаты пѣли родныя пѣсни; одушевленная музыка не умолкала— хоръ смѣнялся хоромъ; собрались толпы слушателей, слушательницъ; вся корабельная ожила, какъ будто не было врага у ея черты: въ окрестностяхъ пира затѣялась пляска, игры, никто не обращалъ вниманія на снаряды, по временамъ проносившіеся, на бомбы, неподалеку лопавшіяся въ воздухѣ, мгновенно образуя густое бѣлое облачко, живописно рисовавшееся на синемъ небѣ! «Намъ на праздникъ французы бросаютъ букеты», шутя говорили офицеры.

«Все было весело, неподдѣльно, и всякій свою радость хотѣлъ дѣлить съ товарищами лишеній, опасности, труда. Звали на пиръ извѣстныхъ удальцовъ севастопольскихъ, поили шампанскимъ, цѣловали ихъ, приказывая сказать

товарищамъ, что генералы и офицеры пьютъ за ихъ здоровье».

Такъ кончился этотъ праздникъ единственный въ своемъ родѣ и не повторяемый, какъ и самый Севастополь, въ которомъ онъ происходилъ.

Большая часть пировавшихъ отправились съ праздника на бастіоны, а были и такіе, которые пошли прямо на вылазку. Въ тотъ же самый вечеръ, на нашемъ правомъ флангѣ были произведены двѣ удалыя вылазки. Одна въ 160 чел., подъ начальствомъ поручика *Сутковскаго*, ворвалась въ непріятельскія траншеи между 5-мъ и 6-мъ бастіонами; другая партія, составленная изъ охотниковъ Колыванскаго полка, бросилась во французскую траншею противъ редута Шварца. Испортивъ насыпи, раскидавъ туры и положивъ на мѣстѣ многихъ рабочихъ, захваченныхъ въ расплохъ, обѣ партіи вернулись въ городъ.

Такимъ образомъ на праздникѣ гремѣла еще музыка, слышались тосты и крики — а здѣсь на бастіонахъ шла безпрерывная канонада, причинявшая обѣимъ сторонамъ значительныя потери. Съ 11 апрѣля и по 9 мая было выпущено нами 67,685 снарядовъ и выбыло изъ строя 5,674 челов. Многіе полки до того были разстроены въ своемъ составѣ, что въ батальонѣ состояло только отъ 200 до 400 человѣкъ. Эта малочисленность батальоновъ заставила переформировать полки: тѣ, которые имѣли не болѣе 800 человѣкъ въ одно-батальонные, а имѣвшіе до 1,500 чел., въ двухъ-батальонные. Такимъ образомъ 12 полковъ оказались въ уменьшенномъ составѣ. На усиленіе ихъ принуждены были ввести на южную сторону пять новыхъ полковъ (1), двѣ батареи полевой артиллеріи (2) и двѣ роты 3-го сапернаго батальона.

Весело, съ шутками и прибаутками, встрѣчали уцѣлѣвшіе защитники Севастополя вновь прибывавшіе полки.

---

(1) Полки: Муромскій, князя Варшавскаго, Азовскій, Подольскій и Житомирскій—всѣ въ четырехъ-батальонномъ составѣ.

(2) 10-й артиллерійской бригады № 1-й и 14-й артиллерійской бригады № 4-й.

Въ Севастополѣ солдаты получали свѣжій печеный хлѣбъ, приготовляемый ежедневно въ особо устроенныхъ въ ямахъ печахъ. Напротивъ того, войскамъ, расположеннымъ на сѣверной и въ окрестностяхъ города, за недостаткамъ дровъ должны были выдавать сухари. Отъ того печеный, свѣжій хлѣбъ у солдатъ, стоявшихъ внѣ города, считался лакомствомъ. Эта разница въ продовольствіи и служила источникомъ многихъ остротъ и шутокъ, ходившихъ между солдатами. Вотъ одна изъ нихъ. Новые полки переправляются черезъ бухту въ Севастополь. Тамъ, въ городѣ, на берегу множество зѣвакъ встрѣчаютъ ихъ. Подъѣзжаетъ первый баркасъ съ народомъ; на берегу стоитъ солдатъ, избочась и подсмѣиваясь.

— Что, братцы, пожаловали? кричитъ онъ вновь прибывшимъ, аль печенаго хлѣбца захотѣлось.

— Ладно, ладно! отвѣчаютъ прибывшіе, мы станемъ печенымъ пробавляться, а вы ступайте стирать зубы сухарями.

Переправившіеся полки размѣщались на наиболѣе важныхъ пунктахъ оборонительной линіи. Къ непріятелю прибывали также подкрѣпленія. 27 апрѣля прибыли къ союзникамъ 15 тысячъ сардинцевъ и подходили французскіе резервы. Силы союзниковъ росли и достигли до 200 тыс. человѣкъ. Въ это время въ составѣ французской арміи были сдѣланы переформированія и назначенъ новый главнокомандующій. Генералъ *Канроберъ* передалъ начальство надъ арміею генералу *Пелисье*, а самъ принялъ въ командованіе свою прежнюю дивизію.

Рѣшительный и энергическій характеръ новаго главнокомандующаго отразился на войскахъ и осадныя работы пошли съ большею дѣятельностію.

XI.

Дѣло съ 10-го на 11-е мая.—Осада и защита по 26-е мая.

Въ обѣденную пору 5 мая, главнокомандующій потребовалъ къ себѣ генералъ-лейтенанта *Хрулева* и объявилъ,

что онъ назначится начальникомъ правой половины оборонительной линіи или городской стороны.

Занятіе французами ложементовъ передъ редутомъ Шварца могло имѣть невыгодныя послѣдствія для защитниковъ. Устроивъ въ ложементахъ батареи, и подъ прикрытіемъ ихъ подвинувшись впередъ своими подступами, непріятель могъ нанести огромный вредъ нашимъ укрѣпленіямъ, заставить отвести войска съ этой части оборонительной линіи, отрѣзать сообщеніе съ городомъ 4-го и 5-го бастіоновъ, и затѣмъ штурмовать ихъ съ полнымъ вѣроятіемъ на успѣхъ. Но для того, чтобы подвинуться впередъ, осаждающій долженъ былъ овладѣть Кладбищенскою высотою, находившеюся впереди 5-го бастіона и противъ люнета Бѣлкина (№ 7). Пока Кладбищенская высота была въ нашихъ рукахъ, до тѣхъ поръ и непріятель не могъ предпринять ничего рѣшительнаго. Итакъ, вниманіе обоихъ противниковъ сосредоточивалось на этой высотѣ: французы должны были употреблять всѣ усилія къ скорѣйшему овладѣнію высотою, тогда какъ защищающемуся слѣдовало отстаивать ее какъ можно упорнѣе и стараться удержать за собою.

Эта послѣдняя цѣль могла быть выполнена защищающимся только тогда, когда для защиты высоты будутъ употреблены значительныя войска и сдѣлано для нихъ достаточное прикрытіе отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Еще зимою было устроено нами на Кладбищенской высотѣ нѣсколько ложементовъ, но теперь ихъ было недостаточно для помѣщенія значительнаго числа войскъ. По этому рѣшено было вдоль по скату горы, обращенному къ непріятелю, заложить траншею въ 200 саженъ, приспособить ее къ артиллерійской и ружейной оборонѣ, и соединить съ ложементами, расположенными правѣе надъ Карантинною бухтою. Для исполненія этихъ работъ была назначена ночь съ 9 на 10 мая. Наканунѣ начальникъ инженеровъ, генералъ *Тотлебенъ*, произвелъ разбивку траншеи, указалъ порядокъ слѣдованія войскамъ, расположеніе секретовъ, прикрытія и распредѣленіе рабочихъ.

Для производства работъ и для прикрытія рабочихъ

были назначены полки: Подольскій и князя Варшавскаго (каждый по 4 батальона) и два батальона Житомирскаго полка—всего десять батальоновъ, въ которыхъ было около $5^1/_2$ тысячъ человѣкъ. Изъ нихъ 9 батальоновъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора *Адлерберга*, назначались для работъ у кладбища; а одинъ батальонъ Житомирскаго полка—у Карантинной бухты. Работы эти должны были производиться одновременно, по всей линіи. Общее начальство надъ всѣми войсками поручено генералъ-лейтенанту *Хрулеву*.

Съ наступленіемъ ночи 9-го мая, осторожно и тихо вышли войска изъ за укрѣпленій оборонительной линіи и, занявъ указанныя мѣста, приступили къ работѣ подъ личнымъ наблюденіемъ генерала *Тотлебена*. Впереди ихъ расположились охотники, собранные съ полковъ Великаго Князя *Михаила Николаевича*, Владимірскаго и изъ резервныхъ батальоновъ 13-й пѣхотной дивизіи; еще дальше охотниковъ, подкравшись какъ можно ближе къ непріятелю, залегли пластуны Черноморскаго казачьяго № 8 батальона. Рабочіе разставлены были такъ, что, въ случаѣ нападенія непріятеля, могли, оставивъ инструменты, встрѣтить его штыками.

Стояла тихая туманная ночь: рѣдкіе выстрѣлы съ французскихъ батарей смѣшивались съ шумомъ большаго числа непріятельскихъ рабочихъ, трудившихся въ своихъ траншеяхъ, не далѣе нѣсколькихъ десятковъ шаговъ отъ вновь проводимой нами траншеи. По непріятельскимъ работамъ всю ночь стрѣляли 5-й бастіонъ и сосѣдній съ нимъ люнетъ Бѣлкина.

Солдаты, какъ бы сознавая важность предпринимаемаго, работали успѣшно, не смотря на твердость грунта. Между рабочими ходили офицеры; здѣсь же находились генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ*, генералы *Семякинъ*, кн. *Васильчиковъ*, *Тотлебенъ* и нѣсколько артиллерійскихъ офицеровъ, присланныхъ для ознакомленія съ мѣстностію.

Въ этомъ ночномъ молчаливомъ предпринятіи было что-то величественное; всѣ приказанія отдавались шопотомъ. На бастіонахъ шла обычная перестрѣлка. Кое-гдѣ въ ту-

манной дали мигала бомба или грохотало дежурное орудіе, посылая невидимое ядро, а тамъ въ сторонѣ, ближе къ 4-му бастіону, трескотали неугомонные штуцера стрѣлковъ, засѣвшихъ въ ложементахъ.

Къ утру 10 мая траншея была приведена въ такое состояніе, что, вмѣстѣ съ прежними ложементами, могла доставить прикрытіе для двухъ батальоновъ пѣхоты. Непріятель, не ожидавшій столь смѣлаго шага, съ удивленіемъ увидѣлъ передъ собою длинный валъ почти въ версту протяженія (450 саженъ).

Передъ разсвѣтомъ рабочіе, потерявшіе только одного человѣка раненымъ, были отведены за оборонительную линію, а въ траншеяхъ оставлено только 70 стрѣлковъ.

Утромъ, 10-го мая, французы открыли усиленную канонаду по вновь появившейся постройкѣ, по 5-му бастіону и люнету Бѣлкина (№ 7). Послѣдніе отвѣчали частымъ огнемъ и, такимъ образомъ, съ обѣихъ сторонъ завязалась самая оживленная канонада, продолжавшаяся въ теченіе цѣлаго дня. Къ вечеру огонь постепенно ослабѣлъ, и въ непріятельскихъ траншеяхъ было замѣтно скопленіе войскъ. По всему видно было, что французы приготовлялись или къ отбитію траншей, или, по крайней мѣрѣ, къ посильной порчѣ ихъ. Люди опытные и привычные предвидѣли въ предстоящую ночь жаркое дѣло. Они не ошиблись.

Едва только утромъ 10-го мая, въ союзномъ лагерѣ стало извѣстно, что русскіе заняли высоты Кладбищенскую и у Карантинной бухты, какъ главнокомандущій французскою арміею, генералъ *Пелисье*, прибылъ осмотрѣть эти работы. Онъ тотчасъ же отдалъ приказаніе командиру 1-го корпуса, генералу *де-Саллю*, въ предстоящую ночь уничтожить работы русскихъ, если можно овладѣть ими, и обратить ихъ противъ непріятеля. *Де-Салль* назначилъ цѣлую дивизію съ тѣмъ, чтобы произвести двѣ атаки: одну противъ ложементовъ у бухты, а другую—противъ траншеи у кладбища.

Наступалъ вечеръ; генералъ *Хрулевъ* приказалъ подкрѣпить штуцерныхъ цѣлымъ батальономъ и сдѣлалъ всѣ распоряженія къ продолженію работъ. Тѣ же самые полки,

которые работали надъ заложеніемъ траншей, должны были ихъ и окончить; имъ сдѣланъ тотъ же разсчетъ, назначенъ тотъ же порядокъ слѣдованія и тѣ же мѣста расположенія. Въ 9 часовъ вечера, войска должны были выступить на назначенныя имъ мѣста. Въ это время большая часть осадныхъ батарей открыла самый жестокій огонь по правому флангу нашей оборонительной линіи. Въ слѣдъ за тѣмъ секреты донесли, что непріятель, въ своихъ траншеяхъ противъ 5-го и 6-го бастіоновъ, собираетъ значительныя силы.

Непроницаемая темнота ночи спустилась надъ Севастополемъ. Дымъ отъ выстрѣловъ покрылъ весь промежутокъ земли между непріятельскими батареями и нашими бастіонами. Подольскій полкъ, не обращая вниманія на усиленный огонь французовъ, отправился на работы. Въ это время по всему протяженію траншей посыпались пули, послышались крики французовъ и наше русское ура! По всѣмъ непріятельскимъ подступамъ заиграли рожки и сигнальныя трубы. Французы бросились на полуоконченныя траншеи, вытѣснили оттуда нашихъ стрѣлковъ и овладѣли ими, прежде чѣмъ войска, назначенныя для работъ, могли подоспѣть на помощь стрѣлкамъ.

Такимъ образомъ приходилось теперь не французамъ, а намъ выбивать непріятеля изъ своихъ траншей. Не теряя напрасно времени, генералъ *Хрулевъ* тотчасъ же двинулъ войска. Весь Подольскій полкъ и два батальона Эриванскаго князя Варшавскаго полка двинулись на Кладбищенскую высоту, а два батальона Житомирскаго и одинъ батальонъ князя Варшавскаго полковъ — противъ ложементовъ у Карантинной бухты. Едва показались наши колонны, какъ гребень насыпи мгновенно вспыхнулъ подобно молніи, и самый частый ружейный огонь засверкалъ на встрѣчу нашимъ колоннамъ, освѣщая красныя шапочки съ горизонтальными козырьками французскихъ егерей, засѣвшихъ въ траншеяхъ. Разстояніе было такъ близко, что свиста пуль уже не было слышно, но видно было ихъ дѣйствіе: съ права и съ лѣва падали товарищи. Минута была рѣшительная.

— Впередъ, братцы! крикнулъ кто-то сзади, и солдаты врѣзались въ траншею.

Стремительнымъ ударомъ въ штыки французы были вытѣснены. Отступившій непріятель собирался съ новыми силами и подготовлялъ себѣ успѣхъ артиллерійскимъ огнемъ своихъ батарей. Мѣстность передъ бастіонами праваго фланга горѣла безпрерывными огненными вспышками орудійныхъ выстрѣловъ, которымъ вторила перекатная ружейная пальба. Множество снарядовъ, прицѣльныхъ и навѣсныхъ, ложилось въ наши укрѣпленія. Французы, казалось, старались засыпать бастіоны и батареи ядрами и гранатами; многія изъ нихъ потерпѣли значительныя и серьезныя поврежденія и, по необходимости, принуждены были ослабить свой огонь. Тогда французы вторично бросились въ атаку; подольцы, волынцы и житомирцы и на этотъ разъ встрѣтили ихъ штыками.

Борьба приняла страшные размѣры; ложементы нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки. Сплошное облако пороховаго дыма стояло надъ сражающимися. Съ бастіоновъ и непріятельскихъ батарей гудѣла самая частая канонада; одинъ люнетъ *Бѣлкина* выпустилъ въ эту ночь до 3,000 снарядовъ. Противники соперничали другъ съ другомъ, направляя огонь преимущественно по войскамъ и ихъ резервамъ. Надъ головами сражавшихся взадъ и впередъ двигалась, съ ревомъ и гуломъ, чугунная туча; изъ безпрерывно пускаемыхъ бомбъ образовался надъ полемъ битвы цѣлый огненный сводъ. Красноватый свѣтъ выстрѣловъ по временамъ освѣщалъ мѣстность, по которой въ разныхъ направленіяхъ двигались носильщики съ ранеными и черные квадраты—то были полки, свернувшіеся въ ротныя колонны. Подъ ногами безпрестанно попадались раненые и убитые; солдаты спотыкались объ ихъ тѣла и наступали на раненыхъ, вызывая болѣзненные стоны. Пораженные пулями, товарищи падали; ихъ крики и возгласы слышались повсюду.

— Прощайте, братцы! говорилъ одинъ.

— Отцы родные, не покиньте! кричалъ другой.

О помощи раненымъ нечего было и думать, до окон-

чанія сраженія. Теперь всѣ заняты были только тѣмъ, какъ бы отразить непріятеля, наступавшаго съ новыми силами.

— Ишь валитъ! совсѣмъ попятилъ подольцевъ, говорили солдаты, двинутые изъ резервовъ.

Бѣглымъ шагомъ, съ ружьемъ на перевѣсъ, спѣшили наши колонны на выручку своихъ. Офицеры, съ саблями наголо, были впереди и ободряли солдатъ, которые на бѣгу крестились и тихо шептались между собою.

«Описывать всѣ ужасы этой ночи — я не могу, говоритъ одинъ изъ участниковъ боя, потому что не разобралъ ничего: строились колонны, кричали «ура!», командовали, наступали и отступали».

Противъ лѣваго фланга нашихъ ложементовъ дрались французскіе гвардейцы. Будучи первый разъ въ огнѣ и желая сравняться съ прочими полками, уже обстрѣленными, они дрались упорно. Доставшіяся въ наши руки ружья гвардейцевъ были забиты грязью. Это объясняли тѣмъ, что они положили не дѣлать ни одного выстрѣла, а сражаться только штыками. Схватка достигала до чрезвычайнаго разгара. Тѣснимые вновь прибывшими силами, наши полки были выбиты изъ траншей и отступили, потерявъ командира 2-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіора *Адлерберга*. Онъ былъ убитъ, идя въ головѣ колонны, направленной противъ непріятеля.

Находившійся на 5-мъ бастіонѣ генералъ *Тотлебенъ*, какъ только узналъ о смерти генерала *Адлерберга* и объ отступленіи нашихъ войскъ, тотчасъ же двинулъ имъ на помощь четвертый баталіонъ Эриванскаго полка, поручивъ вести его командиру 4-го сапернаго баталіона полковнику *Гарднеру*. Подкрѣпивъ отступавшія войска и устроивъ ихъ, полковникъ *Гарднеръ* стремительнымъ ударомъ въ штыки отбросилъ непріятеля, причемъ солдаты Подольскаго полка, преслѣдуя отступавшихъ, ворвались во французскую траншею и часть ея раззорили.

Въ это время генералъ *Хрулевъ*, желая окончательно удержать за собою кладбищенскія траншеи и зная, что участвовавшіе полки понесли значительныя потери, дви-

нулъ въ подкрѣпленіе имъ семь ротъ Углицкаго и два батальона Минскаго полковъ. Лишь только подкрѣпленія эти появились на полѣ сраженія, какъ французы, подкрѣпленные свѣжими войсками, еще разъ бросились въ атаку. Войска наши, встрѣтивъ наступающихъ грудью, упорно защищались. Въ траншеяхъ пальба замолкла. Тамъ слышно было только, какъ стучали приклады, звенѣли штыки, раздавались вопли, ожесточенные крики, крупная брань и порою чувствовались брызги чьей-то теплой крови....

Обѣ стороны дрались съ отчаянною храбростію. Траншеи пять разъ переходили изъ рукъ въ руки. Полки: Подольскій, Эриванскій, Минскій и Углицкій соперничали между собою и работали штыкомъ съ такою настойчивостію, что непріятель принужденъ былъ ввести въ дѣло всѣ свои резервы, и все-таки отступить. Наши одолѣли и погнали французовъ, причемъ Углицкій полкъ кровью омылъ свою недавнюю неудачу и оказалъ чудеса храбрости. По пятамъ французовъ онъ ворвался въ ихъ траншею, перебилъ много народа, но за то и самъ понесъ значительную потерю. Не было ни одного офицера, который бы вышелъ изъ траншей невредимымъ, а изъ цѣлаго батальона возвратилось здоровыхъ только 80 человѣкъ.

Бой не прекращался въ теченіе всей ночи и стоилъ огромныхъ потерь намъ и союзникамъ. У насъ выбыло изъ строя 77 штабъ и оберъ-офицеровъ и 2569 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Мы потеряли генерала *Адлерберга*. Сынъ этого генерала, не участвовавшій въ дѣлѣ, но отправившійся отыскивать тѣло отца, былъ также убитъ.

Передъ разсвѣтомъ бой прекратился; траншеи на Кладбищенской высотѣ были заняты нами, у Карантинной же бухты—непріятелемъ. Артиллерійская канонада стала мало по малу стихать, и полки возвращались за оборонительную линію, гдѣ были встрѣчены радостными привѣтствіями. Не смотря на всеобщее утомленіе, солдаты отступали съ пѣснями, медленно, никѣмъ не тревожимые. Было уже свѣтло, когда войска отходили, двигаясь по мѣстности, обстрѣливаемой французскими батареями, но французы не сдѣлали ни одного выстрѣла. Сражавшіеся съ уваженіемъ

смотрѣли другъ на друга. Какъ русскіе, такъ и французскіе солдаты, всегда были справедливы къ храбрости противника.

— Французъ хорошо дерется, говорили наши солдаты послѣ жаркаго боя.

Русскій солдатъ любитъ брать грудью, штыкъ предпочитаетъ всему и не охотникъ прятаться за камнемъ и оттуда, издалека, поражать непріятеля пулями.

Взошло солнце и освѣтило кровавую картину. Все пространство по обѣимъ сторонамъ траншеи было завалено тѣлами убитыхъ, но къ уборкѣ ихъ никто не приступалъ по причинѣ сильнаго артиллерійскаго огня съ обѣихъ сторонъ, продолжавшагося съ ранняго утра и до поздней ночи. Къ вечеру получено было свѣдѣніе, что французы стягиваютъ опять значительныя силы и, по всей вѣроятности, намѣрены снова атаковать кладбищенскія траншеи. Предвидя большія потери въ случаѣ дальнѣйшаго отстаиванія траншей и не находя возможности подкрѣпить севастопольскій гарнизонъ новыми войсками, князь *Горчаковъ* приказалъ, для охраненія ихъ и для окончанія работъ подъ руководствомъ генерала *Тотлебена*, назначить только два батальона Житомирскаго полка, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ атаки непріятеля въ такихъ силахъ, которыя невозможно будетъ удержать двумъ батальонамъ, отступить безъ боя.

Вечеромъ 11-го мая, 3-й и 4-й батальоны Житомирскаго полка были выведены къ траншеямъ: одинъ батальонъ расположился въ нихъ цѣпью, другой сталъ въ резервѣ. Непріятель усилилъ огонь, а въ слѣдъ за тѣмъ, около девяти часовъ вечера, двинулся въ атаку. На два батальона Житомирскаго полка шла цѣлая французская дивизія *Лавальяна*, раздѣленная на пять колоннъ. Отстрѣливаясь, житомирцы отступили за оборонительную линію, и тогда съ нашихъ укрѣпленій открытъ былъ сильный ружейный и картечный огонь изъ орудій, предварительно наведенныхъ на кладбищенскія траншеи. Огонь этотъ не прекращался въ теченіе всей ночи.

Днемъ 12-го мая, на одной изъ нашихъ батарей взвился бѣлый переговорный флагъ, и объявлено перемиріе, про-

должавшееся болѣе пяти часовъ сряду. На всѣхъ ближайшихъ валахъ и укрѣпленіяхъ появились зрители: съ одной стороны виднѣлись синіе мундиры французовъ, съ другой сѣрыя шинели нашихъ солдатъ. По всему промежуточному полю ходили рабочіе, подбиравшіе тѣла убитыхъ. Наши тѣла свозились на Николаевскій мысокъ, а оттуда на сѣверную. Весь мысокъ былъ заваленъ трупами.

«Здѣсь они лежали навзничь, на спинѣ, безъ всякаго порядка, большая часть въ своей кровавой одеждѣ: въ рубашкѣ или шинели; а иные и въ чистомъ бѣльѣ, надѣтомъ на нихъ товарищами, и со свѣчею въ рукѣ, принесенною тѣми же товарищами. Можно было замѣтить, что у иныхъ пальцы сложились знаменіемъ креста... Православные люди, солдаты и матросы, подходя къ покойникамъ, грустно и молча смотрѣли имъ въ лицо и крестились. Почти не произносилось никакого слова на мертвомъ мыскѣ. Да и къ чему было говорить, когда и такъ, само собою, все разсказывалось этими безмолвными трупами, каждый день прибывавшими болѣе и болѣе... Иного мертвеца уже и не показывали: свернуто было что-то такое въ шинели, и шинель была зашита»...

На третій день послѣ боя хоронили генерала *Адлерберга* съ сыномъ. На сѣверной сторонѣ города, почетный караулъ ожидалъ прибытія печальной церемоніи. Во второмъ часу причалила къ берегу шлюпка, въ передней части которой сидѣлъ священникъ съ крестомъ въ рукахъ. На шлюпкѣ виднѣлись два родныхъ гроба: одинъ черный бархатный съ тѣломъ генерала *Адлерберга*, другой розовый — его сына. Толпа присутствовавшихъ сопровождала покойниковъ на кладбище; въ числѣ провожавшихъ были и дамы. Скоро залпъ изъ ружей возвѣстилъ, что тѣла павшихъ на полѣ чести, отца и сына, приняты землей...

Въ Севастополѣ на нѣсколько дней все затихло. Атакующій и защитники дѣятельно трудились надъ земляными работами. Овладѣвъ Кладбищенскою высотою, французы употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы утвердиться на этой мѣстности. Они удлинняли траншеи, строили новыя батареи, такъ что съ 13-го по 25-е мая на вооруже-

ніи осадныхъ батарей явилось 60 новыхъ орудій, въ томъ числѣ 18 мортиръ большаго калибра. Обороняющійся также успѣлъ построить на Малаховомъ курганѣ (*Корнилова* бастіонѣ) блиндажи, въ которыхъ могло помѣститься до тысячи человѣкъ, и прибавилъ на своемъ вооруженіи также 60 новыхъ орудій. Усиленныя земляныя работы были тяжелы для войскъ, въ особенности теперь, подъ лучами южнаго солнца.

Съ наступленіемъ мая мѣсяца, начались сильные жары; появились лѣтнія пальто, шинели, бѣлыя фуражки, которыя, по приказу главнокомандующаго, велѣно было носить всѣмъ солдатамъ. Для предохраненія отъ зноя разрѣшалось быть разстегнутымъ и снимать галстухи. Солдаты большею частію ходили въ однѣхъ рубашкахъ, и старались укрыться въ блиндажахъ не отъ пуль и осколковъ, а отъ невыносимаго жара, сильно ихъ допекавшаго.

Зной и пыль замѣнили грязь и трудно было сказать, что изъ нихъ лучше.

XII.

Третье бомбардированіе Севастополя. — Штурмъ передовыхъ укрѣпленій 26-го мая.—Дѣятельность медиковъ и сестеръ милосердія.

Успѣхъ французовъ на правомъ флангѣ оборонительной линіи и занятіе ими Кладбищенской высоты значительно возвысилъ нравственный духъ союзниковъ. Они рѣшились теперь перенести свою дѣятельность на лѣвый флангъ нашей оборонительной линіи и попытать счастья въ отнятіи у насъ сильно безпокоившихъ ихъ *трехъ отроковъ*: Селенгинскій и Волынскій редуты и Камчатскій люнетъ.

Пока укрѣпленія эти находились въ нашихъ рукахъ, до тѣхъ поръ штурмъ Малахова кургана и Корабельной стороны города былъ невозможенъ. Между тѣмъ, Малаховъ курганъ давно сдѣлался пунктомъ, на которомъ сосредоточилось все вниманіе союзниковъ. Находясь на самой вы-

сокой мѣстности, укрѣпленіе это командовало всѣмъ городомъ, который отсюда могъ быть совершенно уничтоженъ.

Съ занятіемъ кургана непріятелемъ, оборона Севастополя становилась невозможною или по крайней мѣрѣ крайне затруднительною. Понятно, что завладѣніе этимъ пунктомъ составляло завѣтную мечту союзниковъ, но они знали, что передъ Малаховымъ курганомъ лежала еще цѣлая линія передовыхъ укрѣпленій, которыми необходимо было овладѣть, прежде чѣмъ предпринимать что либо противъ самаго кургана.

Грозно смотрѣли эти укрѣпленія въ лицо непріятелю. Впереди всѣхъ стоялъ Камчатскій люнетъ, или *Камчатка*, какъ прозвали его солдаты. Изрѣзанный глубокими, издали чернѣвшими амбразурами, онъ сверкалъ молніями, посылая въ отвѣтъ непріятелю свои мѣткіе выстрѣлы. Амбразуры передняго фаса, ближайшаго къ непріятелю, постоянно сохраняли глубокое молчаніе, а выглядывавшія въ нихъ неподвижныя дула орудій указывали, что, заряженныя картечью, они ждутъ, когда появятся штурмовыя колонны, чтобы засыпать ихъ градомъ чугунныхъ пуль.

Влѣво отъ Камчатскаго люнета, находились редуты Волынскій, Селенгинскій и Забалканская батарея, а правѣе было расположено шесть большихъ ложементовъ, изъ которыхъ въ каждомъ могло помѣститься отъ 40 до 60 человѣкъ стрѣлковъ. На ночь эти ложементы усиливались резервами съ двумя горными единорогами, въ слѣдствіе чего непріятель долго считалъ ихъ не простыми ложементами, а какъ бы небольшими батарейками, вооруженными артиллеріею.

Смотря на передовыя укрѣпленія съ непріятельской стороны, трудно было допустить мысль о возможности завладѣть ими открытою силою. Французы сознавали это, и потому, приготовляясь къ штурму, рѣшились предварительнымъ бомбардированіемъ сбить стоявшія на нихъ орудія, и, если представится возможность, то обратить и самыя укрѣпленія въ груду развалинъ.

Въ три часа пополудни, 25-го мая, загудѣли выстрѣлы со всѣхъ непріятельскихъ батарей, и началось *третье бом-*

бардированіе Севастополя, болѣе жестокое, чѣмъ оба предъидущія.

Надъ городомъ стоялъ сплошной гулъ выстрѣловъ; сильный вѣтеръ гналъ тучи пороховаго дыма съ Корабельной на Городскую сторону; цѣлый адъ снарядовъ окружалъ городъ: надъ головой лопались бомбы, кругомъ свистѣли ядра и, падая въ бухту, поднимали воду высокими столбами; огненными змѣйками вились ракеты въ черномъ дыму, висѣвшемъ надъ городомъ. Севастополь стоналъ, какъ исполинъ, облѣпленный вражескими бомбами, ядрами и ракетами.

Самый сильный огонь былъ направленъ на Корабельную часть города или на лѣвый флангъ оборонительной линіи; правую же половину союзники почти не трогали. Сначала люнетъ и редуты—*эти три отрока въ пещи*—отвѣчали смѣлой и частой пальбою, но черезъ нѣсколько часовъ выстрѣлы ихъ стали рѣже и затѣмъ къ вечеру совершенно прекратились.

Сосредоточивъ противъ Камчатки 48 орудій, французы забрасывали его снарядами. Не отвѣчая на выстрѣлы нашихъ батарей, они сыпали свои снаряды въ Камчатку, положивъ срыть ее съ лица земли. Отдѣливъ 25 орудій на Селенгинскій и Волынскій редуты, французы всѣми остальными орудіями громили Малаховъ курганъ и всю Корабельную сторону города. Дымъ отъ выстрѣловъ покрывалъ собою всѣ батареи, горы, зданія и сливался въ одинъ непроницаемый туманъ, изрѣдка прорѣзываемый сверкавшими огоньками, вырывавшимися изъ дула орудій. Перекатной дробью звучали выстрѣлы, одинъ за другимъ сыпались снаряды, фонтаномъ подымая землю при своемъ паденіи.

Оставлять подъ такимъ сильнымъ огнемъ много людей на батареяхъ значило подвергать ихъ большой убыли. Поэтому, еще въ самомъ началѣ бомбардированія, были прекращены всѣ работы и рабочіе присоединены къ своимъ командамъ. Въ укрѣпленіяхъ было оставлено только самое необходимое число для расчистки амбразуръ, починки платформъ и прочее.

Наши батареи отвѣчали противнику самымъ учащен-

нымъ огнемъ, но, съ теченіемъ времени, выстрѣлы становились рѣже, въ особенности съ Камчатскаго люнета, который къ вечеру принужденъ былъ смолкнуть. «Безъ преувеличенія можно сказать, что тучи чугуна врывались въ амбразуры, врѣзывались въ мерлоны ([1]), срывая и засыпая ихъ».

Камчатскій люнетъ былъ въ такомъ состояніи, что никакія усилія не могли исправить причиненныхъ и безпрестанно возобновляемыхъ поврежденій. Непріятель *не прекращалъ* огонь въ теченіе всей ночи. Множество бомбъ и ракетъ громили укрѣпленія и, пролетая далеко за оборонительную линію, падали въ Корабельной слободкѣ и въ городѣ.

Съ наступленіемъ утра Камчатскій люнетъ представлялъ безобразную груду развалинъ. Насыпи, или вала укрѣпленія, не существовало; въ замѣнъ ея видны были нагроможденныя въ безпорядкѣ кучи земли, заваленный ровъ, растрепанныя туры и фашины, разбитыя платформы, торчавшія изъ земли доски и валявшіяся орудія, изъ которыхъ многія были засыпаны землею. Гарнизонъ, не имѣвшій свободной минуты чтобы вздохнуть, кое-гдѣ скрывался за уцѣлѣвшими остатками насыпи и заявлялъ о своемъ существованіи рѣдкою стрѣльбою изъ нѣсколькихъ вновь и кое-какъ поставленныхъ орудій. Непріятель продолжалъ стрѣлять и по этимъ развалинамъ.

Съ разсвѣтомъ онъ еще усилилъ огонь и открылъ опять жестокое бомбардированіе по всей лѣвой половинѣ оборонительной линіи, направляя самые частые выстрѣлы на Малаховъ курганъ, Волынскій и Селенгинскій редуты и Камчатскій люнетъ.

Къ 8-ми часамъ утра огонь нашихъ бастіоновъ и батарей значительно ослабѣлъ; одинъ только 3-й бастіонъ настойчиво боролся съ англичанами и нанесъ имъ значительный вредъ, разрушивъ нѣсколько англійскихъ батарей и взорвавъ пороховой погребъ.

Около 3-хъ часовъ по полудни, 26-го мая, усиленная

([1]) Мерлономъ называется часть насыпи, находящейся между двумя амбразурами.

канонада была открыта и противъ городской стороны или правой половины оборонительной линіи, и тогда Севастополь опоясался двумя рядами смертоносныхъ огней. Три часа длилась эта небывалая борьба, и около шести часовъ вечера часть укрѣпленій корабельной стороны приведена была въ полуразрушенное состояніе. Они могли только слабо отвѣчать непріятелю, употреблявшему послѣднія усилія и не щадившему пороха, свинца и чугуна. Особенно пострадали Малаховъ курганъ и третій бастіонъ; три же передовыхъ укрѣпленія находились въ совершенномъ разрушеніи; не было ни одного цѣлаго мерлона, почти всѣ орудія были подбиты или засыпаны.

Въ это время главнокомандующій французскою арміею, генералъ *Пелисье*, собралъ военный совѣтъ, на которомъ было постановлено, что французы атакуютъ Камчатскій люнетъ, Волынскій и Селенгинскій редуты, а англичане ложементы противъ 3-го бастіона. Атаку рѣшено было произвести вечеромъ, передъ закатомъ солнца, чтобы, какъ говорилъ *Пелисье*, «засвѣтло подраться и тотчасъ потомъ утвердиться на занятыхъ укрѣпленіяхъ».

Распоряженіе атакой предоставлено генералу *Боске*, который назначилъ въ дѣло четыре дивизіи или около 40 т. человѣкъ. Силы союзниковъ въ это время были весьма значительны и простирались болѣе 150,000 человѣкъ, — тогда какъ весь гарнизонъ Севастополя состоялъ изъ 60 разстроенныхъ батальоновъ пѣхоты (1) и $2^1/_2$ батальоновъ саперъ, общая численность которыхъ доходила до 36 тысячъ человѣкъ (2). Изъ этого числа войскъ: 35 батальоновъ находились на городской сторонѣ и 22 батальона— на Корабельной.

Угрожаемые точно такимъ же нападеніемъ непріятеля и раздѣленные южною бухтою, войска городской стороны, не могли оказать дѣятельной помощи полкамъ, расположеннымъ на Корабельной, въ которыхъ считалось не болѣе

---

(1) Въ каждомъ баталіонѣ насчитывалось отъ 350—700 человѣкъ.

(2) Прибавивъ къ этому артиллерійскую прислугу при орудіяхъ, во всемъ гарнизонѣ насчитывалось до 45,000 человѣкъ.

12-ти тысячъ человѣкъ. Къ тому-же это незначительное число войскъ было раскинуто по всей лѣвой половинѣ оборонительной линіи, на протяженіи около 4-хъ верстъ. Такъ какъ наибольшая опасность угрожала передовымъ укрѣпленіямъ, то, для защиты ихъ, еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ назначено было 8 батальоновъ, начальство надъ которыми, равно и надъ передовыми редутами, поручено атилеріи генералъ-маіору *Тимофѣеву*.

Въ послѣдствіи, назначенный вмѣсто генералъ-лейтенанта *Хрулева* начальникомъ Корабельной слободы, генералъ-лейтенантъ *Жабокритскій* ослабилъ защиту этихъ укрѣпленій до послѣдней крайности. По его распоряженію въ Волынскомъ и Селенгинскомъ редутахъ было поставлено только по двѣ роты Муромскаго полка, всего 450 человѣкъ; въ резервѣ у нихъ находилось три батальона того же полка и 2 батальона Забалканскаго. Ложементы впереди Камчатскаго люнета были заняты 100 челов. штуцерныхъ Владимірскаго и Суздальскаго полковъ, а въ самомъ люнетѣ было только 350 человѣкъ Полтавскаго полка. Резервъ люнета находился слишкомъ далеко отъ укрѣпленія— за Малаховымъ курганомъ, въ Корабельной слободѣ, гдѣ могло быть собрано 9-ть батальоновъ отъ различныхъ полковъ (¹). На самомъ Малаховомъ курганѣ также не было войскъ; онъ былъ предоставленъ защитѣ 30—40 пластуновъ, да стоявшей у орудій прислугѣ моряковъ.

Вечеромъ, 26-го мая, было получено донесеніе, что въ непріятельскихъ траншеяхъ замѣтенъ сборъ войскъ, а перебѣжчики говорили, что союзники намѣрены штурмовать передовые редуты. По полученіи этихъ свѣдѣній, генералъ-лейтенантъ *Жабокритскій*, вмѣсто того, чтобы принять мѣры и усилить войска, сказался больнымъ и, не дождавшись преемника, уѣхалъ на сѣверную сторону города. Назначенный вмѣсто генерала *Жабокритскаго* начальникомъ войскъ Корабельной стороны, генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ* прибылъ только за нѣсколько минутъ до штурма.

(¹) Два батальона Владимірскаго, два—Забалканскаго, три—Полтавскаго и два Суздальскаго полковъ.

Онъ не успѣлъ сдѣлать ни одного распоряженія, какъ получено было извѣстіе о движеніи штурмующихъ колоннъ.

Немного раньше прибытія генерала *Хрулева* на Корабельную, именно около четырехъ часовъ по полудни, его достойный соперникъ, французскій генералъ *Боске*, объѣзжалъ войска, назначенныя для штурма. Собирая батальоны вокругъ себя, онъ говорилъ имъ краткую рѣчь и указывалъ на то изъ нашихъ укрѣпленій, которое батальонъ долженъ былъ штурмовать.

Въ это время англичане, въ числѣ 2,000 человѣкъ, расположились противъ ложементовъ 3-го бастіона. Около пяти часовъ по полудни, прибылъ къ войскамъ и французскій главнокомандующій, генералъ *Пелисье*, со своимъ штабомъ. По полученіи донесенія, что все готово, *Пелисье* приказалъ пустить нѣсколько сигнальныхъ ракетъ, за которыми, для отвлеченія нашего вниманія, загремѣли частые выстрѣлы сначала противъ всей оборонительной линіи, а потомъ только противъ праваго фланга, или противъ городской стороны. Съ первыми выстрѣлами своихъ батарей, французы пошли на штурмъ. Двѣ дивизіи были направлены на Камчатскій люнетъ, одна на Волынскій и Селенгинскій редуты вмѣстѣ съ Забалканскою батареею, и одна дивизія оставлена въ резервѣ. Двигаясь по оврагу, штурмующія колонны были долгое время невидимы съ передовыхъ укрѣпленій.

Было около шести часовъ по полудни. Павелъ Степановичъ *Нахимовъ*, по обыкновенію, объѣзжалъ бастіоны. Подъѣхавъ къ Камчатскому люнету, онъ слѣзъ съ лошади и пошелъ вдоль по укрѣпленію, какъ вдругъ послышался крикъ: «*штурмъ*»!

Нахимовъ высунулся изъ-за вала и увидѣлъ, что французы двигаются тремя колоннами. Онъ тотчасъ же приказалъ бить тревогу. Прислуга бросилась къ орудіямъ, и едва успѣла сдѣлать по одному картечному выстрѣлу, какъ французы были уже въ укрѣпленіи. Они легко прошли черезъ засыпавшійся ровъ и обогнули Камчатку съ трехъ сторонъ. Одушевленные присутствіемъ доблестнаго адмирала, 350 человѣкъ Полтавскаго полка встрѣтили атакую-

щихъ штыками, но не могли устоять противъ напора цѣлой бригады. Полтавцы отступили, причемъ самъ *Нахимовъ* едва не попался въ плѣнъ.

По обыкновенію, на немъ были эполеты и орденъ св. Георгія 2-го класса. Французы схватили было адмирала, но матросы выручили, бросившись на непріятеля съ банниками и ганшпигами, которые уносили отъ заклепанныхъ орудій.

Атаковавшіе заняли укрѣпленіе и преслѣдовали отступавшихъ до самаго Малахова кургана. Трудно описать, что происходило на Камчаткѣ. Выстрѣлы изъ ружей, крики, шумъ—все перемѣшалось. Наши отступали и забирали плѣнныхъ въ то время, когда въ нѣсколькихъ шагахъ брали нашихъ. Французы обгоняли отступавшихъ и въ какомъ то упоеніи бѣжали въ разсыпную къ Малахову кургану.

Оставленный безъ войскъ, Малаховъ курганъ находился первое время въ самомъ опасномъ положеніи и легко могъ быть взятъ атакующими войсками. Съ батарей оборонительной линіи былъ открытъ самый частый картечный огонь. Французы остановились; они залегли въ ямахъ и каменоломняхъ впереди Малахова кургана и открыли ружейный огонь по амбразурамъ этого укрѣпленія. Не многіе изъ нихъ добѣжали до самаго кургана, прыгали въ ровъ въ полной надеждѣ вскарабкаться на валъ, но это оказалось совершенно невозможнымъ. Въ первое время никто не замѣтилъ, что во рву находится непріятель. Французы же, видя, что они ошиблись, притаились, надѣясь съ наступленіемъ ночи выбраться изъ рва и отступить; впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, они всѣ были взяты въ плѣнъ.

Какъ только французы показались на валу Камчатскаго люнета, англичане двинулись противъ ложементовъ 3 го бастіона, занятыхъ штуцерными и ротою Камчатскаго полка. Рота отступила, англичане заняли ложементы. Чтобы выбить ихъ изъ ложементовъ, былъ отправленъ, подъ командою капитана 1-го ранга *Будищева*, отрядъ изъ трехъ ротъ Камчатскаго и двухъ ротъ Волынскаго и Минскаго полковъ. Завязался упорный рукопашный бой; ло-

жементы попеременно переходили изъ рукъ въ руки, но, новымъ натискомъ свѣжихъ англійскихъ войскъ, наши были выбиты и отступили за оборонительную линію. Ложементы остались въ рукахъ англичанъ.

Получивъ первое извѣстіе о движеніи штурмующихъ колоннъ, генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ* тотчасъ же двинулъ къ атакованнымъ пунктамъ резервы съ Корабельной стороны, послалъ за подкрѣпленіями на городскую сторону, а самъ поскакалъ на Малаховъ курганъ.

Передъ его глазами происходило небывалое зрѣлище: Камчатскій люнетъ былъ взятъ и на немъ развѣвалось французское знамя; видны были французы, разсыпавшіеся по отлогости холма и провожавшіе отступавшихъ бѣглымъ ружейнымъ огнемъ. Въ ложементахъ передъ третьимъ бастіономъ были англичане; на пространствѣ между Камчатскимъ люнетомъ и Малаховымъ курганомъ залегли непріятельскіе стрѣлки, а лѣвѣе цѣлая дивизія французовъ атаковала Волынскій и Селенгинскій редуты, въ которыхъ было только 450 человѣкъ муромцевъ, да и тѣ не находились въ полномъ сборѣ. Часть людей была въ укрѣпленіи, а остальные скрывались отъ выстрѣловъ въ землянкахъ, разсыпанныхъ неподалеку по скату горы. Какое сопротивленіе могла оказать эта ничтожная кучка солдатъ противъ врага въ десять разъ сильнѣйшаго?—она была задавлена многочисленностію наступавшихъ. Французы знали это, и потому шли смѣло, съ полною увѣренностію въ успѣхѣ. Не смотря на то, что разстояніе, которое должны были пройти штурмующія колонны, было довольно значительно, оно было пройдено такъ скоро, что укрѣпленія не успѣли произвести ни одного картечнаго выстрѣла. Почти безъ всякой потери дошли французы до рвовъ Волынскаго и Селенгинскаго редутовъ, гдѣ хотя и были встрѣчены ружейными выстрѣлами слабаго гарнизона, но безъ затрудненія овладѣли укрѣпленіями. Меньше минуты за валомъ сверкали острія штыковъ, и затѣмъ часть муромцевъ легла на мѣстѣ, а часть отступила, потерявъ убитыми коменданта редутовъ капитанъ-лейтенанта *Шестакова* и командира баталіона маіора *Бѣляева*. Французы преслѣдовали отсту-

павшихъ по направленію къ Киленъ-бухтѣ, стрѣляя почти въ упоръ и поражая ихъ картечными выстрѣлами изъ двухъ горныхъ орудій, перевозимыхъ на лошадяхъ.

Овладѣвъ передовыми укрѣпленіями, французы открыли самый усиленный огонь по Малахову кургану и по тѣмъ батареямъ, которыя могли обстрѣливать взятыя укрѣпленія.

Въ это время стали подходить наши подкрѣпленія. Схвативъ прибѣжавшіе два батальона Забалканскаго и одинъ батальонъ Суздальскаго полковъ, *Хрулевъ* двинулся противъ Камчатскаго люнета и въ то же самое время отправилъ лѣвѣе его другую колонну, составленную изъ двухъ батальоновъ Полтавскаго, одного батальона Суздальскаго и двухъ ротъ Владимірскаго полка, подъ общимъ начальствомъ полковника барона *Дельвига*.

Атака генерала *Хрулева* увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Едва онъ вышелъ изъ-за оборонительной линіи, какъ французы, толпившіеся возлѣ Малахова кургана, стали отступать. На хвостѣ ихъ *Хрулевъ* ворвался въ Камчатскій люнетъ и, не смотря на упорное сопротивленіе, выбилъ оттуда непріятеля штыками. Въ это время колонна барона *Дельвига* овладѣла ложементами впереди Камчатки. При этой атакѣ было взято у французовъ въ плѣнъ 7 офицеровъ и 300 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Утвердившись на Камчатскомъ люнетѣ, *Хрулевъ* получилъ извѣстіе, что Волынскій и Селенгинскій редуты взяты непріятелемъ. *Хрулевъ* хотѣлъ сдать кому-нибудь начальство, но всѣ старшіе штабъ-офицеры были или перебиты, или ранены. Оставался только одинъ подполковникъ *Венцель*. Подозвавъ его къ себѣ, С. А. *Хрулевъ* сталъ отдавать ему приказаніе, какъ разорвавшаяся граната сильно контузила *Венцеля*. Онъ упалъ и кровь брызнула изъ лица. Тогда, призвавъ своихъ ординарцевъ, *Хрулевъ* поручилъ: прапорщику *Пегребецкому* охранять передовые ложементы, а прапорщику *Сикорскому* Камчатскій люнетъ, а самъ поскакалъ на лѣвый флангъ къ Волынскому и Селенгинскому редутамъ. Это было въ то время, когда непріятель, преслѣдуя нашихъ, приближался къ мосту, перекинутому черезъ Киленъ-бухту, и окружилъ со всѣхъ сто-

ронъ муромцевъ. Собравшись въ одну кучу, муромцы штыками пробились къ мосту, перешли его и отступили на 1-й и 2-й бастіоны. Преслѣдовавшіе ихъ французы были встрѣчены картечнымъ огнемъ 5-й легкой батареи 11-й артиллерійской бригады, выдвинутой *Хрулевымъ* въ промежутокъ между 1-мъ и 2-мъ бастіонами. Разстроенные огнемъ батареи, французы стали отступать въ то время, когда на первый бастіонъ подоспѣли два баталіона Забалканскаго полка и одинъ баталіонъ Полтавскаго. Командиръ послѣдняго полка, подполковникъ князь *Урусовъ*, присоединивъ къ себѣ охотниковъ Муромскаго полка, бросился съ этими тремя баталіонами на французовъ. Завязалась упорная штыковая свалка, при которой былъ смертельно раненъ генералъ-маіоръ *Тимофѣевъ*. Всѣми уважаемый и любимый, неоднократно отличившійся и въ особенности при вылазкѣ 24-го октября, генералъ *Тимофѣевъ* былъ раненъ осколкомъ въ голову и вскорѣ умеръ.

Французы подались и стали отступать. Преслѣдуя ихъ штыками, князь *Урусовъ* овладѣлъ Забалканскою батареею и взялъ одну гаубицу. Эта блестящая атака дорого стоила нашимъ полкамъ; въ одномъ Полтавскомъ полку изъ 500 человѣкъ осталось только 250 человѣкъ. Едва ли эта горсть оставшихся въ состояніи была удержаться на Забалканской батареѣ, если бы на помощь къ нимъ не подошли два баталіона Эриванскаго князя Варшавскаго полка, съ подполковникомъ *Краевскимъ*, Послѣдній, получивъ приказаніе содѣйствовать отбитію редутовъ, двинулся къ мосту черезъ Киленъ-бухту, но былъ встрѣченъ выстрѣлами французовъ, подступившихъ къ 1-му бастіону и разсыпавшихся по горѣ. Подъ сильнымъ огнемъ, эриванцы перешли мостъ, оттѣснили непріятеля за Киленъ-бухту и преслѣдовали безостановочно за Забалканскую батарею. На половинномъ разстояніи между Забалканскою батареею и Селенгинскимъ редутомъ, эриванцы остановились. Къ этимъ войскамъ вскорѣ присоединились четыре батальона Кременчугскаго полка.

Между тѣмъ французы, съ отбитіемъ нами Камчатскаго люнета, открыли по немъ перекрестный огонь, наносившій

значительный вредъ войскамъ, оставленнымъ возлѣ и въ самомъ укрѣпленіи. Не имѣя одного общаго начальника, войска не соблюдали должной осторожности: солдаты разбрелись; одни скрывались отъ губительнаго огня, другіе повели раненыхъ и плѣнныхъ; иные пошли пошарить около французскихъ тѣлъ, валявшихся во множествѣ—словомъ сказать и половины не осталось на мѣстѣ. Замѣтивъ это, непріятель, тотчасъ же прекративъ огонь, бросился на штурмъ. Послѣ кровопролитнаго боя, французы вторично овладѣли Камчатскимъ люнетомъ.

Въ трехъ редутахъ, занятыхъ непріятелемъ, производились усиленныя земляныя работы. Находившіеся на Малаховомъ курганѣ адмиралъ *Нахимовъ* и генералъ *Тотлебенъ* тотчасъ же направили огонь на Камчатскій люнетъ съ цѣлію препятствовать работамъ.

Среди распоряженій, оба генерала подошли какъ-то близко ко рву и замѣтили, что тамъ, какъ въ клѣткѣ, все еще сидятъ притаившіеся французы. Послѣ переговоровъ была выслана команда, которая и привела 70 человѣкъ плѣнныхъ.

Стемнѣло. На бугрѣ передъ редутами, немного дальше Забалканской батареи, всю ночь стоялъ отрядъ нашихъ войскъ, составленный изъ разныхъ полковъ. Въ потерянныхъ редутахъ господствовала глубокая тишина, пальбы не было, а темнота ночи не дозволяла видѣть, что тамъ дѣлается. Прибывшій на Забалканскую батарею генералъ *Тотлебенъ* приказалъ расклепать орудія, исправить амбразуры и тотчасъ же открыть огонь по занятымъ непріятелемъ редутамъ. Огонь этотъ поддерживался въ теченіе всей ночи.

Упорный бой 26-то мая дорого стоилъ сражавшимся. Наша потеря простиралась до 5,500 человѣкъ—французы потеряли 5554 человѣка, а англичане 693 человѣка. Съ оборонительной линіи было выпущено 21,091 снарядъ; союзники-же израсходовали около 40 т. снарядовъ.

Въ это время всѣ госпиталя и перевязочные пункты были переполнены ранеными. Тамъ, подъ руководствомъ академика *Пирогова* и профессора *Гюббенета*, кипѣла са-

мая дѣятельная работа, и наши медики неутомимо трудились надъ облегченіемъ страданій и надъ спасеніемъ отъ смерти многихъ тысячъ храбрыхъ. Христіанскія обязанности медиковъ и самое однообразіе въ ихъ занятіяхъ не даютъ возможности отдѣльнымъ личностямъ выдаться рѣзко изъ среды своихъ товарищей. Оттого мы не можемъ назвать именъ особенно отличившихся, но должны сказать, что всѣ медики отъ перваго до послѣдняго трудились до изнеможенія надъ своимъ скромнымъ, чисто христіанскимъ дѣломъ. Весь севастопольскій гарнизонъ высоко чтитъ ихъ заслуги и самопожертвованіе. Подвизаясь на этомъ трудномъ поприщѣ, медики, во все время славной защиты, явили собою такой примѣръ самоотверженія, что большая часть изъ нихъ перенесла тяжкія болѣзни, а многіе заплатили жизнію въ слѣдствіе непомѣрныхъ трудовъ, клонившихся къ спасенію ратныхъ товарищей. Неоцѣнимы были заслуги операторовъ, работавшихъ день и ночь, съ самымъ малымъ отдыхомъ и почти до истощенія силъ. Сравнивая подобную службу съ службою на батареяхъ начальникъ гарнизона, генералъ графъ *Остенъ-Сакенъ* и генералы *Нахимовъ*, *Хрулевъ* и князь *Васильчиковъ* нѣсколько разъ ходатайствовали о наградѣ медиковъ наравнѣ съ защитниками и всегда встрѣчали въ этомъ отношеніи полную готовность главнокомандующаго.

Значительнымъ облегченіемъ для медиковъ въ ихъ занятіяхъ были сестры милосердія и сердобольныя вдовы, прибывшія въ Севастополь и остававшіяся тамъ до конца осады.

29-го ноября 1854 года прибыла въ Симферополь первая партія сестеръ милосердія Крестовоздвиженской общины, а въ слѣдъ за ними пріѣхало еще два отдѣленія. Широко было поле для христіанской дѣятельности и заботливости о страждущихъ. Уходъ за больными, и въ особенности за ранеными, требуетъ большаго терпѣнія, трудовъ, самоотверженія и силъ душевныхъ. Только несомнѣнное упованіе, твердая и непоколебимая вѣра и искренняя любовь къ ближнему могутъ доставить возможность перенести всѣ ли-

шенія и утомительные труды, неразлучные съ уходомъ за больными.

Не смотря на всякаго рода помощь, которую оказывали сестрамъ милосердія жители и начальство, имъ приходилось бороться съ многочисленными затрудненіями. Не только въ Севастополѣ, но и въ Симферополѣ сестрамъ случалось переходить улицы по глубокой грязи, и хорошо еще, если онѣ имѣли въ своемъ распоряженіи телѣги. Въ комнатахъ больныхъ сестры подвергались днемъ и ночью опасности отъ заразы и отъ простуды: многія изъ нихъ сдѣлались жертвами своей трудной обязанности. Мѣсто ихъ заступили въ симферопольскихъ госпиталяхъ сердобольныя вдовы, а уцѣлѣвшія отъ болѣзни сестры милосердія были отправлены частію въ Бакчисарай, а большею частію въ Севастополь.

Появленіе сестеръ среди больныхъ было истино-благодѣтельнымъ. Сколько страданій облегчено было ихъ нѣжнымъ предусмотрительнымъ попеченіемъ, съ которымъ не можетъ сравняться самая заботливая мужская прислуга. Не ограничиваясь однимъ госпитальнымъ уходомъ, сестры были всѣмъ для больныхъ: они перевязывали раны, давали лекарство, варили больнымъ пищу, читали страждущимъ книги, преимущественно религіознаго содержанія. Сестры писали письма къ роднымъ раненыхъ, составляли духовныя завѣщанія и сообщали во всѣ концы Россіи послѣднюю просьбу или волю умирающихъ за родину.

Нельзя не дивиться ихъ усердію и терпѣнію при ухаживаніи за больными. Малѣйшія желанія страждущихъ и ихъ капризы исполнялись съ готовностію и христіанскою кротостію. Трогательно было видѣть, какъ многія изъ сестеръ подавляя въ себѣ всякій страхъ и женскую слабость, безтрепетно смотрѣли на самыя ужасныя раны и на перерывъ старались помогать медику и больному съ полнымъ самоотверженіемъ. Сестры мужественно переносили видъ текущей крови и многоразличныхъ тяжкихъ язвъ въ жилищахъ страданія и смерти. Одно присутствіе женщинъ возлѣ раненыхъ дѣйствовало благотворно и утѣшительно на страдальцевъ. Въ доказательство, что попеченіе сестеръ

о раненыхъ истинно облегчаетъ солдатъ нашихъ, можетъ служить слѣдующій случай: тяжело раненый, весьма безпокойный послѣ операціи солдатъ, настоятельно просилъ, чтобы одна изъ сестеръ оставалась при его постели. На вопросъ, почему онъ этого желаетъ, онъ отвѣчалъ: «хоть потолкайся, матушка, около меня, такъ мнѣ ужь легче будетъ».

Неутомимые труды, заразительный госпитальный воздухъ скоро оказали свое вліяніе на слабую женскую натуру—и изъ 35 сестеръ, прибывшихъ въ Севастополь, къ началу января, 14 лежали больными и двѣ умерли. Это печальное обстоятельство, служившее лучшимъ доказательствомъ самоотверженія сестеръ, сдѣлало ихъ болѣе осторожными и внимательными къ себѣ, но не устрашило ихъ. Сестры продолжали нести свою христіанскую обязанность съ необыкновеннымъ усердіемъ и неутомимостью.

«Я самъ видѣлъ, пишетъ одинъ изъ посѣтившихъ госпиталь, какъ нѣжныя руки омывали и перевязывали отвратительныя раны: я видѣлъ, какъ глаза, полныя слезъ, заботливо слѣдили за послѣдними корчами умирающаго; я слышалъ, какъ солдаты благословляли своихъ благодѣтельницъ. Разскажу вамъ эпизодъ (случай). Это было ночью; по палатамъ мрачный полусвѣтъ; тяжело-раненому солдату хочется заснуть, но ему какъ-то не спится: и боль отъ раны, и жажда мучитъ, да еще, признаться сказать, въ бою-то смерть намъ нипочемъ, а въ госпиталѣ—куда какъ умирать не хочется! Вотъ проходитъ по палатѣ сестра, которая въ эту ночь дежурила. Бѣдному солдату легче стало на душѣ, когда онъ увидѣлъ, что есть въ мірѣ существо, которое бдитъ надъ нимъ: видно, это существо показалось ему чище тѣхъ женщинъ, которыхъ онъ встрѣчалъ на пути жизни, потому что, провожая ее глазами, вырвались изъ души солдатской чудныя наивностью слова: «Барышня, пройдите еще разъ!» Барышня исполнила желаніе солдата, и, обойдя всѣхъ больныхъ своихъ, она опять прошла мимо его. Въ это время солдатъ умиралъ... онъ умеръ съ улыбкою на устахъ».

Чтобы представить себѣ полную картину дѣятельности,

какъ медиковъ, такъ и сестеръ милосердія, мы приведемъ краснорѣчивыя слова академика *Пирогова*, ярко рисущія христіанскій трудъ тѣхъ и другихъ.

«Для всѣхъ очевидцевъ памятно будетъ, пишетъ нашъ знаменитый академикъ, время проведенное съ 28-го марта по іюнь мѣсяцъ въ дворянскомъ собраніи. Во все это время, около входа въ собраніе, на улицѣ, гдѣ такъ нерѣдко падали ракеты, взрывая землю, и лопались бомбы, стояла всегда транспортная рота солдатъ, подъ командою дѣятельнаго и распорядительнаго подпоручика *Яни*; койки и окровавленныя носилки были въ готовности принять раненыхъ; въ теченіе 9-ти дней мартовской бомбардировки, безпрестанно тянулись къ этому входу ряды носильщиковъ; вопли носимыхъ смѣшивались съ трескомъ бомбъ; кровавый слѣдъ указывалъ дорогу къ парадному входу собранія. Эти 9-ть дней огромная танцовальная зала безпрестанно наполнялась и опорожнивалась; приносимые раненые складывались, вмѣстѣ съ носилками, цѣлыми рядами, на паркетномъ полу, пропитанномъ на цѣлые полвершка запекшеюся кровью; стоны и крики страдальцевъ, послѣдніе вздохи умирающихъ, приказанія распоряжающихся — громко раздавались въ залѣ. Врачи, фельдшера и служители составляли группы, безпрестанно двигавшіяся между рядами раненыхъ, лежавшихъ съ оторванными и раздробленными членами, блѣдныхъ какъ полотно, отъ потери крови и отъ сотрясеній, производимыхъ громадными снарядами; между солдатскими шинелями мелькали вездѣ бѣлые капюшоны сестеръ, разносившихъ вино и чай, помогавшихъ при перевязкѣ и отбиравшихъ на сохраненіе деньги и вещи страдальцевъ. Двери зала ежеминутно отворялись и затворялись: вносили и выносили по командѣ: «на столъ», «на койку», «въ домъ Гущина» (1), «въ Инженерный», «въ Николаевскую». Въ боковой довольно обширной комнатѣ (операціонной), на трехъ столахъ, кровь лилась при производствѣ операцій; отнятые члены лежали грудами, сваленные въ ушатахъ; мат-

(1) Сюда сносились всѣ безнадежные и смертельно раненые.

росъ *Пашкевичъ*—живой турникетъ дворянскаго собранія (отличавшійся искусствомъ прижимать артеріи при ампутаціяхъ), едва успѣвалъ слѣдовать призыву врачей, переходя отъ одного стола къ другому; съ неподвижнымъ лицемъ, молча, онъ исполнялъ въ точности данныя ему приказанія, зная, что неутомимой рукѣ его поручалась жизнь собратовъ. *Бакунина* (1) постоянно присутствовала въ этой комнатѣ, съ пучкомъ лигатуръ въ рукѣ, готовая слѣдовать на призывъ врачей. За столами стоялъ рядъ коекъ съ новыми ранеными, и служители готовились переносить ихъ на столы для операцій; возлѣ порожнихъ коекъ стояли сестры, готовыя принять ампутированныхъ. Воздухъ комнаты, не смотря на безпрестанное провѣтриваніе, былъ наполненъ испареніями крови, хлороформа; часто примѣшивался и запахъ сѣры: это значило, что есть раненые, которымъ врачи присудили сохранить поврежденные члены, и фельдшеръ *Никитинъ* накладывалъ имъ гипсовыя повязки.

Ночью, при свѣтѣ стеарина, тѣже самыя кровавыя сцены, и нерѣдко еще въ большихъ размѣрахъ, представлялись въ залѣ дворянскаго собранія. Въ это тяжкое время, безъ неутомимости врачей, безъ ревностнаго содѣйствія сестеръ, безъ распорядительности начальниковъ транспортныхъ командъ: *Яни* (опредѣленнаго къ перевязочному пункту начальникомъ штаба гарнизона княземъ *Васильчиковымъ*), и *Коперницкаго* (опредѣленнаго сюда незабвеннымъ *Нахимовымъ*), не было бы никакой возможности подать безотлагательную помощь пострадавшимъ за отечество. Чтобы имѣть понятіе о всѣхъ трудностяхъ этого положенія, нужно себѣ живо представить темную южную ночь, ряды носильщиковъ при тускломъ свѣтѣ фонарей, направленныхъ ко входу собранія, и едва прокладывавшихъ себѣ путь сквозь толпы раненыхъ пѣшеходовъ, сомкнувшихся въ дверяхъ его. Всѣ стремятся за помощью и на помощь, каждый хочетъ скораго пособія: раненый громко требуетъ перевязки или операціи, умирающій — по-

(1) Одна изъ сестеръ милосердія.

слѣдняго отдыха, всѣ — облегченія страданій. Гдѣ можно было бы, безъ дѣятельныхъ и строгихъ мѣръ, безъ неусыпной дѣятельности, найти достаточно мѣста и рукъ для оказаніи безотлагательной помощи!»

На перевязочныхъ пунктахъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, кипѣла точно такая же неустанная дѣятельность медиковъ и сестеръ милосердія, въ особенности вечеромъ 26 мая, такъ какъ въ этотъ день раненыхъ и изувѣченныхъ было особенно много.

Съ семи часовъ вечера стали стекаться раненые на перевязочные пункты. Тамъ все суетилось, работало. Больнымъ тащили нѣсколько ведеръ водки; доктора занимались перевязкой; сестры милосердія, помогая имъ, раздавали водку и хлѣбъ приходящимъ легко раненымъ, поили трудно больныхъ виноградным виномъ и клюквеннымъ сокомъ. Среди стоновъ и страданій слышались остроты и шутки раненыхъ, слышалась русская удаль и молодечество. Вокругъ одной изъ сестеръ милосердія собралась цѣлая кровавая толпа солдатъ. Каждый изъ нихъ разсказывалъ свое удальство и сцены при столкновеніи съ непріятелемъ.

— Матушка, попробуй, какъ вкусно, кричалъ одинъ изъ раненыхъ, подавая отнятый у француза галетъ.

— Матушка, попей вражьей водки! кричалъ другой—я отнялъ ее у пьянаго француза.

— Барыня, хочешь подарю французскую шапку, говорилъ третій, преусердно отдавая ее сестрицѣ.

Сестра благодарила и отвѣчала, что ей нельзя имѣть вражьей шапки.

— Посмотри-ка, говорилъ одинъ изъ солдатъ, подползая къ сестрѣ милосердія, какъ у меня плечо отбито; проклятый англичанинъ камнемъ меня билъ.

Слушая эти разсказы, невольно подивишься русскому солдату: ни раны и увѣчья, ни боль и страданія, ничто не колеблетъ его веселаго и добродушнаго нрава.

Съ разсвѣтомъ 27-го мая французы открыли жестокій огонь по Забалканской батареѣ и оставшемуся въ ней гарнизону. Бомба за бомбой ложились въ укрѣпленіе и вырывали цѣлые ряды прикрытія. Одиноко стояла батарея, ближе

къ непріятелю, чѣмъ къ своей оборонительной линіи; незначительный гарнизонъ ея подвергался ежеминутной опасности быть окруженнымъ многочисленнымъ непріятелемъ и не имѣть возможности отступить. Это опасное положеніе гарнизона и, сравнительно, весьма малая польза отъ занятія Забалканской батареи заставили главнокомандующаго оставить и эту батарею. Около четырехъ часовъ по полудни были высланы рабочіе, которые сняли большую часть орудій, стоявшихъ на батареѣ, и около девяти часовъ вечера отступили вмѣстѣ съ находившимся въ ней гарнизономъ; мостъ черезъ Киленъ-бухту былъ также разведенъ. Долго не занималъ непріятель Забалканской батареи; голый холмъ, на которомъ стояла она, оставался пустымъ около мѣсяца.

Ровно въ полдень, 28-го мая, союзники подняли парламентерскій флагъ, а въ слѣдъ за тѣмъ взвились такіе-же флаги на Малаховомъ курганѣ и на 3-мъ бастіонѣ. Съ обѣихъ сторонъ было объявлено перемиріе для уборки тѣлъ. Обѣ стороны выслали цѣпи, опредѣлявшія двѣ крайнія линіи, за которыя переходить не дозволялось. Огромныя толпы народа собрались на полѣ битвы. «Со стороны непріятелей пріѣзжали даже кавалькады какихъ-то амазонокъ и людей въ статскомъ платьѣ. На здѣшнемъ боевомъ мѣстѣ подобныя мирныя фигуры казались чѣмъ-то необыкновеннымъ. Зеленѣющееся, испещренное красивыми южными полевыми цвѣтками, пространство земли между Малаховымъ курганомъ и холмомъ, на которомъ находился Камчатскій люнетъ, и далѣе по ту сторону Киленъ-балки, около редутовъ, покрыто было тѣлами исковерканными и измозженными».

Посреди убитыхъ сновали носильщики, стояли группы солдатъ: нашихъ и французовъ. Перемѣшавшись между собою, они вели самый оживленный разговоръ, сопровождаемый различными знаками и жестами.

Четыре часа продолжалось перемиріе, затѣмъ цѣпи были убраны, флаги опустились и опять по прежнему завизжали ядра, засвистали бомбы, зажужжали пули и зарыскала смерть по Севастополю.

Французы быстро передѣлали въ свою пользу отнятыя у насъ укрѣпленія. На Малаховъ курганъ такъ и сыпались пули, посылаемыя съ Камчатки. Жутко было стоять нашимъ солдатамъ и матросамъ подъ такимъ свинцовымъ градомъ; они тужили, что такъ близко подпустили къ себѣ врага и дозволили овладѣть постройками, облитыми русскимъ потомъ и кровью. А между тѣмъ пули одна за другою такъ и врывались въ амбразуры, расчищая прислугу.

— Эдакъ изъ орудій некому будетъ дѣйствовать, говорили солдаты, смотря на падающихъ матросовъ.

— Хоть по три матроса на пушку останется, возражали матросы, еще можно будетъ драться—была-бы армія, а какъ по три не останется—ну тогда шабашъ.

XIII.

Осада и защита съ 26-го мая по 5-е іюня. — Четвертое бомбардированіе Севастополя 5 го іюня.—Штурмъ 6-го іюня.

Пріобрѣтеніе непріятелемъ передовыхъ нашихъ укрѣпленій вызвало со стороны союзниковъ усиленную дѣятельность. Главнокомандующіе союзными арміями думали, воспользовавшись невыгоднымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на защитниковъ этимъ паденіемъ, штурмовать Корабельную слободу, т. е. лѣвый флангъ оборонительной линіи, но не иначе какъ ослабивъ нашу артиллерію предварительнымъ усиленнымъ бомбардированіемъ. Съ этою цѣлію они приступили къ постройкѣ новыхъ батарей и приспособленію пріобрѣтенныхъ укрѣпленій для дѣйствія противъ оборонительной линіи. Какъ французы, такъ и англичане ставили новыя орудія и заготовляли для нихъ значительное количество снарядовъ. Къ 5-му іюню осадныя батареи имѣли на своемъ вооруженіи 587 орудій, и хотя для борьбы съ ними обороняющійся могъ противопоставить 549 орудій, но союзники имѣли значительное превосходства въ стрѣльбѣ и въ запасахъ пороха и снарядовъ. При стрѣльбѣ атакующій имѣетъ то преимущество, что можетъ, по своему произволу, скрещивать выстрѣлы съ

нѣсколькихъ батарей на одинъ какой-либо пунктъ противника, тогда какъ защищающемуся приходится разсѣевать свои выстрѣлы и отвѣчать только изъ нѣсколькихъ орудій на десятки непріятельскихъ выстрѣловъ. Независимо отъ этого преимущества, союзники имѣли значительное превосходство въ артиллерійскихъ запасахъ. У нихъ заготовлено было отъ 400 до 500 зарядовъ на каждое орудіе, тогда какъ у насъ самое большое число зарядовъ не превышало 140. Ограниченный запасъ пороха и снарядовъ былъ причиною такого неравенства. Кромѣ недостатка въ порохѣ и снарядахъ, мы ощущали еще недостатокъ въ зарядныхъ картузахъ или мѣшкахъ, въ которые насыпается порохъ для зарядовъ. Для шитья картузовъ приходилось употреблять флагтугъ, судовые флаги, фланелевыя рубахи адмиральскихъ гребцовъ, и даже крестьянское сукно.

Въ такомъ положеніи была осада и защита, когда секреты стали доносить, что къ осаднымъ батареямъ каждую ночь подвозятся орудія и снаряды; перебѣжчики говорили, что союзники готовятся произвести штурмъ, и стягиваютъ свои силы къ Севастополю, вокругъ котораго они успѣли собрать 173 тысячи человѣкъ. Столь значительному числу непріятеля могли оказать сопротивленіе только 43 тысячи человѣкъ пѣхоты, находившихся на южной сторонѣ города, на защитѣ укрѣпленій оборонительной линіи, и около 11-ти тысячъ человѣкъ прислуги, дѣйствовавшей при орудіяхъ.

Въ ожиданіи штурма было сдѣлано новое расположеніе войскамъ, при чемъ, для большаго удобства обороны лѣваго фланга, четвертое отдѣленіе оборонительной линіи было раздѣлено на двѣ части: начальникомъ первой остался капитанъ 1-го ранга *Юрковскій*, а начальникомъ вновь образованнаго пятаго отдѣленія назначенъ капитанъ 1-го ранга *Перелешинъ 2-й*. Въ составъ пятаго отдѣленія вошли 1-й и 2-й бастіоны съ прилегавшими къ нимъ укрѣпленіями.

На оборонительной линіи войска были расположены: на городской или правой сторонѣ 41 батальонъ пѣхоты, съ 6-ю полевыми орудіями, и на Корабельной или

лѣвой сторонѣ 35 батальоновъ съ 18-ю полевыми орудіями. Въ случаѣ штурма приказано было: по пробитіи тревоги раненыхъ не подбирать до окончанія дѣла, всѣмъ нестроевымъ и людямъ, находящимся на работѣ, оставлять свои занятія и спѣшить на назначенныя имъ мѣста; гарнизонамъ бастіоновъ и укрѣпленій не отступать и драться до послѣдней крайности; никому не кричать «ура»! встрѣчать наступающихъ штыками, и послѣ отбитія штурма не преслѣдовать непріятеля, а провожать его только ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ.

Въ $3^1/_2$ часа утра, 5-го іюня, союзники открыли *четвертое* бомбардированіе Севастополя и въ особенности Корабельной стороны и лѣвой половины 4-го бастіона. Вмѣстѣ съ тѣмъ они дѣйствовали усиленнымъ огнемъ противъ батарей сѣверной стороны города и по флоту, стоявшему на рейдѣ.

Въ продолженіе двухъ часовъ непріятель стрѣлялъ залпами; наши батареи отвѣчали самымъ учащеннымъ огнемъ.

Стояла тихая погода. Дымъ отъ выстрѣловъ скоро задернулъ всю мѣстность столь густою завѣсою, что ни прицѣливать орудій, ни видѣть, что-нибудь въ нѣсколькихъ шагахъ было невозможно. Вырвавшись изъ дула пороховой дымъ долго клубился надъ орудіемъ или поднимался изъ мортиры правильнымъ кольцомъ или, наконецъ, струился длинною змѣйкою, указывая путь пролетѣвшей ракеты. Въ высотѣ, какъ бѣлыя пятна, на голубомъ небѣ виднѣлись клубки дыма отъ лопавшихся бомбъ; подъ ногами фонтаномъ брызгала земля взметенная ядромъ, а въ густой стѣнѣ пороховаго дыма блистали огненные языки выстрѣловъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ стрѣльбы, надъ Севастополемъ стоялъ густой непроницаемый мракъ дыма. Отдѣльнаго звука выстрѣловъ уже не было слышно; все слилось въ одинъ оглушающій трескъ. Воздухъ былъ до того сгущенъ, что становилось трудно дышать. Испуганныя птицы метались въ разбитыя окна домовъ, подъ крышами которыхъ искали спасенія.

Подъ градомъ снарядовъ самаго большаго калибра спѣ-

шили наши батальоны занять заранѣе указанныя имъ мѣста, чтобы поспѣть во-время, еслибы непріятель бросился на штурмъ.

Среди оглушительнаго рева выстрѣловъ, на колокольнѣ Владимірской церкви раздавался благовѣстъ колоколовъ, призывавшихъ къ заутренѣ.

Съ восходомъ солнца легкій вѣтерокъ разсѣялъ дымъ и канонада загремѣла съ еще большею силою; французы по прежнему стрѣляли залпами. Малаховъ курганъ былъ главнѣйшею цѣлью, въ которую направлялась большая часть ихъ выстрѣловъ. На всей Корабельной сторонѣ не было живаго мѣста, куда-бы не падали снаряды. Маленькіе домики, ярко освѣщенные восходящимъ солнцемъ и избитыя выстрѣлами зданія Александровскихъ казармъ, обнажившіяся отъ дымной пелены, представляли собою во многихъ мѣстахъ однѣ развалины. Цѣлыя тучи бомбъ, ракетъ, каленыхъ ядеръ, падали въ слободкѣ, близъ морскаго госпиталя въ Екатерининской улицѣ, на Театральной и Николаевской площадяхъ. Но вездѣ, гдѣ падали снаряды, не замѣтно никакой суеты, все идетъ своимъ чередомъ, каждый дѣлаетъ свое дѣло, не обращая вниманія на выстрѣлы. «По прежнему, пишетъ г. *Алабинъ*, войска стоятъ въ мѣстахъ, нѣсколько укрытыхъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Солдаты по большей части спятъ, другіе перебираютъ свою одежду, чинятъ бѣлье, обувь; нѣкоторые заряжаютъ или разряжаютъ ружье, курятъ, ѣдятъ свою неизмѣнную кашу. Съ мѣрными условными возгласами тянутъ матросы и солдаты пушку, въ обмѣнъ подбитой на батареѣ. Съ тою же безпечностью ходятъ офицеры и солдаты, съ какою ходили вчера и третьяго дня, ѣздятъ верхомъ съ приказаніями; два солдата несутъ на палкѣ, въ мѣшкѣ, только что принятое мясо; въ ротныхъ котелкахъ тащатъ еще кипящую кашу; артиллерійскія лошади везутъ на дрогахъ бочку воды; тянется нѣсколько полуфурковъ съ пирамидою туровъ; матросы и солдаты расчищаютъ, подъ штуцернымъ огнемъ, засыпанную амбразуру бастіона, только работая нѣсколько живѣе обыкновеннаго; множество солдатъ купаются у Пересыпки, не смотря на снаряды, ложа-

щіеся вокругъ нихъ; тянется похоронная церемонія.. . Словомъ, на Корабельной все идетъ обычнымъ чередомъ; только нигдѣ не видишь жителей: все скрылось куда могло; еще необыкновенно часто появляются въ различныхъ мѣстахъ кровавыя носилки съ печальною ношею, да потрясаютъ душу эти ужасные, гремящіе вокругъ звуки, этотъ грозный ревъ безпрестанно падающихъ и безпрестанно разрывающихся снарядовъ».

Бастіоны и батареи, въ особенности лѣваго фланга были засыпаемы бомбами и ядрами. Огромная убыль въ людяхъ заставила прекратить всѣ работы, оставить только самыя необходимые резервы и небольшія команды рабочихъ для расчистки амбразуръ, починки платформъ и исправленія насыпей на пороховыхъ погребахъ.

Весь день канонада не прекращалась; она то нѣсколько уменьшалась, то закипала съ новою яростію. Около 10 часовъ утра у насъ было израсходовано значительное число зарядовъ и потому, въ виду недостатка пороха, приказано было ослабить огонь и стрѣлять какъ можно рѣже. Воспользовавшись этимъ, непріятель сыпалъ свои снаряды все чаще и чаще, и около 2-хъ часовъ по полудни началъ бомбардированіе городской стороны, направляя огонь преимущественно на четвертый, пятый и шестой бастіоны.

Къ вечеру слѣды бомбардированія были слишкомъ замѣтны какъ на нашей оборонительной линіи, такъ и въ непріятельскихъ батареяхъ. Наиболѣе другихъ пострадали Малаховъ курганъ, 2-й и 3-й бастіоны; почти половина амбразуръ были завалены, многія орудія подбиты, блиндажи разрушены, пороховые погреба взорваны. Осадныя батареи непріятеля потерпѣли не меньшій, если не большій, вредъ отъ сосредоточенныхъ нашихъ выстрѣловъ; многія изъ батарей осаждающаго принуждены были прекратить стрѣльбу и отказаться отъ состязанія...

Въ теченіе дня на перевязочные пункты было доставлено 1,600 человѣкъ раненыхъ, не считая убитыхъ. Послѣднихъ складывали прямо на баркасы и отвозили на сѣверную сторону города. Въ этотъ день мы лишились мно-

гихъ славныхъ защитниковъ и въ числѣ ихъ капитана 1-го ранга *Юрковскаго*.

Когда *Юрковскій* былъ раненъ, то одинъ изъ офицеровъ прискакалъ къ *Нахимову*, находившемуся съ княземъ *Васильчиковымъ*, генераломъ *Тотлебеномъ* и полковникомъ *Меньковымъ* на городскомъ телеграфѣ. Доложивъ адмиралу, что храброму капитану *Юрковскому* оторвало ногу, онъ просилъ доктора.

— Доктора! проговорилъ *Нахимовъ*. Просятъ доктора, слышите ли вы? Доктора-съ! А у меня переплетчикъ убитъ.

Взялъ *Нахимовъ* костыль и побрелъ искать доктора. Немногое сказалъ онъ, но многое сказалось въ его словахъ. Переплетчикъ жилъ съ семьею въ сводчатомъ нижнемъ строеніи—и бомба порѣшила его. Если подъ такими сводами не безопасенъ человѣкъ, то гдѣ-же искать доктора для каждаго изъ стоявшихъ на бастіонахъ и батареяхъ, гдѣ число раненыхъ доходило до огромныхъ размѣровъ.

Капитанъ 1-го ранга *Юрковскій* не перенесъ полученной раны и скончался, къ общему сожалѣнію товарищей и сослуживцевъ. Будучи назначенъ послѣ смерти контръ-адмирала *Истомина* начальникомъ 4-го отдѣленія оборонительной линіи, онъ, въ теченіе девяти мѣсяцевъ, не сходилъ съ Малахова кургана. Не смотря на свои преклонныя лѣта и слабое здоровье, *Юрковскій* съ неутомимою дѣятельностію, занимался ввѣреннымъ его попеченію Малаховымъ курганомъ, жилъ въ остаткахъ башни, представлявшей груду развалинъ, и, не смотря ни на просьбы, ни на приказанія, не хотѣлъ оставить своего жилища.

— Сдѣлайте мнѣ дружбу, говорилъ *Юрковскій* одному изъ своихъ знакомыхъ, напишите статью въ опроверженіе хвастовства французовъ. Публиковали они въ газетахъ, что Малахова башня разбита до основанія. Вздоръ! доказательство, что я, начальникъ отдѣленія, живу тамъ доселѣ....

Кто зналъ *Юрковскаго*, тотъ не могъ надивиться его простой, но возвышенной натурѣ, а кто видѣлъ его въ сраженіи, тотъ невольно проникался уваженіемъ къ его не-

поколебимой твердости, рѣдкой отвагѣ и распорядительности. Тоже самое можно оказать о многихъ падшихъ товарищахъ *Юрковскаго*, да о всѣхъ начальникахъ отдѣленій и командирахъ батарей. Никакое перо не въ состояніи обрисовать подвига батарейнаго командира и прислуги при орудіяхъ въ самый разгаръ бомбардированія. Всякое описаніе окажется ничтожнымъ въ сравненіи съ дѣйствительностію.

«Надобно видѣть этого *громовержца*, стоящаго безтрепетно въ ураганѣ смерти и обдуманно поражающаго враговъ, тогда какъ десятки его товарищей и подчиненныхъ падаютъ вокругъ него подъ губительною косою, обливая его своею кровью, немедленно замѣняемые другими, готовыми испытать ту же участь! Да, надо видѣть этихъ героевъ, чтобъ научиться благоговѣть предъ ними»! Ни одинъ солдатъ не останавливался передъ опасностію, когда дѣло шло о спасеніи товарища или начальника. Вотъ рядовой Охотскаго полка, Трофимъ *Бѣлоусовъ*, ружейнымъ прикладомъ толкаетъ съ горы бомбу, упавшую у дверей пороховаго погреба и готовую разорваться; онъ спасаетъ погребъ отъ взрыва и 3-й бастіонъ отъ значительныхъ поврежденій. Вотъ два рядовыхъ Полтавскаго полка, Григорій *Ткаченко* и Семенъ *Копальскій*, закрывающіе собою начальника 8-й пѣхотной дивизіи, генералъ-адъютанта князя *Урусова*. Рядовые эти были постоянными вѣстовыми генерала и слѣдовали за нимъ повсюду. Въ самый разгаръ бомбардированія кн. *Урусовъ*, проходя по одной изъ частей лѣвой оборонительной линіи, увидавъ упавшую въ нѣсколькихъ шагахъ бомбу, закричалъ: *ложись*!

Въ это время *Ткаченко* и *Копальскій* бросились къ генералу и прикрыли его собою отъ осколковъ. Бомбу разорвало и одного изъ молодцовъ сильно ушибло осколкомъ камня.

Такихъ героевъ было много; называть ихъ по именамъ, значило бы переименовывать всѣхъ участниковъ славной обороны. По необходимости личные подвиги каждаго остаются въ неизвѣстности, по обилію самихъ подвиговъ, и потому то не знаешь, кто больше герой!...

Раненые только и думали о томъ, какъ бы поскорѣе

вернуться на свои мѣста. Когда ихъ спрашивали, чего желаютъ они, всѣ единогласно отвѣчали: «Батюшка Царь не оставитъ насъ, а мы желаемъ, если Господь поможетъ выздоровѣть, то поскорѣе явиться къ товарищамъ на бастіоны, отплатить врагамъ».

Съ наступленіемъ сумерекъ, непріятель ослабилъ свой огонь, за то усилилъ стрѣльбу изъ мортиръ.

Около одиннадцати часовъ ночи десять непріятельскихъ паровыхъ судовъ, подойдя ко входу на рейдъ, открыли огонь по береговымъ батареямъ южной стороны и вдоль бухты. Наши прибрежныя батареи отвѣчали имъ съ увлеченіемъ, и перестрѣлка продолжалась до трехъ часовъ ночи по всей оборонительной линіи. Бомбы, одна за другою, такъ и валились на Малаховъ курганъ и 2 й бастіонъ; ракеты съ зажигательнымъ составомъ бороздили воздухъ и достигали до сѣверной стороны. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ города они произвели пожары,—ихъ никто не тушилъ, потому что люди были нужны на другое, болѣе важное дѣло, но огонь какъ то не распространялся на сосѣднія постройки и умиралъ самъ собою.

Защитники съ наступленіемъ ночи прекратили огонь и, не обращая вниманія на выстрѣлы непріятеля, исправляли поврежденія въ укрѣпленіяхъ съ такимъ успѣхомъ, что, около 2 часовъ ночи почти всѣ работы были окончены, только на Малаховомъ курганѣ команды саперъ и Сѣвскаго полка продолжали работать до четырехъ часовъ утра. Они производили присыпку къ валу, для помѣщенія на ней четырехъ полевыхъ орудій, долженствовавшихъ дѣйствовать картечью въ случаѣ штурма.

Прекращеніе огня нашихъ батарей поселило въ непріятелѣ увѣренность, что происходившая наканунѣ канонада произвела обвалы въ нашихъ насыпяхъ и сдѣлала ихъ удободоступными. Полагая, что укрѣпленія разрушены и рвы завалены, союзники рѣшились на штурмъ Корабельной стороны.

Для атаки назначалось пять французскихъ дивизій, числомъ около 30,000 человѣкъ, и пять англійскихъ отъ 15,000 до 20,000 человѣкъ. Французы должны были ата-

ковать Малаховъ курганъ, 1-й и 2-й бастіоны, а англичане приняли на себя штурмъ 3-го бастіона.

Около 2-хъ часовъ ночи, залегшій въ секретѣ Брянскаго полка подпоручикъ *Хрущевъ* донесъ, что въ лежащемъ передъ 1-мъ бастіономъ киленбалочномъ оврагѣ, или Киленъ-балкѣ, видны значительныя непріятельскія силы. По полученіи этого извѣстія, на бастіонѣ ударили тревогу, принятую по всей лѣвой половинѣ оборонительной линіи.

Съ первыми звуками тревоги все пришло въ движеніе, все спѣшило на назначенныя мѣста.

Въ это время начальникъ войскъ на Корабельной слободѣ, генералъ лейтенантъ *Хрулевъ*, находился также на первомъ бастіонѣ. Онъ ночевалъ въ оборонительной казармѣ, въ помѣщеніи начальника 5-го отдѣленія капитана 1-го ранга *Перелешина* 2-го. Услышавъ тревогу, *Хрулевъ* бросился на Малаховъ курганъ, какъ на самый важный пунктъ обороны. Чрезъ нѣсколько минутъ въ окно влетѣла бомба и упала на ту самую желѣзную кровать, на которой спалъ генералъ. Казалось, сама судьба хранила его для будущихъ подвиговъ.

Былъ третій часъ ночи, когда непріятельскія батареи вдругъ смолкли.... Въ Севастополѣ воцарилась на нѣсколько мгновеній совершенная тишина, прерванная частымъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ съ 1 го и 2-го бастіоновъ. Въ одно мгновеніе на Малаховомъ курганѣ загорѣлся—предвѣстникъ начавшагося штурма—бѣлый огонь фальшфейера, «будто лампада схимника, молящагося о спасеніи души».

Изъ за лѣваго берега Киленъ-балки показалась густая цѣпь непріятельскихъ стрѣлковъ, поддерживаемая сильными резервами, и въ слѣдъ за тѣмъ французы бросились на штурмъ 1-го и 2-го бастіоновъ съ ихъ промежуточными батареями.

Штурмующіе были встрѣчены батальнымъ и картечнымъ огнемъ. Пароходы «Владиміръ», «Херсонесъ», «Громоносецъ», «Крымъ», «Бессарабія» и «Одесса» открыли огонь по Киленъ-балкѣ, поражая непріятельскіе резервы и самихъ атакующихъ. Перекрестный огонь съ фронта и фланга зна-

чительно разстроилъ французовъ. Не дойдя до 2-го бастіона, они остановились, смѣшались и, разсыпавшись, за камнями и холмами, открыли частый ружейный огонь по амбразурамъ и по прислугѣ, дѣйствовавшей при орудіяхъ.

Осадныя батареи непріятеля, видя замѣшательство своихъ и неудачу перваго штурма, направили огонь противъ 1-го и 2-го бастіоновъ. Подкрѣпленные резервами и поддержанные огнемъ своихъ батарей, французы вторично бросились въ атаку, но опять не выдержали картечнаго и ружейнаго огня. Не дойдя до бастіоновъ, они повернули назадъ и окончательно отступили въ Киленъ-балку.

Въ это самое время на одной изъ непріятельскихъ батарей поднялся цѣлый снопъ сигнальныхъ ракетъ. Достигнувъ до высоты, ракеты разсыпались разноцвѣтными огоньками, какъ бриліантовыми искрами. Это былъ сигналъ къ всеобщей атакѣ.

Въ Севастополѣ благовѣстили къ заутрени....

Изъ непріятельскихъ траншей вышла густая цѣпь стрѣлковъ, охватившая пространство на 4 версты и поддерживаемая сильными колоннами; она двинулась на штурмъ всей лѣвой половины оборонительной линіи; впереди цѣпи шли охотники съ лѣстницами. Французы штурмовали 2-й бастіонъ и Малаховъ курганъ съ прилежащими къ нимъ батареями: англичане атаковали 3-й бастіонъ.

Завидя штурмующихъ, прикрытіе батарей въ одинъ мигъ вскочило на валы укрѣпленій и, выросши на немъ грозною, сплошною стѣною, открыло самый частый огонь по наступавшимъ. Картечь, какъ горохъ, запрыгала по полю, по которому наступали французы и англичане. Малаховъ курганъ опоясался пламенною лентою; огненная рѣка лилась по всей лѣвой половинѣ оборонительной линіи; нашъ ружейный огонь усиливался ежеминутно, не прерываясь ни на мгновеніе.

На всемъ протяженіи непріятельскихъ траншей впереди Малахова кургана быстро двигалась густая чернѣвшая лавина непріятельскихъ колоннъ. Офицеры съ саблями на голо шли впереди и указывали на наши батареи — цѣль ихъ настоящаго движенія, а съ батарей молча и безъ крика

«ура!» отважные бойцы Севастополя сыпали пули за пулями Французы приближались.... Наступала торжественная минута.... Страшно было за Севастополь, страшно за его защитниковъ. Всѣ, кто только не принималъ непосредственнаго участія въ отраженіи штурма, съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдили за сходившимися врагами. Старый и малый, больной и здоровый, военный и мирный торговецъ— всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали развязки.

— Помоги вамъ Господи! слышали повсюду солдаты, спѣшившіе на бастіоны.

Сколько земныхъ поклоновъ, сколько чистыхъ молитвъ произнесено было въ эти роковыя минуты. Оставшіеся на судахъ матросы усыпали палубы и съ замираніемъ сердца смотрѣли на двигавшіяся колонны непріятеля; многіе изъ нихъ крестились. Вотъ одинъ изъ матросовъ бросился на колѣни передъ образомъ Спасителя, стоявшемъ въ походной церкви. Онъ горячо молился, читая вслухъ: «*Достойно и праведно есть поклонятися Отцу и Сыну и Святому Духу*». Всѣ проходившіе слѣдовали примѣру чистаго сына отчизны, и долго потомъ свидѣтели пламенной молитвы не могли забыть ни ощущеній, испытанныхъ во время штурма, ни впечатлѣнія произведеннаго на нихъ матросомъ, горячо молившимся *за вся и за всѣхъ*....

Французы одновременно атаковали Малаховъ курганъ и 2-й бастіонъ. Колонны ихъ, шедшія противъ 2-го бастіона, могли подойти не ближе 50-ти шаговъ.

Батальный и картечный огонь разстроилъ непріятельскія колонны. Французы смѣшались; потоптавшись на мѣстѣ, они какъ будто взволновались на мгновеніе и потомъ вдругъ отхлынули, торопясь укрыться въ каменоломнѣ. Оправившись и устроившись тамъ, они снова двинулись впередъ. Губителенъ былъ нашъ батальный огонь; ужасно дѣйствіе картечи и града пуль, посланныхъ изъ пушки въ замѣнъ картечи. Не смотря на жестокій огонь, французы на этотъ разъ смѣло шли въ атаку; они прошли волчьи ямы (1),

(1) Такъ называются ямы, вырываемыя впереди укрѣпленій съ цѣлію задержать непріятеля.

добрались до рва и стали взбираться на валъ; но здѣсь были встрѣчены штыками батальоновъ Суздальскаго, Селенгинскаго и Якутскаго полковъ. Первый взобравшійся на валъ молодой офицеръ былъ пробитъ двумя пулями въ грудь и поднятъ на штыки; другой, окруженный со всѣхъ сторонъ, бросилъ свою саблю и взятъ въ плѣнъ; нѣсколько солдатъ заколото штыками, другіе сброшены въ ровъ, остальные отхлынули и, залегши въ ямахъ, осыпали пулями вскочившихъ на валъ нашихъ солдатъ.

— Камнями ихъ, ребята! крикнулъ маіоръ Якутскаго полка *Степановъ*, и градъ камней полетѣлъ на головы залегшаго непріятеля.

Не выдержали французы; набросавъ лѣстницы, они въ безпорядкѣ отступили въ свои траншеи, оставивъ на мѣстѣ боя цѣлыя сотни товарищей убитыми или ранеными. «Вопли попавшихъ въ волчьи ямы, стоны умирающихъ, проклятія раненыхъ, крикъ и ругательства сражающихся, оглушительный трескъ, громъ и вой выстрѣловъ, лопающихся снарядовъ, батальнаго огня, свистъ пуль, стукъ оружія—все смѣшалось въ одинъ ужасный, невыразимый ревъ, называемый шумомъ битвы, въ которомъ слышался, однако, и исполнялся командный крикъ начальника, сигнальная труба, дробь барабана!...»

Послѣ первыхъ неудачъ французы два раза пытались штурмовать 2-й бастіонъ, но, не пройдя и половины разстоянія, возвращались обратно въ свои траншеи. Полки ихъ, двинувшіяся на приступъ Малахова кургана, дѣйствовали нѣсколько удачнѣе, хотя въ концѣ-концовъ и потерпѣли пораженіе. Французы шли на Малаховъ двумя колоннами: одна направилась на самый курганъ, а другая правѣе, на прилегавшую къ кургану батарею Жерве. Лѣвая колонна не дошла до кургана 100 шаговъ и принуждена была вернуться назадъ въ свои траншеи.

— Теперь я совершенно спокоенъ, говорилъ начальникъ Малахова кургана, капитанъ 1-го ранга *Кернъ*, генералу *Юферову*,—непріятель ничего уже не сдѣлаетъ намъ, хотя бы онъ бросался еще нѣсколько разъ, что, вѣроятно, и исполнитъ.

Дѣйствительно, французы покушались-было вторично броситься на приступъ, но были отражены съ огромной потерей. Картечный огонь полевыхъ орудій, поставленныхъ на курганѣ, наносилъ жестокое пораженіе непріятелю, усыпавшему всю отлогость кургана своими тѣлами.

Между тѣмъ колонна, направленная на батарею Жерве, не смотря на учащенный ружейный огонь, ворвалась въ укрѣпленіе. Небольшая насыпь батареи, не имѣвшая передъ собою въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже и рва, не могла представить серьезнаго сопротивленія атакующимъ. Зуавы вскочили на валъ и, тѣсня нашихъ, стали проникать внутрь батареи. Находившіеся на батареѣ 300 человѣкъ Полтавскаго полка не въ состояніи были удержать напора столь многочисленнаго непріятеля. Они стали отступать, присоединивъ къ себѣ и прислугу, стоявшую у орудій. Французы, увлеченные успѣхомъ, бросились преслѣдовать отступавшихъ и ворвались на Корабельную сторону. Это было тогда, когда штурмъ на всѣхъ прочихъ пунктахъ оборонительной линіи былъ отбитъ.

Оставимъ на время эту колонну храбрыхъ и скажемъ нѣсколько словъ объ атакѣ, произведенной англичанами на третій бастіонъ.

Англичане вышли изъ своихъ траншей одновременно съ французами. Впереди всѣхъ двигались стрѣлки, за ними шли команды съ лѣстницами, фашинами и мѣшками, наполненными шерстью. Вдали виднѣлись приближавшіяся колонны, расположенныя въ двѣ линіи.

Съ первымъ движеніемъ непріятеля, начальникъ 3-го отдѣленія оборонительной линіи, контръ-адмиралъ *Панфиловъ*, приказалъ открыть огонь картечью и ружейными залпами Брянскаго полка, разставленнаго за валомъ бастіона.

Разстояніе отъ траншей до бастіона, которое приходилось пройти англичанамъ, было довольно значительно (около 100 саженъ), а потому не легко было пройти его подъ такимъ губительнымъ огнемъ. Не смотря на то, густая цѣпь атакующихъ сначала шла довольно смѣло, но потомъ среди наступавшихъ стало замѣтно нѣкоторое колебаніе. Передо-

вые ряды начали останавливаться; нѣкоторые, бросивъ лѣстницы и фашины, подались назадъ, другіе легли на землю за разными закрытіями, но потомъ, устроившись, вторично бросились въ атаку и могли дойти только до засѣкъ, расположенныхъ передъ бастіономъ и образовавшихъ выпуклую дугу передъ исходящимъ угломъ укрѣпленія. Дальше засѣкъ никто изъ англичанъ не проникалъ. Картечный и ружейный огонь повалилъ передніе ряды ихъ, остальные смѣшались. Одна часть легла на землю, и, прикрываясь засѣками, открыла стрѣльбу по амбразурамъ, другая—стала разбирать засѣки. Частый огонь съ бастіона дѣлалъ работу эту невозможною, и англичане, видя, что не въ силахъ разобрать противупоставленныхъ имъ преградъ, поспѣшно отступили въ свои траншеи. Оттуда вышла новая колонна, которая точно также, дойдя до засѣкъ, принуждена была возвратиться съ большими потерями.

Съ отступленіемъ англичанъ стихли ружейные выстрѣлы на 3-мъ бастіонѣ, только орудія не прекращали своей дѣятельности, провожая незванныхъ гостей. Защитники вздохнули свободнѣе, радостнѣе; имъ оставалось только прогнать непріятеля, ворвавшагося на батарею Жерве и засѣвшаго въ домикахъ, разбросанныхъ по всему правому скату Малахова кургана.

Занявъ матросскіе домики и развалины, покрывавшія все это пространство, французы грозили разрѣзать нашу оборонительную линію на двѣ части и потомъ взять въ тылъ Малаховъ курганъ и 3-й бастіонъ. Непріятельскія силы росли, зѣвать было нечего. Цѣлая туча снарядовъ полетѣла на батарею Жерве и на домики, въ которыхъ засѣли французы. Шесть полевыхъ орудій стрѣляли картечью съ фронта; правая половина кургана поражала непріятеля съ боку, батарея Будищева и стрѣлки Камчатскаго полка сыпали снаряды съ другаго.

На мѣсто дѣйствій прибылъ начальникъ войскъ Корабельной стороны, генералъ-лейтенантъ С. А. *Хрулевъ*.

Видя, что полтавцы отступаютъ, онъ остановилъ ихъ.

— Ребята стой! закричалъ онъ, дивизія идетъ на помощь.

Благодатнымъ вѣтромъ пахнули на солдатъ эти слова начальника, котораго каждый зналъ въ лицо. Всѣ остановились... Одинъ изъ матросовъ, наиболѣе рѣшительный, рванулся къ сторонѣ непріятеля.

— Ну, ребята, навались! крикнулъ онъ.

— Навались, ребята! повторилъ *Хрулевъ*, понимая всю силу этого жгучаго слова.

— Навались! навались! загремѣло въ толпѣ и все бросилось впередъ.

Въ это время *Хрулевъ* увидѣлъ 5-ю (нынѣ 7-ю) роту Сѣвскаго полка, возвращавшуюся съ работъ. Въ ней было всего 138 человѣкъ, подъ командою штабсъ-капитана *Островскаго*. Сѣвцы шли съ лопатами въ рукахъ и съ ружьями за спиною.

— Ребята, бросай лопаты! крикнулъ имъ *Хрулевъ*.

Сѣвцы въ одинъ мигъ схватились за ружья.

— Благодѣтели мои, въ штыки, за мною, произнесъ *Хрулевъ*, обращаясь къ сѣвцамъ и самъ кидаясь впередъ.

Воодушевленные словами любимаго генерала и предводимые храбрымъ ротнымъ командиромъ штабсъ-капитаномъ *Островскимъ*, сѣвцы безъ выстрѣла бросились въ штыки, отбросили непріятеля назадъ и открыли перестрѣлку съ французами, засѣвшими въ домикахъ. На этомъ мѣстѣ завязался упорный бой. Французы, скрываясь въ домикахъ, поражали нашихъ на выборъ; чтобы выбить ихъ оттуда, приходилось брать приступомъ каждый домикъ отдѣльно. Трудно было сладить съ непріятелемъ, который, ожидая прибытія помощи, дрался отчаянно. Перестрѣлка продолжалась однако же не долго.

— Что зѣвать, ребята, сказалъ штабсъ-капитанъ *Островскій*, впередъ! и бросился къ одному изъ ближайшихъ домиковъ.

Солдаты не выдали; они кинулись за своимъ начальникомъ. Засѣвшіе открыли изъ отверстій домовъ самый частый штуцерный огонь. Какъ ни валились наши, въ числѣ которыхъ палъ и штабсъ-капитанъ *Островскій*, но сѣвцы достигли до домика, разнесли его въ щепы и уничтожили враговъ всѣхъ до единаго.

Примѣру сѣвцевъ послѣдовали многіе, и въ мигъ каждый отдѣльный домикъ сталъ мѣстомъ ужасной свалки. Бой сдѣлался общимъ и раздѣлился на сотню отдѣльныхъ картинъ. Въ одномъ мѣстѣ солдаты взлѣзали на крышу, разрушали ее и поражали непріятеля обломками трубы, бревнами и черепицею; въ другомъ—бросали огонь въ трубу, совали пуки зажженной соломы въ крышу и окна.

— Сожжемъ, сдавайся, кричали они французамъ.

Тѣ, не понимая словъ, но видя угрожающую опасность отъ огня, растворяли двери, бросали ружья и сдавались военно-плѣнными.

Въ иныхъ домикахъ солдаты выламывали двери, бросались внутрь хаты и сталкивались грудью съ непріятелемъ.

— Проси пардонъ, кричали ворвавшіеся, крѣпость взята.

Въ отвѣтъ на это гремѣли выстрѣлы; сыпались удары штыкомъ, прикладомъ или камнемъ.

— Э, такъ вы драться, да еще въ чужой хатѣ, кричали наши. Души ихъ!

И передушили всѣхъ до единаго.

Домикъ за домикомъ переходили во власть нашу. Французы, очищая ихъ, отступали. На мѣсто боя явилось шесть ротъ Якутскаго полка, приведенныхъ генералъ-лейтенантомъ *Павловымъ*. Двѣ роты съ маіоромъ *Новашинымъ* ударили съ фронта, а четыре, подъ начальствомъ полковника *Аленникова*, съ лѣваго фланга, и непріятель былъ окончательно опрокинутъ. Якутцы гнали его до батареи Жерве. Эта батарея, на которой одно орудіе уже было обращено противъ насъ, была вновь занята нами.

Видя себя окруженными съ трехъ сторонъ, французы пытались-было взорвать пороховой погребъ. Двое изъ нихъ, выхвативъ у убитаго матроса зажженный пальникъ, бросились къ дверямъ погреба, но были остановлены и заколоты рядовымъ Якутскаго полка, Дорофеемъ *Музиченко*.

— Э, братцы, шалишь, кричалъ *Музиченко*, сюда не

суйся, пошелъ-ко догоняй своихъ, приговаривалъ онъ, работая штыкомъ.

Французы быстро отступали; кто перелѣзалъ черезъ валъ, кто бросился въ амбразуры, но здѣсь ихъ ожидали штыки нашихъ солдатъ. Впереди всѣхъ стоялъ рядовой Сѣвскаго полка *Ищукъ*. Штыкомъ онъ хватилъ одного— штыкъ сломался, прикладомъ уходилъ другаго—прикладъ пополамъ. Бросивъ обломки ружья, онъ схватилъ огромный пыжевникъ и крошилъ имъ направо и налѣво.

— Погодите, куда же вы... гости, гости, кричалъ *Ищукъ*, чтожь аль въ двери не попали, что въ окна (амбразуры) уходите....

Солдаты, въ восторгѣ отъ побѣды, хохотали надъ остротами *Ищука*, кололи защищавшихся, гнали бѣгущихъ. Увлеченные успѣхомъ, они сами выскакивали въ амбразуры и преслѣдовали непріятеля за брустверомъ. Генералъ *Хрулевъ* напрасно приказывалъ трубить отступленіе.

— Отберемъ *Камчатку*, кричали одни, не слушая сигнала.

— Бить саранчу проклятую на смерть, нечего отступать! кричали другіе, упоенные успѣхомъ.

Подполковникъ *Новашинъ* и другіе начальники должны были сами бѣжать за укрѣпленія и съ трудомъ остановили преслѣдовавшихъ.

Преслѣдованіе могло быть гибельнымъ для насъ. Французы готовили новыя и значительныя силы для штурма. Они могли по пятамъ горсти преслѣдователей ворваться на батарею. Все это вынуждало нашихъ начальниковъ приказывать отступать какъ можно скорѣе. И, дѣйствительно, едва только солдаты стали подходить ко рву, какъ изъ укрѣпленій закричали: «идутъ, опять идутъ!»

Въ это время офицеры Якутскаго полка, видя, что на батареѣ Жерве, во время штурма, прислуга при орудіяхъ почти вся перебита, поставили къ орудіямъ своихъ солдатъ.

— Сюда, ребята, кричали они, кто бывалъ въ артиллеріи.

Солдаты подбѣжали къ орудіямъ и заревѣли выстрѣлы

на встрѣчу наступавшимъ. Три раза бросались французы на штурмъ батареи Жерве, но каждый разъ были отбрасываемы картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Понеся значительныя потери, они не доходили и половиннаго разстоянія до батареи, возвращались назадъ, снова двигались впередъ и, наконецъ, скрылись въ своихъ траншеяхъ...

«Множество французовъ и англичанъ, живыхъ и здоровыхъ, повалилось между мертвыми и ранеными, чтобы спастись отъ нашего огня; многіе залегли въ разныхъ ямпнахъ и травѣ, чтобы дождаться прекращенія картечныхъ выстрѣловъ и батальнаго огня и потомъ продолжать своё бѣгство. Преинтересно было смотрѣть, какъ изъ какой нибудь ямы вдругъ выскочитъ человѣкъ десять французовъ съ ружьями на перевѣсъ, а иные, бросивъ всякое оружіе, почти прилягутъ къ землѣ и пустятся, что ни есть духу, бѣжать къ своимъ траншеямъ, а наши такъ и грянутъ имъ со всѣхъ сторонъ въ догонку».

Предпринимая штурмъ, союзники были такъ увѣрены въ успѣхѣ, что саперамъ было указано на тѣ работы, которыя должны быть произведены по овладѣніи казармами и госпиталемъ; кромѣ различныхъ инструментовъ, саперамъ приказано было имѣть мѣшки съ порохомъ для взрыванія тѣхъ частей строеній, гдѣ наши войска будутъ держаться съ наибольшимъ упорствомъ.

Увѣренность, что укрѣпленія и городъ будутъ взяты, была всеобщею между солдатами союзныхъ войскъ. Англичане запаслись различными закусками, чтобы позавтракать въ Севастополѣ; раненый и взятый въ плѣнъ французскій офицеръ говорилъ, что напрасно заботятся о его перевязкѣ, когда Севастополь черезъ полчаса будетъ въ рукахъ его товарищей, и что тогда соотечественники перевяжутъ его.

Одинъ французскій капралъ, ворвавшійся въ числѣ прочихъ на батарею Жерве, бросивъ ружье, пошелъ дальше на Корабельную и, дойдя до церкви Бѣлостокскаго полка, преспокойно сѣлъ на паперть. Въ пылу горячаго боя его никто не замѣтилъ, но потомъ одинъ изъ офицеровъ спросилъ, что онъ здѣсь дѣлаетъ.

— Жду своихъ, отвѣчалъ онъ спокойно. Черезъ четверть часа наши возьмутъ Севастополь.

Ожиданія его оказались напрасными, и союзники не достигли того, что считали несомнѣннымъ.

Было только 7 часовъ утра, когда штурмъ былъ отбитъ на всѣхъ пунктахъ, и *славный день 6-го іюня 1855 года*, покрывшій лавровымъ вѣнкомъ бойцевъ севастопольскихъ, принадлежалъ исторіи геройскихъ подвиговъ, совершенныхъ вѣрными сынами Россіи...

«Геройство и самоотверженіе, доносилъ главнокомандующій Государю Императору, съ коими всѣ чины севастопольскаго гарнизона, отъ генерала до солдата, стремились исполнить свой долгъ, превосходятъ всякую похвалу. Пѣхота, моряки и артиллерійская прислуга при орудіяхъ соревновали другъ передъ другомъ, и всѣ, руководимые однимъ общимъ желаніемъ отразить врага отъ Севастополя, съ величайшимъ хладнокровіемъ и мужествомъ исполняли обязанности свои и презирали смерть. Полевая артиллерія, размѣщенная на оборонительной линіи, оказала значительную услугу оборонѣ».

Бомбардированіе 5-го іюня и штурмъ 6-го стоили значительныхъ потерь какъ намъ, такъ и союзникамъ. Въ теченіе этихъ двухъ дней было выпущено съ оборонительной линіи 19,000 снарядовъ, тогда какъ непріятель израсходовалъ около 62,000 снарядовъ. Потеря гарнизона въ оба дня состояла изъ 5,446 человѣкъ. Въ 5-й (нынѣ 7-я) мушкатерской ротѣ Сѣвскаго полка, покрывшей себя безсмертною славою въ этомъ жаркомъ бою, осталось на лицо послѣ приступа только 33 человѣка. Командиръ роты штабсъ-капитанъ *Островскій* палъ въ началѣ дѣла; начальство надъ ротою принялъ по немъ подпоручикъ *Келлеръ*. Союзники также не досчитывались въ своихъ рядахъ 6,700 человѣкъ и нѣсколькихъ генераловъ. Наибольшую потерю они понесли во время штурма. Все пространство впереди оборонительной линіи было усѣяно тѣлами убитыхъ.

— Зацвѣло поле, говорили наши солдатики, поглядывая на разноцвѣтные мундиры разноплеменныхъ враговъ.

На бастіонахъ весело разсуждали о томъ, какъ шелъ супостатъ на приступъ, какъ пошатнулся онъ, заболтался и показалъ пятки.

— Смотри-ка, братцы, сказалъ одинъ изъ брянцевъ, высунувшись изъ за вала, батюшки мои свѣты, сколько народу-то мы повалили!

— Царство имъ небесное, замѣтилъ его товарищъ постарше лѣтами: эти на новый штурмъ не полѣзутъ, а всякій павшій воинъ, будь онъ свой или вражій, вѣнца небеснаго достоинъ...

— Вѣстимо достоинъ, замѣтили товарищи, и нѣсколько рукъ поднялось, чтобы сотворить крестное знаменіе.

Дивенъ русскій солдатъ, грозный въ минуты битвы—онъ лучшій защитникъ побѣжденнаго. Не даромъ же въ русскомъ народѣ сложилась поговорка: «лежачаго не бьютъ». Завидѣвъ дерзкаго врага, онъ хладнокровно цѣлитъ въ его колонны, встрѣчаетъ его штыкомъ, прикладомъ, камнемъ, но стихнетъ битва—и безстрашный защитникъ молится за убитаго врага, или, подъ градомъ пуль, ползетъ съ манеркою въ рукахъ, чтобы утолить жажду или спасти раненаго непріятеля. Французы молча смотрѣли изъ своихъ траншей на подобныхъ смѣльчаковъ, маханіемъ шапокъ и другими жестами благодарили за участіе къ ихъ страдающимъ товарищамъ; англичане поступали иначе: они стрѣляли по нашимъ солдатамъ, не обращая вниманія на крики своихъ раненыхъ и просьбы ихъ прекратить огонь. Не смотря на то, наши солдатики подбирали тѣхъ, кто былъ поближе. Но ихъ было слишкомъ много; все пространство между непріятельскими траншеями и атакованными батареями было завалено тѣлами.

Убитые лежали на валахъ и во рвахъ укрѣпленій: ихъ даже подбирали и за укрѣпленіями въ Корабельной слободкѣ.

Съ отступленіемъ атакующихъ, обѣ стороны открыли канонаду по всей линіи укрѣпленій. Опять загремѣли выстрѣлы, полетѣли бомбы, вырывавшія новыя жертвы. Потери отъ этой канонады были значительны; постоянно носили раненыхъ; баркасъ за баркасомъ, съ печальнымъ

грузомъ, отваливалъ отъ Павловскаго мыска и направлялся на сѣверную сторону къ *братскимъ могиламъ*. Для уменьшенія убыли, войска на бастіонахъ были расположены за различными прикрытіями, а резервы отодвинуты назадъ. Къ вечеру канонада стала стихать.

На слѣдующее утро, по приглашенію начальника третьяго отдѣленія оборонительной линіи, контръ-адмирала *Панфилова*, былъ отслуженъ на третьемъ бастіонѣ благодарственный молебенъ.

На мѣстѣ наименѣе опасномъ, но не закрытомъ отъ снарядовъ и штуцерныхъ пуль, матросы поставили нѣсколько туровъ, покрыли ихъ парчею и, такимъ образомъ, устроили нѣчто въ родѣ налоя, вокругъ котораго собрались солдаты Камчатскаго полка и все населеніе бастіона. Старшій священникъ храбраго полка, отецъ Евгеній *Федюшинъ*, отслужилъ молебенъ подъ гуломъ выстрѣловъ и свистомъ пуль. Величественна была картина 3-го бастіона съ толпою молящихся. Глубоко западали въ душу каждаго торжественныя слова молебна. Безпредѣльною вѣрою въ могущество Творца проникнуты были эти грозныя, закопченныя въ пороховомъ дыму лица, съ открытыми головами, толпившіяся къ Св. Евангелію.

Окропивъ бастіонъ св. водою, отецъ Евгеній произнесъ слово, сообразное съ обстоятельствами и особенно знаменательное по той обстановкѣ, при которой оно было произнесено.

— «Близъ года уже нашъ полкъ, говорилъ пастырь, мужественно защищаетъ, вмѣстѣ съ другими войсками русскими, богоспасаемый доселѣ сей градъ, столь драгоцѣнный нашему отечеству.

Много утратъ понесли вы, воины христолюбивые, при этой защитѣ! Одни изъ вашихъ храбрыхъ товарищей запечатлѣли уже исполненіе своего святаго долга кровію, другіе самою жизнію! А вы, здѣсь предстоящіе, сколько трудовъ, болѣзней, ранъ, лишеній перенесли въ это время!

Но вы не ропщите за то на премудрое Провидѣніе. О, нѣтъ, вы еще съ большею покорностію произносите: *«да будетъ воля Твоя!»*...

*

Еще такъ недавно Ему было угодно испытать ваше терпѣніе необходимою уступкою нашихъ передовыхъ укрѣпленій, изъ которыхъ особенно горько было вамъ уступить укрѣпленіе, носящее имя вашего полка (Камчатскій люнетъ), укрѣпленіе особенно вамъ дорогое, какъ по своей, съ вами соименности, такъ и по крови многихъ вашихъ товарищей, на немъ пролитой, во время его сооруженія.

Что-жь произошло? Мы смирились передъ благимъ Промысломъ, повторяя непрестанно: «*да будетъ воля Твоя*». Врагъ же нашъ, вѣроятно, возгордился!

Но праведный судія сотворилъ по истинѣ: Господь, гордымъ противящійся, смиреннымъ же дающій благодать, даровалъ намъ вчера побѣду надъ возгордившимся врагомъ нашимъ, который, въ опьяненіи мгновеннаго успѣха, устремился на взятіе самаго града нашего, думая побѣдить и сокрушить храбрыхъ его защитниковъ... Слава Всемогущему! Честь храброму воинству и доблестнымъ вождямъ его. Отбитый врагъ бѣжалъ, тысячами труповъ устлавъ свои слѣды!

Доблестные воины! Вашъ подвигъ еще не оконченъ. Вамъ предстоитъ еще много трудовъ, много жертвъ: Православіе ждетъ отъ васъ торжества своему дѣлу, отечество прежняго для себя покоя; Великій Государь надѣется, что древняя слава знаменъ вашихъ, Его довѣріемъ вамъ врученныхъ, вновь озарена будетъ блескомъ вашего оружія; совѣсть требуетъ исполненія вашего долга — уничтожить врага, дерзнувшаго нарушить неприкосновенность нашихъ предѣловъ, осквернить своею пятою стогны нашихъ градовъ, лишить спокойствія мирныхъ гражданъ, пролить потоки невинной крови, оскорбить святость алтарей Христовыхъ!...

Укрѣпляйтесь же на новые труды и подвиги вѣрою въ милосердаго Бога, безъ воли котораго, помните, не спадетъ и власъ съ главы вашей; надѣйтесь на Него, Всемогущаго, и пребудете тверды въ борьбѣ съ врагами отечества нашего».

Въ тотъ же день, около 4-хъ часовъ по полудни, по просьбѣ союзныхъ главнокомандующихъ, было назначено пе-

ремиріе для уборки тѣлъ, продолжавшееся до самаго вечера. Угрюмы были лица пришедшихъ сюда французовъ; всегда веселые и шутливые, они на этотъ разъ смотрѣли какъ-то не весело.

— Не-бось, присмирѣлъ французъ, говорили солдаты, сбили видно спѣсь-то! почаще бы его такъ угощать.

Число убитыхъ и оставшихся на полѣ сраженія было такъ велико, что у французовъ даже не достало носилокъ для поднятія труповъ, и завѣдывающій уборкою ихъ просилъ, чтобы тѣ тѣла, которыя остались вблизи нашихъ укрѣпленій, были погребены нами.

Наши солдаты смотрѣли бодро и весело; они забыли о потерѣ передовыхъ укрѣпленій и, подъ вліяніемъ блистательно отбитаго штурма, были убѣждены, что Севастополь не можетъ быть взятъ непріятелемъ.

Извѣстіе объ отбитіи штурма быстро облетѣло не только всѣ уголки Россіи, но и всѣ концы вселенной. Русскіе люди встрѣтили торжество своего оружія съ особою радостію; они слали свой припѣвъ благословеніе и молитву героямъ этого дня: собирались въ кружки, толковали о славномъ для Россіи днѣ 6-го іюня и воспоминали славныхъ защитниковъ роднаго города.

Государь Императоръ, желая ознаменовать день отбитія штурма, Всемилостивѣйше пожаловалъ всѣмъ нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ дѣлѣ по два руб. сер. и, въ милостивомъ вниманіи къ главнокомандующему, Высочайше повелѣть соизволилъ: славному Брянскому полку именоваться егерскимъ генералъ-адъютанта князя *Горчакова 2-го* полкомъ.

«Постоянно полезное служеніе ваше, писалъ Императоръ въ рескриптѣ князю *Горчакову*, и достохвальное самоотверженіе при безпримѣрной въ лѣтописяхъ военной исторіи оборонѣ Севастополя — пріобрѣли вамъ право на особенное мое благоволѣніе. Нынѣ 6 іюня предводительствуемыя вами войска, отразили штурмъ непріятеля на лѣвый флангъ нашей оборонительной линіи и покрыли себя новою неувядаемою славою. Поручаю вамъ изъявить всѣмъ чинамъ сихъ войскъ душевную мою благодарность, за ихъ

непоколебимую твердость, мужество и неустрашимость. Вмѣстѣ съ симъ желая и вамъ лично изъявить искреннюю мою признательность, за столь доблестный подвигъ русскаго оружія, я повелѣлъ Брянскому егерскому полку, коего вы состоите шефомъ, именоваться егерскимъ имени вашего полкомъ».

XIV.

Положеніе Севастополя послѣ штурма. — Заслуги и дѣятельность гарнизона.—Жизнь на батареяхъ и бастіонахъ.—Русская удаль и молодечество.—Матросскій сынъ Пищенко.—Посѣщеніе Севастополя преосвященнымъ Иннокентіемъ.—Праздникъ Брянскаго полка.—Осада и защита съ 6-го по 28-е іюля.—Смерть адмирала Нахимова.—Его дѣятельность и заслуги.—Смерть лорда Раглана.

Прошло слишкомъ девять мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ взоры всего свѣта обратились на Севастополь и его храбрыхъ защитниковъ. Флоты двухъ величайшихъ морскихъ державъ и сухопутныя арміи четырехъ сильнѣйшихъ государствъ разбивались о живыя стѣны русскихъ солдатъ, защищавшихъ городъ, укрѣпленный въ началѣ осады только съ морской стороны, а съ сухаго пути имѣвшій незначительныя земляныя насыпи.

Въ теченіе девяти мѣсяцевъ осады союзники удивили свѣтъ тѣмъ, что бросили въ городъ болѣе полумиліона бомбъ и ядеръ самаго большаго калибра; русскіе удивили своею стойкостію, мужествомъ и безустанною дѣятельностію. Отборные воины Франціи, Англіи, Турціи и Сардиніи, по собственному ихъ сознанію, въ теченіе девяти мѣсяцевъ успѣли отвоевать себѣ такое пространство русской земли, «которое можно было бы окружить ремнями, нарѣзанными изъ одной воловьей шкуры», и для этого неважнаго успѣха пожертвовали милліонами золота и десятками тысячь людей.

Севастополь все это уложилъ въ своихъ нѣдрахъ. Онъ похоронилъ нѣсколько тысячъ славныхъ сыновъ Россіи, но все-таки стоялъ по прежнему непобѣдимымъ. Разстрѣливаемый со всѣхъ сторонъ, онъ въ эту пору былъ уже не

городъ, а пространная пещь Вавилонская, въ которой находились не три отрока, а тысячи героевъ и мучениковъ— цѣлая многочисленная рать наша. Увѣнчанный огнедышащимъ вѣнцомъ, многострадальный городъ сохранялъ мученическое положеніе не дни и недѣли, а десятки мѣсяцевъ.

— «По столь необычайной тѣснотѣ и озлобленію, говорилъ преосвященный *Иннокентій* въ одной изъ своихъ проповѣдей, продолжающимся при томъ столь долгое время, естественно, что мы ожидали увидѣть въ защитникахъ осаждаемаго города, хотя мужество, но дошедшее до крайности и истощенія; предполагали найти хотя пламенное желаніе продолжать стоять противу враговъ, но безъ твердой надежды отстоять защищаемое. И что же насъ встрѣтило тамъ? Терпѣніе—безъ конца, мужество—безъ всѣхъ предѣловъ и условій, самоотверженіе всецѣлое, упованіе полное и непоколебимое. Тамъ нашли мы такое презрѣніе къ смерти, такую любовь къ отечеству, такую преданность волѣ Божіей, что, вмѣсто того, чтобы поучать чему-либо слушавшихъ насъ, мы сами учились у нихъ великой наукѣ жить и умирать за вѣру и отечество».

И дѣйствительно, посѣтивъ Севастополь нельзя было не дивиться его смѣлому гарнизону. Одинъ городъ, на краю отдаленнаго отъ сердца имперіи полуострова, стоялъ какъ скала, о которую разрушались всѣ силы, всѣ надежды вражіи. То, къ чему союзники готовились девять мѣсяцевъ, было уничтожено въ одинъ славный день, 6-го іюня.

Правда, въ продолженіе столь долгаго времени, Севастополь сильно пострадалъ и не былъ похожъ на прежній, мирный и живописный городъ.

Съ паденіемъ трехъ передовыхъ укрѣпленій, въ городѣ, за исключеніемъ Николаевской площади, не было безопаснаго мѣста. Куда прежде залетали только ракеты, теперь стали тамъ появляться бомбы, ядра, а иногда и пули. Екатерининская улица опустѣла; обитатели ея переселились или на сѣверную сторону, или въ Николаевскую казарму, и не было уже на ней прежняго движенія; почти всѣ дома были повреждены, лавки заперты. На бульварахъ, гдѣ со-

биралось много гуляющихъ, теперь было совершенно пусто. Многіе жители, оставляя городъ, уѣзжали далѣе внутрь Крымскаго полуострова. Городъ становился исключительно на военную ногу. Одинъ только рынокъ, бывшій близъ седьмаго бастіона, въ началѣ Морской улицы, кишилъ еще народомъ, не смотря на частое посѣщеніе незванныхъ гостей, посылаемыхъ съ батарей непріятеля.

На сѣверной сторонѣ города, за большимъ сѣвернымъ укрѣпленіемъ, образовался цѣлый городъ. Основаніе ему положили маркитанты, представители базара, выстроившіе себѣ балаганы и шалаши. Къ нимъ присоединились потомъ базарныя торговки, удаленныя съ южной стороны, и большая часть купцовъ, переселившихся изъ города. Базаръ съ каждымъ днемъ расширялся, отъ наплыва переселяющихся; образовались двѣ главныхъ улицы изъ балагановъ и шалашей, а по сторонамъ ихъ явилось множество землянокъ и палатокъ. Съ утра и до вечера это новое поселеніе оживлено было постояннымъ движеніемъ самой разнообразной толпы. Маркитанты устроили въ палаткахъ нѣсколько трактировъ, куда собирались офицеры со всѣхъ концовъ оборонительной линіи. Для охраненія порядка явилась полиція, городская стража, явились коммиссіонеры и предприниматели всякаго сорта. Здѣсь было все, что человѣку надо: трактиры, портные, сапожники, галантерейныя и бакалейныя лавки, гробовые мастера и проч. Здѣсь былъ постоянный шумъ, движеніе, изрѣдка нарушаемое какъ бы нечаянно залетѣвшею непріятельскою ракетою, напоминающею о близкой осадѣ города.

Послѣдствія осады чувствовали во всѣхъ удаленныхъ и до сихъ поръ мирныхъ уголкахъ. Трудно было отыскать такое мѣсто на южной сторонѣ, гдѣ бы можно было отдохнуть и забыться отъ окружающей боевой обстановки. Союзники стали обстрѣливать рейдъ; наши корабли отодвигались отъ выстрѣловъ, которые достигали до пристани на сѣверной, и отъ времени до времени калѣчили тамъ людей.

Въ эту горячую пору всѣ просились на оборонительную линію, на батареи и бастіоны и никто не хотѣлъ

оставаться въ городѣ. Здѣсь каждый точно также подвергался ежеминутной опасности быть убитымъ, безъ всякой славы для себя, и безъ всякой пользы для отечества.

— Если уже суждено быть убитому, говорили защитники, то пусть постигнетъ эта участь при исполненіи долга, въ первой передъ непріятелемъ линіи, нежели на прогулкѣ, во время сна или гдѣ нибудь еще того хуже.

Назначеніе на оборонительную линію принималось съ радостію и переселеніе совершилось быстро, хотя и съ нѣкоторыми затрудненіями въ пути. Приходилось идти по траншейкамъ и открытому мѣсту, по подземной галлереѣ и разными зигзагами, проталкиваться между командами солдатъ, собирающихся на ночныя работы, и рисковать на каждомъ шагу наткнуться на штыкъ, если путешествіе совершалось вечеромъ. Падающіе снаряды заставятъ, бывало, не одинъ разъ поклониться своему новому мѣсту служенія.

На бастіонахъ каждый вновь прибывшій принимался съ такимъ братскимъ радушіемъ, съ которымъ встрѣчаются только родные братья или выросшіе вмѣстѣ товарищи. Спускаясь по крутой лѣсенкѣ въ блиндажъ, онъ входилъ въ него какъ въ давно знакомую квартиру.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, на третьемъ бастіонѣ, блиндажи устраивались относительно роскошными. Стѣны были обшиты досками, обиты парусиною и потомъ оклеены голубыми обоями. Прямо передъ входомъ стоялъ небольшой шкафъ, наполненный тарелками, стаканами и прочими хозяйственными принадлежностями. Это былъ буфетъ и вмѣстѣ передняя. Дверь налѣво вела въ офицерское отдѣленіе, направо — въ длинную подземную казарму, въ которой располагалась прислуга отъ ближайшихъ орудій. Потолокъ этого зданія составлялъ толстый накатникъ, уложенный въ три ряда и сверху засыпанный, футовъ на шесть, хорошо утрамбованной землей, такъ что непріятельскія бомбы не пробивали его. Впослѣдствіи отъ сотрясенія, производимаго бомбами, парусина лопалась, обои отклеивались, такъ что къ концу осады остались только одни лохмотья. Свѣтъ проходилъ черезъ четырехъ

угольное отверстіе, продѣланное въ стѣнѣ и вмѣсто стеколъ завѣшанное кисеей, въ защиту отъ мухъ и пыли.

Небольшое офицерское отдѣленіе блиндажа было всегда переполнено офицерами; одни пили чай, другіе хоромъ напѣвали пѣсню, тамъ играли въ карты, здѣсь—въ шахматы.

Пѣсни и порою музыка продолжались иногда далеко за полночь. На шестомъ бастіонѣ были фортепіано и тамъ довольно часто устраивались музыкальные вечера; скрипка и кларнетъ приходили съ 4-го бастіона, а съ пятаго флейта. Шумное и веселое общество можно было встрѣтить въ блиндажѣ во всякое время дня и ночи.

Одни приходили въ блиндажъ, другіе уходили изъ него, подышать чистымъ воздухомъ и полюбоваться тихою темною южною ночью.

До самаго разсвѣта почти никто не ложился спать и ночь проводили съ особою осторожностію. Цѣпь и секреты охраняютъ бастіонъ снаружи; прикрытіе не сходитъ съ банкета, а орудійная прислуга находится непремѣнно возлѣ своихъ орудій. Черныя тѣла чугунныхъ пушекъ угрюмо смотрятъ въ амбразуры, и, наведенныя на случай новаго штурма, они таятъ въ своихъ огромныхъ жерлахъ тяжелую картечь, готовую осыпать наступающихъ при первомъ ихъ движеніи. Воткнутые возлѣ орудій, зажженные фитили свѣтятся, какъ заостренный и раскаленный уголь.

Ночная тишина нарушается рѣдкимъ полетомъ бомбы или ядра, да свистомъ пули, то звенящей, какъ струна, то отрывисто пощелкивающей, попадая во что нибудь твердое. Въ глубинѣ батареи тянется смѣна солдатъ, назначенныхъ въ прикрытіе. Солдаты, выдѣляясь изъ рядовъ, по одиночкѣ подбѣгаютъ къ освѣщенному батарейному образу.

Теплящіеся у божницы восковыя свѣчи бросаютъ вокругъ причудливый матовый свѣтъ, полуобрисовывая лишь на ночномъ фонѣ энергическія спокойныя лица подходящихъ молиться солдатъ. «Осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, каждый изъ нихъ творилъ краткую молитву, иногда

тихо, иногда во весь голосъ, а потомъ, задумчиво отодвинувшись назадъ, совершенно терялся во мракѣ».

Возлѣ амбразуры сидитъ матросъ, покуривая трубочку и мурлыча себѣ подъ носъ; въ отдаленіи видны нѣсколько человѣкъ лежащихъ солдатъ. Они совершенно покойны. Гдѣ-же ужасы осады? спросите вы, смотря на эти спокойныя лица. А вотъ подойдите къ амбразурѣ, завѣшанной тросовымъ щитомъ.

— Здѣсь не ходите ваше благородіе, скажетъ вамъ сидящій возлѣ матросъ, какъ бы того....

— А что такое? спросите вы.

— Пульки-съ!... проговоритъ онъ, какъ бы нехотя.

— Ну, такъ что-жь?

— Да вишь, какъ садитъ-то; эта амбразура не хорошее мѣсто.

Въ самомъ дѣлѣ, пули такъ и барабанятъ по тросовому щиту; иная прорвется внутрь бастіона и зазвучитъ, какъ струна, тонкимъ пріятнымъ звукомъ.

— А какъ же ты сидишь? спроситъ подошедшій.

— Мы вѣдь здѣшніе.... проговоритъ онъ совершенно равнодушно, по прежнему потягивая трубочку и сплевывая на сторону.

Разсвѣтаетъ. Солдаты, оставивъ дежурныхъ у орудій, отправляются отдыхать одни въ блиндажъ, другіе въ разныя подѣланныя ими норки и кануры. Прикрытіе также сходитъ съ банкета, оставляя тамъ однихъ штуцерныхъ. Половина людей пріискиваетъ себѣ мѣсто отдыха на батареѣ, гдѣ и располагается, не снимая аммуниціи; другая половина отправляется во вторую линію въ ближайшіе блиндажи, устроенные позади бастіоновъ въ соединительныхъ траншеяхъ. Какъ пещерныя кельи, идутъ они, «углубляясь по обѣимъ сторонамъ траншеи, выглядывая длинной вереницей дверокъ, дверецъ и дверей, порой створчатыхъ, со стеклами даже. Когда бы ни приходилось проходить этой траншеею, постоянно можно было видѣть ставившіеся въ ней, у дверей блиндажиковъ, самовары, самоварчики, или просто мѣдные чайники, — такъ что вверху траншеи

безпрестанно вился дымокъ, точно бомбы рвались тамъ поминутно».

Съ наступленіемъ дня все оживаетъ на бастіонѣ: въ разныхъ направленіяхъ работаютъ солдаты: кто чинитъ амбразуры, кто платформу, а тамъ замѣняютъ разбитые туры новыми. У входа въ блиндажъ видны два офицера: одинъ сидитъ на картечи для бомбоваго орудія и читаетъ книгу, другой помѣстился возлѣ, на обрѣзкѣ дерева, и то съ наслажденіемъ тянетъ черезъ соломенку лимонадъ, то напѣваетъ любимую пѣсенку; въ сторонѣ сидятъ два солдата, изъ которыхъ одинъ тачаетъ сапоги, другой, усталый и измученный, тянетъ изъ-за голенища чубукъ и трубку. По площадкѣ расхаживаетъ нѣсколько куръ и пѣтухъ, содержимые солдатами въ полномъ довольствѣ. На батареѣ Шварца былъ особенно знаменитый пѣтухъ, прозванный *Пелисеевымъ* (Пелисье—французскій главнокомандующій). Однажды бомба такъ напугала *Пелисеева*, что онъ, съ ужаснымъ крикомъ, перелетѣлъ черезъ валъ и скатился въ ровъ. Не долго думая, молодой матросъ бросился спасать офицерскаго пѣтуха. Не обращая вниманія на сыпавшіяся пули, онъ вскочилъ въ амбразуру и, подобно пѣтуху, тѣмъ же путемъ покатился въ ровъ. Французы, увидя изъ своихъ траншей всю эту продѣлку, прекратили огонь, захлопали въ ладоши, сначала пѣтуху, а потомъ и матросу. *Пелисеевъ* былъ спасенъ и долго потомъ расхаживалъ по батарейной площадкѣ, служа предметомъ забавы для солдатъ въ ихъ однообразной жизни.

Продѣлки, подобныя той, которую выкинулъ матросъ, догоняя пѣтуха, повторялись нерѣдко. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Былъ май мѣсяцъ. Въ ложементахъ нашихъ, возведенныхъ передъ третьимъ бастіономъ, сидѣла команда штуцерныхъ Камчатскаго егерскаго полка.

— Смотри, смотри — закричалъ егерь Евсѣевъ: что-сь катится мимо!

— Чего тебѣ катится? аль не видишь—заяцъ бѣжитъ.

— Катай его, *Кузнецовъ*—на тебя бѣжитъ!

— Незамай его—замѣтилъ четвертый солдатикъ—можетъ оборотень какой...

Но *Кузнецовъ* прицѣлился: выстрѣлъ грянулъ—заяцъ убитъ.

Въ англійскихъ ложементахъ послышался смѣхъ.

Заяцъ лежалъ на срединѣ между нашими и непріятельскими ложементами.

Ефимъ *Кузнецовъ* (1) перекрестился и въ слѣдъ за выстрѣломъ схватилъ у товарища заряженный штуцеръ, выскочилъ изъ ложемента и побѣжалъ къ убитому зайцу. Командующій отдѣленіемъ унтеръ-офицеръ и опомниться не успѣлъ, какъ *Кузнецовъ* былъ уже за валомъ. Наши и англичане забыли на время перестрѣлку, высунулись изъ ложементовъ и смотрѣли на удальца. *Кузнецовъ* схватилъ зайца за заднія ноги, поднялъ ружье на изготовку и сталъ задомъ отходить къ своимъ ложементамъ.

Англичане встрѣтили смѣлую выходку удалаго егеря единодушнымъ ура! и хлопали въ ладоши. *Кузнецовъ* пріостановился, снялъ шапку и, показавъ врагамъ зайца, скрылся въ ложементахъ.

Головы спрятались—перестрѣлка закипѣла.

Кузнецовъ представилъ зайца командиру полка — и посыпались рубли удалому стрѣлку.... А *Кузнецовъ*? Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ и понять не могъ—гдѣ-жъ тутъ молодечество: убилъ зайца, извѣстное дѣло — не бросить же убитаго звѣря!...

Такъ разнообразили штуцерники свое скучное сидѣнье въ ложементахъ. На четвертомъ бастіонѣ почти въ то же самое время явился большой бумажный змѣй, который долго леталъ надъ французскими траншеями, вызывая со стороны непріятеля батальный огонь и всеобщій смѣхъ. На другихъ пунктахъ оборонительной линіи появлялись на валу батарей на одномъ мельница, на другомъ—солдатикъ, ворочающійся по вѣтру, а на третьемъ—пильщикъ

---

(1) Ефимъ Кузнецовъ, штуцерникъ 11-й егерской роты Камчатскаго егерскаго полка, изъ крестьянъ Калужской губерніи, Перемышльскаго уѣзда, деревни Филатова.

установленный такъ, что постоянно находится въ движеніи. Бывало, какъ появится такая забава, такъ и посыпятся изъ непріятельскихъ траншей выстрѣлы. Солдаты смѣются, а французы или англичане тѣшатся до тѣхъ поръ, пока не собьютъ выставленной фигуры, или начальникъ бастіона не прикажетъ снять изъ опасенія, что она привлекаетъ выстрѣлы. Потѣшившись надъ французами и томимые невыносимою жарою, солдаты расходятся въ разныя стороны, отыскивая прохлады: кто уходитъ въ блиндажъ, кто ищетъ хоть клочка тѣни. Миріады мухъ не даютъ покоя. Въ жаркіе дни мухи сильно одолѣвали живущихъ на батареяхъ. Это былъ второй внутренній врагъ, невыносимый въ особенности для раненыхъ. «На бастіонахъ, посредствомъ такъ называемыхъ *камуфлетовъ*, уничтожали мухъ безпощадно. Когда въ блиндажъ набиралось ихъ много, разсыпали по столу дорожки пороха и дѣлали вспышку. Такимъ образомъ уничтожались миріады мухъ».

Съ наступленіемъ дня пуля за пулей такъ и шмыгаютъ повсюду, распѣвая на разные голоса. На встрѣчу этимъ пулямъ идетъ иногда солдатъ, неся ведро щей на обѣдъ товарищамъ и тихо переваливаясь съ ноги на ногу. Часто пуля подымаетъ струю пыли не болѣе какъ на вершокъ отъ его спутни, а онъ какъ будто не замѣчаетъ и продолжаетъ переваливаться. Теперь нѣтъ мѣста въ особенности на Корабельной, гдѣ бы не шмыгали эти гости. Тотъ, кто видѣлъ Малаховъ курганъ еще въ мартѣ, теперь не узналъ бы его совершенно; онъ какъ будто сжался, сбился въ кучу. Малаховъ курганъ и многія другія укрѣпленія похожи были на лабиринтъ, въ которомъ человѣкъ непривычный могъ запутаться, заблудиться. Вся площадка кургана изрѣзана траншеями и всякими насыпями, подѣланными сколько для защиты отъ непріятельскихъ снарядовъ, столько же и для ружейной обороны внутренности кургана, на случай занятія передовой его части непріятелемъ. Башни нѣтъ, она разбита и какъ будто ушла въ землю, отъ нагрожденныхъ вокругъ ея построекъ. Прежде выглядывай изъ за вала сколько хочешь, теперь нельзя и подумать о томъ, чтобы высунуться хотя на минутку,

пули, какъ шмели, такъ и рѣютъ со всѣхъ сторонъ. Стоитъ только поднять фуражку на штыкѣ или палкѣ, какъ въ мигъ она оказывается простреленною во многихъ мѣстахъ.

Здѣсь все перемѣнилось, только русскіе люди остались тѣже. По прежнему видны группы беззаботныхъ солдатъ, то веселыхъ и смѣющихся, то лежащихъ, раскинувшись во весь ростъ, и какъ будто нарочно подставляющихъ себя всякимъ снарядамъ. Тутъ же, въ мѣстахъ двухъ-трехъ, видны бабы, торгующія лукомъ, хлѣбомъ, вяленой рыбой. Въ сторонѣ, на площадкѣ одной изъ батарей, пользуясь хорошею погодою, обѣдаютъ офицеры; одинъ сидитъ на пружинномъ креслѣ, занесенномъ сюда изъ города еще съ начала осады, другой помѣстился на картечной жестянкѣ, подложивъ подъ нее нѣсколько поддоновъ или деревянныхъ кружковъ. Возлѣ нихъ стоитъ русскій мужичекъ-разносчикъ, являющійся на батареи раза два въ день, не смотря ни на какую опасность. На груди его виситъ, на георгіевской ленточкѣ, медаль съ надписью «*за храбрость*». Въ сотый разъ онъ разсказываетъ, однимъ и тѣмъ же офицерамъ, что пожалованъ былъ этою медалью за то, что ходилъ съ *Хрулевымъ* Степаномъ Александровичемъ во французскія траншеи 10-го марта.

— Пришелъ я, говоритъ онъ, на курганъ съ корзинкой—заказъ былъ отъ офицеровъ. Ну а наши ура! кричатъ, такъ и заливаются—погнали, стало быть, француза. Резервы проходятъ, солдатики говорятъ: бери ружье, сходи-ка въ траншею,—что тутъ сидишь безъ толку... Бросилъ я корзину, добылъ ружье, да въ траншею. Не помню что было, только, какъ въ чувство пришелъ—въ госпиталь положили...

Такихъ охотниковъ-волонтеровъ было много въ Севастополѣ, не только взрослыхъ, но и дѣтей, преимущественно сыновей матросовъ. Посѣщая часто бастіоны, они оставались на нихъ и въ минуты самаго жаркаго боя помогали солдатамъ: то воду таскали, то заряды подавали. На первомъ бастіонѣ долго служили два мальчика, одинъ 14-ти, а другой не болѣе 6-ти лѣтъ. Старшему въ іюнѣ

оторвало обѣ ноги, но онъ остался живъ; младшій же вышелъ изъ Севастополя цѣлымъ и невредимымъ. Болѣе другихъ прославился десятилѣтній сынъ матроса Николай *Пищенко*. Отецъ его Тимофей служилъ комендоромъ на одной изъ батарей близъ пятаго бастіона. Молодой *Пищенко*, извѣстный подъ именемъ Николки, жилъ на батареѣ и прислуживалъ отцу. Въ день втораго бомбардированія Тимофей *Пищенко* былъ убитъ, но Николка все таки остался на батареѣ. Забѣжавъ однажды на редутъ Шварца, онъ увидѣлъ тамъ девять небольшихъ мортиръ.

— Позвольте мнѣ выстрѣлить изъ мортирки, упрашивалъ онъ командира редута.

Тотъ дозволилъ. *Пищенко* выстрѣлилъ, и весьма удачно. Ему такъ понравилось это, что онъ, поселившись на редутѣ, поступилъ на мортирную батарею подъ команду одного изъ матросовъ. Въ послѣдствіи матросъ этотъ былъ убитъ, и *Пищенко* сталъ самостоятельно заправлять мортирой. Въ короткихъ брюкахъ, въ отцовской курткѣ, хватавшей до колѣнъ, и босикомъ, онъ неутомимо трудился надъ своею мортирою. Главнокомандующій наградилъ *Пищенку* сначала медалью, а потомъ и георгіевскимъ крестомъ. Всѣ любовались, какъ *Пищенко* изо дня въ день копошился возлѣ своихъ орудій. Бывало, подойдутъ къ нему офицеры и прикажутъ выстрѣлить изъ мортирки для потѣхи. *Пищенко* въ восторгѣ, и съ особою любовью смотритъ за полетомъ своей бомбы, въ отвѣтъ на которую пролетитъ изъ непріятельскихъ траншей или «темное»— ядро, или посыпятся ружейные выстрѣлы.

Подобными продѣлками жители бастіона разнообразили свою жизнь. По воскресеньямъ и другимъ праздникамъ, на батареяхъ и бастіонахъ служили молебны. Благоговѣйное спокойствіе и величіе божественной службы проливали надолго успокоительную отраду, заставляя защитниковъ забывать ихъ трудное положеніе. Особенною торжественностію отличалась служба, совершенная посѣтившимъ Севастополь высокопреосвященнымъ *Иннокентіемъ*, архіепископомъ херсонскимъ и таврическимъ, по случаю праздника, даваемаго главнокомандующимъ Брянскому полку, наиме-

нованному егерскимъ генералъ-адъютанта князя *Горчакова 2-го* полкомъ.

Въ ночь 25-го іюня, егерскій князя Горчакова полкъ былъ перевезенъ на сѣверную сторону. На другой день со всѣхъ бастіоновъ и батарей было собрано по нѣскольку человѣкъ отъ каждой части для присутствованія на праздникѣ. Всѣ они собрались утромъ 26-го іюня въ церковь, гдѣ и услышали, изъ устъ краснорѣчиваго пастыря, слово правды и истины о своихъ заслугахъ. Послѣ литургіи, при звонѣ колоколовъ и гремѣвшей усиленной канонады, архипастырь, съ жезломъ въ рукѣ, вышелъ изъ храма на площадь къ собранному на ней войску и остановился передъ рядами воиновъ, только что сошедшихъ съ бастіоновъ и батарей. Все смолкло. Черныя загорѣлыя лица защитниковъ въ молчаливомъ благоговѣніи ожидали благословенія. Передъ ними стоялъ архіепископъ въ святительскихъ ризахъ. Величественна была картина площади, еще болѣе торжественны были слова архипастыря.

— Не поученіе говорить вамъ мы прибыли сюда, сказалъ высокопреосвященный *Иннокентій*, нѣтъ, *мы явились учиться у васъ*, славные защитники града, учиться какъ исполнять заповѣдь Христа Спасителя: *оставь отца, матерь твою и домъ твой, возьми крестъ и гряди по мнѣ!* Впредь поучая паству свою, мнѣ не надобно далеко искать примѣровъ добродѣтели: я скажу имъ: «*иди въ градъ сей и поучись у перваго встрѣчнаго изъ братій твоихъ — защитниковъ вѣры и мѣстъ*, откуда впервые разлилось православіе на родину нашу: *пади ницъ, мѣсто бо сіе свято есть!*»

Съ глубокимъ умиленіемъ слушали храбрые воины эту высокую оцѣнку своихъ подвиговъ и, возвратившись на бастіоны, передавали товарищамъ благословеніе архипастыря.

Въ 11 часовъ утра, на сѣверной сторонѣ, въ виду осажденнаго города, были разбиты шатры и накрыты столы для нижнихъ чиновъ. Построенный въ колонны, полкъ встрѣтилъ главнокомандующаго.

Генералъ-адъютантъ князь *Горчаковъ* привѣтствовалъ храбрыхъ егерей слѣдующими словами:

«Государь Императоръ, въ высокой милости ко мнѣ, Высочайше повелѣлъ храброму Брянскому егерскому полку именоваться полкомъ моего имени.

«Товарищи! Первая моя боевая служба въ чинѣ генерала была совершена съ славнымъ Брянскимъ полкомъ — въ 1828 г. Въ войнѣ съ турками, съ двумя батальонами брянцевъ, мы совершили боевую переправу черезъ Дунай. Увѣренъ, что испытанные въ бояхъ брянцы, нося имя своего главнокомандующаго, будутъ служить примѣромъ для арміи!... Защищая родной нашъ Севастополь, мы съумѣемъ побѣдить кичливаго врага и сдѣлаемся достойными высокой чести, которою почтилъ меня Монархъ нашъ.

«Преосвященный архіепископъ, свидѣтель нашего праздника, благословилъ насъ на новый праздникъ—на бой кровавый за Вѣру Православную, за Царя Русскаго, за Отчизну святую!...

«Ребята—нашему Батюшкѣ-Царю—«Ура!...»

Громкій крикъ, вырвавшійся изъ могучей груди богатырей, огласилъ прибрежныя ущелья и, смѣшавшись съ гуломъ выстрѣловъ, отозвался въ непріятельскихъ траншеяхъ. Составивъ ружья и снявъ боевую аммуницію, солдаты отправились къ столамъ, и первая чарка русскаго воина, при громкихъ крикахъ «ура!» была выпита за Русскаго Царя:

И чаша первая, и первый гимнъ, Тебѣ!

Затѣмъ на средину братскаго кружка вышелъ командиръ полка, полковникъ *Ганъ*.

— Ребята! сказалъ онъ, высоко подымая чарку; въ день грозной атаки непріятеля, 6-го іюня, на бастіонъ нашъ (бастіонъ № 3 го), когда густыя колонны врага лѣзли на брустверъ, я напомнилъ вамъ, брянцы, что шефъ полка и главнокомандующій смотритъ на насъ! Атака отражена, Государь Императоръ, повелѣвъ брянцамъ называться именемъ генералъ-адъютанта князя *Горчакова*, оказалъ намъ новую высокую милость. Покажемъ врагу и нашимъ доб-

лестнымъ товарищамъ, что полкъ достоинъ носить имя вождя русской арміи—имя князя *Горчакова*!...»

И новое, восторженное «ура!» огласило окрестность.

Веселый пиръ продолжался до поздней ночи. На слѣдующее утро полкъ переправился на южную сторону и снова расположился на 3-мъ бастіонѣ.

Все пошло по-прежнему, по старому....

На Корабельной производились усиленныя земляныя работы: позади оборонительной линіи, въ самой слободкѣ, строилось обширное укрѣпленіе для укрытія резервовъ и для обстрѣливанія Малахова кургана.

Среди работъ самая живая перестрѣлка продолжалась днемъ и ночью.

На третій день послѣ штурма, 8-го іюня, былъ раненъ завѣдывающій инженерными работами генералъ *Тотлебенъ*. Рана скоро приняла опасный характеръ, такъ что онъ принужденъ былъ оставить южную часть города и передать завѣдываніе работами: на городской сторонѣ командиру 3-го сапернаго батальона полковнику *Гарднеру*, а на Корабельной сначала инженеръ штабсъ-капитану *Тидебелю*, а потомъ вновь прибывшему полковнику *Геннериху*. При этомъ генералъ *Тотлебенъ*, хотя и сохранилъ за собою главное руководство работами, но былъ лишенъ возможности слѣдить за ходомъ ихъ.

Неудачный для союзниковъ штурмъ 6-го іюня произвелъ на нихъ весьма невыгодное впечатлѣніе, такъ что у англичанъ явилась даже мысль о совершенномъ прекращеніи работъ противъ 3-го бастіона. Англійскій генералъ *Джонсъ* доказывалъ, что батареи ихъ не въ состояніи преодолѣть огня 3-го бастіона и смежныхъ съ нимъ укрѣпленій, и что войска при вторичномъ штурмѣ будутъ точно также отбиты. Это мнѣніе встрѣтило опроверженіе со стороны начальника французскихъ инженеровъ генерала *Ніеля*, настаивавшаго на томъ, чтобы англичане не останавливали своихъ работъ. Послѣ продолжительнаго обсужденія этого вопроса, союзные главнокомандующіе рѣшились вести подступы и приближаться къ нашей оборонительной линіи. Къ 28-му іюню, они подошли къ Малахову кургану

на 110 саженъ и устроили двѣнадцать новыхъ батарей для дѣйствія по кургану, по 1, 2 и 3-му бастіонамъ. Близкое положеніе непріятеля и постоянная ружейная перестрѣлка отзывались значительною потерею въ людяхъ. Со дня штурма и по 28-е іюня, мы лишились одного генерала, 65 штабъ и оберъ-офицеровъ и 3,163 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Кромѣ того, былъ легко контуженъ начальникъ штаба севастопольскаго гарнизона свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь *Васильчиковъ*. Непріятель потерялъ за это время 1710 человѣкъ.

Въ четыре часа по полудни, 28-го іюня, Севастополь понесъ горестную утрату—онъ лишился доблестнаго адмирала Павла Степановича *Нахимова*.

Съ послѣднихъ чиселъ мая, въ особенности послѣ занятія непріятелемъ трехъ передовыхъ укрѣпленій, Павелъ Степановичъ былъ постоянно мраченъ и страдалъ отъ нѣсколькихъ контузій, хотя всегда скрывалъ это. Дѣятельность его не ослабѣвала ни на минуту; только одинъ разъ рѣшился онъ два дня не выходить изъ дому, «но безпокойство взяло верхъ надъ тѣлеснымъ утомленіемъ, и Павелъ Степановичъ продолжалъ по-прежнему безпрестанно посѣщать самыя опасныя мѣста, пренебрегая всѣми просьбами». На всѣ увѣщанія поберечь себя онъ отвѣчалъ: «что вѣдь когда же нибудь да убьютъ его».

Когда Екатерининская улица стала торною дорогою для вражьихъ снарядовъ, когда на площадь дворянскаго собранія сыпались ядра какъ горохъ, — всѣ стали перебираться въ болѣе безопасныя мѣста, но *Нахимовъ* оставался въ своемъ домикѣ, подвергаясь ежеминутной опасности. Главнокомандующій просилъ Павла Степановича перебраться подъ своды Николаевской батареи, гдѣ можно было хотя спать спокойно, но адмиралъ не согласился, считая излишнимъ искать защиты въ домѣ, когда почти цѣлыя сутки онъ жилъ на бастіонахъ.

Послѣ полудня, 28-го іюня, непріятель открылъ сильную канонаду по третьему бастіону. Объѣзжая, по обыкновенію, оборонительную линію, Павелъ Степановичъ, въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ, отправился туда, гдѣ

была опасность, откуда были слышны выстрѣлы. Его уговаривали не ѣздить, но онъ, не слушая ничьихъ совѣтовъ, говорилъ: «какъ ѣдешь на бастіонъ—веселѣе дышешь».

Когда адмиралъ сталъ приближаться со своею свитою къ оборонительной линіи, бомба пролетѣла надъ головами ѣхавшихъ.

— Видите, насъ привѣтствуютъ, проговорилъ адмиралъ и всю дорогу былъ разговорчивъ и веселъ.

Побывавши на третьемъ бастіонѣ, *Нахимовъ* отправился на Малаховъ курганъ (*Корнилова* бастіонъ), стоившій Севастополю столько драгоцѣнной крови. Артиллерійскаго огня здѣсь почти не было, только свистъ штуцерныхъ пуль показывалъ, что непріятельскіе стрѣлки зорко слѣдятъ за неосторожными храбрецами. Павелъ Степановичъ взошелъ на банкетъ ([1]) и, взявъ трубу, сталъ разсматривать непріятельскія работы; чернымъ цвѣтомъ своего сюртука и золотыми эполетами онъ рѣзко отличался отъ окружающихъ его, и служилъ цѣлью для непріятельскихъ стрѣлковъ.

Начальникъ 4-го отдѣленія оборонительной линіи и Малахова кургана, капитанъ 1-го ранга *Кернъ*, былъ у всенощной, когда ему доложили о пріѣздѣ адмирала. Онъ вышелъ къ нему на встрѣчу, и, видя, что адмиралъ слишкомъ настойчиво смотритъ въ амбразуру, рѣшился какъ нибудь увести его съ этого опаснаго мѣста.

— Не угодно-ли вамъ отслушать всенощную? сказалъ онъ адмиралу.

— А вотъ сейчасъ приду-съ, я васъ не держу — вы ступайте, отвѣчалъ Павелъ Степановичъ.

Въ это время пуля ударила возлѣ него въ земляной мѣшокъ.

— Они цѣлятъ довольно хорошо, проговорилъ *Нахимовъ*, оставаясь спокойно на мѣстѣ.

Кто-то изъ прислуги, стоявшей возлѣ орудій, рѣшился замѣтить о грозящей ему опасности.

([1]) Присыпка для стрѣлковъ съ внутренней стороны насыпи или вала укрѣпленія.

— Это дѣло случая, замѣтилъ онъ, и въ слѣдъ затѣмъ отдалъ трубу и хотѣлъ уйти.

Въ это время съ одной изъ нашихъ батарей была пущена бомба.

— Ишь какъ ловко зацѣпила, проговорилъ сигнальщикъ, слѣдившій за полетомъ бомбы—трехъ сразу такъ и подняло.

Павелъ Степановичъ остановился, хотѣлъ взглянуть, но вдругъ упалъ, раненый въ високъ выше лѣваго глаза.

Это былъ канунъ его имянинъ.

Нахимовъ тутъ же впалъ въ совершенное безпамятство, которое и продолжалось до самой кончины. Его тотчасъ же перевезли на сѣверную сторону, гдѣ онъ и скончался 30-го іюня въ 11 часовъ по полуночи.

Только теперь, когда стали обмывать тѣло покойнаго, можно было удостовѣриться въ дѣйствительности контузій, въ полученіи которыхъ адмиралъ не хотѣлъ признаться—вся спина его была совершенно синяя.

Извѣстіе о томъ, что *Нахимовъ* смертельно раненъ, а потомъ что его не стало, быстро облетѣло всѣ бастіоны—и дрогнули защитники Севастополя, когда теплое сердце этого честнаго, безкорыстнаго и замѣчательнаго человѣка перестало биться и чистѣйшая душа этого рыцаря безъ страха и упрека отлетѣла въ вѣчность.

«Совершилось предопредѣленіе, и бодрый духъ, витавшій надъ бастіонами мученика Севастополя, жившій его защитниковъ, въ теченіе десятимѣсячной томительной, однообразно-кровавой обороны, отлетѣлъ въ вѣчность! Не стало любимца черноморскаго флота, ихъ вожатаго къ славѣ, товарища въ лишеніяхъ, утѣшителя въ неудачахъ и бѣдствіяхъ». Не стало героя Синопа и дѣятельнаго помощника начальника славнаго гарнизона севастопольскаго.

Одни теряли въ лицѣ Павла Степановича *Нахимова* неутомимаго и вполнѣ безкорыстнаго дѣятеля, другіе заботливаго отца-начальника, посвятившаго свою жизнь и имущество на пользу его подчиненныхъ, наконецъ Россія лишилась въ немъ горячо любящаго ея сына, оберегателя ея славы и могущества....

Смерть *Нахимова*, какъ вѣсть о проигранномъ сраженіи, произвела всеобщее уныніе; это былъ самый сильный громовой ударъ, какой только испытали защитники бастіоновъ.

Человѣкъ съ сильнымъ и энергическимъ характеромъ, скрываемомъ подъ скромнымъ и простодушнымъ видомъ, *Нахимовъ* былъ чуждъ всякаго эгоизма и честолюбія. Неприписывавшій себѣ ровно ничего, все относившій къ заслугамъ своихъ подчиненныхъ, Павелъ Степановичъ съ самаго начала осады сталъ душею защиты города, потому что всѣ его дѣйствія были направлены на общую пользу, на служеніе отечеству. Своимъ постояннымъ присутствіемъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, адмиралъ поселилъ среди солдатъ полную довѣренность и, казалось имъ, что, тамъ гдѣ *Нахимовъ*, тамъ не можетъ быть неудачи.

Во мремя штурма непріятелемъ Камчатскаго люнета, 26-го мая, одна матроска, стоя у дверей своего домика, горько плакала.

— Чего разревѣлась, баба, спросилъ проходившій матросъ.

— Сердешный ты мой, отвѣчала она, какъ не плакать мнѣ, сынокъ-то мой на Камчаткѣ, а вишь ты, што тамъ за страсти дѣются.

— Э-е, баба, да вѣдь *Нахимовъ* тамъ, онъ что хочешъ отстоитъ.

— И вправду, ну слава-жъ тѣ Господи, проговорила матроска, будто оживившись и кладя крестное знаменіе.

Павелъ Степановичъ никогда не предводительствовалъ сухопутными войсками, не водилъ ихъ въ атаку, но, постигая въ совершенствѣ духъ русскаго солдата, скоро вселилъ въ нихъ глубокое къ себѣ уваженіе. Онъ зналъ, что солдатъ любитъ дѣло, а не громкія слова, и *Нахимовъ* никогда не прибѣгалъ къ краснорѣчію. Павелъ Степановичъ дѣйствовалъ на своихъ подчиненныхъ примѣромъ и строгимъ требованіемъ исполненія служебныхъ обязанностей.

Однажды, при посѣщеніи редута Шварца, въ глазахъ *Нахимова* непріятельское ядро подбило орудіе. Павелъ Степановичъ подошелъ къ нему и приказалъ снять зана-

вѣсивавшій амбразуру щитъ. Одинъ изъ матросовъ полѣзъ исполнять приказаніе, но, не смотря на распоряженіе не снимать фуражекъ передъ начальствомъ, счелъ необходимымъ снять ее передъ своимъ адмираломъ.

— Я ему дѣло говорю дѣлать, а онъ-съ фуражку ломаетъ, съ досадой сказалъ *Нахимовъ*, обращаясь къ присутствовавшимъ.... А все таки молодецъ, прибавилъ адмиралъ, видя, что матросъ, не смотря на сыпавшіяся на него пули, снималъ щитъ, зайдя съ непріятельской стороны. Осмотрѣвши амбразуру и направленіе непріятельскихъ орудій, Павелъ Степановичъ пошелъ далѣе.

— Когда дѣло велятъ дѣлать, замѣтилъ онъ ласково тому же матросу, пустяками заниматься нечего-съ.

Оставшійся въ восторгѣ отъ похвалы такого начальника, матросъ навѣрное не снималъ уже больше фуражки, да и товарищи его точно также. Солдаты любили *Нахимова* безпредѣльно за его заботы о ихъ нуждахъ; они знали, что не было такого предмета, о которомъ бы не заботился *Нахимовъ*, знали, что адмиралъ спитъ не раздѣваясь, чтобы всегда быть готовымъ на службу, что у него не было назначенныхъ часовъ для пріема, и что его можно было видѣть во всякое время дня и ночи. Все, что имѣлъ и что могъ выхлопотать, онъ готовъ былъ отдать своимъ подчиненнымъ.

Въ октябрѣ 1854 года, ко многимъ другимъ бѣдствіямъ, неразручнымъ съ осадою города, присоединилась и холера въ Севастополѣ. *Нахимовъ* принялъ самое горячее участіе, какъ въ предохраненіи войскъ отъ болѣзни на бастіонахъ, такъ и въ доставленіи заболѣвавшимъ всѣхъ медикаментовъ, выборъ которыхъ предоставилъ доктору *Зейману*. Послѣднему онъ поручилъ, въ случаѣ какихъ либо затрудненій, пріобрѣтать все необходимое для больныхъ на его собственный счетъ.

Дѣятельность Павла Степановича на облегченіе страданія больныхъ и раненыхъ была неутомимая и неисчерпаемая. Въ самый разгаръ его трудовъ, когда *Нахимовъ* былъ начальникомъ моряковъ въ Севастополѣ, главнымъ командиромъ порта, севастопольскимъ губернаторомъ и по-

мощникомъ начальника гарнизона, не только не останавливалось самое малѣйшее дѣло, но никто не уходилъ отъ адмирала, не получивъ удовлетворенія, въ особенности если дѣло шло объ участи больныхъ и страждущихъ. Нужды послѣднихъ удовлетворялись быстро, скоро и никогда не случалось, чтобы адмиралъ не исполнилъ того, что обѣщалъ. Дѣло, представленное Павлу Степановичу и имъ одобренное, можно было считать исполненнымъ. Откинувъ всякія формальности, *Нахимовъ* этимъ достигъ возможности быстро и успѣшно приводить въ исполненіе свои намѣренія. Все доброе и полезное находило въ немъ заступника самаго горячаго и искренняго. Часто встрѣчались потребности, по видимому не легко или вовсе неудовлетворяемыя, но стоило только объ этихъ нуждахъ заявить Павлу Степановичу, и онъ всегда находилъ средство уладить дѣло. «Источникъ этотъ заключался единственно въ его неутомимой дѣятельности, энергіи, вниманіи ко всему, что его окружало, и въ его тепломъ сердцѣ!»

Нахимовъ всегда шелъ на встрѣчу нуждѣ своихъ подчиненныхъ, какъ офицеровъ, такъ и солдатъ. Удостоившись получить отъ Государя Императора значительную аренду, онъ только и мечталъ о томъ, какъ бы деньги эти употребить съ наибольшею пользою для матросовъ и на оборону города. Получая значительное содержаніе, но не имѣя семейства и живя очень скромно, Павелъ Степановичъ никогда не имѣлъ денегъ, потому что раздавалъ ихъ бѣднымъ и на пособіе семействамъ матросовъ.

Офицеры также не разъ испытывали на себѣ знаки вниманія Павла Степановича; многіе раненые были помѣщены въ его квартирѣ, другимъ онъ посылалъ различнаго рода лакомства, вино и другіе предметы, которые въ то время въ Севастополѣ были очень рѣдки и дороги.

Послѣ штурма, 6-го іюня, Павелъ Степановичъ обходилъ бастіоны. Было три часа пополудни, когда онъ пришелъ на третій бастіонъ. Люди и офицеры всѣ до единаго высыпали на встрѣчу доблестному адмиралу. Окруженный толпою, онъ шелъ медленно, съ однимъ только адъютантомъ, и, здороваясь съ нижними чинами, благодарилъ

ихъ за отбитіе штурма. Адмиралъ былъ видимо доволенъ происшествіемъ дня: на вѣчно серьезномъ лицѣ его была теперь замѣтна улыбка.

«День былъ жаркій, пишетъ очевидецъ, старикъ сильно вспотѣлъ и попросилъ воды съ виномъ. Къ несчастію, въ этотъ день у насъ не было вина, и ему подали одной воды. Проводивъ адмирала до конца бастіона, мы раскланялись, а онъ пошелъ дальше. На другой день поутру, пришелъ къ командиру бастіона матросъ, съ боченкомъ и съ запиской, въ которой адъютантъ адмирала *Нахимова* писалъ, что Павелъ Степановичъ, зная, что у насъ нѣтъ вина, и что въ жаркіе дни вредно пить одну воду, посылаетъ намъ боченокъ вина. Нельзя было отказаться отъ подобнаго вниманія почтеннаго адмирала, и мы съ благодарностію приняли боченокъ».

Своею заботою о всѣхъ и неутомимою дѣятельностію на бастіонахъ, подъ жестокимъ огнемъ, *Нахимовъ* пріобрѣлъ себѣ всеобщую извѣстность, сталъ народнымъ героемъ, тѣмъ колоссальнымъ русскимъ богатыремъ, въ котораго, сколько ни бросай грязью, онъ вынесетъ ее на своихъ плечахъ и предстанетъ передъ соотечественниками тѣмъ же чистымъ и безупречнымъ человѣкомъ, какимъ его зналъ каждый изъ защитниковъ многострадальнаго города. Всѣ видѣли въ *Нахимовѣ* человѣка, никогда не ссорившагося со своею совѣстью и служившаго образцомъ честности и безкорыстія. Не было ни одного солдата, ни одной рыночной бабы, которые бы не знали *Нахимова* и не называли его отцомъ-благодѣтелемъ. Утѣшить страдающаго, примирить враждующихъ было главною заботою доблестнаго адмирала.

Случалось нерѣдко, что Павелъ Степановичъ, не ожидая просьбъ и требованій, самъ приходилъ къ младшимъ себя начальникамъ и справлялся о ихъ нуждахъ, чтобы предупредить требованіе и оказать свое содѣйствіе. Со смертью *Нахимова* всѣ, до единаго, почувствовали что не стало человѣка, при которомъ паденіе Севастополя казалось невозможнымъ.

Умилительно-трогательно было погребеніе героя Сино-

па и славнаго защитника Севастополя. Въ день кончины Павла Степановича, 30-го іюня, тѣло его было перевезено на южную сторону. По сигналу съ флагманскаго корабля «Великій князь Константинъ», на всѣхъ судахъ опустили флаги и команды вышли на верхъ. Въ это время показался катеръ, буксируемый тремя шлюпками, на которомъ помѣщалась госпитальная кровать съ тѣломъ покойнаго адмирала. Катеръ остановился у Графской пристани, гдѣ тѣло было поднято офицерами и поставлено въ скромномъ домѣ, гдѣ жилъ адмиралъ. Три флага пріосѣняли славный прахъ, четвертый—тотъ, который побѣдно развѣвался на кораблѣ «Императрица Марія» въ день синопской битвы—прикрывалъ тѣло знаменитаго покойника. На столахъ лежали ордена; вокругъ стоялъ почетный караулъ изъ моряковъ.

Съ шести часовъ утра 1-го іюля, со всѣхъ мѣстъ обороны съѣзжались начальствующія лица, товарищи и подчиненные отдать послѣдній долгъ падшему герою. Закаленные въ бою защитники Севастополя, стоя у гроба Павла Степановича, горько плакали, и во главѣ ихъ тогдашній главнокомандующій князь М. Д. *Горчаковъ*.

«Одинъ за другимъ входили въ комнату, пишетъ очевидецъ, матросы, солдаты, офицеры и простые обыватели и даже женщины, которымъ адмиралъ въ послѣднее время приказалъ выѣхать изъ Севастополя. Я видѣлъ одного горько плачущаго мужчину въ обыкновенной одеждѣ; женщины почти всѣ плакали».

Погребеніе было назначено вечеромъ 1-го іюня. Въ это время въ городѣ было замѣтно особое движеніе; всѣ суетились, бѣгали; на всѣхъ лицахъ было написано какое-то безпокойство, обнаруживавшее близость необыкновеннаго происшествія. Возлѣ квартиры покойнаго, стоялъ батальонъ Модлинскаго полка и моряки, выстроенные вдоль улицы. Не волновались обвитыя крепомъ знамена; суровы и угрюмы были лица присутствующихъ. Гробъ синопскаго побѣдителя несли главнокомандующій, начальникъ гарнизона, графъ *Остенъ-Сакенъ* и другіе генералы. При появленіи его загремѣлъ полный походъ; корабль «Великій князь

Константинъ» сталъ салютовать; корабли приспустили свои флаги до половины мачтъ. Величественно было шествіе въ церковь посреди двухъ рядовъ солдатъ и при стеченіи огромной толпы зрителей. Офицеровъ было такъ много, что въ церкви не было мѣста, и большая часть ихъ стояла на улицѣ. *Нахимова* похоронили рядомъ съ тремя другими адмиралами: *Лазаревымъ*, *Корниловымъ* и *Истоминымъ*, тамъ, гдѣ въ настоящее время высится великолѣпный храмъ во имя Св. Александра... (1)

Троекратный залпъ изъ ружей возвѣстилъ Севастополю, что одинъ изъ первыхъ его героевъ перешелъ въ вѣчность.

Начальникъ гарнизона почтилъ память покойнаго слѣдующимъ задушевнымъ приказомъ:

«Храбрые защитники Севастополя!

«Провидѣнію угодно испытать насъ новою тяжкою потерею: адмиралъ *Нахимовъ*, пораженный непріятельскою пулею на Корниловомъ бастіонѣ, сего числа (30-го іюня) скончался.

«Не мы одни будемъ оплакивать потерю доблестнаго сослуживца, достойнѣйшаго начальника, витязя безъ страха и упрека—вся Россія вмѣстѣ съ нами прольетъ слезы искренняго сожалѣнія о кончинѣ героя синопскаго.

«Моряки черноморскаго флота! онъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ вашихъ доблестей, онъ умѣлъ цѣнить ваше несравненное самоотверженіе, онъ раздѣлялъ съ вами опасности, руководилъ васъ на пути славы и побѣды.

«Преждевременная смерть доблестнаго адмирала возлагаетъ на меня обязанность дорогою цѣною воздать непріятелю за понесенную нами потерю.

«Каждый воинъ, стоящій на оборонительной линіи Севастополя, жаждетъ, я несомнѣнно увѣренъ, исполнить этотъ священный долгъ, каждый матросъ удесятеритъ усиліе для славы русскаго оружія».

Вмѣсто *Нахимова*, помощникомъ начальника гарнизона по морской части, командиромъ порта и военнымъ гу-

(1) Такъ названъ нынѣ храмъ, заложенный прежде во имя Св. Владиміра.

бернаторомъ города Севастополя былъ назначенъ контръ-адмиралъ *Панфиловъ*. Въ теченіе десяти мѣсяцевъ адмиралъ *Панфиловъ* командовалъ 3-мъ отдѣленіемъ оборонительной линіи и все это время жилъ безотлучно на 3-мъ бастіонѣ. Не смотря на всѣ усилія англичанъ, ведшихъ атаку противъ этого бастіона, наша артиллерія имѣла надъ непріятелемъ столь сильный перевѣсъ, что у англичанъ, какъ мы видѣли, родилось убѣжденіе въ неприступности третьяго бастіона. Призванный къ болѣе широкой дѣятельности и провожаемый всеобщимъ сожалѣніемъ своихъ подчиненныхъ, контръ-адмиралъ *Панфиловъ* передалъ начальство надъ третьимъ отдѣленіемъ капитану 1-го ранга *Перелешину 1-му*.

Въ англійской арміи произошли также перемѣны. Она понесла чувствительную потерю, лишившись своего главнокомандующаго лорда *Раглана*, умершаго отъ холеры. Главнокомандующимъ англійскою арміею былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ *Симпсонъ*.

XV

Осада и защита по 4-е августа.—Сраженіе на р. Черной.—Подвигъ Шелкунова.

Послѣ штурма, 6-го іюня, атакующій обратилъ особенное вниманіе на Корабельную сторону и употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы увеличить число батарей и подойти своими подступами какъ можно ближе къ оборонительной линіи.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, іюня и іюля, онъ успѣлъ прибавить на своемъ вооруженіи 103 орудія, изъ коихъ только 17 орудій назначались для дѣйствія по Городской, а 86—противъ Корабельной стороны. Столь значительной прибавкѣ орудій обороняющійся могъ противопоставить только одиннадцать новыхъ орудій, поставленныхъ на батареяхъ, потому что все вниманіе наше въ это время было сосредоточено на оборонѣ внутренности укрѣпленій, въ случаѣ занятія ихъ непріятелемъ, и на устройствѣ плову-

чаго моста чрезъ главную бухту, необходимаго какъ для свободнаго движенія войскъ съ южной стороны города на сѣверную, такъ и для доставленія различнаго рода матеріаловъ. Мостъ этотъ устраивался между Михайловскою и Николаевскою батареями, гдѣ ширина бухты имѣетъ около 450 саженъ ширины. Это былъ самый большой мостъ, когда либо наводимый для переправы войскъ въ военное время.

Мысль объ устройствѣ моста принадлежитъ инженеръ-генералу *Бухмейеру* и въ началѣ многіе сомнѣвались въ возможности осуществленія этой мысли. Большинство полагало, что устроить столь длинный мостъ черезъ бухту, гдѣ часто бываетъ довольно сильное волненіе, положительно невозможно. Не смотря на всѣ препятствія противупоставленныя генералу *Бухмейеру*, онъ настойчиво трудился и, устроивъ мостъ, доказалъ, что всѣ возраженія были несправедливы. Постройка моста шла успѣшно и доставила виновнику его существованія безсмертную славу. Безъ моста отступленіе гарнизона было-бы невозможно. Устройствомъ моста генералъ *Бухмейеръ* оказалъ огромную услугу арміи и далъ ей средство совершить впослѣдствіи блестящее отступленіе въ глазахъ сильнаго противника.

Въ теченіе всего іюня мѣсяца непріятельская артиллерія дѣйствовала не очень сильно, но ружейная перестрѣлка не прекращалась. Обѣ стороны поддерживали самый частый ружейный огонь и расходовали ежедневно не менѣе 150,000 патроновъ съ каждой стороны. По большей части союзники днемъ обстрѣливали тѣ изъ нашихъ батарей, противъ которыхъ хотѣли ночью подвинуться впередъ своими подступами. Не ограничиваясь стрѣльбою по батареямъ оборонительной линіи, непріятель стрѣлялъ по городу, бухтѣ и пускалъ ракеты противъ лагерей войскъ, расположенныхъ на сѣверной сторонѣ и на Инкерманскихъ высотахъ. Дѣйствіемъ непріятельской артиллеріи было подбито нѣсколько орудій, взорвано два пороховыхъ погреба, произведено нѣсколько пожаровъ въ городѣ и разбитъ куполъ Михайловскаго собора, во время происходившей въ немъ службы.

Въ замѣнъ этого защитники частыми вылазками и мѣткимъ огнемъ артиллеріи производили значительныя разрушенія въ непріятельскихъ траншеяхъ и не рѣдко на нѣсколько дней останавливали работы. То, что союзники успѣвали возвести въ теченіе ночи, было часто до основанія разрушаемо нами въ теченіе дня. Огонь нашихъ батарей былъ значительно сильнѣе по числу выпускаемыхъ выстрѣловъ. Въ теченіе дня батареи оборонительной линіи выпускали до $5^1/_2$ тысячъ снарядовъ, тогда какъ союзники производили около 1,500 выстрѣловъ.

Усиленный огонь нашихъ батарей и каменистый грунтъ представляли огромныя препятствія для работъ непріятеля. Французы, при всей своей дѣятельности, въ теченіе сутокъ могли подвигаться впередъ не болѣе какъ на $1^1/_2$ или $2^1/_2$ сажени. Сознавая всю безуспѣшность работъ, они рѣшились пріостановить на время свое движеніе впередъ и возвести нѣсколько новыхъ батарей, чтобы огнемъ ихъ сбить артиллерію нашу. Это было для нихъ тѣмъ болѣе необходимо, что наша артиллерія, при содѣйствіи ежедневныхъ вылазокъ, наносила имъ значительную потерю въ людяхъ. Отправляемые съ различныхъ пунктовъ оборонительной линіи, небольшими партіями, охотники врывались въ непріятельскія траншеи, срывали ихъ, разбрасывали туры, захватывали съ собою мѣшки, ружья, инструменты и, отступая, подводили преслѣдующаго ихъ непріятеля подъ картечный огонь нашихъ батарей.

Подобное вторженіе нашихъ охотниковъ заставляло союзниковъ быть всегда на сторожѣ, содержать въ своихъ траншеяхъ значительные караулы, а иногда придвигать резервы. Случалось и такъ, что наши секреты вдругъ нападутъ на непріятельскіе и тѣмъ вызовутъ тревогу по всѣмъ траншеямъ. Союзники, предполагая значительную вылазку, придвинутъ резервы, откроютъ сильный ружейный огонь, а съ нашихъ батарей по направленію этого огня осыпятъ траншеи картечью.

Въ теченіе іюля мѣсяца было произведено девять большихъ и малыхъ вылазокъ, весьма много содѣйствовавшихъ къ замедленію работъ атакующаго. Хотя при такихъ вы-

лазкахъ наши отряды и несли значительныя потери, но, безпокоя противника и обезкураживая его, мы поддерживали превосходный военный духъ въ своихъ войскахъ. Вылазки всегда были и будутъ лучшимъ средствомъ къ уничтоженію замысловъ противника и къ приведенію въ исполненіе обороняющимся тѣхъ работъ, которыя онъ считалъ необходимыми.

Понятно однакоже, что ни вылазки, ни мѣткій артиллерійскій огонь не могли задержать совершенно непріятеля, и онъ съ каждымъ днемъ подходилъ ближе къ нашей оборонительной линіи, и все болѣе и болѣе усиливался новыми батареями. Къ началу августа онъ подошелъ къ Малахову кургану на 55 саженъ и ко второму бастіону на 50 саженъ. Онъ успѣлъ построить нѣсколько новыхъ батарей, на которыхъ было поставлено 113 орудій, большею частью направленыхъ противъ Малахова кургана и 2-го бастіона. Для противодѣйствія этому числу новыхъ орудій, обороняющійся прибавилъ 40 орудій, и изъ нихъ только 14 орудій было поставлено на укрѣпленіяхъ Корабельной стороны. Отъ этого союзники пріобрѣли значительный перевѣсъ въ числѣ орудій, такъ что къ 5-му августа они могли открыть огонь изъ 638 орудій, тогда какъ защитники могли отвѣчать имъ только изъ 586 орудій. Не ограничиваясь этимъ численнымъ перевѣсомъ въ своемъ вооруженіи, атакующіе имѣли запасъ въ 250 орудій, для постановки которыхъ намѣрены были вывести новыя батареи и ожидали прибытія изъ Франціи и Англіи еще 400 большихъ мортиръ. Союзники собрали баснословное количество снарядовъ на своихъ батареяхъ, что было видно простымъ глазомъ съ нашихъ батарей. У насъ же, напротивъ того, по причинѣ дурныхъ путей сообщеній, чувствовался въ нихъ постоянный недостатокъ. Правда, къ началу августа было доставлено въ Севастополь 40 тысячъ пудовъ пороха и 100 тысячъ снарядовъ, но распредѣленіе доставляемыхъ снарядовъ по орудіямъ было сдѣлано неравномѣрно, такъ что нѣкоторыя орудія, какъ, напримѣръ, 2-хъ-пудовыя мортиры, не имѣли вовсе снарядовъ и принуждены были молчать. У французовъ и англичанъ было

заготовлено отъ 350—450 зарядовъ на каждое орудіе, тогда какъ у насъ число это не превышало 210, а были орудія (мортиры) которыя имѣли только по 60 зарядовъ.

Непріятель дѣйствовалъ медленно, и запасался огромными средствами. Подступы его стѣсняли насъ все болѣе и болѣе, и не существовало уже въ Севастополѣ такого мѣста, которое не было бы подвержено выстрѣламъ. Пули рѣяли повсюду и свистѣли даже на Николаевской площади.

Въ началѣ августа весь гарнизонъ Севастополя, съ орудійною прислугою, саперами, пластунами и греческими волонтерами, простирался только до 50 т. человѣкъ, разбросанныхъ по всей оборонительной линіи. Взаимное положеніе атакующаго и защищающагося ясно указывало на затруднительное положеніе Севастополя: непріятель былъ только въ 55-ти саженяхъ отъ Малахова кургана—главнаго пункта атаки; онъ обладалъ значительнымъ превосходствомъ въ численности войскъ и въ запасахъ артиллеріи. При такихъ средствахъ ему не стоило особаго труда сбить артиллерію съ батарей оборонительной линіи и затѣмъ штурмовать городъ.

Севастополь видимо отживалъ послѣдніе дни. Чтобы отсрочить хотя на нѣсколько дней его паденіе, необходимо было принять рѣшительныя мѣры, отвлечь хотя на время вниманіе противника отъ осажденнаго города. Такимъ отвлеченіемъ, съ нашей стороны, могли быть только одни наступательныя дѣйствія. Нельзя однако же не сознаться, что подобное предпріятіе, при незначительности нашихъ войскъ, было крайне рисковано. Главнокомандующій крымскою арміею князь *Горчаковъ 2-й* былъ противъ наступательныхъ дѣйствій и считалъ сумасшествіемъ атаковать непріятеля, превосходящаго насъ въ силахъ и занимающаго сверхъ того недоступныя позиціи.

«Первый день я бы двинулся впередъ,—писалъ онъ военному министру, — второй я бы отбросилъ непріятельскій авангардъ и написалъ бы великолѣпную реляцію; третій день я былъ бы разбитъ съ потерею отъ 10 до 15 тысячъ человѣкъ, а четвертый день Севастополь и значительная часть арміи были бы потеряны».

Эта осторожность главнокомандующаго и опасеніе перейдти въ наступленіе не раздѣлялось многими генералами, большинство которыхъ были за наступательныя дѣйствія. Въ Петербургѣ, лица, стоявшія во главѣ военнаго управленія, были также убѣждены въ необходимости наступательныхъ дѣйствій, и потому князю *Горчакову* было сообщено Высочайшее предложеніе, собрать подъ своимъ предсѣдательствомъ военный совѣтъ, которому предоставить окончательное рѣшеніе относительно дальнѣйшихъ дѣйствій.

Получивъ письмо съ изъявленіемъ Высочайшей воли, главнокомандующій собралъ, 28-го іюля, военный совѣтъ изъ пятнадцати лицъ. Присутствовавшимъ было предложено рѣшить: какой образъ дѣйствій предпринять въ Крыму: оборонительный, защищая только Севастополь, или наступательный; если наступательный, то какое дѣйствіе предпринять? и въ какое время? Почти всѣ присутствовавшіе на совѣтѣ были въ пользу наступленія; нѣкоторые предлагали очистить южную сторону города, чтобы всѣми силами атаковать непріятеля въ полѣ, другіе предлагали атаковать непріятеля съ Корабельной стороны, но большинство стояло за то, чтобы атаковать непріятеля со стороны Черной рѣчки. Князь *Горчаковъ* рѣшился послѣдовать мнѣнію большинства, хотя и не надѣялся на успѣхъ.

Черная рѣчка находилась во власти непріятеля. Единственный мостъ черезъ нее, называемый Трактирнымъ, былъ занятъ французами; лѣвѣе ихъ, по сю сторону рѣчки, на Телеграфной горѣ, стояли передовыя войска сардинцевъ.

Большая же и главная часть непріятельскихъ силъ находилась за р. Черной и занимала весьма сильную позицію. Она состояла изъ трехъ отдѣльныхъ возвышеній, расположенныхъ почти въ одной линіи и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ противоположнаго къ намъ лѣваго берега Черной рѣчки. Лѣвѣе всѣхъ виднѣлась Гасфортова гора, въ срединѣ расположены были тремя вершинами Федюхины высоты, передъ которыми протекаетъ глубокій каналъ, на-

полненный водою, и, наконецъ, правѣе недоступные обрывы Сапунъ-горы.

Всѣ три высоты, занятыя союзниками, были усилены укрѣпленіями: на Гасфортовой горѣ было расположено нѣсколько батарей; на Федюхиныхъ высотахъ были устроены ложементы для стрѣлковъ, а вдоль наружнаго гребня Сапунъ-горы тянулся непрерывный рядъ укрѣпленій и ложементовъ, усиленныхъ, сверхъ того, разными искусственными препятствіями.

На всемъ протяженіи этой мѣстности были раскинуты слѣдующія непріятельскія войска: лѣвѣе Гасфортовой горы стояло 10 т. турокъ съ 36 орудіями; на самой горѣ 9,100 человѣкъ сардинцевъ съ 36 орудіями; правѣе ихъ, между Гасфортовой горою и Федюхиными высотами, стояло 30-ть эскадроновъ французской кавалеріи, имѣя позади себя 30 эскадроновъ англійской кавалеріи, расположенной въ селеніи Кадыкіой; общее число кавалеріи простиралось до 6 т. всадниковъ. Правѣе кавалеріи на Федюхиныхъ высотахъ и на Сапунъ-горѣ было расположено 17,858 человѣкъ французской пѣхоты съ 48 орудіями. Такимъ образомъ непріятель, при атакѣ этой позиціи, могъ противупоставить намъ, не приближая резервовъ, болѣе 40 т. человѣкъ пѣхоты и кавалеріи, съ 120 орудіями, изъ которыхъ многія были дальняго бросанія и значительныхъ размѣровъ. Съ присоединеніемъ же самыхъ близкихъ резервовъ, союзники могли легко увеличить число войскъ до 60 т. человѣкъ, усиленныхъ укрѣпленіями, различнаго рода преградами и трудно доступными высотами.

Между тѣмъ главнокомандующій въ Крыму, при всѣхъ усиліяхъ, могъ собрать для атаки только 49 т. человѣкъ. Атакующимъ приходилось, подъ огнемъ непріятеля, переправиться черезъ Черную рѣчку, пройдти подъ выстрѣлами противника довольно значительное разстояніе до глубокаго канала, охватывающаго Федюхины высоты, переправиться черезъ него подъ пулями, направленными почти въ упоръ, и потомъ лѣзть въ гору на штыки многочисленнаго врага. Взобравшись на горы и оттѣснивъ непріятеля, мы

все-таки не могли остановиться на нихъ даже на 24 часа времени, по той причинѣ, что тамъ вовсе не было воды.

Можно ли было, при такихъ условіяхъ, разсчитывать на успѣхъ? конечно нѣтъ, и главнокомандующій не разсчитывалъ на него. «Нечего себя обманывать, писалъ онъ военному министру—я атакую непріятеля при скверныхъ условіяхъ.... Я наступаю противъ непріятеля, потому что, еслибы я и не сдѣлалъ этого, Севастополь былъ бы все-таки потерянъ въ весьма короткое время».

И такъ, атака непріятеля со стороны Черной рѣчки вынуждалась необходимостію задержать на нѣкоторое время паденіе Севастополя. Войска, назначенныя для нападенія, были расположены частію на Инкерманскихъ, частію на Мекензіевыхъ высотахъ. Они были раздѣлены на два главныхъ отряда съ ихъ резервами.

Правый отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта *Реада*, состоялъ изъ $25^1/_4$ баталіоновъ пѣхоты, 8 эскадроновъ кавалеріи, 6 сотенъ казаковъ и 62 орудій — всего 14,833 человѣка; лѣвый отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта *Липранди*, состоялъ изъ $30^1/_4$ баталіоновъ пѣхоты, одного греческаго легіона, 2-хъ сотенъ казаковъ и 70 орудій—всего 15,889 человѣкъ. Въ резервѣ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта *Шепелева*, было $30^1/_2$ баталіоновъ пѣхоты съ 36-ю орудіями—всего 18,968 человѣкъ, и въ кавалерійскомъ резервѣ, подъ начальствомъ генерала отъ кавалеріи *Шабельскаго*, 50 эскадроновъ, 9 сотенъ казаковъ съ 28 орудіями — всего 8,195 человѣкъ. Артиллерійскій резервъ состоялъ изъ 76 орудій. Такъ какъ кавалерія могла принять участіе только послѣ овладѣнія лѣвымъ берегомъ р. Черной, то все число атакующихъ войскъ доходило до 49 тысячъ.

Узнавъ, что къ союзникамъ прибываютъ въ Крымъ новыя подкрѣпленія, князь *Горчаковъ* поторопился атакою и назначилъ ее въ ночь съ 3-го на 4-е августа. По составленному предположенію, лѣвая колонна генералъ-лейтенанта *Липранди* должна была первая открыть дѣйствія атакою Телеграфной горы. По занятіи ея, отрядъ генерала *Реада* приближается къ рѣкѣ Черной и располагается такъ,

чтобы можно было обстрѣливать Федюхины высоты. Приготовившись къ переправѣ черезъ Черную рѣчку, оба отряда ожидаютъ приказаній главнокомандующаго, «а до тѣхъ поръ стоятъ на мѣстѣ».

Въ темную ночь съ 3-го на 4-е августа, войска спустились съ Мекензіевыхъ высотъ и, пользуясь густымъ туманомъ, застилавшимъ долину Черной рѣчки, незамѣтно подошли на довольно близкое разстояніе къ непріятелю.

Въ Севастополѣ еще въ половинѣ іюля ходили слухи о предпринимаемомъ нами наступательномъ движеніи. Объ этомъ говорили всѣ и никто не сомнѣвался въ побѣдѣ.

«Въ половинѣ іюля, пишетъ одинъ изъ участниковъ славной защиты, начали поговаривать о наступленіи. Самые разнообразные слухи носились объ этомъ предметѣ. Одни говорили, что на дняхъ прибудетъ гренадерскій корпусъ, что ожидаютъ только прибытія 70 т. ополченія; другіе увѣряли даже, что вся гвардія идетъ въ Крымъ, и, по приходѣ ея, начнутъ наступательныя дѣйствія. Толковали о планѣ дѣйствій, и все это передавалось положительно; каждый увѣрялъ, что получилъ извѣстіе изъ вѣрнѣйшаго источника, и тому подобное. Хотя большая часть подобныхъ слуховъ пропускалась мимо ушей, но, во всякомъ случаѣ, можно было ожидать наступательныхъ дѣйствій, тѣмъ болѣе, что подобные слухи всегда имѣютъ какое нибудь основаніе».

Въ концѣ іюля прибылъ 2-й пѣхотный корпусъ и нѣсколько дружинъ ополченія; гренадерскій корпусъ приближался къ Перекопу. Всѣ положительно знали о предполагающемся наступленіи и указывали направленіе, въ которомъ оно будетъ произведено; все дѣлалось и говорилось довольно гласно, такъ что скоро непріятель узналъ о нашихъ намѣреніяхъ. Союзники знали, что русскія войска собираются атаковать ихъ со стороны Черной рѣчки, знали даже и число войскъ, назначенныхъ для штурма, но, полагая, что атака эта будетъ произведена ранѣе, и ожидая ее нѣсколько дней сряду, перестали, наконецъ, вѣрить въ справедливость слуховъ. Думая, что наступленіе это отмѣнено, они стали равнодушны къ мѣрамъ осторожности

на столько, что, утромъ 4-го августа допустили атаковать себя почти въ расплохъ.

Около 4-хъ часовъ утра, четвертаго августа, князь *Горчаковъ* послалъ приказаніе генераламъ *Липранди* и *Реаду* начинать дѣло. По этому приказанію отрядъ *Липранди* долженъ былъ атаковать Телеграфную гору, а отрядъ *Реада*, подойдя къ Черной рѣчкѣ, открыть артиллерійскій огонь по непріятелю, расположенному на Федюхиныхъ высотахъ.

Генералъ *Липранди* двинулъ свои войска впередъ и открылъ артиллерійскій огонь по укрѣпленіямъ, расположеннымъ на Телеграфной горѣ и занятымъ сардинцами. Въ то время отрядъ *Реада* не былъ еще готовъ, и самъ генералъ, отправившись въ казачью цѣпь, осматривалъ расположеніе непріятеля. Прискакавшій къ нему адъютантъ главнокомандующаго передалъ приказаніе князя *Горчакова*: начинать дѣло.

— Что значитъ начинать? спросилъ генералъ *Реадъ*— вѣдь не атаковать же.

— Главнокомандующій приказалъ, отвѣчалъ адъютантъ, только начинать сраженіе.

— Хорошо, сказалъ *Реадъ*, я буду обстрѣливать непріятеля.

Выдвинувъ впередъ четыре батареи, *Реадъ* приказалъ имъ открыть огонь по Федюхинымъ высотамъ.

Выстрѣлы нашей артиллеріи разбудили союзниковъ, не ожидавшихъ нападенія. Когда войска генерала *Липранди* подошли къ Телеграфной горѣ, въ непріятельскомъ лагерѣ горѣли еще огни; все спало глубокимъ сномъ.

Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ батарейной батареи 17-й артиллерійской бригады, генералъ *Липранди* двинулъ въ атаку батальонъ Тарутинскаго егерскаго полка. Тарутинцы бросились въ первую траншею и вытѣснили оттуда сардинцевъ, встрѣтившихъ ихъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Преслѣдуя непріятеля и вытѣсняя его изъ укрѣпленій, тарутинцы овладѣли Телеграфною горою. Сардинцы отступили и донесли, что русскіе наступаютъ въ значительныхъ силахъ. Въ непріятельскомъ лагерѣ поднялась тре-

вога; все пришло въ движеніе; артиллерія поскакала на рысяхъ, а пѣхота густыми колоннами потянулась къ сторонѣ выстрѣловъ. По всей линіи траншей и батарей не слышно было ни одного выстрѣла. Густой туманъ, все еще стоявшій надъ долиною Черной рѣчки, препятствовалъ союзникамъ имѣть точныя свѣдѣнія о силахъ и направленіи главной атаки русскихъ войскъ, а потому они медлили еще движеніемъ резервовъ. Между тѣмъ, по владѣніи Телеграфною горою, генералъ *Липранди* выдвинулъ сильную артиллерію и открылъ огонь по Гасфортовой горѣ. Превосходное дѣйствіе нашей артиллеріи наносило значительный вредъ непріятелю.

Какъ только главнокомандующій замѣтилъ, что отрядъ генерала *Липранди* утвердился на Телеграфной горѣ, онъ самъ отправился туда для личнаго распоряженія дальнѣйшимъ ходомъ дѣйствій. Пріѣхавъ на гору, князь *Горчаковъ* слѣзъ съ лошади и сталъ въ трубу осматривать расположеніе войскъ непріятеля. Послѣ осмотра онъ отдалъ генералу *Липранди* приказаніе атаковать Гасфортову гору и въ подкрѣпленіе ему двинулъ изъ резерва 5-ю пѣхотную дивизію. Но въ этотъ моментъ послышались частые ружейные выстрѣлы со стороны Федюхиныхъ высотъ. То было преждевременное движеніе впередъ отряда генерала *Реада*.

Переправившись черезъ Черную рѣчку, полки 12-й пѣхотной дивизіи, входившіе въ составъ правой колонны, при громкихъ крикахъ ура! бросились на Федюхины высоты. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы атаковать Гасфортову гору, главная атака была поведена на Федюхины высоты, представлявшія для атакующихъ гораздо больше затрудненій. Главнокомандующій призналъ съ этой минуты дѣло совершенно испорченнымъ. Необходимость заставила однако же поддержать *Реада*, и князь *Горчаковъ*, остановивъ движеніе *Липранди*, приказалъ ему выдвинуть двѣ батареи для обстрѣливанія Федюхиныхъ высотъ и для поддержанія атакъ нашихъ войскъ на Федюхины высоты.

Вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующій тотчасъ же послалъ бывшаго при немъ генеральнаго штаба полковника *Менькова* за пятою пѣхотною дивизіею, шедшею уже на Теле-

графную гору. Князь *Горчаковъ* поручилъ *Менькову* отвести эту дивизію къ генералу *Реаду* и спросить его: какое назначеніе будетъ дано полкамъ этой дивизіи, пришедшимъ къ нему на помощь.

Полковникъ *Меньковъ* встрѣтилъ пятую дивизію на дорогѣ и далъ ей направленіе къ мѣсту дѣйствія войскъ, подчиненныхъ генералу *Реаду*. Дивизія на походѣ перестроилась въ боевой порядокъ и ускореннымъ шагомъ двинулась къ мѣсту боя.

Генералъ *Липранди* выдвинулъ между тѣмъ 3-ю батарею 17-й артиллерійской бригады и 1-ю батарею 16-й бригады. Командиръ послѣдней батареи, подполковникъ *Кондратьевъ*, расположился противъ французской батареи, стоявшей на склонѣ Федюхиныхъ высотъ. Не смотря на довольно значительное разстояніе, онъ дѣйствовалъ такъ удачно, что взорвалъ зарядный ящикъ и наносилъ жестокое пораженіе непріятелю. Выстрѣлы батареи *Кондратьева* остались на долго памятны французамъ. «Начальникъ артиллеріи 6-й артиллерійской дивизіи, генералъ-маіоръ *Кишинскій*, подъѣзжалъ къ подполковнику *Кондратьеву* нѣсколько разъ и благодарилъ лично отъ себя и отъ корпуснаго командира за мѣткую стрѣльбу. А потомъ благодарилъ его и самъ главнокомандующій».

Между тѣмъ полки 12-й пѣхотной дивизіи: Одесскій, Азовскій и Украинскій, подъ начальствомъ генералъ-маіора *Мартинау*, стремительно бросились на штурмъ Федюхиныхъ высотъ. Впереди всѣхъ шелъ Одесскій полкъ, предводимый своимъ полковымъ командиромъ, полковникомъ *Скюдери*. Бѣгомъ добѣжали одессцы до мостоваго укрѣпленія и заняли его. Затѣмъ остальные два полка, подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, переправились черезъ Черную рѣчку частію по мосту, частію въ бродъ, причемъ высота воды доходила до плечъ, и преслѣдовали французовъ, отступившихъ за водопроводный каналъ.

Ни сильный огонь непріятеля, ни отсутствіе мостовъ черезъ каналъ, ничто не удержало одесцевъ. Подъ огнемъ картечи, полкъ съ удивительною быстротою взобрался на первый уступъ Федюхиныхъ горъ, захватилъ не-

большое укрѣпленіе и бросился далѣе, на главную французскую батарею, изъ которой и выбилъ непріятеля. Потерявъ большую часть офицеровъ и солдатъ и лишившись своего полковаго командира, смертельно раненаго, одесцы хозяйничали на батареѣ какъ у себя дома. Одни заклепывали орудія, другіе тащили ихъ въ нашу сторону, третьи, подъ командою прапорщика *Лукина*, отбивали французское знамя. Слѣдомъ за одесцами и по обѣимъ сторонамъ ихъ взобрались на высоты Азовскій и Украинскій полки и также вытѣснили непріятеля изъ передовой линіи его укрѣпленій. Атака этихъ полковъ была произведена съ такою отчаянною храбростію, что французы сравнивали ее съ лавиною, обрушившеюся на нихъ съ горы. Они спрашивали потомъ, какъ называются полки, шедшіе въ эту славную атаку, и записали ихъ имена. Эти полки, заслужившіе похвалу столь же храбрыхъ и стойкихъ противниковъ, были Украинскій, Одесскій и Азовскій.

Къ сожалѣнію, мужество и удивительная храбрость нашихъ войскъ были недостаточны для удержанія высоты, они были подавлены многочисленностію непріятеля и оттѣснены внизъ. Отойдя за рѣку и въ ожиданіи подкрѣпленій, остатки храбрыхъ поддерживали перестрѣлку съ непріятелемъ. Французы снова заняли предмостное укрѣпленіе и, выдвинувъ на гребень высотъ свои батареи, причиняли отступавшимъ значительныя потери.

— Ну, теперь сраженіе проиграно, сказалъ генералъ *Веймарнъ*, смотря на остатки возвратившихся съ боя полковъ.

Было семь часовъ утра, когда первый актъ боя кончился. Только теперь стали подходить наши резервы, и прежде другихъ пришла 5-я пѣхотная дивизія, приведенная полковникомъ *Меньковымъ*. Исполняя приказаніе главнокомандующаго, полковникъ *Меньковъ* спросилъ генерала *Реада:* какъ предполагаетъ онъ распорядиться съ вновь прибывшими полками.

— Я поддержу ими, отвѣчалъ *Реадъ*, отступающіе полки 12-й пѣхотной дивизіи.

Полковникъ *Меньковъ* поскакалъ доложить о томъ глав-

нокомандующему, находившемуся на Телеграфной горѣ, верстахъ въ $2^1/_2$ отъ мѣста боя.

Въ это время генералъ *Реадъ* рѣшился повторить атаку. Не признавая необходимымъ атаковать высоты одновременно цѣлою дивизіею, онъ предпочелъ вводить въ дѣло по одному полку и приказалъ Галицкому полку атаковать высоты. Напрасно начальникъ 5-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ *Вранкенъ*, доказывалъ генералу *Реаду* необходимость двинуть въ атаку одновременно всю дивизію. *Реадъ* не слушалъ его доводовъ и остался при прежнемъ мнѣніи. Онъ вводилъ въ дѣло полкъ за полкомъ, почти безъ всякихъ промежутковъ. Шедшіе сзади полки избирались на высоты тогда, когда ихъ предшественники, разстроенные и тѣснимые непріятелемъ, спускались съ тѣхъ же высотъ и тѣмъ замедляли, а иногда и препятствовали стройному движенію атакующаго полка, подвергая его напраснымъ потерямъ. Впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, всѣ полки перемѣшались между собою; это была одна куча, обезсиленная потерями и лишившаяся почти всѣхъ начальниковъ.

Но мы опередили нѣсколько событія, и потому вернемся къ тому времени, когда къ мѣсту боя явилась пятая пѣхотная дивизія.

Пока подходила она изъ резерва, французы успѣли стянуть на помощь атакованнымъ нѣсколько дивизій и выставить пять конныхъ батарей, такъ что, когда Галицкій полкъ пошелъ въ атаку, онъ почти былъ растрепанъ непріятельскими выстрѣлами. Не смотря на то, предоставленный самому себѣ, храбрый полкъ перешелъ Черную рѣчку, переправился даже черезъ водопроводный каналъ, но далѣе идти не могъ. Убитые и раненые валились сотнями; живые — остановились и открыли перестрѣлку съ французами. Въ это время непріятель сыгралъ три раза сигналъ нашего *отступленія*. Солдаты, заслыша сигналъ, подались назадъ, а французы, сознавая свое превосходство въ силахъ, перешли въ наступленіе и отбросили остатки Галицкаго полка обратно за рѣку Черную. Тѣ, которые не послушали сигнала, заплатили жизнію. Въ числѣ ихъ былъ и поручикъ *Чагодаевъ*, бывшій впереди. Онъ былъ окруженъ

восемью зуавами, у него было солдатское ружье, онъ закололъ нѣсколько зуавовъ, но за то остальными былъ поднятъ на штыки.

Для поддержанія Галицкаго полка былъ двинутъ Костромской полкъ, еще на мѣстѣ разстроенный огнемъ непріятеля; онъ пошелъ въ атаку въ то время, когда въ рядахъ его не было уже значительнаго числа офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Непріятельскія пули летали столь густо, что подымали по всему полю такую пыль, какую подымаетъ экипажъ, ѣдущій по большой дорогѣ въ сухое время. Едва только Костромской полкъ двинулся впередъ, какъ командиръ 2-го батальона, маіоръ *Соколовъ*, шедшій впереди, былъ раненъ въ лѣвую руку выше локтя. Зажимая рану, онъ продолжалъ идти впередъ, но вскорѣ получилъ двѣ раны, одну въ животъ, другую въ грудь.

— Сказать капитану *Шайтарову*, крикнулъ *Соколовъ* падая, чтобы принялъ команду батальономъ.

Не успѣлъ *Шайтаровъ* выбѣжать передъ батальонъ, какъ былъ раненъ въ пахъ на вылетъ. Тогда подъѣхалъ къ полку начальникъ штаба 3-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-маіоръ *Веймарнъ*, который и принялъ участіе въ атакѣ. Предводимый генераломъ *Веймарномъ*, полкъ, не смотря на свою малочисленность, шелъ смѣло впередъ. Французы подпустили его на довольно близкое разстояніе и потомъ сразу пронизали градомъ пуль и картечи. Половины людей не стало, не стало и шедшаго впереди полка генерала *Веймарна* — онъ былъ смертельно раненъ пулею въ лобъ. Солдаты бросились въ штыки; завязалась ужасная схватка, кончившаяся однакоже отступленіемъ полка. Генералъ-адъютантъ *Реадъ*, видя вторичное отступленіе, приказалъ подкрѣпить Костромской полкъ остатками Галицкаго полка, лишившагося уже полковаго и трехъ батальонныхъ командировъ. Оставшійся въ полку единственный штабъ-офицеръ, маіоръ *Чертовъ*, повелъ вторично въ атаку остатки Галицкаго полка, которые, присоединившись къ Костромскому, потѣснили-было непріятеля, но потомъ были смяты и отброшены за Черную рѣчку.

Послѣ троекратной неудачной попытки, генералъ адъ-

ютантъ *Реадъ* двинулъ на штурмъ Федюхиныхъ высотъ Вологодскій полкъ. Вступившій въ командованіе дивизіею, вмѣсто раненаго генерала *Вранкена*, бывшій командиръ этого полка, генералъ-маіоръ *Тулубьевъ*, хотѣлъ самъ вести вологодцевъ въ атаку, но едва появился передъ полкомъ, какъ былъ сброшенъ съ лошади сильною контузіею въ грудь. Полкъ пошелъ съ настоящимъ своимъ полковымъ командиромъ, полковникомъ *Вронскимъ*, выбилъ французовъ изъ предмостнаго укрѣпленія, перешелъ черезъ рѣчку, переправился черезъ водопроводный каналъ, но въ это время понесъ такія потери, что только нѣсколько храбрецовъ могли взобраться на высоты, гдѣ и были окружены почти со всѣхъ сторонъ непріятелемъ. Только храбрость командира 4-го батальона, маіора *Мѣдникова*, да дѣйствія облегченной № 5-й батареи капитана *Бороздина*, спасли остатки полка отъ совершеннаго уничтоженія и помогли вологодцамъ отступить.

«Когда было передано приказаніе нашему полку идти на штурмъ, разсказывалъ маіоръ *Мѣдниковъ*, то я былъ уже пѣшкомъ; въ одной рукѣ былъ у меня кистень, а въ другой кинжалъ: это повѣрнѣе форменной сабли.

«Какъ мы пошли, то, чтобы попасть къ мосту, батальонъ принялъ въ право и немного опередилъ третій батальонъ; тутъ я крикнулъ ура! и мы заняли ровъ мостоваго укрѣпленія. Надобно было немного отдохнуть; стрѣлять нельзя было ни намъ, ни французамъ: тѣ кидаютъ въ насъ каменьями, мы въ нихъ тоже; отдохнувъ минуту—другую, я говорю: что за перекидка камнями—подсаживай другъ друга прикладами. Какъ подсадили человѣкъ десятокъ, я велѣлъ подсадить и себя. Потомъ живо мы взобрались всѣ, но французы не дожидались долго—живо подрали въ горы, а мы за ними. Какъ взобрались до половины, то я опять пріостановилъ своихъ, чтобы перевести духъ—крѣпко были уставши. Посмотрѣлъ, а кучка то у меня небольшая, человѣкъ 150, много что 300, а тутъ четыре колонны выдвинулись и хотятъ насъ отхватить, нѣтъ, думаю, дудки, взглянулъ назадъ—наши не подходятъ, вотъ я и началъ отступать отстрѣливаясь, да вотъ и все тутъ».

При отступленіи четвертаго батальона знаменщикъ былъ тяжело раненъ; два асистента, принявшіе отъ него знамя, одинъ за другимъ были убиты и послѣ этого знамя, перебитое въ древкѣ, упало на землю. Лежавшій возлѣ того мѣста, раненый барабанщикъ Азовскаго пѣхотнаго полка, Степанъ *Реутовичъ*, не смотря на боль отъ раны, поднялъ перебитое знамя и вынесъ его изъ схватки, за что и получилъ орденъ Св. Георгія.

Преслѣдовавшіе вологодцевъ французы опять овладѣли мостомъ и предмостнымъ укрѣпленіемъ.

Во время отступленія вологодцевъ, генералъ *Реадъ* былъ убитъ; осколокъ гранаты сорвалъ ему часть головы.

Три полка 5-й дивизіи были разстроены до крайности, оставался одинъ четвертый, который не могъ быть посланъ по необходимости прикрыть разстроенные полки и дать время имъ устроиться. Потерявъ корпуснаго командира, его начальника штаба, двухъ начальниковъ дивизій, всѣхъ бригадныхъ командировъ, большую часть полковыхъ и батальонныхъ командировъ и 118 офицеровъ, полки 5-ой дивизіи представляли одну общую кучу и находились въ опасномъ положеніи быть атакованными многочисленнымъ непріятелемъ. Ихъ спасъ только туманъ, смѣшанный съ пороховымъ дымомъ, не дозволявшій французамъ различать ясно предметы и разсмотрѣть положеніе и численность нашихъ войскъ.

Въ это время къ разстроеннымъ полкамъ прискакалъ полковникъ *Меньковъ*, присланный главнокомандующимъ. Когда полковникъ *Меньковъ* привезъ отвѣтъ генерала *Реада* относительно употребленія полковъ 5-й дивизіи, князь *Горчаковъ*, считая безполезнымъ вновь атаковать высоты послѣ разстройства полковъ 12-й дивизіи, приказалъ полковнику *Менькову* скакать тотчасъ-же къ генералу *Реаду* съ приказаніемъ прекратить бой и вывести полки изъ-подъ выстрѣловъ. Прошелъ довольно значительный промежутокъ времени, пока полковникъ *Меньковъ* успѣлъ проскакать разстояніе около $2^1/_2$ верстъ: полки 5-й дивизіи успѣли уже сходить въ атаку и были отброшены за Черную рѣчку. Подъѣзжая къ мосту, полковникъ *Меньковъ* встрѣтилъ по-

силки съ раненымъ генералъ-маіоромъ *Веймарномъ* и тутъ же узналъ, что генералъ *Реадъ* также убитъ.

Одиноко стояли пострадавшіе полки въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ праваго берега р. Черной; ни резерва, ни подкрѣпленія не было видно. Посланная на помощь разстроеннымъ полкамъ, 4-я пѣхотная дивизія была задержана въ пути и находилась далѣе четырехъ верстъ отъ мѣста боя. Дивизія эта могла спуститься съ Мекензіевыхъ высотъ по единственной только дорогѣ, загроможденной патронными ящиками, лазаретными фурами и различнаго рода обозными повозками; она принуждена была остановиться въ ожиданіи расчистки пути и не могла оказать никакой помощи войскамъ, находившимся въ боевой линіи.

Со смертію генерала *Реада*, главнокомандующій князь *Горчаковъ* лично принялъ начальство надъ правою колонною нашихъ войскъ. Онъ тотчасъ же отправилъ начальника Курскаго ополченія, генералъ-маіора *Бѣлевцева*, къ 5-й дивизіи, поручивъ ему принять начальство и устроить полки.

Чтобы отвлечь сколько-нибудь вниманіе непріятеля отъ пятой дивизіи и вмѣстѣ съ тѣмъ поддержать атаки, направленныя противъ Федюхиныхъ высотъ, князь *Горчаковъ* двинулъ на штурмъ два полка 17-й пѣхотной дивизіи, изъ отряда генералъ-лейтенанта *Липранди*, стоявшаго на Телеграфной горѣ.

Полки Бутырскій и Московскій, подъ начальствомъ генералъ-маіора *Гриббе*, спустились съ горы въ долину Черной рѣчки, подъ сильнымъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ непріятеля. Имѣя впереди колонны Бутырскій полкъ, генералъ-маіоръ *Гриббе* переправился сначала черезъ Черную рѣчку по поясъ, потомъ черезъ водопроводный каналъ, и смѣло атаковалъ лѣвый отрогъ Федюхиныхъ высотъ. Французы встрѣтили атакующихъ сильнымъ огнемъ съ фронта и съ лѣваго боку. Бутырцы съ удивительною храбростію шли впередъ, но, дойдя до вершины горы, были такъ разстроены, что генералъ *Гриббе* призналъ необходимымъ, смѣнить ихъ Московскимъ полкомъ. Пробѣжавъ сквозь интервалы бутырцевъ, Московскій полкъ, предводимый своимъ полковымъ командиромъ подполковникомъ *Труневскимъ*, опро

кинулъ непріятеля и, ворвавшись въ лагерь, вступилъ въ рукопашный бой. Не видя за собою резервовъ, а передъ собою замѣчая постепенное скопленіе непріятельскихъ силъ, полки отступили, лишившись генерала *Гриббе*, раненаго въ ногу, командира Бутырскаго полка полковника *Гернета*, почти всѣхъ батальонныхъ и ротныхъ командировъ.

Бутырцы и московцы, подъ прикрытіемъ высланнаго къ Черной рѣчкѣ Бородинскаго Его Величества полка, переправились обратно черезъ рѣку и отошли на Телеграфную гору. Непріятель производилъ учащенную стрѣльбу по отступавшимъ. «Около р. Черной — былъ адъ. Отъ густаго пороховаго дыма нельзя было различить предметовъ. Пули, ядра и гранаты падали въ такомъ изобиліи, что опасность и мысль о смерти казались неумѣстными: смерть гуляла повсюду».

Видя, что непріятель развернулъ на высотахъ до 50,000 человѣкъ войска, и что дальнѣйшее нападеніе невозможно, князь *Горчаковъ* рѣшился прекратить бой. Войска были выведены изъ подъ выстрѣловъ непріятеля и оставались въ такомъ положеніи около четырехъ часовъ. Главнокомандующій разсчитывалъ, что французы, пользуясь своимъ превосходствомъ, атакуютъ насъ, что было бы весьма выгодно, такъ какъ полки были расположены на весьма удобной и довольно сильной мѣстности. Французы не рѣшались однако-же двинуться впередъ, и войска наши, по неимѣнію воды, около 2-хъ часовъ по полудни, отступили на Мекензіевы горы, потерявъ во время сраженія 11 генераловъ, 249 человѣкъ офицеровъ и 8,000 нижнихъ чиновъ. Потеря непріятеля простиралась до 1,800 человѣкъ. «Порывъ, оказанный въ ономъ всѣми частями войскъ нашихъ, доносилъ главнокомандующій, имѣлъ бы, безъ сомнѣнія, счастливый исходъ, если бы генералъ *Реадъ* не сдѣлалъ преждевременной частной атаки, вмѣсто той, которую я предполагалъ сдѣлать совокупно войсками его и генералъ-лейтенанта *Липранди*, непосредственно поддержанными главнымъ резервомъ.

«Въ сраженіи участвовали лишь большая часть пѣхоты и часть пѣшей артиллеріи; что касается до кавалеріи, то, по свойству мѣстности, она не могла быть употреблена

въ дѣйствительномъ бою, и только небольшое число оной находилось нѣкоторое время подъ ядрами.

«Войска дрались съ примѣрнымъ мужествомъ. Пѣхота явила въ сей день опыты самой блестящей храбрости, преодолѣла подъ убійственнымъ огнемъ двойное препятствіе (рѣку и каналъ), и неоднократно выбивала штыками превосходнаго по численности противника изъ сильныхъ позицій, укрѣпленныхъ окопами, искусно приспособленными къ мѣстности.

«Артиллерія, не взирая на относительныя невыгоды ея расположенія, дѣйствовала съ большимъ успѣхомъ: не разъ заставляла она молчать непріятельскія батареи, расположенныя на господствующей мѣстности, и сильно поражала пѣхоту».

Въ то время, когда, послѣ атаки Федюхиныхъ высотъ, войска наши были остановлены на позиціи, по правую сторону р. Черной, съ батареи, выдвинутой противу лѣваго уступа Федюхиныхъ горъ, гдѣ находился главнокомандующій, замѣченъ былъ вдали одиночный солдатъ, который, послѣ каждаго сдѣланнаго имъ выстрѣла, перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто. Князь *Горчаковъ* послалъ двухъ казаковъ привести отсталаго солдата на батарею. Прибылъ егерь лейбъ-егерскаго Бородинскаго Его Императорскаго Величества полка Матвѣй Шелкуновъ.

— По какому случаю ты остался сзади другихъ? спросилъ главнокомандующій егеря.

— Прикрывалъ отступленіе раненыхъ товарищей, ваше сіятельство! отвѣчалъ Шелкуновъ. Былъ я въ цѣпи, — продолжалъ егерь,—пошли мы къ рѣчкѣ—не глубже, какъ по поясъ было—перебѣжали рѣчку; а за ней другая—рѣка не рѣка, а канава водяная; попробовалъ—глубоко, и вдругъ не перескочешь. Прыгнулъ одинъ, за нимъ другой, потомъ начали помогать другъ другу—и мостиковъ не надо—цѣпь перебралась. Врагъ сидѣлъ въ канавкахъ—мы въ штыки—мигомъ перекололи, многіе побѣжали на гору. Опрокинули мы кухню ихъ—знать кашу варили—да въ догонку за ними. Въ это время дали цѣпи сигналъ отходить назадъ, я позамѣшкался. Отошелъ за

канаву; мѣсто попалось хорошее—кустикъ былъ; я и давай палить.... Кто вылѣзетъ впередъ, того и повалишь. Разстрѣлявъ свои патроны, пошелъ я назадъ; смотрю—убитый мушкетеръ лежитъ; снялъ я съ него суму, подобралъ и ружье. Въ сумѣ были патроны. Я снова за кустикъ, далъ выстрѣловъ пять, да и опять за своими. Смотрю, трое раненыхъ. Я одинъ: извѣстное дѣло, трехъ не подберешь! «Ползи, братцы, кто можетъ, а я буду прикрывать васъ»! Двое ползли, а вотъ этотъ, что со мной прибылъ, ползкомъ бы не добрался: рана-то животовая. Какъ замѣчу, что ползуны мои отстаютъ, и я пріостановлюсь, сдѣлаю выстрѣловъ пятокъ по вражьей цѣпи, да и снова въ походъ!... Вотъ, ваше сіятельство, и добрели мы кое-какъ до своихъ! Богъ милосердъ: сохранилъ меня цѣла и невредима и благословилъ меня оказать помощь товарищамъ!...

«Лейбъ-егерскаго Бородинскаго Его Величества полка стрѣлокъ Матвѣй *Шелкуновъ* принесъ на себѣ пять ружей и три аммуниціи, взятыя имъ на дорогѣ у убитыхъ и тѣхъ раненыхъ, которыхъ онъ составлялъ прикрытіе. Главнокомандующій арміею, генералъ-адъютантъ князь *Горчаковъ*, приказавъ Матвѣя *Шелкунова* произвести въ унтеръ-офицеры, собственноручно надѣлъ знакъ военнаго ордена на грудь храбраго егеря».

Во все время, пока гудѣли выстрѣлы на Черной рѣчкѣ, въ Севастополѣ было тихо; казалось, обѣ стороны прислушивались къ тому, что происходило въ полѣ. Въ самое раннее утро, 4-го августа, были присланы на батареи письменныя приказанія, въ которыхъ объяснялись наши намѣренія. Въ этихъ приказаніяхъ говорилось, что, въ случаѣ успѣха сраженія, будетъ открытъ огонь, при чемъ указано каждому бастіону, противъ какихъ именно батарей непріятеля должны быть направлены выстрѣлы. Въ городѣ царствовала невозмутимая тишина; напряженный слухъ старался различать отдаленные выстрѣлы. Въ случаѣ успѣха предполагалось, независимо отъ открытія огня, сдѣлать большую вылазку изъ Севастополя. Войска собрались и были наготовѣ выступить и напасть на непріятельскія траншеи по

сигналу. Съ какимъ нетерпѣніемъ ждали защитники города этого сигнала! Вдали виденъ былъ только дымъ, стлавшійся въ направленіи по Черной рѣчкѣ, но всѣ стоявшіе на батареяхъ и укрѣпленіяхъ не спускали глазъ съ того мѣста, гдѣ должна была рѣшиться участь Севастополя. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали условнаго сигнала, но прошелъ часъ, и среди непрекращавшейся еще стрѣльбы непріятель сталъ пускать ракеты. Наступилъ полдень, а сигнала для вылазки изъ Севастополя не было. «Тогда уже, пишетъ одинъ изъ участниковъ, родилось сомнѣніе на счетъ успѣха, и наконецъ, послѣ большихъ надеждъ, мы впали въ совершенно противоположную крайность. Понемногу канонада начала утихать, а къ десяти часамъ совсѣмъ прекратилась».

Въ городѣ съ грустью узнали, что наши атаки были отбиты французами...

XVI.

Пятое бомбардированіе Севастополя. — Геройская стойкость гарнизона.— Положеніе города.—Николаевская батарея. — Шестое бомбардированіе Севастополя. — Штурмъ укрѣпленій 27-го августа.

Подъ впечатлѣніемъ успѣха, пріобрѣтеннаго во время сраженія на Черной рѣчкѣ, союзники открыли въ *пять* часовъ утра, *пятаго* августа, *пятое бомбардированіе Севастополя*, направляя выстрѣлы преимущественно на Корабельную и на лѣвую сторону четвертаго бастіона. Канонада эта съ небольшими только перерывами продолжалась въ теченіе двадцати сутокъ. Ежедневный уронъ нашъ простирался въ этотъ періодъ времени отъ 500 до 1,500 человѣкъ.

Стояла жаркая погода; насыпи нашихъ укрѣпленій совершенно высохли, отчего непріятельскій огонь дѣйствовалъ на нихъ самымъ разрушительнымъ образомъ: мерлоны, подъ жестокимъ огнемъ возобновляемыя каждую ночь, разсыпались отъ нѣсколькихъ снарядовъ, насыпи глыбами осядали въ ровъ, и работы, стоившія неимовѣрныхъ усилій

и потерь, распадались въ прахъ; валы укрѣпленій, насыпаемые вторично изъ сухой и рыхлой земли, не имѣли никакой связи.

Окруживъ ожерельемъ батарей весь холмъ, на которомъ былъ прежде Камчатскій люнетъ, французы громили ими преимущественно второй бастіонъ и Малаховъ курганъ.

Застоналъ Севастополь подъ градомъ вражьихъ ядеръ. На всемъ пространствѣ укрѣпленій, охватывающихъ Корабельную сторону, вплоть до 4-го бастіона разверзся адъ.

Съ каждымъ мгновеніемъ бомбардированіе все болѣе усиливалось и, охвативъ значительное пространство, достигло до ужасныхъ размѣровъ.

Въ это утро вѣтеръ былъ со стороны непріятельскихъ батарей. Дымъ отъ выстрѣловъ черною тучею тянулся на насъ и мѣшалъ прицѣливать орудія. Наши батареи отвѣчали съ начала рѣдкими выстрѣлами, но, съ наступленіемъ дня, когда вѣтеръ перемѣнился, дымъ потянулся вправо, по направленію къ морю, и очистилось небольшое пространство, раздѣляющее двухъ противниковъ, частые выстрѣлы посыпались съ оборонительной линіи. Съ бастіоновъ стали видны непріятельскій станъ о его огнедышащія батареи, на которыхъ незамѣтно было живой души. Подъ прикрытіемъ небольшаго траншейнаго караула, стояли на непріятельскихъ укрѣпленіяхъ одни артиллеристы и посылали къ намъ гранату за гранатой. Безъ устали они работали, потому что имѣли на каждое орудіе по три и болѣе смѣны. Союзникамъ не было надобности разбрасывать своихъ людей по всей линіи траншей, потому что они сами избирали направленіе выстрѣловъ; имъ не надо было держать большаго числа войскъ въ траншеяхъ, потому что, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находился севастопольскій гарнизонъ, имъ нечего было опасаться нападенія съ нашей стороны.

Совершенно въ обратномъ положеніи находились обороняющіеся. Они не знали, противъ какихъ батарей непріятелю вздумается открыть огонь, слѣдовательно по всей оборонительной линіи прислуга орудій должна была находиться на мѣстахъ, всегда готовая отвѣчать на выстрѣлы

врага. Нападающій скрещивалъ свои выстрѣлы съ различныхъ батарей на одну изъ нашихъ, тогда какъ обороняющійся разсѣевалъ свои выстрѣлы, отвѣчая на выстрѣлы противника. Обороняющемуся неизвѣстно было, когда противнику вздумается броситься на штурмъ—слѣдовательно онъ всегда долженъ былъ держать на бастіонахъ значительное число войскъ, которыя, не принося никакой пользы при бомбардированіи, несли значительныя потери.

Люди гибли въ эти дни во множествѣ, но оставшіеся не унывали. Какое то гордое сознаніе своего достоинства, отвага, удаль и молодечество видны были на всѣхъ лицахъ.

«Въ одной рубахѣ, съ Георгіемъ на груди, въ широкихъ парусинныхъ шароварахъ, съ чернымъ галстукомъ, концы котораго падаютъ на грудь, въ солдатской фуражкѣ», стояла прислуга у орудій, закоптѣлая въ дыму, замаранная порохомъ отъ выстрѣловъ, облитая кровью и потомъ. Въ моментъ боя эти жители бастіона, постоянно борящіеся со смертью въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, казались тѣми неземными существами, «для которыхъ кровавыя сѣчи составляютъ райское блаженство»!...

Въ теченіе цѣлаго дня непріятель усиливалъ огонь донельзя, сосредоточивая свои выстрѣлы преимущественно на тѣ амбразуры, которыя были направлены на его подступы. Если ему не удавалось подбить стоявшія въ этихъ амбразурахъ орудія, то онъ почти всегда сильно вредилъ нашимъ насыпямъ. Для этой послѣдней цѣли союзники весьма часто стрѣляли залпами и, казалось, хотѣли забросать защитниковъ снарядами. Попадая въ насыпи по нѣскольку штукъ заразъ, снаряды производили въ нихъ огромное сотрясеніе и разрушеніе. *Залпъ*—это ужасный способъ наносить вредъ противнику. Трудно описать то впечатлѣніе, когда съ батареи вылетаетъ сразу ядеръ пятнадцать, двадцать; они сметаютъ на своемъ пути все встрѣчающееся. «Ревъ, который происходитъ при стремленіи этой кровожадной стаи снарядовъ, потрясаетъ самыхъ отважныхъ. Въ мірѣ, кажется, нѣтъ предмета, который не сокрушился

бы подъ этими страшными ударами, нѣтъ предмета, кромѣ мужества человѣка».

Около полудня 5-го августа французы успѣли взорвать на второмъ бастіонѣ пороховой погребъ, на Малаховомъ курганѣ два склада бомбъ, а къ вечеру принудили замолчать оба укрѣпленія. На лѣвой половинѣ оборонительной линіи стрѣляли только 1-й и 3-й бастіоны—послѣдній чрезвычайно успѣшно. Огонь третьяго бастіона былъ такъ губителенъ для англійскихъ батарей, что многія изъ нихъ были сбиты и нѣсколько погребковъ взорвано.

Такъ, съ 5-го по 7-е августа, артиллерія 3-го бастіона успѣла сбить всѣ близкія къ нему англійскія батареи. На слѣдующій день, 8-го августа, бастіонъ не только отвѣчалъ на выстрѣлы, направленные противъ него, но даже помогалъ четвертому бастіону. Такимъ образомъ, 3-й бастіонъ, получившій между севастопольцами названіе *честнаго*, держалъ англичанъ постоянно въ далекомъ отъ себя разстояніи и, не дозволяя имъ имѣть перевѣса въ огнѣ, имѣлъ поврежденія значительно слабѣйшія, чѣмъ всѣ прочія укрѣпленія Корабельной стороны.

Съ наступленіемъ ночи, непріятель, прекративъ дѣйствіе прицѣльныхъ выстрѣловъ, бросалъ бомбы навѣсно и открывалъ самый частый штуцерный огонь, съ цѣлью воспрепятствовать исправленію укрѣпленій. Штуцерныя пули летѣли не только на батареи и бастіоны, но онѣ были направлены и на дороги, ведущія къ укрѣпленіямъ, чтобы воспрепятствовать движенію рабочихъ, подвозу матеріаловъ и орудій. На бастіонахъ снаряды ложились кучами: иногда сразу падало по 30-ти бомбъ на самомъ незначительномъ пространствѣ. Въ эту бомбардировку раненыхъ было немного, потому что большею частію били на повалъ.

Подъ столь сильнымъ огнемъ непріятеля, не было уже возможности исправлять всѣхъ поврежденій, а приходилось ограничиться только самыми необходимыми, тѣмъ болѣе, что ощущался недостатокъ въ запасахъ лѣса, туровъ и земляныхъ мѣшковъ.

Исправивъ на сколько возможно укрѣпленія, не спав-

шій и не отдыхавшій всю ночь гарнизонъ долженъ былъ выдерживать столь же сильное бомбардированіе, открытое непріятелемъ съ разсвѣтомъ 6-го августа. Въ этотъ день непріятельская артиллерія пріобрѣла значительное преимущество передъ нашею, такъ что, къ восьми часамъ утра, однѣ изъ нашихъ батарей Корабельной стороны ослабили свое дѣйствіе, другія—вовсе смолкли.

Пользуясь превосходствомъ своего огня, непріятель все ближе и ближе подходилъ къ оборонительной линіи, такъ что, на разсвѣтѣ 8-го августа, французы находились только въ разстояніи 35 саженъ отъ Малахова кургана. По непріятельскимъ подступамъ былъ открытъ тотчасъ же самый сильный огонь изъ всѣхъ орудій, которыя только остались цѣлыми и могли дѣйствовать. Этотъ огонь былъ поддержанъ и батареями 3-го отдѣленія. Имѣя постоянный перевѣсъ надъ англійскими батареями, укрѣпленія 3-го отдѣленія оборонительной линіи, благодаря хладнокровной распорядительности капитана 1-го ранга *Перелешина 1-го*, находили еще время поддерживать Малаховъ курганъ, на который направлены были всѣ усилія непріятеля.

Въ этотъ день главнокомандующій обходилъ укрѣпленія оборонительной линіи. Подъ самымъ сильнымъ огнемъ, онъ шелъ въ сопровожденіи большой свиты и съ любовью, съ сердечною нѣжностію благодарилъ именемъ Царя за стойкость всѣхъ, кого только встрѣчалъ: генерала и матроса, офицера и закопченнаго пороховымъ дымомъ солдата. Появленіе любимаго, благороднаго вождя, совершенно равнодушнаго къ ужасамъ смерти, привело въ восторгъ храбрыя войска, укрѣпило утомленныхъ и утѣшило отважныхъ героевъ-бойцевъ севастопольскихъ. Прійдя на Малаховъ курганъ, князь *Горчаковъ* осматривалъ новыя работы непріятеля и замѣтилъ одному изъ присутствующихъ, что французы значительно подвинулись впередъ своими подступами.

— Торопятся, ваше сіятельство, отвѣчалъ на это одинъ изъ случившихся здѣсь солдатъ,—потому кашу хотятъ ѣсть изъ одной чашки съ нами.

Этотъ отвѣтъ, очень понравившійся главнокомандую-

щему, лучше всего указывалъ на то веселое настроеніе духа, которымъ были проникнуты каждый изъ защитниковъ полуразрушенныхъ укрѣпленій, и которое не могла поколебать жестокая канонада, стоившая намъ 3,800 человѣкъ убитыми и ранеными.

Въ четырехъ-дневное, пятое, бомбардированіе произведено было съ оборонительной линіи 29,400 артиллерійскихъ выстрѣловъ, тогда какъ союзники выпустили 56,500 снарядовъ при самой частной и густой ружейной стрѣльбѣ.

Эта туча чугуна, устилавшая Севастополь, жестоко разрушавшая наши укрѣпленія и тысячами уничтожавшая смѣлыхъ защитниковъ, только закаляла уцѣлѣвшихъ и, казалось, побуждала ихъ на сверхъ-естественныя усилія.

Такъ, 6-го августа наряженному на ночную работу, на вновь устраиваемую батарею близъ втораго бастіона, шестому баталіону Замосцьскаго резервнаго егерскаго полка, исправляющимъ должность начальника 5-го отдѣленія, предложено было обождать, пока сколько-нибудь уменьшится непріятельскій огонь, и тогда уже идти на работу, на что какъ командующій этимъ полкомъ, такъ равно и всѣ офицеры отвѣчали: «что имъ извѣстно, какъ спѣшны и необходимы работы, почему и желаютъ отправиться для того немедленно». Тогда капитанъ-лейтенантъ *Ильинскій*, видя, что огонь не уменьшается, но желая удовлетворить общему рвенію чиновъ помянутаго батальона, разрѣшилъ идти на работу, что и было исполнено съ хладнокровіемъ и мужествомъ, не смотря на сильный огонь непріятеля.

Узнавъ о такомъ рвеніи чиновъ батальона, главнокомандующій благодарилъ ихъ приказомъ по войскамъ и назначилъ для нижнихъ чиновъ по два георгіевскихъ креста на роту.

Чѣмъ жарче становилось въ Севастополѣ, тѣмъ закаленнѣе и ожесточеннѣе становились его защитники. Совершенное равнодушіе къ смерти, или, лучше сказать, презрѣніе къ ней дошло до невѣроятной степени. Твердость и мужество солдатъ проявлялись на каждомъ шагу. Цѣлыя вереницы ихъ съ безмятежнымъ спокойствіемъ тянулись по самымъ опаснымъ мѣстамъ, тамъ, гдѣ, какъ пчелы

возлѣ улья, жужжали штуцерныя пули, гдѣ ежеминутно то ядро упадетъ, то граната лопнетъ.

Подъ такимъ свинцовымъ дождемъ безпрестанно возили порохъ, туры, воду и проч. Тамъ вереница солдатъ плетется съ пустыми котелками за кашею, здѣсь, нагруженный снарядами, тащится полуфурокъ, на тройкѣ истощенныхъ безпрерывною работою лошадокъ; въ иномъ мѣстѣ возвращаются на бастіонъ носильщики, съ окровавленными носилками, или медленно, шагъ за шагомъ, тянутся гуськомъ солдаты съ тяжелыми мѣшками земли на плечахъ. На встрѣчу имъ попадается раненый; осколки камней и песку избороздили его лицо, повырывали куски мяса—онъ видимо страдаетъ отъ боли, но не возбуждаетъ къ себѣ состраданія встрѣчныхъ.

— Экъ тебя разукрасило! замѣтитъ раненому солдатъ съ тяжелою ношею и пойдетъ своею дорогою.

Въ это время падаетъ бомба. Солдатъ съ мѣшкомъ или останавливается, или прижимается къ стѣнкѣ, ожидая что будетъ. Бомба шипитъ, но не разрывается; мѣшокъ давитъ спину остановившагося, онъ дѣлается нетерпѣливымъ.

— Да ну же, лопайся, проклятая! произноситъ онъ съ досадою и совершеннымъ равнодушіемъ къ тому, что она можетъ разнести его въ куски.

Оставшись невредимымъ отъ разрыва бомбы, безмятежный ея сосѣдъ съ прежнимъ равнодушіемъ тащитъ мѣшокъ на указанное мѣсто, отряхиваясь отъ осыпавшей его пыли и земли.

Съ 9-го августа непріятель хотя и не прекращалъ огня по укрѣпленіямъ Корабельной стороны, но велъ его замѣтно слабѣе. Пользуясь этимъ временнымъ перерывомъ, обѣ стороны враждующихъ торопились возвести новыя батареи, исправить старыя и пополнить убыль въ людяхъ. На южную сторону Севастополя, еще въ первый день бомбардированія, переведена была 4-я пѣхотная дивизія, въ составѣ которой насчитывала 7,500 человѣкъ. Два полка этой дивизіи были направлены на Корабельную, а два составили резервъ на Городской сторонѣ. Прибытіе свѣжихъ

силъ дало возможность нѣсколько усилить земляныя работы. Защитники присыпали новыя батареи, гдѣ только было свободное мѣсто, и строили ихъ позади оборонительной линіи, чтобы встрѣтить картечнымъ и ружейнымъ огнемъ непріятеля въ случаѣ, еслибы онъ штурмовалъ передовую линію укрѣпленій и занялъ ихъ. Для свободнаго сообщенія войскъ уширялись проходы между насыпями, исправлялись дороги и, наконецъ, строился мостъ черезъ главную бухту для сообщенія южной части города съ сѣверною. Мостъ этотъ 15-го августа былъ готовъ, освященъ и открытъ.

Безпрерывный огонь, поддерживаемый непріятелемъ днемъ и ночью, чрезвычайно разрушительно дѣйствовалъ на наши укрѣпленія. Ударъ одного ядра, взрывъ одной бомбы въ насыпи — портили ихъ на большое разстояніе; въ нихъ оказывались такія поврежденія, которыя исправлять не было никакой возможности. Съ каждымъ днемъ Малаховъ курганъ и второй бастіонъ приходили все въ большее и большее разстройство. «Съ неимовѣрными усиліями и съ огромными жертвами, обороняющійся исправлялъ въ теченіе ночи поврежденія въ пороховыхъ погребахъ и амбразурахъ и едва успѣвалъ сдѣлать утромъ по нѣскольку выстрѣловъ изъ каждаго орудія, по непріятельскимъ сапамъ (траншеямъ), какъ въ самое непродолжительное время атакующій, дѣйствуя по этимъ укрѣпленіямъ, сосредоточеннымъ перекрестнымъ огнемъ, засыпалъ на нихъ всѣ амбразуры, подбивалъ часть орудій и приводилъ ихъ къ совершенному молчанію. Послѣ этого осадныя батареи продолжали цѣлый день почти безнаказанно громить эти укрѣпленія, подвергаясь сами только выстрѣламъ отдаленныхъ батарей третьяго и перваго бастіоновъ и еще болѣе отдаленныхъ батарей сѣверной стороны».

Каждый вечеръ второй бастіонъ представлялъ груду развалинъ, — и ни одно орудіе его не могло дѣйствовать свободно. Вынося на себѣ огонь 70-ти непріятельскихъ орудій, онъ былъ постоянно въ самомъ жаркомъ огнѣ. Получивъ названіе *ада*, *бойни* и *толчеи*, второй бастіонъ былъ въ это время опаснѣйшимъ мѣстомъ, какое только

было въ Севастополѣ. На бастіонѣ не сохранилось ни одной правильной насыпи, ни чистаго рва, ни одного цѣлаго блиндажа и пороховаго погреба,—все это было разбито, разрушено, скомкано и перевернуто. Здѣсь не было ни одного безопаснаго мѣстечка: бомбы, ядра и пули рѣяли по всѣмъ направленіямъ и наносили огромное опустошеніе въ рядахъ его защитниковъ. Каждый изъ назначенныхъ на бастіонъ шелъ туда съ полною увѣренностію, что не возвратится, и случалось, что для нѣкоторыхъ сознательное ожиданіе смерти продолжалось, не нѣсколько минутъ или часовъ, а нѣсколько дней и даже недѣль. Поставьте себя на мѣсто каждаго, изъ жившихъ на бастіонѣ, тогда вы глубоко прочувствуете и поймете нижеслѣдующій не хитрый, но богатырскій отвѣтъ одного изъ егерей, разсказанный генералъ-лейтенантомъ *Меньковымъ* на одномъ изъ севастопольскихъ обѣдовъ.

Въ одинъ изъ тяжелыхъ дней для втораго бастіона главнокомандующій, князь *Горчаковъ*, посѣтилъ укрѣпленіе, гарнизонъ котораго составляли закаленные въ бою остатки храбрыхъ полковъ 8-й пѣхотной дивизіи. Это были, дѣйствительно, остатки, потому что 26-го августа во всѣхъ трехъ полкахъ графа Дибича-Забалканскаго, Полтавскомъ и Кременчугскомъ насчитывалось только 2,317 человѣкъ, занимавшихъ линію резервовъ на всемъ протяженіи пятаго отдѣленія оборонительной линіи. Обходя разрушенный второй бастіонъ, князь *Михаилъ Дмитріевичъ* спросилъ у окружавшихъ его солдатъ:

— Много ли васъ здѣсь на бастіонѣ?

Одинъ изъ ближе стоявшихъ къ князю егерей на минуту призадумался, какъ бы соображая что-то, и затѣмъ съ полнымъ спокойствіемъ и тѣмъ геройскимъ равнодушіемъ, которые отличаютъ русскаго солдата наканунѣ всякой опасности, отвѣчалъ:

— Дня на три хватитъ, ваше сіятельство!

Здѣсь жизнь сложилась такъ, что богатыри-защитники дѣлили себя на очереди, когда кому лечь костьми на защиту родины, и выжидали рѣшенія своей участи спокойно, съ полнымъ презрѣніемъ къ смерти.

— Поклонитесь передъ ними, они достойны вашего почтенія, сказалъ одинъ изъ проповѣдниковъ; поучайтесь у нихъ, какъ защищать родную землю, прибавимъ мы, отдавая дань удивленія этимъ смѣлымъ сынамъ Россіи.

Да, достойны удивленія стоявшіе подъ тѣмъ адскимъ огнемъ, который не прерывался цѣлый августъ мѣсяцъ. Въ теченіе пятнадцати дней (съ 9-го по 24-е число) непріятель бросилъ въ укрѣпленія и въ разрушенный городъ 132,528 снарядовъ; съ нашей стороны выпущено 51,275 снарядовъ и разстрѣляно 555,000 патроновъ. Число ружейныхъ выстрѣловъ, произведенныхъ союзниками, было еще больше того числа, которое было сдѣлано нами. Отъ столь сильнаго огня мы понесли потерю въ 8,921 человѣка убитыми и ранеными. Потеря эта была частію пополнена тремя дружинами курскаго ополченія, размѣщенными на 4-мъ отдѣленіи оборонительной линіи.

Послѣ столь продолжительной и жестокой бомбардировки, не одни только укрѣпленія и ближайшія къ нимъ улицы пострадали отъ выстрѣловъ — весь Севастополь глядѣлъ могилою. Всѣ улицы, даже Екатерининская, мѣсяцъ тому назадъ еще оживленная, теперь сильно пострадала: дома были разрушены, мостовыя и тротуары изрыты бомбами. Это была въ ту пору дорога ядеръ и бомбъ, лившихся непрерывною струею. Совершенно пустая, она по временамъ только оживлялась угрюмою партіею проходившихъ войскъ, проѣзжавшихъ фурштатскихъ телѣгъ и проносимыхъ окровавленныхъ носилокъ. Кругомъ не было живаго мѣста, повсюду ужасъ и разрушеніе: тутъ стѣна разбита, тамъ крыша разметана взрывомъ; всѣ улицы покрыты мусоромъ, щебнемъ, камнями и осколками бомбъ. Нигдѣ не видно было ни одного дерева, только свѣжіе пни свидѣтельствовали о быломъ существованіи садиковъ, истерзанныхъ и исковерканныхъ непріятельскими снарядами; даже трава вся пожелтѣла и обгорѣла.

Въ это тяжелое время подъ именемъ Севастополя извѣстны были Николаевская батарея, да площадка около Графской пристани—все остальное лежало въ развалинахъ и искрещивалось выстрѣлами. Считаясь сравнительно без-

опасною, площадка у Графской пристани стала въ это время послѣднимъ убѣжищемъ жителей Севастополя. Тутъ стояла пѣхота, расположенная бивуакомъ, артиллерія съ разбитыми возлѣ коновязями; тутъ же, пріютившись гдѣ нибудь къ стѣнкѣ, сидѣли торговки передъ столиками, на которыхъ съ утра до поздней ночи кипѣлъ самоваръ, продавались яблоки, булки, куски какого-то мяса, плавающіе въ сальной водѣ. Съ шутками, прибаутками, со смѣхомъ и вздохомъ торговки разливали этотъ соусъ въ глиняныя чашки и подавали ихъ проголодавшимся. Безпрерывное движеніе, работы и шумъ на пристани оживляли этотъ уголокъ и рѣзко отдѣляли его отъ прочихъ частей города.

Главная жизнь и дѣятельность сосредоточилась въ Николаевскихъ казармахъ, куда переселилось почти все начальство осажденнаго города. Туда перенесены были всѣ штабы и перевязочный пунктъ; тамъ же помѣщались и сестры милосердія. Въ это время въ Николаевской батареѣ всѣ казармы были наполнены народомъ: корридоры и галлереи заняты солдатами, часть нижняго этажа торговцами. Здѣсь явились вывѣски заведеній, магазиновъ и даже вольной аптеки. Здѣсь были штабы и канцеляріи, госпитали и церковь, присутственныя мѣста и гостинница, аптека, кондитерская, лавки и трактиръ, устроенный въ одномъ изъ казематовъ. Нѣсколько столовъ, покрытыхъ черной клеенкой, и простыхъ скамей, составляли все убранство трактира; уголъ, отгороженный множествомъ поставленныхъ другъ на друга бочекъ и боченковъ и покрытыхъ сверху большой доской, составлялъ буфетъ трактира. Самое разнообразное общество постоянно наполняло это мрачное жилище. Всѣ столы были заняты во всякое время дня и ночи; стукъ ножей, вилокъ и ложекъ былъ похожъ на звукъ барабанной дроби.

Въ Николаевскія казармы стекалось все севастопольское населеніе, за всевозможными покупками. Здѣсь можно было достать всякіе товары, хотя за весьма дорогую цѣну; тутъ можно было узнать самыя свѣжія новости, хотя часто сомнительной вѣрности. Всѣ разговоры сводились на одинъ

разсказъ, что союзники подвинулись слишкомъ близко, и что наступаютъ самые жаркіе дни для Севастополя.

Дѣйствительно, къ 24-му августа непріятель подвинулся впередъ на столько, что находился отъ рва втораго бастіона только въ 20-ти саженяхъ, а отъ Малахова кургана въ 17-ти саженяхъ.

Такое приближеніе непріятельскихъ подступовъ почти къ самымъ рвамъ нашихъ укрѣпленій, неисправимыя поврежденія, а, главное, причиняемый огнемъ непріятеля гарнизону уронъ, возраставшій отъ необходимости съ каждымъ днемъ увеличивать число рабочихъ, указывали на близость времени штурма севастопольскихъ укрѣпленій. Въ ожиданіи его, въ улицахъ города стали усиливать баррикады, приготовляли все необходимое для подорванія бастіоновъ и батарей, переводили на сѣверную сторону всѣ мастерскія, лабораторіи, главные пороховые склады, штабы, архивы и проч. Между тѣмъ, 22-го августа, союзные главнокомандующіе, генералы *Пелисье* и *Симпсонъ*, созвали общій совѣтъ, составленный только изъ корпусныхъ командировъ и начальниковъ артиллеріи и инженеровъ. На этомъ совѣтѣ положено было произвести штурмъ укрѣпленій Севастополя, какъ дѣйствіе самое выгодное для союзниковъ, потому что дальнѣйшее веденіе подступовъ, подъ сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ обороняющагося, представляло для союзниковъ почти непреодолимыя препятствія.

Днемъ штурма былъ избранъ полдень, 27-го августа, и рѣшено начать его безъ всякаго сигнала, а для того, чтобы онъ начался одновременно, приказано частнымъ начальникамъ свѣрить свои часы съ часами главнокомандующихъ.

Для подготовленія вѣрнаго успѣха штурму, совѣтъ опредѣлилъ открыть, съ 24-го августа, самое усиленное бомбардированіе, и при томъ такъ, чтобы, послѣ нѣсколькихъ часовъ самаго частнаго огня, вдругъ прекращать выстрѣлы. Это прекращеніе стрѣльбы, наводя обороняющагося на мысль о намѣреніи союзниковъ штурмовать укрѣпленіе, заставитъ ихъ придвинуть резервы; тогда осаждающій сно-

ва открываетъ огонь и тѣмъ наноситъ значительныя потери. Подобнымъ бомбардированіемъ,—то усиливая огонь, то прекращая его—союзники справедливо надѣялись утомить гарнизонъ и поставить его въ недоумѣніе относительно дѣйствительнаго времени, избраннаго ими для штурма. Сообразно съ постановленіемъ военнаго совѣта, атакующій открылъ въ 5 часовъ утра, 24-го августа, *шестое усиленное бомбардированіе Севастополя*, поражая въ особенности Малаховъ курганъ, второй и четвертый бастіоны. Противъ Малахова кургана направлено было 110 большихъ орудій. Эта невѣроятная канонада, потрясая и сокрушая наши укрѣпленія, осыпала защитниковъ ихъ градомъ бомбъ, гранатной картечи и пуль. Адскій огонь этотъ продолжался въ теченіе двухъ часовъ. Союзники стрѣляли то залпами, то бѣглымъ непрерывнымъ огнемъ; они то прекращали огонь, то открывали его противъ Городской стороны и затѣмъ, спустя нѣкоторое время, прекращали огонь здѣсь и переносили его опять на Корабельную сторону. Направляя свои выстрѣлы въ мерлоны и амбразуры, они одновременно срывали укрѣпленія и поражали ихъ защитниковъ. Ко концу дня насыпь Малахова кургана была срыта до половины, ровъ засыпанъ, почти всѣ амбразуры разрушены, много орудій подбито.

Положеніе втораго бастіона было еще того хуже. Наибольшей опасности подвергались пороховой и бомбовый погреба. На сохраненіе ихъ отъ взрыва обращалось особенное вниманіе, и потому здѣсь гибло болѣе всего людей, трудившихся надъ засыпаніемъ углубленій, производимыхъ безпрестанно падавшими бомбами.

Осыпаемый тучею ружейныхъ пуль и гранатной картечи, бастіонъ представлялъ *бойню* въ полномъ значеніи слова. Здѣсь, въ теченіе двѣнадцати часовъ, изъ 600 человѣкъ гарнизона выбыло 200 убитыми и ранеными. Непріятельскіе снаряды ложились за бастіономъ такъ густо, что отправить раненыхъ на перевязочный пунктъ не было возможности; ихъ, по необходимости, оставляли до наступленія ночи.

Прекращеніе сообщенія бастіона съ городомъ лишало

возможности производить въ немъ даже самыя необходимыя исправленія. Въ теченіе нѣсколькихъ дней не было возможности доставить на бастіонъ ни куска лѣса, ни одного тура, ни одной фашины; безъ лѣса невозможна была починка платформъ, безъ туровъ и фашинъ — исправленіе амбразуръ.

Выпустивъ первый день бомбардированія около 40 тысячъ выстрѣловъ, непріятель произвелъ значительное разрушеніе въ укрѣпленіяхъ и вывелъ изъ строя двѣ тысячи человѣкъ убитыми и ранеными. Выстрѣлы его разрушали городскія зданія, производили пожари, обстрѣливали южную бухту и главный рейдъ и достигали до сѣверной стороны. Корабли, стоявшіе на рейдѣ, подвергались непріятельскимъ выстрѣламъ, и одинъ изъ нихъ, транспортъ «Березань», нагруженный спиртомъ, былъ зажженъ упавшею непріятельскою бомбою и горѣлъ въ теченіе всей ночи, ярко освѣщая бухту и городъ. Горѣвшій транспортъ угрожалъ поджечь мостъ, перекинутый черезъ Севастопольскій рейдъ, и тѣмъ прервать сообщеніе осажденнаго города съ сѣверною стороною. Только при необыкновенной дѣятельности и усиліяхъ флотскихъ командъ, опасность эта была отвращена и, уничтоживъ судно, пожаръ не распространился на мостъ и на сосѣднія суда. Пользуясь временнымъ свѣтомъ горящаго транспорта, союзники такъ и сыпали выстрѣлы на Малаховъ курганъ и второй бастіонъ, гдѣ почти половина всѣхъ рабочихъ была перебита или переранена.

Не смотря на то, въ теченіе ночи главныя поврежденія были исправлены и утромъ, 25-го августа, эти два укрѣпленія въ состояніи были открыть огонь, хотя и не надолго. Засыпанные снарядами съ французскихъ батарей, дѣйствовавшихъ залпами, они скоро принуждены были смолкнуть, и представляли собою только подобіе нѣкогда бывшихъ укрѣпленій. Передняя часть Малахова кургана была почти срыта, а ровъ совершенно засыпанъ. Туры, поддерживающіе стороны амбразуръ, поминутно загорались, и пламя угрожало достигнуть до большаго пороховаго погреба. Тушеніе пожара представляло немалыя затрудненія, потому что, какъ только непріятель замѣтилъ дымъ, онъ направилъ на него

жестокій огонь, но геройское усиліе саперъ и рабочихъ Замосцьскаго полка спасли бастіонъ отъ взрыва. Распоряжавшійся тушеніемъ пожара, прапорщикъ Томскаго полка *Насакинъ* раненъ, и при немъ убито было до 30 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Второй бастіонъ представлялъ развалины; единственные на немъ два офицерскіе блиндажа были полуразбиты и близки къ паденію. «Пожаръ слѣдовалъ за пожаромъ; погреба, служившіе постоянною цѣлію для непріятельскихъ батарей, также ежеминутно угрожали взрывомъ».

Подвинувшись къ Малахову кургану не далѣе 12-ти саженъ и занявъ свои траншеи стрѣлками, непріятель поражалъ штуцернымъ огнемъ всѣхъ, кто только показывался въ амбразурахъ. Менѣе чѣмъ въ нѣсколько часовъ прислуга при орудіяхъ бывала вся перебита, и въ теченіе дня приходилось посылать къ орудіямъ нѣсколько смѣнъ людей, шедшихъ на вѣрную смерть. Огонь осадныхъ батарей, то усиливаемый, то вдругъ прекращаемый, держалъ гарнизонъ въ постоянномъ ожиданіи штурма и принуждалъ обороняющагося придвигать свои резервы, съ появленіемъ которыхъ непріятельскія батареи открывали самую усиленную стрѣльбу и тѣмъ наносили жестокое опустошеніе въ нашихъ рядахъ.

Въ этомъ отношеніи непріятель не пренебрегалъ никакими средствами, чтобы только нанести наибольшій вредъ стоявшимъ на укрѣпленіяхъ и часто безпокоилъ насъ ложными тревогами. Такъ, однажды, часовъ въ одиннадцать ночи, изъ англійскихъ траншей вдругъ взвилось нѣсколько сигнальныхъ ракетъ, а въ слѣдъ за тѣмъ послышался крикъ: «ура!» впередъ! впередъ! и открылась самая частая стрѣльба по третьему бастіону. Полагая, что непріятель произвелъ внезапное ночное нападеніе, съ бастіона сейчасъ же отозвали цѣпь. Англичане, замѣтивъ это, стали еще больше кричать, причемъ сами изъ траншей не вылѣзали. Въ темнотѣ ночи нельзя было ничего разобрать, и потому, принимая мѣры къ встрѣчѣ незванныхъ гостей, на бастіонѣ разставили людей по банкетамъ и приблизили резервы. Англичане только того

ждали, и открыли по бастіону самый убійственный огонь со своихъ батарей.

Въ такихъ случаяхъ французы обыкновенно вторили своимъ союзникамъ, и надъ Корабельною летали тучи снарядовъ. Ракеты, боченки съ порохомъ, кучи гранатъ, пущенныя за одинъ разъ, такъ и сыпались на бастіоны.

Не было никакой возможности сосчитать число бомбъ, взрывавшихъ землю даже на одномъ Малаховомъ курганѣ. Онѣ падали цѣлыми десятками вдругъ, нѣкоторыя разрывались на землѣ, разбрасывая и коверкая все, что попадалось имъ на пути; другія врѣзывались въ землю и столбами подымали ее къ верху; иныя разрушали укрѣпленія, разбрасывали одежду батарей, мѣшки, людей, камни; иныя разрывались на воздухѣ, засыпая всю окрестность своими осколками.

Всѣ блиндажи были переполнены ранеными; многіе изъ нихъ лежали подъ открытымъ небомъ, въ ожиданіи ослабленія огня или наступленія ночи. Дороги съ кургана и втораго бастіона были непроходимы отъ непріятельскихъ снарядовъ и на столько опасны, что въ теченіе трехъ дней нельзя было доставить на бастіоны не только орудій и матеріаловъ, но даже ни одного ведра воды. При стоявшихъ въ то время сильныхъ жарахъ, недостатокъ воды еще болѣе усиливалъ страданія раненыхъ. И въ такое-то адское время, на Малаховъ курганъ явилось нѣсколько женщинъ, пришедшихъ навѣстить и облегчить страданія своихъ раненыхъ мужей; многія изъ нихъ заплатили жизнію за смѣлую попытку добраться до кургана, но нѣкоторыя добрались благополучно и притащили съ собою даже и дѣтей.

Непріятель стрѣлялъ залпами; раненые валялись повсюду; товарищи и начальники перевязывали имъ раны, стараясь облегчить ихъ страданія.

Въ послѣднее время смерть была такъ близко около каждаго, что о ней никто не думалъ. Войска убывали у насъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, можно сказать таяли какъ снѣгъ. Каждый поставленный туръ стоилъ жизни нѣсколькихъ человѣкъ, а объ исправленіи укрѣпленій и говорить нечего—рабочіе ложились тамъ рядами.

Подъ конецъ поврежденія были столь значительны, что не доставало рукъ для ихъ исправленія; дошло до того, что заваленную амбразуру приходилось, по необходимости, прочищать своимъ выстрѣломъ.

Наступали предсмертные часы многострадальнаго города. Освѣщаемый заревомъ пожаровъ, взрывомъ мелкихъ пороховыхъ погребовъ и пожаромъ фрегата «Коварны», нагруженнымъ двумя-стами бочекъ спирта, Севастополь, наканунѣ своей смерти, былъ потрясенъ взрывомъ шаланды, перевозившей сто пудовъ пороха съ сѣверной стороны города на южную. Около 11-ти часовъ ночи, въ то время, когда двѣ шаланды съ порохомъ подходили къ пристани, непріятельская ракета взорвала одну изъ нихъ. Взрывъ былъ такъ силенъ, что лѣстница на пристани была разрушена и лежавшія внизу ея пушки, въ нѣсколько сотъ пудовъ, были переброшены на верхнюю площадку; казармы, находившіяся въ ста саженяхъ разстоянія, были потрясены, двери въ нихъ растворились и даже кровати больныхъ были сдвинуты съ мѣста.

Ужасенъ былъ этотъ взрывъ, но онъ былъ ничтоженъ въ сравненіи съ тѣмъ адомъ, который испытывали ежеминутно всѣ защитники бастіоновъ и батарей. Въ три дня они приняли на себя 150,000 артиллерійскихъ снарядовъ, нѣсколько сотъ тысячъ пуль, и лишились 7,561 человѣка храбрыхъ товарищей убитыми и ранеными. Они видѣли смерть во всѣхъ ея ужасахъ, видѣли, какъ людей разрывало на части, которые, въ свою очередь, наносили раны и контузіи возлѣ стоявшимъ, видѣли, какъ товарищи пропадали безслѣдно, только клочекъ сѣрой шинели, кусокъ мяса или просто лужа крови обозначали мѣсто, гдѣ, за нѣсколько секундъ передъ тѣмъ, стоялъ ихъ сосѣдъ. «Проходя по Екатерининской улицѣ, къ пристани, говоритъ одинъ изъ участниковъ обороны, мы обогнали солдата Волынскаго полка съ окровавленнымъ узелкомъ.

— Что несешь, товарищъ?

— Маіора, ваше благородіе, отвѣчалъ волынецъ—бомбой разнесло!... Славное было начальство, ваше благородіе,—такъ вотъ, что могли, собрали—похоронить несу.

Страшныя сцены эти не производили на защитниковъ славнаго города того впечатлѣнія, которое производятъ они на человѣка свѣжаго и небывалаго. Усталость до изнеможенія дѣлала уцѣлѣвшихъ равнодушными къ окружающимъ ихъ ужасамъ, наводило на нихъ озлобленіе и желаніе подраться. Положеніе уцѣлѣвшихъ и стоявшихъ еще на бастіонахъ, было немногимъ лучше тѣхъ, кто кровью своею оросилъ родную землю. Ежеминутное ожиданіе штурма и земляныя работы до крайности истомили гарнизонъ; войска не знали покоя ни днемъ, ни ночью; никто не спалъ, и въ то же время всѣ ходили сонными, усталыми и измученными въ какомъ-то забытьѣ, не совсѣмъ ясно понимая, что совершается вокругъ. Каждый видѣлъ, однако же, что совершается что-то необыкновенное, небывалое. Объ отдохновеніи никто не думалъ, потому что было нѣкогда да и негдѣ. Блиндажей, уцѣлѣвшихъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, было мало, да они и не привлекали солдатъ. Въ нихъ было множество насѣкомыхъ всякаго рода, темнота, грязь и духота. Каждый свободный отъ службы солдатъ предпочиталъ отдыхать подъ открытымъ небомъ, въ устроенномъ имъ самимъ помѣщеніи, гдѣ-нибудь по близости насыпи бастіона. Прислонивъ къ валу свое ружье, онъ ложился возлѣ него, положивъ ранецъ подъ голову. Сидѣть въ аммуниціи было какъ-то неловко, а снять ея нельзя ни на минуту—и вотъ онъ поваливался съ боку на бокъ, проводя въ полудремотѣ все время, пока не позовутъ его на службу. Служба на бастіонѣ трудна и разнообразна, а потому и залеживаться ему не давали. Денная и ночная цѣпь, множество секретовъ и прикрытій батарей, партіи, отправляемыя въ помощь кашеварамъ нарубить дровъ, натаскать воды, наряды на пристань за мясомъ, за водкою, которую привезутъ съ сѣверной, команды, отправляемыя таскать сухари, крупу, принимать патроны, сдать испорченное оружіе и принять новое — всѣ эти занятія, отвлекая множество людей, лишали ихъ возможности отдохнуть даже и днемъ.

Во все время пребыванія своего на бастіонѣ, солдатъ не имѣлъ возможности ни переобуться, ни перемѣнить

бѣлья, валялся въ пыли и грязи по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ, работая безъ устали днемъ и ночью.

Съ наступленіемъ утра гарнизонъ, въ ожиданіи штурма, былъ всегда въ готовности встрѣтить непріятеля; люди были разставлены вдоль валовъ укрѣпленій, начальники на своихъ мѣстахъ, резервы подъ ружьемъ, и вдругъ, едва только появится заря, вмѣсто штурма атакующій осыплетъ градомъ пуль и артиллерійскихъ снарядовъ. Такое напряженное и выжидательное состояніе гарнизона, ослабленнаго большими потерями, превышавшими 20.000 человѣкъ, не знавшаго въ теченіе цѣлаго мѣсяца ни сна, ни отдыха—сдѣлалось тягостнымъ до послѣдней степени.

Прибавьте къ этому невыносимый зной юга, раскаленную каменистую почву Севастополя, отсутствіе зелени и тѣни, недостатокъ воды, которую доставлять на бастіоны въ изобиліи было затруднительно, а иногда и невозможно, наконецъ безсмѣнное торчаніе на одномъ мѣстѣ среди окружающей духоты—если представить себѣ все это, то сдѣлается яснымъ, почему каждый изъ защитниковъ ждалъ штурма какъ *манны небесной*.

Съ 5-го августа, три недѣли подъ-рядъ союзники громили Севастополь, а между тѣмъ, вводя по временамъ въ траншеи массы войскъ, заставляли подозрѣвать приготовленіе къ штурму. И вотъ у насъ по всѣмъ направленіямъ летѣли донесенія объ опасности, просьбы о присылкѣ войскъ, приказанія начальниковъ; начальники являлись на линіи; резервы приближались, но штурма все не было. Въ послѣдніе дни сборы войскъ въ непріятельскихъ траншеяхъ производились ежедневно. Къ нимъ всѣ привыкли и ограничивались ожиданіемъ штурма. «Да и что можно было предпринять въ то время, когда главныя укрѣпленія наши были почти разрушены, артиллерія постоянно была приводима въ невозможность дѣйствовать, а непріятель находился въ нѣсколькихъ шагахъ, такъ что онъ въ одну или двѣ минуты могъ добѣжать до рва, большею частію полузасыпаннаго, и вскочить на валъ, также разрушенный».

Въ это время на всей оборонительной линіи и

въ резервахъ насчитывалось пѣхоты 40,500 человѣкъ 1,100—саперъ и 6,200—артиллерійской прислуги, стоявшей у орудій. Вся оборонительная линія, какъ извѣстно раздѣлялась Южною бухтою на двѣ половины: на Корабельную сторону, лежащую лѣвѣе или восточнѣе южной бухты и Городскую—правѣе или западнѣе ея.

Корабельную сторону дугою охватывали, начиная съ лѣвой стороны отъ большаго рейда, бастіоны 1 и 2, Малаховъ курганъ и 3-й бастіонъ съ ихъ промежуточными укрѣпленіями. На городской сторонѣ были расположены 4, 5, 6 и 7-й бастіоны съ ихъ соединительными батареями. Городская сторона состояла изъ 1 и 2 отдѣленій; Корабельная изъ 3, 4 и 5-го отдѣленій. На Корабельной сторонѣ было расположено 23,300 человѣкъ, начальство надъ которыми ввѣрено генералъ лейтенанту *Хрулеву*. На городской сторонѣ было 17,200 человѣкъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта *Семякина*. Начальниками войскъ на отдѣленіяхъ были: на первомъ—генералъ маіоръ *Хрущевъ*, второмъ—генералъ-маіоръ *Шульцъ*, третьемъ—генералъ-лейтенантъ *Павловъ*, на четвертомъ—генералъ маіоръ *Буссау*, на пятомъ—генералъ-маіоръ *Сабашинскій*.

Перечисливши всѣхъ лицъ начальствовавшихъ войсками на отдѣленіяхъ, мы не можемъ не сказать нѣсколько словъ о генералѣ *Шульцѣ*. Служа на Кавказѣ въ званіи коменданта Александропольской крѣпости, генералъ *Шульцъ* отпросился въ отпускъ и съ дороги свернувъ въ Севастополь, остался въ немъ до конца осады. Человѣкъ безпредѣльно храбрый, генералъ *Шульцъ* безпрестанно обходилъ свое отдѣленіе, появлялся въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ во всякое время дня и ночи и къ довершенію всего держалъ въ своемъ блиндажѣ подъ кроватью, нѣсколько пудовъ пороху, чтобы взорваться на воздухъ въ случаѣ нечаяннаго нападенія непріятеля.

Наступилъ день 27-го августа, день предсмертныхъ страданій многострадальнаго города. Съ утра этого дня погода была вѣтреная: вода въ бухтѣ расколыхалась, солнца не было видно.

Ожидая, какъ и въ предъидущіе дни, штурма, съ раз-

свѣтомъ войска стояли въ полной готовности отразить нападеніе; орудія были заряжены картечью, стрѣлки разставлены по всей линіи укрѣпленій и резервы приближены. Вмѣсто штурма непріятель открылъ съ ранняго утра столь жестокую стрѣльбу, что къ полудню у насъ выбыло изъ строя 2,000 человѣкъ гарнизона.

— Что-то крѣпко бьютъ, говорили идущіе съ батарей раненые.

Около 8 часовъ утра, передъ Малаховымъ курганомъ послѣдовалъ сильный взрывъ подземныхъ работъ французовъ. Тучи камней и глыбы земли полетѣли на курганъ; сотрясеніе было такъ сильно, что часть насыпи передъ башнею обрушилась въ ровъ.

Посреди убійственнаго огня союзники готовились къ штурму. День и часъ штурма хранились въ глубокой тайнѣ, такъ что назначенныя для атаки войска узнали о немъ вечеромъ наканунѣ, а приказъ имъ прочли только за нѣсколько часовъ до штурма.

Въ 8 часовъ утра, 27-го августа, съ батарей было замѣчено большое движеніе въ непріятельскихъ траншеяхъ. То былъ сборъ войскъ 2-го французскаго корпуса генерала *Боске* въ числѣ 25,300 челов. Они предназначались для атаки Малахова кургана и 2-го бастіона, на которыхъ находилось нашихъ войскъ около 9,000 человѣкъ со всѣми резервами.

Съ утра собирались французы въ своихъ траншеяхъ; имъ читали возбуждающій къ побѣдѣ приказъ любимаго генерала. *Боске* раздѣлилъ свой корпусъ на четыре колонны: одну, въ 9,600 человѣкъ, направилъ для атаки собственно Малахова кургана; другую—въ 7,400 человѣкъ, противъ 2-го бастіона; третью—въ 4,300 человѣкъ въ промежутокъ между этими укрѣпленіями и, наконецъ, четвертую, въ 5,000 человѣкъ пѣхоты, съ 24 полевыми орудіями, поставилъ въ резервѣ.

Союзные главнокомандующіе, какъ мы сказали уже, рѣшили произвести штурмъ ровно въ полдень, безъ всякаго сигнала, и поручили начать его генералу *Боске*. Когда войска *Боске* ворвутся на Малаховъ курганъ, тогда положено было поднять англійскій флагъ, на бывшемъ Камчат-

скомъ люнетѣ. По этому сигналу 10,720 чел. англичанъ бросаются на 3-й бастіонъ. Въ случаѣ успѣха на этихъ трехъ пунктахъ по сигналу, поданному ракетами, французскій корпусъ въ 20,580 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала *де-Салля*, атакуетъ на городской сторонѣ 5-й бастіонъ, съ его смежными укрѣпленіями, стараясь овладѣть съ тылу четвертымъ бастіономъ, противъ котораго съ фронта направлена бригада сардинцевъ. Всего для атаки 4-го бастіона предназначалось 5,600 человѣкъ. Такимъ образомъ для атаки севастопольскихъ укрѣпленій союзники сосредоточили 55,600 человѣкъ.

Съ одиннадцати часовъ утра, канонада стала слабѣть и затѣмъ совершенно прекратилась. Этотъ перерывъ считали у насъ дѣломъ обыкновеннымъ и приписывали тому, что непріятель желаетъ, чтобы мы придвинули свои резервы, и за тѣмъ октроетъ по нимъ, какъ и въ предъидущіе дни, сильный огонь. Такъ какъ въ эти часы всего менѣе ожидали штурма, то резервы не были придвинуты изъ опасенія подвергнуть ихъ большимъ потерямъ.

Ровно въ полдень всѣ непріятельскія батареи сверкнули огоньками выстрѣловъ и разразились оглушительными залпами, метнувшими по Севастополю ураганъ металла. Въ слѣдъ за тѣмъ прежде чѣмъ успѣла перелопаться вся эта туча брошенныхъ бомбъ, раздались смутные крики, бой барабановъ и рѣзкіе тоны непріятельскихъ сигнальныхъ рожковъ. Пока звуки эти долетѣли до обороняющагося враги были уже на Малаховомъ.

Выскочивъ густою цѣпью изъ своихъ траншей, французы, при громкихъ крикахъ, быстро перебѣжали отдѣлявшее ихъ отъ Малахова кургана пространство въ 12 саженъ и появились на валу укрѣпленія, прежде чѣмъ нижніе Модлинскаго полка приготовились ихъ встрѣтить.

Съ сосѣднихъ батарей видно было, какъ бѣжали тучи народа изъ бывшаго Камчатскаго люнета, какъ высыпали они изъ траншей, какъ роями устремились они на курганъ и лѣзли на валъ, становясь на спину согнувшагося товарища и подсаживая третьяго. Со стороны видно было, какъ на башнѣ кургана взвился синій флагъ—сигналъ тре-

воги, какъ упалъ онъ потомъ, и загорѣлась кровавая схватка...

За нѣсколько минутъ до штурма, на Малаховъ курганъ, къ помѣщенію занимаемому генераломъ *Буссау*, была приведена поручикомъ *Юни* команда нижнихъ чиновъ Модлинскаго полка, которымъ генералъ хотѣлъ самъ раздать георгіевскіе кресты. Солдаты, выстроившись передъ блиндажемъ, ожидали выхода начальника, какъ вдругъ послышались крики: *штурмъ! штурмъ*! *Буссау* выскочилъ изъ блиндажа, въ сопровожденіи адъютанта, который тутъ же былъ убитъ пулей въ грудь. Изъ другаго блиндажа выскочилъ начальникъ четвертаго отдѣленія, капитанъ-лейтенантъ *Карповъ*. Генералъ *Буссау* едва только успѣлъ крикнуть и указать поручику *Юни*, чтобы онъ со своею командою скорѣе занялъ башню, какъ самъ былъ захваченъ въ плѣнъ.

На курганѣ поднялась страшная суматоха. Застигнутые въ расплохъ, нижніе чины бросились къ валу укрѣпленія, въ попыхахъ они сталкивались между собою, сталкивались лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. Изъ нѣкоторыхъ орудій успѣли сдѣлать по одному выстрѣлу, но уже тогда, когда амбразуры были наполнены штурмующими. Многіе изъ артиллеристовъ, съ фитилемъ въ рукѣ, пробивались къ своимъ орудіямъ сквозь ряды непріятелей, чтобы сдѣлать выстрѣлъ, и гибли во множествѣ.

«За то, если удавалось поспѣть во-время и зажечь трубку, сплошная масса живаго тѣла, заслонявшая амбразуру, вся подгибалась и разбрасывалась въ стороны. Но на мѣсто убитыхъ становились новые стрѣлки и зуавы, мѣсто около выпалившаго орудія было уже сравнительно безопаснымъ».

Между тѣмъ поручикъ *Юни*, подхвативъ на лету приказаніе генерала *Буссау*, бросился къ башнѣ съ подпоручиками того же полка *Данильченко* и *Богдзевичъ*. Къ нимъ присоединились флотскіе кондукторы, *Венецкій* и *Дубининъ*, съ нѣсколькими матросами. Эта горсть людей, числомъ до 40 человѣкъ, заняла башню почти передъ носомъ французовъ и нашла тамъ еще нѣсколько человѣкъ, не успѣвшихъ

выскочить. Заваливъ наскоро ходъ, они рѣшились защищаться до послѣдней крайности, и на всѣ требованія французовъ сдаться отвѣчали выстрѣлами. Засѣвшіе въ башнѣ защищались весьма долго даже и тогда, когда Малаховъ курганъ былъ во власти французовъ, наводнившихъ въ самое короткое время это укрѣпленіе своею многочисленностію. Шесть тысячъ французовъ лѣзли въ амбразуры, перелѣзали черезъ валъ и вступали въ рукопашный бой съ модлинцами, насчитывавшими въ своихъ рядахъ только 400 человѣкъ. Произошла одна изъ тѣхъ ужасныхъ рукопашныхъ схватокъ, при которыхъ оба противника перемѣшиваются между собою и, въ какомъ то опьяненіи, въ безсознательномъ состояніи, поражаютъ другъ друга желѣзомъ, камнями, деревомъ; когда люди душатъ другъ друга за горло, царапаясь и кусаясь въ изступленіи.

Прислуга, стоявшая у орудій, дралась банниками, аншпугами, кирками, лопатами, топорами и всѣмъ, что попадалось въ руки; большая часть этихъ храбрыхъ легла на мѣстѣ, защищая свои орудія. Модлинцы дрались отчаянно. Тѣснимые отовсюду французами, они нѣсколько разъ бросались въ штыки противъ непріятеля, болѣе чѣмъ въ десять разъ сильнѣйшаго, и умирали смертью праведныхъ. Въ самомъ началѣ боя они потеряли своего полковаго и батальоннаго командировъ и многихъ офицеровъ.

При первомъ извѣстіи о штурмѣ, главнокомандующій прибылъ въ квартиру начальника гарнизона и отправилъ съ сѣверной стороны на южную полки: Азовскій, Одесскій, Украинскій и резервный Смоленскій. Взойдя на верхнюю галлерею Николаевской батареи, князь *Горчаковъ* слѣдилъ за дѣйствіями нашихъ и непріятельскихъ войскъ. Въ городѣ поднялась суматоха; всѣ засуетились. Къ оборонительной линіи потянулись поспѣшно батальоны; задніе солдаты бѣгомъ догоняли переднихъ, по мостовой гремѣла артиллерія, посланная къ Малахову кургану. По всѣмъ направленіямъ скакали адъютанты и казаки, слышалась команда, звуки рожковъ и бой барабановъ. Бѣгомъ по мосту шли полки, направленные съ сѣверной стороны на южную. Вѣтеръ былъ такой сильный, что волны зали-

вали мостъ, и отъ тяжести проходящихъ онъ былъ сплошь покрытъ водою. Жители перебирались черезъ бухту на сѣверную. Одна изъ начальницъ сестеръ милосердія, прибѣжавъ въ Николаевскую батарею къ графу *Остенъ-Сакену*, спрашивала, что ей дѣлать съ сестрами.

— Возьмите ихъ съ собою, на сѣверную, отвѣчалъ графъ, Богъ знаетъ, что можетъ быть черезъ два часа.

Схвативъ образа изъ госпиталей, сестры бросились къ мосту; за ними плелись раненые, кто могъ шелъ самъ, другихъ вели подъ руки, третьихъ переносили. На пути все чаще и чаще лопались бомбы, все сильнѣе и сильнѣе слышалась канонада ...

Французы, между тѣмъ, все болѣе и болѣе распространялись по укрѣпленію, тѣснили нашихъ, и вскорѣ на башнѣ взвилось французское знамя. Какъ муравьи, полѣзли французы на Малаховъ курганъ, завидя издали свое знамя. Они заняли всю переднюю часть кургана, прорвались къ развалинамъ башни и, засѣвши здѣсь, открыли самую частую ружейную стрѣльбу по малочисленному гарнизону.

Модлинцы два раза сбивали флагъ непріятеля и сдѣлали все, что было возможно сдѣлать храбрымъ, и что горсти людей было подъ силу. У всѣхъ амбразуръ, гдѣ только прорвался непріятель, онъ прошелъ по трупамъ модлинцевъ и артиллерійской прислуги. Храбрый поручикъ *Анкудовичъ*, собравъ около себя до 70 человѣкъ, два раза бросался съ ними въ штыки и изъ 70 человѣкъ бывшихъ съ нимъ при первой атакѣ пошли во вторую только 40, а вернулось изъ нея только 6, но и тѣ были заколоты въ глазахъ товарищей.

Тѣснимые многочисленнымъ непріятелемъ, наши отступали въ глубь укрѣпленія. Капитанъ-лейтенантъ *Карповъ*, собравъ вокругъ себя толпу изъ отступавшихъ артиллеристовъ и ратниковъ курскаго ополченія, нѣсколько разъ ходилъ съ ними, чтобы выбить французовъ изъ лѣвой батареи Малахова кургана, но непріятель былъ слишкомъ многочисленъ и выбить его не было возможности. Ополченцы бросались на непріятеля съ топорами, артиллеристы съ банниками—но попытки ихъ оставались напрасны-

ми—непріятель все болѣе и болѣе усиливался. На помощь *Карпову* явилось нѣсколько ротъ Прагскаго полка, которыя сначала потѣснили врага, но потомъ задавлены были его многочисленностію. Французы обошли совсѣхъ сторонъ отступавшихъ. Внутри укрѣпленія Малахова кургана бились на смерть двѣ отдѣльныя кучки солдатъ Прагскаго и Модлинскаго полковъ, окруженные непріятелемъ. Модлинцы проложили себѣ дорогу штыками и присоединились къ ротамъ Прагскаго полка. Уцѣлѣвшая горсть храбрыхъ бросалась нѣсколько разъ впередъ и останавливала на время наступленіе непріятеля. Въ одной изъ этихъ схватокъ былъ взятъ въ плѣнъ капитанъ-лейтенантъ *Карповъ*. Засѣвшіе за блиндажами и разными укрытіями французы, стрѣляли въ упоръ по отступавшимъ. Ряды нашихъ защитниковъ таяли, но они все еще держались пока въ тылу ихъ не появились новыя массы непріятеля.

Нѣсколько французскихъ батальоновъ пробѣжавъ по рву, обогнули укрѣпленіе съ лѣвой стороны и явились въ тылу нашихъ. Защищавшій лѣвую половину укрѣпленія Замосцьскій полкъ, въ числѣ 500 человѣкъ, былъ смятъ и присоединился къ отступавшимъ. Перемѣшавшіеся между собою люди трехъ полковъ Замосцьскаго, Прагскаго, Модлинскаго, и артиллерійская прислуга столпились на задней площадкѣ укрѣпленія и долго своею грудью удерживали непріятеля. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ черезъ полчаса послѣ начала штурма, Малаховъ курганъ находился во власти французовъ; они наполнили всю внутренность укрѣпленія и подвигались впередъ по мѣрѣ того, какъ прибывали къ нимъ свѣжія войска, вступавшія туда большими колоннами по переброшеннымъ черезъ ровъ мостамъ. Во рву сидѣли французскіе музыканты и играли маршъ. Рѣдко кому приходилось слышать музыку при такой обстановкѣ. Маршъ этотъ одушевлялъ наступавшихъ и французы сплошною стѣною тянулись на курганъ. Въ короткое время непріятельскихъ войскъ собралось на курганѣ до 6,000 человѣкъ. Они открыли жестокій ружейный огонь по нашимъ войскамъ и окончательно утвердились на курганѣ.

Не такъ успѣшно дѣйствовала колонна, атаковавшая второй бастіонъ въ числѣ 7,400 человѣкъ.

По равнинѣ, лежавшей впереди втораго бастіона, покрытой камнями и кустами, бѣжали не много нагнувшись впередъ французы направленные на второй бастіонъ. Онѣ шли на штурмъ великолѣпно; вѣтеръ дулъ имъ въ лицо, полы сюртуковъ развѣвались, и это увеличивало кажущуюся быстроту ихъ движенія. Колонна эта точно также быстро пробѣжала промежуточное пространство, перешла безъ затрудненія почти совершенно засыпанный ровъ и явилась на бастіонѣ совершенно неожиданно. Застигнутые въ расплохъ 550 человѣкъ Олонецкаго полка были окружены—но успѣли, однако же, пробиться и отступить. Бастіонъ былъ занятъ непріятелемъ преслѣдовавшимъ отступавшихъ. Собравъ остатки Олонецкаго полка, завѣдывавшій инженерными работами капитанъ *Лебедевъ*, двинулъ ихъ противъ наступавшаго непріятеля. Въ это время прибѣжалъ батальонъ Бѣлозерскаго полка, подъ командою маіора *Ярошевича* и явился начальникъ войскъ 5-го отдѣленія генералъ-маіоръ *Сабашинскій* съ Кременчугскимъ полкомъ.

Когда французы бросились безъ выстрѣла на штурмъ, генералъ *Сабашинскій* разговаривалъ съ капитаномъ генеральнаго штаба *Черняевымъ*, присланнымъ отъ *Хрулева* съ предложеніемъ смѣнить восьмую дивизію четвертою, чтобы дать первой отдохнуть.

— Ни за что не разстанусь съ восьмою дивизіею, сказалъ *Сабашинскій*, особенно въ такое время; если ее возьмутъ, я уйду самъ.

Въ это время на второмъ бастіонѣ ударили тревогу. Бросившись къ Бѣлозерскому и Кременчугскому полкамъ. *Сабашинскій* двинулъ ихъ на помощь отступавшимъ.

— За мной ребята! крикнулъ онъ, вонъ проклятыхъ съ бастіона! и помахивая костылемъ пошелъ въ главѣ кременчугцевъ.

Стремительнымъ ударомъ этихъ войскъ, французы были выбиты изъ бастіона. Они бросились бѣгомъ въ свои траншеи, оставивъ на бастіонѣ множество убитыхъ и раненыхъ. Генералъ-маіоръ *Сабашинскій* тотчасъ же раз-

ставилъ людей за валомъ въ шесть шеренгъ и открылъ жестокій огонь по отступавшимъ, въ то время когда сосѣднія съ бастіономъ батареи и пароходы «Владиміръ», «Херсонесъ» и «Одесса» подошедшіе къ устью Киленъ-бухты, поражали ихъ ядрами и бомбами. Устроившись въ траншеяхъ, французы нѣсколько разъ пытались штурмовать 2-й бастіонъ, но не выдерживали убійственнаго огня и возвращались назадъ. Самые смѣлые достигали до рва и даже спускались въ него, но или оставались въ немъ навсегда или бѣжали обратно въ свои траншеи.

Въ это время генералъ *Сабашинскій* получилъ извѣстіе, что третья непріятельская колонна, направленная на промежуточныя батареи между 2-мъ бастіономъ и Малаховымъ курганомъ, прорвалась во вторую линію. Онъ поспѣшилъ туда, направивъ часть войскъ со втораго бастіона.

Французы, въ числѣ 4,300 человѣкъ, бросившись на штурмъ промежуточныхъ батарей, должны были пройдти гораздо большее пространство, чѣмъ первыя двѣ колонны, они должны были преодолѣть препятствіе противупоставленное имъ тройнымъ рядомъ волчьихъ ямъ. Едва замѣчено было движеніе этихъ колоннъ, какъ стоявшіе на банкетахъ 700 человѣкъ Муромскаго полка и 550 Олонецкаго, открыли самый частый ружейный огонь. Подъ сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, французы настойчиво подвигались впередъ, ворвались въ укрѣпленіе и смяли его защитниковъ, при чемъ командиръ Олонецкаго полка полковникъ *Алексѣевъ* былъ взятъ въ плѣнъ, а Муромскаго подполковникъ *Пачекъ* тяжело раненъ; многіе офицеры или убиты, или ранены. Оставшись безъ предводителей, смѣшавшіеся полки отступили во вторую оборонительную линію. Преслѣдовавшіе ихъ французы ворвались туда же и, смявъ часть Сѣвскаго полка, достигли до Корабельной слободки.

Въ это время генералъ *Хрулевъ*, явившійся на мѣсто боя съ резервами, остановилъ дальнѣйшее наступленіе непріятеля.

Передъ началомъ штурма, генералъ *Хрулевъ* былъ въ своей квартирѣ, въ одномъ изъ казематовъ Павловской

батареи. Услышавъ тревогу и штурмъ, онъ тотчасъ же вскочилъ на коня, и прежде всего поскакалъ къ главному резерву, состоявшему изъ полковъ Шлиссельбургскаго и Ладожскаго и расположенному въ Корабельной слободкѣ.

«Густыя облака дыма и пыли, поднимаемой сильнымъ вѣтромъ, застилали наши укрѣпленія. Со всѣхъ сторонъ слышалась сильнѣйшая ружейная пальба. Не замѣчая на Малаховомъ курганѣ условленнаго синяго флага (перебитаго во время штурма однимъ изъ непріятельскихъ снарядовъ), и полагая, что тамъ непріятель отбитъ, генералъ повелъ полки ко 2-му бастіону, какъ къ слабѣйшему пункту, которымъ непріятелю легче всего было овладѣть».

Отсюда Степанъ Александровичъ отправилъ своего ординарца, приказавъ ему сказать генералу *Лысенко*, чтобы тотъ шелъ съ резервами на Малаховъ курганъ.

На дорогѣ генералъ *Хрулевъ* узналъ, что штурмъ 2 го бастіона отбитъ, и потому онъ бросился на непріятельскія колонны, прорвавшіяся во вторую линію между 2-мъ бастіономъ и Малаховымъ курганомъ, но и тутъ наши дѣла были въ хорошемъ положеніи. Немного раньше прибытія *Хрулева*, прискакала сюда 5-я легкая батарея 11-й артиллерійской бригады, подъ командою капитана графа *Тышкевича*, и осыпала французовъ сильнымъ картечнымъ огнемъ. Совокупными атаками батальона Шлиссельбургскаго полка съ двумя батальонами Сѣвскаго полка, французы были отброшены за вторую оборонительную линію. Подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ, они пытались устроиться и вновь перейдти въ наступленіе, но въ это время съ боку ихъ появились полковникъ *Нейгардтъ* съ двумя батальонами Забалканскаго, маіоръ *Вакгаузенъ*, съ двумя батальонами Кременчугскаго, и маіоръ *Грушка*, съ батальономъ Полтавскаго полка. Сюда же прискакалъ и генералъ-маіоръ *Сабашинскій*. Въ это время генералъ *Хрулевъ* узналъ, что Малаховъ курганъ занятъ французами. Сдавъ команду генералъ-маіору *Сабашинскому*, *Хрулевъ* поскакалъ на Малаховъ. *Сабашинскій*, принявъ общее начальство надъ войсками, выбилъ французовъ изъ нашихъ укрѣпленій и заставилъ ихъ скрыться въ своихъ траншеяхъ.

Устроившись тамъ, французы вторично бросились на штурмъ вмѣстѣ съ лѣвою колонною, опять атаковавшею второй бастіонъ, но на обоихъ пунктахъ были отбиты. Тогда осадныя батареи непріятеля открыли самый частый огонь по второму бастіону и промежуточнымъ батареямъ, нанесившій значительныя потери защитникамъ. Занимавшіе Малаховъ курганъ французы также открыли ружейный огонь по промежуточнымъ батареямъ и принудили наши войска податься нѣсколько влѣво. Въ очищенное такимъ образомъ пространство снова бросились свѣжія колонны непріятеля, но, не успѣвъ пробраться въ укрѣпленіе, засѣли во рву и залегли за наружною стороною насыпи. Завязалась живая перестрѣлка; противники, раздѣленные между собою только толщиною насыпи, поражали другъ-друга пулями и камнями. Въ это время изъ-за бывшаго Камчатскаго люнета вынеслись двѣ французскія батареи, которыя, подскакавъ саженъ на 100 ко второму бастіону и промежуточнымъ батареямъ, открыли огонь картечью. Дѣйствіе ихъ было непродолжительно; въ самое короткое время они были уничтожены и удалились, оставивъ на мѣстѣ четыре орудія.

Тучи пуль, летѣвшія съ Малахова кургана, нанося страшныя потери войскамъ, принудили насъ отвести ихъ за вторую оборонительную линію. Тогда французы перелѣзли черезъ насыпь и пытались нѣсколько разъ атаковать вторую оборонительную линію, но каждый разъ были отражаемы однимъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ. Отказавшись отъ атакъ, они, оставаясь за валомъ укрѣпленій, поддерживали живую перестрѣлку съ нашими войсками.

Около двухъ часовъ по полудни, противъ втораго бастіона появилась свѣжая колонна французскихъ войскъ, направленная въ третій разъ на штурмъ этого укрѣпленія. Французы шли смѣло; ни картечь, ни ружейныя пули не могли остановить ихъ стремленія; цѣлыми толпами лѣзли они на брустверъ и успѣли поставить на валу его французское знамя. Молодой зуавскій офицеръ вскочилъ на валъ однимъ изъ первыхъ. Въ одной рукѣ у него былъ

пистолетъ, а въ другой камень. За нимъ лезло четыре зуава съ ружьями и камнями въ рукахъ. Взобравшись на валъ, офицеръ выстрѣливъ почти въ упоръ въ генерала *Сабашинскаго*, но промахнулся; тогда онъ бросилъ камень. Въ это время всѣ пятеро повалились, пробитые пулями нашихъ солдатъ.

— На валы! крикнулъ между тѣмъ генералъ *Сабашинскій*.

Солдаты, въ мигъ вскочивъ на валъ укрѣпленія, приняли французовъ въ штыки и приклады и сбросили въ ровъ. *Сабашинскій* приказалъ открыть огонь по толпившемуся во рву непріятелю. Солдаты поражали французовъ выстрѣлами, бросали въ нихъ ядрами, гранатами, камнями и осколками. Горячая схватка эта длилась минутъ пять. Французы съ яростію лѣзли на валъ, но каждый разъ, сбрасываемые обратно, не выдержали и стали отступать подъ жестокимъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ.

Потеря французовъ при этой атакѣ была огромна; весь ровъ втораго бастіона былъ наполненъ трупами, а впереди лежащее пространство почти сплошь покрыто непріятельскими тѣлами.

— Съ тѣхъ поръ, какъ живу, не видывалъ ничего подобнаго, говорилъ генералъ *Сабашинскій*.

Послѣ этого отступленія, французы не пытались больше атаковать второй бастіонъ. Бросаясь до шести разъ, они дрались отчаянно, но не могли одолѣть препятствія противупоставленнаго имъ русскою грудью. Руководившій атакою, французскій генералъ *Боске*, находясь въ одной изъ ближайшихъ траншей передъ вторымъ бастіономъ, не могъ не поблагодарить свои войска за храбрость и стремительный натискъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могъ не сознать, что всѣ дальнѣйшія усилія его останутся напрасными. Мужество нашихъ войскъ и хладнокровная распорядительность генерала *Сабашинскаго* были тѣ скалы, о которыя разбивались многочисленныя волны французскихъ колоннъ. Непріятель оставилъ здѣсь нѣсколькихъ офице-

ровъ и 150 человѣкъ нижнихъ чиновъ, взятыми въ плѣнъ; убитыми и ранеными трехъ генераловъ и множество нижнихъ чиновъ.

Въ то время, когда атака на второй бастіонъ и промежуточныя батареи были отбиты, по всей оборонительной линіи кипѣлъ самый ожесточенный бой. Успѣхъ французовъ на Малаховомъ курганѣ послужилъ сигналомъ для всеобщаго штурма: англичане бросились на 3-й бастіонъ, французы — на укрѣпленія городской стороны.

Въ траншеяхъ противъ 5-го бастіона съ ранняго утра было замѣчено значительное скопленіе непріятельскихъ войскъ, не предпринимавшихъ, впрочемъ, ничего рѣшительнаго. При первомъ извѣстіи о штурмѣ Малахова кургана, начальникъ войскъ 1-го отдѣленія, генералъ *Хрущевъ*, разставилъ войска вдоль укрѣпленій, запретивъ имъ показываться изъ завала, чтобы скрыть отъ непріятеля нашу готовность. Приблизивъ резервы и зарядивъ орудія картечью, наши войска ожидали атаки. Въ траншеяхъ противъ 1-го отдѣленія царствовала глубокая тишина, лишь изрѣдка показывались небольшіе отряды непріятеля, но, осыпаемые картечью съ нашихъ батарей, скрывались въ своихъ траншеяхъ. Прошло такъ нѣсколько часовъ, но французы все не атаковали. Тогда начальникъ войскъ городской стороны, генералъ-лейтенантъ *Семякинъ*, разрѣшилъ половинѣ людей отдохнуть, но быть въ полной готовности встрѣтить наступающаго.

Около двухъ часовъ французы бросились на штурмъ 5-го бастіона и смежныхъ съ нимъ укрѣпленій, защищаемыхъ 1,700 человѣками полковъ Житомирскаго, Подольскаго и Бѣлостокскаго. Въ резервѣ находилось 500 человѣкъ Житомирскаго и 800 человѣкъ Минскаго полковъ. Для атаки этихъ укрѣпленій со стороны непріятеля было назначено 8,380 человѣкъ, раздѣленныхъ на три колонны. Подъ прикрытіемъ густой цѣпи, двигались люди съ лѣстницами и фашинами, саперы съ рабочими инструментами, а за ними штурмовыя колонны. Жестокій картечный огонь съ батарей встрѣтилъ наступавшихъ. Колонна, шедшая правѣе пятаго бастіона, на люнетъ Бѣлкина, потерпѣла

совершенное пораженіе отъ огня нашихъ батарей и взрывовъ каменометныхъ фугасовъ; только немногіе смѣльчаки успѣли вскочить въ ровъ, но и тѣ поплатились или смертью, или плѣномъ. Подпоручикъ *Банковскій*, съ ротою Подольскаго полка съ одной стороны, а поручикъ *Назаровъ* съ командою моряковъ съ другой, спустились въ ровъ и приняли въ два огня засѣвшихъ тамъ французовъ; часть изъ нихъ легла на мѣстѣ, но большинство было взято въ плѣнъ.

На пятомъ бастіонѣ французы хотя и достигли рва, и даже часть изъ нихъ стала взбираться на брустверъ, но была вытѣснена батальономъ Бѣлостокскаго и частью Подольскаго полка подъ командою полковника *Аленникова*.

Штурмовая колонна, двигавшаяся лѣвѣе 5-го бастіона, на сосѣднюю съ бастіономъ батарею *Шварца*, успѣла ворваться въ укрѣпленіе и оттѣснила баталіонъ Житомирскаго полка, но на помощь ему скоро явился командиръ полка полковникъ *Жерве*, съ остальными батальонами, и штыками сбросилъ непріятеля въ ровъ. Оправившись, французы снова кинулись впередъ, но были выбиты и отброшены въ свои траншеи подоспѣвшимъ изъ резерва батальономъ Минскаго полка—приведеннымъ генераломъ *Хрущевымъ*—и двумя ротами Екатеринбургскаго полка, прибѣжавшими съ своимъ полковымъ командиромъ, подполковникомъ *Веревкинымъ*. Екатеринбургцы поклялись всѣ умереть, но дальше ротныхъ образовъ, поставленныхъ въ траншеѣ, не отходить! И отбили врага. Заваливъ всю внутренность укрѣпленія, ровъ и впереди лежащую мѣстность своими тѣлами, французы скрылись въ свои подступы и болѣе не показывались, оставивъ въ плѣну у насъ 10 офицеровъ и 150 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Противъ четвертаго бастіона штурмовыя колонны вовсе не показывались, а штурмовавшіе третій бастіонъ англичане потерпѣли пораженіе и были отбиты нѣсколько ранѣе отбитія французовъ отъ 5-го бастіона.

Англичане, въ числѣ 10,720 человѣкъ, бросились на третій бастіонъ и сосѣднія съ нимъ батареи, вскорѣ послѣ того, какъ французы ворвались на Малаховъ курганъ. Въ это время начальникъ 3-го отдѣленія, капитанъ 1-го ранга

Перелешинъ 1-й, сидѣлъ въ своемъ блиндажѣ съ командиромъ Селенгинскаго полка, полковникомъ *Мезенцевымъ*. Среди разговоровъ они вдругъ услышали крики: штурмъ, французы на Малаховомъ. *Перелешинъ* подпоясалъ наскоро саблю и, схвативъ въ лѣвую руку трубу, а въ правую револьверъ, бросился къ блиндажу, занимаемому генераломъ *Павловымъ*, откуда были видны Малаховъ курганъ и Камчатскій люнетъ. Онъ видѣлъ ясно, какъ бѣжали тучи народа изъ Камчатскаго люнета и изъ траншей. Видно было, какъ упалъ синій флагъ—сигналъ тревоги, какъ явилось на немъ трехцвѣтное французское знамя, какъ упало оно и потомъ явилось снова. Въ эту минуту *Перелешину* донесли, что англичане показались противъ 3-го бастіона. На бастіонѣ все было готово встрѣтить непріятеля—тамъ ударили тревогу гораздо ранѣе, какъ только замѣтили движеніе французовъ на Малаховъ курганъ. Гарнизонъ третьяго бастіона и сосѣднихъ съ нимъ батарей вмѣстѣ съ резервами простирался до 7,500 человѣкъ.

Англичане бросились на штурмъ разсыпнымъ строемъ, который поддерживался густыми штурмовыми колоннами. Не смотря на сильный огонь, которымъ были встрѣчены наступающіе, они шли смѣло и ворвались на бастіонъ, гдѣ были встрѣчены штыками двухъ батальоновъ Владимірскаго полка. Не смотря на жестокій рукопашный бой, не смотря на стойкость владимірцевъ, англичане отбросили ихъ въ глубь укрѣпленія. Распространившись вдоль по укрѣпленію, они завязали перестрѣлку съ отступившими и занялись порчею орудій, стоявшихъ на укрѣпленіяхъ. Въ это время на помощь владимірцамъ прибѣжала съ правыхъ батарей рота Камчатскаго полка съ подполковникомъ *Артемьевымъ*, съ лѣвыхъ — часть Суздальскаго полка и рота Якутскаго.

— Съ Богомъ, ребята, въ штыки, крикнулъ *Артемьевъ* камчатцамъ.

Оба эти отряда ударили на англичанъ съ фланговъ, въ то время, когда начальникъ 3-го отдѣленія, капитанъ 1-го ранга *Перелешинъ 1-й* и полковникъ *Венцель*, устроивъ остатки Владимірскаго полка, ударили съ фронта. Послѣ жестокой

рукопашной схватки, англичане были выбиты изъ бастіона и опрокинуты въ ровъ. Устроившись, они повторили атаку, и такъ дружно, что снова ворвались на бастіонъ. Наши дрались отчаянно. Солдаты бились «какъ только можно биться въ такой тѣснотѣ и при такихъ малыхъ силахъ. Минута была роковая... ряды нашихъ пустѣли все больше и больше. Англичанъ прибывало, и нѣкоторые уже сидѣли на орудіяхъ и заклепывали ихъ... Еще нѣсколько мгновеній—и прощай, третій бастіонъ!» Но въ это роковое время явился на бастіонъ командиръ Селенгинскаго полка полковникъ *Мезенцевъ* съ двумя ротами своего полка и, стремительнымъ ударомъ въ штыки вмѣстѣ съ прочими полками, вытѣснилъ англичанъ, бросившихся частію въ свои траншеи, частію залегшихъ за засѣками и открывшихъ сильный ружейный огонь. Побѣда эта дорого стоила намъ: капитанъ 1-го ранга *Перелешинъ* 1-й и подполковникъ *Артемьевъ* были ранены, а полковникъ *Мезенцевъ* палъ геройскою смертью.

Между тѣмъ, англичане открыли по 3-му бастіону сильный огонь съ своихъ осадныхъ батарей. На бастіонѣ вся артиллерійская прислуга была перебита, такъ что для дѣйствія изъ орудій штабсъ-капитанъ Селенгинскаго полка *Васильевъ* разставилъ своихъ нижнихъ чиновъ. Селенгинцы дѣйствовали такъ успѣшно, что когда англичане въ третій разъ бросились на штурмъ, то большая часть ихъ, не выдержавъ картечнаго и ружейнаго огня, отступила въ свои траншеи, и только незначительная часть ихъ достигла до рва. Тогда прапорщикъ Владимірскаго полка *Дубровинъ* бросился въ ровъ съ командою охотниковъ своего полка и выбилъ оттуда англичанъ.

Было 4 часа по полудни, когда штурмъ былъ отбитъ на всей оборонительной линіи кромѣ Малахова кургана, занятаго французами. Со всѣхъ батарей, которыя могли только обстрѣливать курганъ, былъ открытъ огонь по засѣвшему тамъ непріятелю. Выстрѣлами одной изъ батарей 3-го отдѣленія былъ взорванъ на курганѣ пороховой погребъ. Французы, испуганные этимъ взрывомъ, бросились оттуда толпами, такъ что начальники насилу воротили

ихъ. Этотъ взрывъ и нѣсколько другихъ произвели такое впечатлѣніе на непріятеля, что онъ не рѣшился насъ преслѣдовать, изъ опасенія быть взорваннымъ на воздухъ. Французы боялись встрѣтить повсюду мины и полагали, что они заложены подъ каждымъ изъ укрѣпленій.

Мы остановили разсказъ нашъ о штурмѣ Малахова кургана именно въ то время, когда французы, сосредоточивъ на немъ до 6,000 человѣкъ своихъ войскъ, завязали перестрѣлку съ отступившими войсками. Въ это время генералъ-маіоръ *Лысенко* прибѣжалъ съ нѣсколькими ротами Эриванскаго (князя Варшавскаго), князя Горчакова (Брянскаго) и Елецкаго полковъ. Хотя онъ и двинулъ ихъ тотчасъ же въ атаку, но, подавленный многочисленнымъ непріятелемъ, принужденъ былъ отступить. Спустя нѣсколько минутъ, прискакалъ туда же, со втораго бастіона, генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ* на своемъ бѣломъ конѣ; за нимъ бѣгомъ прибыло 1,400 челов. Ладожскаго полка. По тому направленію, которое избралъ генералъ *Хрулевъ*, не было возможности подъѣхать къ самому кургану, а потому онъ и всѣ сопутствовавшіе ему офицеры спѣшились. Ставъ во главѣ Ладожскаго полка и присоединивъ къ себѣ нѣсколько ротъ князя Горчакова (Брянскаго) и Эриванскаго (князя Варшавскаго) полковъ, онъ двинулся съ ними въ атаку съ задней части Малахова кургана. Французы открыли убійственный огонь по наступавшимъ; пули сплошною тучею летѣли на храбрыхъ; минута была торжественная. Снявши съ своей груди висѣвшій на ней серебряный образъ, *Хрулевъ* поцѣловалъ его и, поднявъ лѣвою рукою къ верху, показалъ солдатамъ.

— Благодѣтели, за мной, впередъ! крикнулъ онъ своимъ, всегда потрясающимъ солдатское сердце, голосомъ.

Въ это самое время штуцерная пуля раздробила ему большой палецъ лѣвой руки.

Безстрашно бросились войска, предводимыя любимымъ начальникомъ, и вынеслись на курганъ. Французы почти въ упоръ произвели нѣсколько ружейныхъ залповъ, и передніе ряды, слѣдовавшіе за *Хрулевымъ*, остались на мѣстѣ. Командиръ Ладожскаго полка, полковникъ *Галкинъ*,

былъ раненъ; всѣ старшіе офицеры или убиты, или ранены. Превозмогая страшную боль, но опасаясь показать войскамъ, что онъ раненъ, *Хрулевъ*, зажавъ палецъ правою рукою, все шелъ еще впередъ. Войска дрались отчаянно; штыкъ, приклады, каменья замѣнили выстрѣлы. Степанъ Александровичъ чувствовалъ, что не можетъ идти далѣе; смертная блѣдность покрывала его лицо, голова кружилась и ему казалось, что онъ падаетъ.

— Поддержите! сказалъ онъ шопотомъ, обращаясь къ находившимся возлѣ него офицерамъ, подпоручику *Сикорскому* и инженеръ-поручику *Эвертцу*.

Оставивъ мѣсто боя и отправившись на перевязочный пунктъ, генералъ *Хрулевъ* не возвращался болѣе. Оставшіеся безъ главнаго и второстепенныхъ начальниковъ, полки отошли назадъ и расположились на заднемъ склонѣ кургана между развалинами нѣкогда существовавшихъ домиковъ. Къ нимъ присоединились остатки разныхъ полковъ и вся эта толпа завязала самую ожесточенную перестрѣлку съ непріятелемъ. Принявшій начальство генералъ-маіоръ *Лысенко*, устроивъ наскоро нѣсколько ротъ Ладожскаго, Эриванскаго (князя Варшавскаго) и Елецкаго полковъ, бросился съ ними вторично въ атаку, но былъ отбитъ и самъ смертельно раненъ. Послѣ него принялъ начальство генералъ-маіоръ *Юферовъ* Не смотря на самый сильный ружейный огонь, наши солдаты, предводимые генераломъ *Юферовымъ*, сплошною стѣною ворвались въ укрѣпленіе и вступили въ жестокій рукопашный бой, при которомъ самъ *Юферовъ* былъ окруженъ непріятелемъ и прижатъ съ нѣсколькими человѣками солдатъ въ одномъ изъ угловъ бастіона. Высокаго роста, худощавый, впереди своего маленькаго отряда, генералъ *Юферовъ* рубился съ французами, отвѣчая ударами сабли на ихъ предложеніе сдаться. Французы разстрѣливали эту кучку, уже не имѣвшую патроновъ и ежеминутно уменьшавшуюся, «но кто только рѣшался броситься съ ружьемъ на горсть героевъ—платилъ жизнью за отвагу. Разъяренные зуавы уложили пулями и генерала, и его солдатъ».

— Какъ фамилія этого генерала? спрашивалъ впослѣд-

ствіи одинъ изъ французскихъ генераловъ у нашихъ офицеровъ.

— *Юферовъ*, отвѣчали они.

— Непремѣнно надо знать имя этого героя. Такія имена должны сродниться съ памятью народа, къ которому принадлежалъ герой.

Атака, веденная *Юферовымъ*, была также отбита. Войска отступили на прежнее мѣсто — на заднюю покатость кургана. Снова между обѣими сторонами открылась самая ужасная перестрѣлка. Солдаты разгорячились до такой степени, что охотники, подойдя къ задней линіи траверсовъ (поперечныхъ насыпей въ укрѣпленіи), взбирались на нижній рядъ туровъ и, держась одною рукою за колъ верхняго ряда туровъ, вели перестрѣлку съ французами. Послѣдніе стояли точно въ такомъ же положеніи по другую сторону траверса и такъ на разстояніи ширины этой насыпи, не болѣе какъ въ 3 сажени, противники, будучи открыты по поясъ, поражали другъ друга въ упоръ. За охотниками, собравшись въ одну толпу, стояли люди разныхъ полковъ, когда къ нимъ явились капитанъ-лейтенантъ *Ильинскій* и флигель-адъютантъ ротмистръ *Воейковъ*. Оба они, собравъ по кучкѣ солдатъ, бросились впередъ отбивать курганъ, но были оттѣснены многочисленностью непріятеля, при чемъ ротмистръ *Воейковъ*, въ пылу самой жаркой схватки, вскочилъ на одинъ изъ траверсовъ и въ тотъ же мигъ упалъ, смертельно раненый пулею въ грудь на вылетъ.

Пользуясь разстройствомъ нашихъ войскъ и своею многочисленностію, французы перешли въ наступленіе. На площадкѣ, извѣстной подъ именемъ Чортовой, стояла главная масса непріятельскихъ стрѣлковъ, поражавшихъ продольно всѣ узкіе проходы въ средину укрѣпленія. Вдругъ съ праваго боку и въ тылу нашихъ послышались голоса—то были французы, занявшіе часть прилегавшей къ Малахову кургану батареи Жерве. Съ крикомъ полѣзли они на валъ правой половины кургана, не совершенно еще занятый. Засыпаемые пулями съ фронта, тыла и праваго фланга, солдаты наши должны были отступить, и тогда французы

окончательно завладѣли всѣмъ укрѣпленіемъ Малахова кургана; они тотчасъ же стали задѣлывать всѣ входы, набрасывая въ нихъ туры, вырванные изъ амбразуръ, и трупы убитыхъ

Не смотря на то, французовъ все-таки нельзя было назвать хозяевами кургана: посреди его въ башнѣ держалась еще горсть храбрецовъ, засѣвшихъ съ поручикомъ *Юни*. Разставивъ у дверей матросовъ съ абордажными пиками и стрѣлковъ противъ отверстій въ башнѣ, онъ сыпалъ въ непріятеля пулю за пулей. Сначала, въ пылу жаркаго боя, французы не замѣчали, откуда сыпятся пули. Они смѣло ходили возлѣ башни, не подозрѣвая опасности и платились за это жизнію или раною. Когда же жаркія схватки съ нашими войсками перенеслись на заднюю часть кургана, тогда только они замѣтили въ башнѣ присутствіе непріятеля. Пятеро зуавовъ бросились-было къ дверямъ башни, но были остановлены пиками матросовъ; пытались было стрѣлять въ двери, — но защитники заложили ихъ тюфяками и подушками. Тогда они рѣшились выкурить ихъ дымомъ. Набросавъ передъ дверьми туровъ, фашинъ и хворосту, французы подожгли костеръ, но скоро сами потушили его изъ боязни, чтобы огонь не сообщился пороховымъ погребкамъ.

Храбрые защитники держались до тѣхъ поръ, пока не разстрѣляли всѣхъ своихъ патроновъ, пока французы не подвезли къ входнымъ дверямъ мортиры и стали бросать въ башню гранаты; когда большая часть засѣвшихъ въ ней были перерапены и, наконецъ, потеряна всякая надежда на выручку. Тогда только поручикъ *Юни* и его товарищи рѣшились сдаться. Кондукторъ *Венецкій* былъ назначенъ парламентеромъ. «Онъ выставилъ въ двери ружье съ навязанной на штыкъ своею же рубашкой, которой часть пошла на перевязку раны: французы прекратили огонь». *Венецкій* вышелъ изъ башни.

— Мы ваши плѣнные! сказалъ онъ, обращаясь къ французскому офицеру.

— Велите вашимъ солдатамъ положить ружья, отвѣчалъ офицеръ.

Смѣлыхъ защитниковъ башни повели на Камчатскій люнетъ, гдѣ французскіе офицеры встрѣтили ихъ съ большимъ уваженіемъ.

Въ это время къ кургану прибылъ генералъ-лейтенантъ *Мартинау*, посланный главнокомандующимъ съ Азовскимъ и Одесскимъ полками, съ приказаніемъ принять общее начальство надъ всѣми войсками Корабельной стороны. Не успѣвъ сдѣлать никакихъ распоряженій, генералъ *Мартинау* былъ тяжело раненъ, и войска остались опять безъ начальника.

Послѣ генерала *Мартинау* прибѣжали къ кургану двѣ роты 4-го и 6-го сапернаго баталіоновъ съ инженеръ-часть полковникомъ *Геннерихомъ*, который присоединивъ къ себѣ ратниковъ дружины № 49, подъ начальствомъ полковника *Черемисинова*, и команду матросовъ съ капитанъ-лейтенантомъ *Ильинскимъ*, два раза бросался въ атаку, но былъ отбитъ.

Это были послѣднія попытки къ овладѣнію курганомъ. Войска наши, перемѣшавшись въ одну общую кучу, толпились въ безпорядкѣ сзади укрѣпленія, а охотники, залегши за развалинами домовъ и въ ямахъ, вели учащенную перестрѣлку. Не было начальника, который могъ бы сплотить ихъ въ одно цѣлое и дружно ударить на врага, а между тѣмъ наши солдаты горѣли желаніемъ отбить потерянное укрѣпленіе, но не знали, какъ взяться за это дѣло.

— Ведите насъ въ бой, кричали одни, отыскивая глазами предводителей.

— Давайте намъ патроновъ, кричали другіе.

Но вести въ бой было некому, потому что всѣ начальники были перебиты или переранены.

Пользуясь временемъ нашего бездѣйствія, французы съ каждымъ часомъ усиливались: они успѣли установить на курганѣ нѣсколько небольшихъ орудій и открыли частый огонь по нашимъ войскамъ, несшимъ большія потери. Такъ, въ легкой № 4-го батареѣ 17-й артиллерійской бригады, стоявшей вправо отъ кургана, во второй линіи укрѣпленій, былъ убитъ командиръ батареи, капитанъ *Глазенапъ*, всѣ

офицеры и большая часть людей. Раненые цѣлыми толпами брели на перевязочный пунктъ и собирались у подножія Малахова кургана, гдѣ четыре матроски, подъ убійственнымъ штуцернымъ огнемъ непріятеля, такъ и лившемся съ кургана, разносили воду и квасъ стоявшимъ здѣсь войскамъ и подавали помощь раненымъ.

«Не знаю, уцѣлѣли-ли онѣ, говоритъ очевидецъ. Объ этихъ безстрашныхъ женщинахъ было доведено до свѣдѣнія Государя Императора».

Во второмъ часу по полудни главнокомандующій послалъ генералъ-лейтенанта *Шепелева*, съ порученіемъ принять общее начальство надъ войсками Корабельной слободы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, считаю необходимымъ оставить городъ при первомъ удобномъ случаѣ и получая свѣдѣнія, что французы все прочнѣе и прочнѣе утверждаются на Малаховомъ курганѣ, князь *Горчаковъ* рѣшился воспользоваться отбитіемъ штурма на всѣхъ прочихъ пунктахъ и утомленіемъ непріятеля, чтобы безпрепятственно совершить это въ высшей степени трудное предпріятіе.

Главнокомандующій тотчасъ-же отдалъ приказаніе князю *Васильчикову* составить росписаніе и распорядиться отступленіемъ, а самъ поскакалъ на Малаховъ курганъ, чтобы собственными глазами взглянуть на положеніе дѣлъ.

Еще до пріѣзда главнокомандующаго генералъ *Шепелевъ* устроилъ полки, разставилъ ихъ на болѣе выгодныхъ мѣстахъ, отвелъ резервы въ Корабельную слободу и приготовился къ встрѣчѣ непріятеля, еслибы онъ вздумалъ, выйдя изъ кургана, наступать внутрь Корабельной слободы.

Остановившись подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ непріятеля, князь *Горчаковъ* долго всматривался въ положеніе нашихъ и непріятельскихъ силъ и убѣдился лично въ невозможности отбить Малаховъ курганъ. Онъ видѣлъ, что курганъ занятъ большими массами французовъ, за которыми находились сильные резервы, и потому овладѣніе вновь укрѣпленіемъ потребовало бы огромныхъ жертвъ.

Генералъ-лейтенантъ *Шепелевъ* получилъ приказаніе не возобновлять атакъ, но, во что бы то ни стало, удержаться

на занятой позиціи и не дозволить французамъ двинуться впередъ.

Бой былъ прекращенъ и, можно сказать, доставилъ новую славу русскому оружію. Изъ 12-ти атакъ, произведенныхъ многочисленнымъ непріятелемъ, въ различныхъ пунктахъ, 11-ть было отбито, и только одна, на Малаховомъ курганѣ, была удачна для союзниковъ. Самое занятіе Малахова кургана было слѣдствіемъ огромнаго превосходства силъ непріятеля, направившаго на него до 30 т. человѣкъ.

Изъ этого видно, что кровавый день 27 августа не можетъ считаться днемъ побѣды для непріятеля—она принадлежитъ скорѣе русскому оружію, какъ по числу пріобрѣтенныхъ успѣховъ, такъ и по тому, что на всѣхъ пунктахъ атакующій былъ въ нѣсколько разъ сильнѣе защищающагося. Не смотря на то, успѣхъ непріятеля былъ такъ незначителенъ, а утомленіе такъ велико, что онъ не рѣшался тревожить славнаго гарнизона и дозволилъ ему свободно отступить по единственному мосту, протянувшемуся почти на версту разстоянія.

Обѣ стороны дрались съ отличною храбростью и лишились многихъ и многихъ храбрыхъ товарищей. Наша потеря въ этотъ день простиралась до 12,913 человѣкъ убитыми, ранеными и безъ-вѣсти пропавшими. Изъ этого числа мы потеряли, до начала штурма, болѣе 2-хъ т. человѣкъ отъ бомбардированіи, такъ что, собственно при отраженіи штурма, наша потеря простиралась до 10 т. человѣкъ.

Союзники, по ихъ собственному показанію, потеряли при штурмѣ 10,067 человѣкъ, но надо полагать, что гораздо больше. Кромѣ того, какъ мы, такъ и они лишились многихъ достойныхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ. Госпитали и перевязочные пункты были переполнены ранеными, посреди которыхъ слышались радостные крики побѣды, указывавшіе на увѣренность каждаго, что штурмъ отбитъ, что славный гарнизонъ проявилъ не человѣческія силы, и что пролитая, еще теплая, кровь современниковъ будетъ священна для потомковъ.

Государь Императоръ, получивъ донесеніе объ отбитіи штурма на всей линіи, кромѣ Малахова кургана, достой-

но оцѣнилъ заслуги богатырей севастопольскихъ и, удостоивъ ихъ своимъ высокимъ вниманіемъ, увѣковѣчилъ заслуги гарнизона слѣдующимъ приказомъ россійскимъ арміямъ и флоту.

«Долговременная, едва-ли не безпримѣрная въ военныхъ лѣтописяхъ оборона Севастополя обратила на себя вниманіе не только Россіи, но и всей Европы. Она съ самаго почти начала поставила его защитниковъ на ряду съ героями, наиболѣе прославившими наше отечество. Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ гарнизонъ севастопольскій оспаривалъ у сильныхъ непріятелей каждый шагъ родной, окружавшей городъ, земли, и каждое изъ дѣйствій его было ознаменовано подвигами блистательнѣйшей храбрости. Четырекратно возобновляемое жестокое бомбардированіе, коего огонь былъ справедливо именуемъ адскимъ, колебало стѣны нашихъ твердынь, но не могло потрясти и умалить постояннаго усердія защитниковъ ихъ. Съ неодолимымъ мужествомъ, съ самоотверженіемъ, достойнымъ воиновъ-христіанъ, они поражали враговъ или гибли, не помышляя о сдачѣ. *Но есть невозможное и для героевъ.* 27-го сего мѣсяца, послѣ отбитія шести отчаянныхъ приступовъ, непріятель успѣлъ овладѣть важнымъ Корниловскимъ бастіономъ, и главнокомандующій крымскою арміею, щадя драгоцѣнную своихъ сподвижниковъ, кровь, которая въ семъ положеніи была бы уже безъ пользы проливаема, рѣшился перейдти на Сѣверную сторону города, оставивъ осаждающему непріятелю однѣ окровавленныя развалины.

Скорбя душею о потерѣ столь многихъ доблестныхъ воиновъ, принесшихъ жизнь свою въ жертву отечеству, и съ благоговѣніемъ покоряясь судьбамъ Всевышняго, коему не угодно было увѣнчать ихъ подвиги полнымъ успѣхомъ, Я признаю святою для себя обязанностію изъявить, и въ семъ случаѣ, отъ имени Моего и всей Россіи, живѣйшую признательность храброму гарнизону севастопольскому, за неутомимые труды его, за кровь пролитую имъ въ сей, почти цѣлый годъ продолжавшейся, защитѣ, сооруженныхъ имъ-же въ немногіе дни укрѣпленій. Нынѣ, войдя снова въ ряды арміи, сіи испытанные герои, служа предметомъ

общаго уваженія своихъ товарищей, явятъ, безъ сомнѣнія, новые примѣры тѣхъ-же воинскихъ доблестей. Вмѣстѣ съ ними и подобно имъ, всѣ Наши войска, съ тою же безпредѣльною вѣрою въ Провидѣніе, съ тою же пламенною любовію ко Мнѣ и родному Нашему краю, вездѣ и всегда будутъ твердо встрѣчать враговъ, посягающихъ на Святыни наши, на честь и цѣлость отечества. Имя Севастополя, столь многими страданіями купившаго себѣ безсмертную славу и имена защитниковъ его, пребудутъ вѣчно въ памяти и сердцахъ всѣхъ русскихъ совокупно съ именами героевъ, прославившихся на поляхъ Полтавскихъ и

въ битвахъ подъ

Бородинскихъ.

Чесмой и Синопомъ.

XVII.

Отступленіе войскъ съ южной стороны города на сѣверную. — Пожаръ города и взрывы батарей.—Приказъ главнокомандующаго.—Посѣщеніи Крыма Государемъ Императоромъ.—Высочайшій приказъ по крымской арміи. Окончаніе военныхъ дѣйствій.—Заключеніе мира.

Въ четыре часа по полудни начальники войскъ и отдѣленій получили распоряженіе объ очищеніи южной стороны Севастополя и о переходѣ войскъ на сѣверную. Вмѣстѣ съ тѣмъ на бастіоны доставлено было росписаніе, составленное начальникомъ штаба гарнизона кн. *Васильчиковымъ*, въ какомъ порядкѣ и когда отступать каждому полку или командѣ. Отступленіе это могло быть произведено только по единственному мосту, перекинутому черезъ рейдъ, и при содѣйствіи небольшаго числа судовъ, предназначенныхъ для перевозки войскъ.

Каждый легко пойметъ, какъ затруднительно и опасно было это отступленіе въ виду многочисленнаго врага. Совершенное въ порядкѣ, оно составило одну изъ блестящихъ страницъ боевыхъ подвиговъ нашихъ войскъ, достойно закончившихъ славную оборону Севастополя, по своей продолжительности не имѣющую равныхъ себѣ въ исторіи.

Движеніе черезъ мостъ должно было начаться въ половинѣ седьмаго часа вечера. Его открывали войска ближайшія къ мосту, стоявшія у Николаевскихъ казармъ; затѣмъ отходили болѣе отдаленныя отъ моста, и наконецъ тѣ, которыя стояли на укрѣпленіяхъ оборонительной линіи. При отступленіи послѣднихъ, на батареяхъ были оставлены охотники — человѣкъ по сто отъ каждаго полка, — которые поддерживали ружейный огонь съ непріятелемъ и тѣмъ скрывали наше отступленіе. Охотники оставались на валахъ укрѣпленій до тѣхъ поръ, пока на смѣну ихъ не явились саперы и команды матросовъ, назначенные для порчи орудій, станковъ и взрыва пороховыхъ погребовъ.

Приготовленія къ отступленію начались еще съ четырехъ часовъ по полудни. Все, что можно было отослать, торопились переправить на сѣверную, и прежде всего отправляли раненыхъ и больныхъ.

Для перевозки войскъ были назначены пароходы и другія суда. Послѣ контузіи капитана 2-го ранга *Лихачева*, командиръ порта, вице-адмиралъ *Новосильскій*, поручилъ завѣдываніе перевозочными средствами капитану 2-го ранга *Воеводскому*. Послѣдній отправился къ начальнику эскадры, адмиралу *Юхарину*, съ приказаніемъ затопить суда на томъ мѣстѣ, гдѣ они стояли, затѣмъ указалъ каждому пароходу, какія войска и откуда перевозить, назначилъ суда для перевозки атиллеріи и проч. Независимо отъ этого, главнокомандующій командировалъ вице-адмирала *Панфилова* на Корабельную сторону, поручивъ ему принять на себя распоряженія по перевозкѣ оттуда войскъ на сѣверную. Содѣйствіе этихъ двухъ лицъ оказало арміи огромную услугу при оставленіи Севастополя.

Въ шестомъ часу стали отводить назадъ полки, предназначенные для занятія баррикадъ ближайшихъ къ мосту.

Въ числѣ этихъ полковъ былъ и Тобольскій, двинутый по направленію къ городу. Предводимые своимъ командиромъ, полковникомъ *Зеленымъ*, солдаты были убѣждены, что ихъ ведутъ выбивать французовъ изъ Малахова кургана. Передъ тѣмъ только что прибыло нѣсколько молодыхъ солдатъ на укомплектованіе полка.

— Облегчите, ребята, свои ранцы, говорили тобольцы своимъ молодымъ товарищамъ, и смотрите держитесь насъ стариковъ. Боже избави, если который изъ васъ попятится назадъ—мы должны или выбить французовъ изъ Малахова кургана, или не возвращаться назадъ живыми.

Извѣстіе о томъ, что мы отступаемъ, какъ варомъ обварило солдатъ: шутки и прибаутки были брошены и въ полку воцарилась глубокая тишина.

Всѣ вообще войска съ грустью и болѣзненнымъ чувствомъ приняли извѣстіе объ оставленіи города; многіе изъ нихъ, уходя съ бастіоновъ и батарей, плакали. Какъ сильно не хотѣлось отступать нашимъ солдамъ, это видно изъ того, что когда, подъ-вечеръ, распространился между ними ложный слухъ, будто мостъ лопнулъ на самой срединѣ, то это извѣстіе какъ-бы обрадовало ихъ.

— Ну лопнулъ, такъ лопнулъ! сказали многіе голоса,— чортъ съ нимъ.

Послѣдуемъ однакоже за тобольцами.

Расположившись за баррикадами, полкъ получилъ приказаніе далѣе этого мѣста не пропустить непріятеля или умереть на баррикадахъ. Тобольцы простояли всю ночь подъ ружьемъ и послѣдними вышли изъ Севастополя.

Подъ прикрытіемъ ихъ, начиная съ семи часовъ вечера, начали стягиваться войска, расположенныя на Городской сторонѣ, къ Николаевской батареѣ, а оттуда на мостъ; расположенныя же на Корабельной раздѣлены были на на двѣ части: одна садилась на пароходы, на баржи, буксируемыя тѣми-же пароходами, и на малыя гребныя суда; другая переправлялась по мосту, черезъ Южную бухту на Городскую сторону, къ Николаевскимъ казармамъ и оттуда на мостъ, черезъ главный рейдъ, на сѣверную. Пароходы и суда, различнаго вида и величины, такъ и сновали на бухтѣ.

Начало смеркаться; батареи изрѣдка пострѣливали, и въ разныхъ мѣстахъ слышалась ружейная перестрѣлка. Солдаты, прижавшись къ валамъ укрѣпленій, шепотомъ разговаривали между собою. Тишина эта, послѣ столь горячаго, кроваваго дѣла, наводила тоску и мрачность на

все окружающее. Оно было дѣйствительно не привлекательно. Почти вся внутренность укрѣпленій была перевернута вверхъ дномъ: траверсы разрушены, по всему пространству разбросаны снаряды, туры, камни и осколки; развороченныя насыпи во многихъ мѣстахъ не закрывали головы, стоявшія за ними орудія были подбиты, станки порублены и поломаны. На платформахъ и между траверсами лежали кучи тѣлъ нашихъ и непріятельскихъ. Посреди ихъ пробирались солдаты къ уцѣлѣвшимъ орудіямъ и приводили ихъ также въ негодность; рубили станки, заклепывали орудія, уничтожали принадлежность и устраивали проводники для взрыва пороховыхъ погребовъ, которые вскорѣ должны были взлетѣть на воздухъ.

Темная мрачная ночь, съ сильнымъ порывистымъ вѣтромъ, покрыла въ этотъ день, какъ нарочно, развалины Севастополя. Войска, какъ тѣни, стекались со всѣхъ сторонъ къ одному пункту—къ Николаевской батареѣ. Соблюдая строжайшую очередь, полкъ за полкомъ отходили съ оборонительной линіи, оставляя на ней однихъ охотниковъ. Люди, въ изорванной одеждѣ, въ крови, въ грязи и закоптѣлые въ дыму, брели понуривъ голову.

«Одни едва бредутъ, пишетъ участникъ, чуть не падая подъ тяжестью оружія—до того измучены они; другіе несутъ десятки мертвыхъ, третьи тащатъ изможденныхъ страдальцевъ, облитыхъ кровью, съ оторванными членами; иные везутъ на рукахъ тяжелыя пушки; тамъ, на узкомъ мосту, рѣжутъ постромки у запряженныхъ подъ орудіе лошадей и молча, насмурно, перекрестясь, сталкиваютъ орудіе въ море, будто хоронятъ любимаго товарища. Всѣ пасмурны, всѣхъ гнететъ свинцовое горе, и если изъ чьихъ устъ вырвется слово—другое, это слово проклятія, командный крикъ начальника, или страдальческій вопль умирающаго!...»

Въ девятомъ часу вечера около моста собралась огромная куча войскъ; всѣ проталкивались впередъ, всѣ хотѣли подвинуться ближе къ мосту. Странное дѣло: какъ неохотно оставляли солдаты бастіоны и батареи, такъ, на оборотъ дойдя до моста всѣ торопились переправиться черезъ него. Съ батарей надо было тащить силою ихъ, тогда какъ

у моста трудно было удержать. Изъ Николаевской казармы безпрестанно выносили на пристань оставшіеся тюки бумагъ, госпитальныя вещи и койки, на которыхъ лежали закутанными страдальцы. Вся площадь у Графской пристани была уставлена войсками. Сильный вѣтеръ развелъ волненіе въ бухтѣ, и протянутый черезъ нее мостъ сильно колыхался. Нагруженный сплошь людьми, орудіями, повозками и, по временамъ, заливаемый волнами, онъ, казалось, погружался въ воду.

Около полуночи, на Маломъ бульварѣ взвились сначала двѣ ракеты вмѣстѣ, а потомъ двѣ ракеты одна за другою. По этому сигналу охотники, оставленные на батареяхъ оборонительной линіи, и войска, поставленныя за баррикадами, стали отходить къ мосту. Покидая укрѣпленія, саперы и матросы оставляли въ каждомъ изъ пороховыхъ погребовъ зажженные фитили различной длины, чтобы взрывы слѣдовали не вдругъ, а одинъ за другимъ и, по возможности, съ длинными промежутками. Въ иныхъ мѣстахъ насыпали отъ погреба дорожку пороха по землѣ, и, отойдя на значительное разстояніе, поджигали его. Огненныя змѣйки эти забѣгали изъ конца въ конецъ по всѣмъ окраинамъ Севастополя и стали взлетать, по направленію къ укрѣпленіямъ, багровые столбы пламени и дыма. Одинъ за другимъ летѣли на воздухъ пороховые погреба съ запасами пороха и снарядовъ. Послѣдніе, подброшенные къ верху, лопались въ воздухѣ и огненными звѣздами падали на землю. Угрюмая тишина ночи нарушалась страшными взрывами, отъ которыхъ стонала земля и рушились полуразбитыя стѣны домовъ—нѣкогда веселаго и оживленнаго города!

Все, что было горючаго на бастіонахъ, загорѣлось, и вскорѣ Севастополь, какъ-бы прощаясь съ героями-защитниками своими послѣдними пламенными взглядами, опоясался огненнымъ поясомъ.

При видѣ пожара, грустныя лица солдатъ на время прояснились: они видѣли, что врагу останется только груда камней и пепла. Чувство радости охватило всѣхъ, въ войскахъ послышались говоръ, а порою и веселая шутка.

Переправа, между тѣмъ, продолжалась и шла успѣшно.

Всю ночь между войсками ходили начальникъ штаба гарнизона свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь *Васильчиковъ* и генеральнаго штаба полковникъ *Меньковъ*, направляя колонны къ тѣсному выходу, между Графскою пристанью и Николаевскою батареею.

Около 12-ти часовъ ночи подошелъ къ нимъ состоявшій при начальникѣ штаба капитанъ *Воробьевъ*.

— Приказаніе вашего сіятельства исполнено, сказалъ онъ князю *Васильчикову*. Отъ послѣдней линіи баррикадъ до библіотеки, и оттуда къ Морской улицѣ—пожаръ подготовленъ и ровно въ 12-ть часовъ вся линія домовъ запылаетъ.

— Есть-ли костеръ подъ библіотекою? спросилъ отрывисто князь *Васильчиковъ*.

— Зарево библіотеки будетъ сигналомъ для общаго пожара—все готово! отвѣчалъ капитанъ.

Разговаривавшіе направились къ сторонѣ баррикадъ. Спустя нѣсколько минутъ, библіотека и вся линія домовъ на Екатерининской и Морской улицахъ были уже въ пламени.

— Поторопились зажечь—еще нѣтъ двѣнадцати часовъ, сказалъ равнодушно капитанъ *Воробьевъ*. Вишь какъ трещитъ—теперь и не уймешь его!

— Уже поздно. Не останавливайте пожара, сказалъ князь *Васильчиковъ*: непріятель молчитъ. Богъ дастъ переправа совершится благополучно!

— Не забыли-ли вы костра подъ св. соборомъ? спросилъ полковникъ *Меньковъ* капитана *Воробьева*.

— Будь-те покойны отвѣчалъ тотъ—церковная утварь, по возможности, спасена; церковь внутри уже горитъ и, кромѣ обгорѣлыхъ стѣнъ, врагъ ничего тамъ не найдетъ!

Въ самомъ непродолжительномъ времени пожаръ охватилъ весь городъ. Темная ночь ярко освѣщалась заревомъ; сильный вѣтеръ раздувалъ огонь, переносилъ его съ однихъ развалинъ на другія, вылъ и плескалъ волны о берегъ. Скоро все слилось въ одну общую массу пламени и дыма, посреди которыхъ слышались трескъ и громъ взры-

вовъ и свистъ вѣтра. И вдругъ въ пламени блеснетъ пламя еще ярче и, какъ молнія, освѣтитъ окрестность; то летитъ на воздухъ пороховой погребъ или погребъ съ ядрами, гранатами и бомбами.

Багровымъ огнемъ занялось все небо и начались послѣдніе вздохи многострадальнаго Севастополя.

Освѣщаемыя заревомъ пожаровъ, войска продолжали переправляться на сѣверную. По обѣ стороны моста лежало мрачное волнующееся море. Направо мелькали еще темныя громады нашихъ кораблей, которые приказано было затопить.

По всей бухтѣ скользили взадъ и впередъ баркасы, шлюпки и пароходы, съ пыхтеньемъ выкидывавшіе огнистые снопы искръ, въ клубахъ густаго чернаго дыма.

Едва видный неопредѣленный образъ парохода, по мѣрѣ приближенія къ южной сторонѣ, постепенно свѣтлѣлъ и, наконецъ, ярко освѣщенный пламенемъ пожара, онъ подходилъ къ берегу. Нагрузившись войсками, пароходъ снова тонулъ во мракѣ, изрѣдка являясь въ болѣе освѣщенномъ пространствѣ, и тогда каждая его веревка, мачта и рея, казалось, были раскалены, пылали огнемъ.

Пловучій мостъ, покрытый сплошь людьми, качался подъ тяжестію народа и обозовъ.

Перебравшись на сѣверную, каждый оборачивался назадъ, чтобы еще, и въ послѣдній разъ, взглянуть на пылающій городъ. Картина всеобщаго разрушенія представлялась глазамъ обернувшихся. Видно было, какъ пылала библіотека и соборъ, какъ догорали Александровскія казармы, какъ горѣли морскія казармы, Артиллерійская слободка, часть Корабельной и, какъ огромный погребальный факелъ, горѣлъ ярче всѣхъ Кранъ, поставившій на своемъ вѣку много мачтъ на корабляхъ славнаго черноморскаго флота.

Къ 8 часамъ утра переправа войскъ на сѣверную была окончена. Въ это время выѣхали изъ города начальникъ гарнизона графъ *Остенъ-Сакенъ* и начальникъ штаба князь *Васильчиковъ*. Съ послѣдними пароходами войскъ отплыли отъ берега: съ Корабельной стороны генералъ-лейтенантъ

Шепелевъ и вице-адмиралъ *Панфиловъ*; съ Графской пристани, отправивъ послѣдній пароходъ, поѣхалъ капитанъ 2-го ранга *Воеводскій*, а по мосту въ хвостѣ Тобольскаго полка перешелъ генералъ *Хрущевъ* съ капитаномъ *Воробьевымъ*. Въ Севастополѣ не осталось никого, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ смѣльчаковъ, прикрывавшихъ отступленіе и поддерживавшихъ пожары.

Наступило утро 28-го августа; развели мосты и порвались послѣднія нити, связывавшія войска съ славнымъ городомъ, обратившемся въ пепелище послѣ *трехсотъ-сорока девяти-дневнаго сопротивленія*.

Вся сѣверная сторона была покрыта войсками, перемѣшавшимися между собою во время перехода черезъ мостъ. Сходя съ моста, каждый шелъ куда пришлось и располагался тамъ, гдѣ казалось ему удобнѣе. Пѣхота, артиллерія, моряки, все перепуталось между собою. Крики и возгласы по временамъ раздавались въ этой нестройной толпѣ. Собирали по кучкамъ остатки славныхъ полковъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались голоса: такой-то полкъ сюда! такой-то экипажъ ступай туда! Солдаты толпами ходили взадъ и впередъ, отыскивая полки. Всѣ суетились, бѣгали, нагруженныя повозки тянулись по бельбекской дорогѣ. Бухта совершенно опустѣла. Корабли и множество другихъ судовъ опустились на дно, и только концы мачтъ, торчавшіе надъ поверхностію воды, напоминали о недавнемъ ихъ существованіи. Перевозившіе всю ночь войска пароходы отошли къ сѣверному берегу, но на другой день и они также пошли ко дну.

Шумъ и говоръ, движеніе взадъ и впередъ, перекличка фельдфебелей слышались повсюду. Но вотъ развели костры и заварили кашу, «кто въ большихъ артельныхъ котлахъ, а у которой команды таковой погибъ, въ котелкахъ и разной другой посудинѣ, но больше всего замѣтно было у костровъ манерокъ съ отломанными крышками, наполненными толчеными сухарями, водою съ приличнымъ количествомъ соли: эта лакомство нашего солдата—*тюря*».

Заговоривши о котлахъ, нельзя не привести слѣдующаго случая. При отступленіи, 17-я рота Волынскаго полка

не успѣла взять съ собою ротнаго котла, который остался на Павловскомъ мысу. На слѣдующій день, бывши уже на сѣверной, ротный командиръ распорядился раздать нижнимъ чинамъ десяточные котлы, бывшіе при ротѣ. Солдаты просили позволенія выручить ротный котелъ изъ рукъ непріятеля. Командиръ роты указывалъ имъ на опасность подобнаго предпріятія.

— Послѣ вчерашней потасовки, говорили солдаты, французу не до нашихъ котловъ, и убѣдительно упрашивали дозволить имъ выручить ротный котелъ.

Согласился ротный,—отправились охотники за котломъ. Матросы перевезли ихъ за рубль черезъ заливъ на Павловскій мысокъ, и доставленный черезъ нѣсколько часовъ ротный котелъ исполнялъ свое дѣло....

Мало по малу, разбросанныя по сѣверной части, войска стали собираться по полкамъ и потянулись на назначенныя имъ мѣста.

Послѣ полудня взлетѣли на воздухъ Александровская и Павловская батареи. Черное густое облако вознеслось на огромную высоту и съ страшнымъ трескомъ и громомъ спустилось каменнымъ дождемъ въ бухту и на землю. На мѣстахъ, гдѣ стояли красивыя зданія батарей, образовались пирамидальныя кучи камней и мусора.

Два дня и двѣ ночи горѣли развалины славнаго города, покрытыя густыми облаками дыма. 30-го августа пошелъ дождь и пожаръ потухъ.

На слѣдующій день войска слушали разсказъ о своихъ подвигахъ, изложенный въ задушевномъ приказѣ главнокомандующаго.

«Храбрые товарищи! писалъ онъ. 12-го сентября прошлаго 1854 года, сильная непріятельская армія подступила подъ Севастополь. Не взирая на числительное свое превосходство, ни на то, что городъ сей былъ лишенъ искусственныхъ преградъ, она не отважилась атаковать его открытою силою, а предприняла правильную осаду.

«Съ тѣхъ поръ, при всѣхъ огромныхъ средствахъ, коими располагали наши враги, безпрестанно подвозившіе на многочисленныхъ судахъ своихъ подкрѣпленія, артиллерію и

снаряды, всѣ усилія ихъ преодолѣть ваше мужество и постоянство, въ продолженіе одиннадцати съ половиною мѣсяцевъ, оставались тщетными. Событіе—безпримѣрное въ военныхъ лѣтописяхъ: чтобы городъ, наскоро укрѣпленный въ виду непріятеля, могъ держаться столь долгое время противъ врага, коего осадныя средства превосходили всѣ принимавшіеся донынѣ въ соображеніе расчеты въ подобныхъ случаяхъ.

«И при такихъ-то огромныхъ средствахъ, послѣ 9-ти мѣсячнаго разрушительнаго дѣйствія артиллеріею громадныхъ размѣровъ, непріятель, неоднократно прибѣгавшій къ усиленному бомбардированію города, выпуская каждый разъ противъ онаго по нѣскольку сотъ тысячъ снарядовъ, увидѣлъ безуспѣшность сей мѣры и рѣшился наконецъ овладѣть Севастополемъ съ боя.

«6-го іюня сего года онъ устремился на приступъ, съ нѣсколькихъ сторонъ, храбро ворвался въ городъ, но былъ встрѣченъ вами съ неустрашимостію и отбитъ на всѣхъ пунктахъ, самымъ блистательнымъ образомъ.

«Неудача эта вынудила его обратиться по прежнему къ продолженію осадныхъ работъ, умножая свои батареи и усугубляя дѣятельность въ веденіи траншейныхъ и минныхъ работъ.

«Такимъ образомъ, со дня достославнаго отбитія вами штурма 6-го іюня, протекло еще болѣе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, въ продолженіе коихъ, одушевленные чувствомъ долга и любви къ престолу и отечеству, вы геройски оспаривали у непріятеля каждый аршинъ земли, заставляли его подвигаться впередъ не иначе, какъ шагъ за шагомъ, платить потоками крови и неимовѣрною тратою снарядовъ за одну сажень пройденнаго пространства. При такой упорной защитѣ, мужество ваше не только не ослабѣвало, но доходило до высшей степени самоотверженія.

«При всемъ томъ, если неустрашимость и терпѣніе ваши безпредѣльны, то есть вещественные предѣлы возможности сопротивленія. По мѣрѣ приближенія непріятельскихъ подступовъ, батареи ихъ также сближались одна къ

другой; огненный кругъ, опоясывавшій Севастополь, съ каждымъ днемъ стѣснялся болѣе и болѣе, и все далѣе извергалъ въ городъ смерть и разрушеніе, поражая храбрыхъ защитниковъ его.

«Пользуясь такимъ превосходствомъ огней на самомъ близкомъ разстояніи, непріятель, послѣ усиленнаго дѣйствія артиллеріи въ продолженіе 20-ти дней, стоившаго ежедневно нашему гарнизону потери отъ 500 до 1,000 человѣкъ, 24-го августа началъ адское бомбардированіе изъ огромнаго числа орудій, небывалыхъ калибровъ, слѣдствіемъ коего было ежедневно разрушеніе нашихъ окоповъ, уже съ большимъ трудомъ, съ самыми чувствительными потерями возобновлявшихся по ночамъ, подъ безостановочнымъ огнемъ непріятеля. Въ особенности главнѣйшій изъ сихъ верковъ, редутъ *Корнилова* на Малаховомъ курганѣ, составлявшій ключъ Севастополя, какъ пунктъ господствующій надъ всѣмъ городомъ, претерпѣлъ значительныя неисправимыя поврежденія.

«Въ такихъ обстоятельствахъ, продолжать оборону южной стороны—значило бы подвергать ежедневно безполезному убійству войска наши, сохраненіе коихъ, нынѣ болѣе чѣмъ когда-либо, нужно для Государя и Россіи.

«По этому съ прискорбіемъ въ душѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что исполняю священный долгъ, я рѣшился очистить Севастополь и перевести войска на сѣверную сторону, частію по устроенному заранѣе мосту черезъ бухту, частію на судахъ.

«Между тѣмъ, 27-го августа, въ $10^1/_2$ часовъ утра, непріятель, видя передъ собою полуразрушенные верки, а редутъ *Корнилова* съ засыпанными рвами, предпринялъ отчаянный приступъ одновременно на бастіоны: 2-й, *Корниловъ*, и 3-й, около трехъ часовъ спустя, на 5-й бастіонъ и редуты *Бѣлкина* и *Шварца*.

«Изъ этихъ 6-ти атакъ—пять отбиты со славою: нѣкоторые изъ атакуемыхъ пунктовъ, какъ-то 2-й бастіонъ, на который непріятель уже взвезъ было орудія по накинутымъ мостамъ, переходили по нѣскольку разъ изъ рукъ въ руки и окончательно остались за нами; но редутъ *Кор-*

ниловъ, болѣе прочихъ укрѣпленій разрушенный бомбардированіемъ, былъ занятъ французами, направившими на оный до 30-ти тысячъ человѣкъ и, послѣ огромныхъ потерь, нами понесенныхъ съ начала боя, не могъ быть исторгнутъ изъ ихъ рукъ, ибо для сего намъ надлежало бы взбираться по крутой покатости кургана, между развалинами разбросанныхъ въ безпорядкѣ строеній, а потомъ проходить по узкой плотинѣ, чрезъ неповрежденный глубокій ровъ задняго фаса, занятаго французами.

«Таковое предпріятіе могло бы не привести насъ къ желаемому успѣху и неминуемо стоило бы несмѣтныхъ потерь.

«Сіе было тѣмъ менѣе нужно, что, по вышеизложеннымъ причинамъ, я рѣшился во всякомъ случаѣ оставить городъ. Затѣмъ, такъ какъ успѣхъ непріятеля ограничивался исключительно занятіемъ редута *Корнилова*, я приказалъ, не предпринимая нападенія на этотъ редутъ, оставаться передъ онымъ, для воспротивленія непріятелю продолжать оттуда наступленіе въ городъ, что и было исполнено въ точности, не смотря на всѣ усилія французовъ двинуться впередъ изъ-за горжи редута.

«Съ наступленіемъ темноты, я приказалъ войскамъ отступить, по сдѣланной заранѣе диспозиціи.

«Опыты мужества, оказанные вами въ сей день, поселили такое уваженіе къ вамъ, храбрые товарищи, въ самомъ непріятелѣ, что онъ, хотя долженъ былъ замѣтить ваше отступленіе по взрывамъ нашихъ пороховыхъ погребовъ, дѣлаемыхъ войсками нашими по мѣрѣ оставленія ими различныхъ частей оборонительной линіи, не только не преслѣдовалъ ихъ колоннами, но даже почти вовсе не дѣйствовалъ своею артиллеріею по отступающимъ войскамъ, что могъ бы сдѣлать совершенно безнаказанно.

«Храбрые товарищи! грустно и тяжело оставить врагамъ нашимъ Севастополь, но вспомните, какую жертву мы принесли на алтарь отечества въ 1812 году. Москва стоитъ Севастополя! мы ее оставили послѣ безсмертной битвы подъ Бородиномъ. *Триста-сорока-девяти-дневная оборона Севастополя превосходитъ Бородино!*

«Но не Москва, а груда каменьевъ и пепла достались непріятелю въ роковой 1812 годъ. Такъ точно и не Севастополь оставили мы нашимъ врагамъ, а однѣ пылающія развалины города, собственною нашею рукою зажженнаго, удержавъ за нами честь обороны, которую дѣти и внучата наши съ гордостію передадутъ отдаленному потомству.

«Севастополь приковывалъ насъ къ своимъ стѣнамъ. Съ паденіемъ его, мы пріобрѣтаемъ подвижность, и начинается новая война, война полевая, свойственная духу русскаго солдата. Покажемъ Государю, покажемъ Россіи, что духъ этотъ все тотъ же, коимъ отличались предшественники наши въ незабвенную отечественную войну. Гдѣ бы непріятель ни показался, мы встрѣтимъ его грудью и будемъ отстаивать родную землю, какъ мы защищали ее въ 1812 году.

«Храбрые воины сухопутныхъ и морскихъ силъ! Именемъ Государя Императора благодарю васъ за ваше безпримѣрное мужество, за вашу твердость и постоянство во время осады Севастополя.

«Долгомъ почитаю принести въ особенности мою благодарность доблестнымъ вашимъ начальникамъ:

«Гг. генералъ-адъютанту графу *Остенъ-Сакену*, начальствовавшему гарнизономъ въ продолженіе 9-ти мѣсяцевъ; генералъ-лейтенантамъ: *Шепелеву*, *Хрулеву*, *Павлову*, *Семякину*; вице-адмираламъ: *Новосильскому* и *Панфилову;* генералъ-маіорамъ: *Мартинау*, *Пихельштейну*, *Лысенко 1-му*; генералъ-адъютанту князю *Урусову*, *Шульцу*, *Хрущеву*, *Голеву*, *Сабашинскому*, *Шейдеману*; свиты Его Величества: князю *Васильчикову* и *Тотлебену;* полковникамъ: *Козлянинову 2-му*, *Геннериху*, *Гарднеру*; капитанамъ 1-го ранга: *Зорину*, *Микрюкову*, *Перелешину 1-му*, *Перелешину 2-му;* подполковнику *Циммерману;* капитанъ-лейтенантамъ: *Ильинскому* и *Чебышеву*, и всѣмъ гг. штабъ и оберъ-офицерамъ, участвовавшимъ въ осадѣ.

«Объемъ приказа не дозволяетъ мнѣ внести въ него имена многихъ другихъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, которымъ въ большей или меньшей степени принад-

лежитъ честь содѣйствія въ великомъ подвигѣ обороны Севастополя; но каждый изъ нихъ имѣетъ право на признательность Монарха и Отечества.

«Между сими сотрудниками, я назову только главныхъ дѣятелей изъ числа лицъ, не находившихся въ составѣ гарнизона: начальникъ и чины главнаго штаба ввѣренныхъ мнѣ войскъ: генералъ-адъютантъ *Коцебу*, генералъ-лейтенанты: *Сержпутовскій*, *Бухмейеръ*, *Ушаковъ*, *Бутурлинъ*, генералъ-маіоръ *Крыжановскій*. Изъ нихъ инженеръ генералъ-лейтенантъ *Бухмейеръ* оказалъ важную заслугу устройствомъ превосходнаго плотоваго моста черезъ бухту, обезпечившаго отступленіе войскъ.

«Воздавая заслуженную благодарность оставшимся въ живыхъ и достойнымъ начальникамъ вашимъ — почтемъ, товарищи, память тѣхъ изъ нихъ, кои пали съ честію за вѣру и отечество на валахъ Севастополя. Вспомнимъ въ особенности незабвенныя имена: *Нахимова*, *Корнилова*, *Истомина*, и вознесемъ мольбы наши ко Всевышнему, да ниспошлетъ Онъ миръ и успокоеніе ихъ праху и увѣковѣчитъ память о нихъ, въ примѣръ грядущимъ поколѣніямъ россіянъ».

Съ отступленіемъ нашихъ войскъ на сѣверную и съ занятіемъ союзниками развалинъ города, обѣ воюющія стороны стали укрѣпляться на новыхъ мѣстахъ. Какъ мы, такъ и союзники строили новыя укрѣпленія и батареи и изрѣдка поддерживали перестрѣлку другъ съ другомъ.

Въ это время славная армія была обрадована пролетѣвшимъ по рядамъ ея извѣстіемъ о скоромъ прибытіи въ Крымъ Государя Императора.

Въ началѣ сентября Государь Императоръ изволилъ прибыть въ г. Николаевъ, гдѣ и оставался въ теченіе шести недѣль, лично слѣдя за ходомъ оборонительныхъ работъ этого города.

Высокое вниманіе Монарха къ крымской арміи выказывалось на каждомъ шагу и ежеминутно. Каждый день Государь посѣщалъ госпитали, благодѣтельствовалъ раненыхъ и больныхъ воиновъ и награждалъ отличавшихся. Желая видѣть всѣ войска славной арміи, Онъ приказалъ нѣкото-

рые полки и всѣ морскіе экипажи, за исключеніемъ трехъ, двинуть въ Николаевъ, и не было такой маленькой команды, къ которой бы самъ Царь не выѣхалъ на встрѣчу, при вступленіи ея въ городъ. Въ необыкновенно милостивыхъ и задушевныхъ словахъ онъ благодарилъ войска за ихъ славную службу Престолу и Отечеству. Въѣзжая въ средину рядовъ, Государь милостиво разговаривалъ съ каждымъ солдатомъ или матросомъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ обожаемый Монархъ посѣтилъ свою крымскую армію.

Въ два часа по полудни, 28-го октября, колокольный звонъ бахчисарайской церкви и радостные крики собравшейся толпы народа, возвѣстили о прибытіи Государя Императора и Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей. У входа во храмъ Государь былъ встрѣченъ духовенствомъ съ крестомъ и св. водою. По окончаніи службы Его Величество изволилъ отправиться въ приготовленную для него квартиру въ частномъ домѣ, такъ какъ помѣщеніе въ бахчисарайскомъ дворцѣ было занято подъ военные госпиталя.

Изъ Бахчисарая Государь изволилъ выѣхать для смотра полковъ 10-й пѣхотной дивизіи. Оставшись совершенно доволенъ бодрымъ видомъ солдатъ, Онъ вызвалъ впередъ офицеровъ.

— Я горѣлъ нетерпѣніемъ, сказалъ имъ Императоръ, видѣть храбрую крымскую армію.

Ура, ура! самое громкое было отвѣтомъ на столь лестныя и милостивыя слова Монарха.

Осмотрѣвъ войска, находившіяся въ Бахчисараѣ и его окрестностяхъ, Государь Императоръ, на слѣдующій день, изволилъ выѣхать въ Севастополь, въ сопровожденіи Великихъ Князей и главнокомандующаго. Онъ осматривалъ войска расположенныя на сѣверной сторонѣ города, объѣхалъ вновь взводимыя укрѣпленія и, доѣхавъ верхомъ до Волоховой башни, «обозрѣвалъ съ нея окрестную мѣстность, море и въ достославной борьбѣ погибшій городъ». За симъ Его Величество изволилъ произвести смотръ войскамъ, расположеннымъ на Инкерманскихъ высотахъ и Ме-

кензіевой горѣ. Объѣхавъ 11-ю пѣхотную дивизію и остановясь по срединѣ ея, онъ благодарилъ войска.

— Благодарю, ребята, за службу, воскликнулъ онъ, именемъ покойнаго Государя, именемъ отца Моего и вашего — благодарю васъ.

— Ура! ура! долго, долго гремѣвшее и заглушившее голосъ Царя, было ему отвѣтомъ.

— Я счастливъ, продолжалъ Государь, что имѣю возможность лично благодарить васъ за вашу геройскую службу; давно это было моимъ желаніемъ.

Не пересказать, что было посреди войскъ послѣ этихъ милостивыхъ словъ Монарха.

Сойдя съ лошади, Императоръ вторично пѣшкомъ обходилъ батальоны, разспрашивалъ георгіевскихъ кавалеровъ, за что именно и когда даны имъ кресты, справлялся о раненыхъ и удостоивалъ каждаго своимъ милостивымъ вниманіемъ. Подойдя къ Камчатскому полку, Государь замѣтилъ, что въ строю только одинъ батальонъ. Командующій полкомъ доложилъ, что второй батальонъ на аванпостахъ.

— Одинъ батальонъ камчатцевъ, замѣтилъ на это Государь—четырехъ стоитъ.

«Тутъ же, пишетъ очевидецъ, Его Величество изволилъ замѣтить подъ знаменемъ двухъ унтеръ-офицеровъ—старика и молодого, похожихъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды, богатырей весьма большаго роста, съ георгіевскими крестами, съ французскими саблями у пояса вмѣсто тесаковъ и пистолетами за поясомъ».

То были Михайловы — отецъ и сынъ, волонтеры изъ новгородскихъ военныхъ поселеній, добровольно пришедшіе на службу въ Севастополь. За отличную храбрость, они произведены были въ унтеръ-офицеры и пожалованы знакомъ отличія военнаго ордена.

— Отчего вы такъ вооружены? спросилъ Императоръ, замѣтивъ на нихъ французскія сабли.

— Намъ пожалованы сабли, отвѣчали Михайловы, княземъ *Васильчиковымъ*, за храбрость нашу.

— Вы волонтеры? изволилъ спросить Государь.

— Точно такъ, Ваше Императорское Величество, мы добровольно пришли въ Севастополь, желая умереть за Ваше Величество и за Вѣру православную.

— Спасибо вамъ за хорошій примѣръ, сказалъ Государь, спасибо вамъ; не забуду васъ, приходите ко мнѣ въ Петербургъ.

— Благодаримъ покорно, Ваше Императорское Величество, отвѣчали молодцы.

Послѣ церемоніальнаго марша Императоръ вызвалъ офицеровъ на средину дивизіи.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ имъ, за то, что вы всегда впереди.

Восторженные крики были отвѣтомъ на милостивыя слова Монарха.

— Не пощадимъ себя, Государь! кричали офицеры со всѣхъ сторонъ.

Осмотрѣвъ войска, расположенныя на рр. Альмѣ, Качѣ, Бельбекѣ, у перевала въ Байдарскую долину, и уѣзжая изъ Крыма, Императоръ осчастливилъ ихъ слѣдующимъ высокозамѣчательнымъ приказомъ отъ 31-го октября 1855 года.

«Храбрые воины крымской арміи! Приказомъ Моимъ отъ 30-го августа, Я выразилъ вамъ чувства, преисполняющія душу Мою искренней признательности къ заслугамъ вашимъ, увѣковѣчившимъ славу защиты Севастополя. Но сердцу Моему не достаточно было благодарить васъ заочно, за тѣ геройскіе подвиги мужества и самоотверженія, съ которыми вы, удивляя даже враговъ нашихъ, перенесли тяжкое время почти годовой осады. Здѣсь, среди васъ, желательно Мнѣ было изъявить вамъ чувства Моего къ вамъ благоволенія и искренней привязанности. Свиданіе съ вами доставило Мнѣ невыразимое удовольствіе, а блестящее состояніе, въ коемъ Я нашелъ войска крымской арміи, при произведенныхъ нынѣ смотрахъ, превзошли Мои ожиданія. Мнѣ отрадно было видѣть васъ и любоваться вами. Благодарю васъ отъ души за службу вашу, за подвиги, коими вы себя ознаменовали, за доблести ваши, твердо въ васъ укорененныя; они Мнѣ ручаются въ сохраненіи славы русскаго оружія и въ непрестанной го-

товности храбрости Моего войска жертвовать собою за Вѣру, Царя и Отечество.

Въ память знаменитой и славной обороны Севастополя, Я установилъ собственно для войскъ, защищавшихъ укрѣпленія, серебряную медаль на георгіевской лентѣ для ношенія въ петлицѣ.

«Да будетъ знакъ этотъ свидѣтельствовать о заслугахъ каждаго и вселять въ будущихъ сослуживцахъ вашихъ то высокое понятіе о долгѣ и чести, которое составляетъ непоколебимую опору Престола и Отечества.

Совокупное же изображеніе на медали Именъ: незабвеннаго Моего Родителя и Моего, да будетъ залогомъ чувствъ Нашихъ, одинаково къ вамъ благосклонныхъ, и да сохранитъ въ васъ на всегда нераздѣльную память объ Императорѣ *Николаѣ Павловичѣ* и о Мнѣ. Я вами горжусь, какъ Онъ вами гордился; какъ Онъ, ввѣряюсь вашей испытанной преданности и рвенію къ исполненію своего долга. Именемъ Его и Своимъ благодарю еще храбрыхъ защитниковъ Севастополя, благодарю всю армію».

Съ переходомъ нашихъ войскъ на сѣверную союзники не предпринимали ничего рѣшительнаго. Обѣ стороны, изрѣдка перестрѣливаясь, стояли другъ противъ друга. Въ это время между враждующими правительствами открылись переговоры о мирѣ, продолжавшіеся до марта 1856 года. Вскорѣ послѣ открытія мирныхъ переговоровъ, и именно 17-го февраля, было заключено перемиріе, по которому обѣ враждующія стороны прекратили военныя дѣйствія. 18-го марта 1856 года были подписаны мирныя условія — и война прекратилась.

——

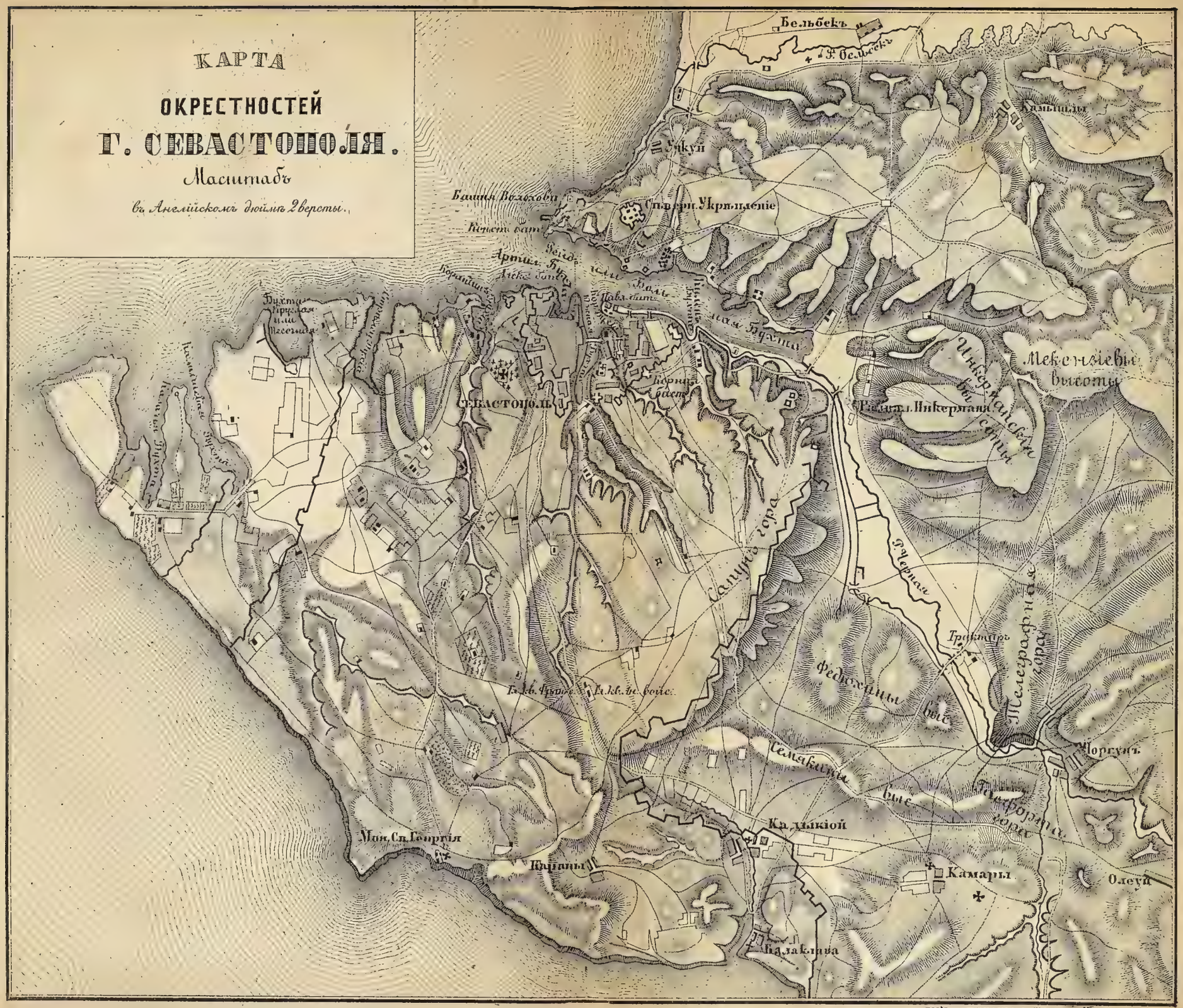
Шестнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ лежащій въ развалинахъ Севастополь своею исполинскою грудью двинулъ Россію на новый путь, проложенный ей волею Царя Освободителя. Крѣпчая съ каждымъ днемъ, отечество наше ушло далеко впередъ, въ этотъ краткій промежутокъ вре-

мени. Въ немъ все измѣнилось, одинъ только не измѣненъ тотъ городъ на сѣверной сторонѣ Севастополя, который населенъ доблестью смѣлыхъ сыновъ Россіи, городъ, извѣстный подъ именемъ *братскихъ могилъ*.

Тамъ, надъ кучею погребальныхъ холмовъ, стоитъ храмъ, а надъ нимъ превыше всего высится святой крестъ—залогъ мира и любви къ ближнему. Основаніемъ храму служатъ могилы доблестей, дорогія сердцу каждаго русскаго. Подъ своды столь священнаго храма стекаются и будутъ стекаться люди всѣхъ сословій и, вспоминая дивныя событія, озарившія наше отечество новою жизнію, съ благоговѣніемъ преклонятся передъ останками богатырей-воиновъ, сложившихъ свои головы за счастіе и благо родины. Дальній потомокъ слезою уваженія почтитъ память падшихъ героевъ и, смотря на ряды славныхъ могилъ, составляющихъ первую ступень къ свѣтлой будущности нашего отечества, повторитъ слова архіепископа *Иннокентія*: *падиницъ, мѣсто сіе свято есть!*

ОПЕЧАТКИ

стр.	*снизу*	*напечатано:*	*слѣдуетъ быть:*
42	4	баталіоны	батальоны
48	20	производила	производили
104	1	бросишись	бросившись



ЛИТ. СТЕПАНОВА БОЛЬШ. МЯСН. Д. № 14.

МОСКОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБЛАСТНАЯ